

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**КЫРГЫЗСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЖУСУПА БАЛАСАГЫНА**

На правах рукописи
УДК: 159.923.2(575.2)043

КАМЧЫБЕК УУЛУ МЫРЗАБЕК

**РАЗВИТИЕ САМОПОНИМАНИЯ ЛИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ КЫРГЫЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора психологических наук

Научный консультант:
доктор психологических наук,
профессор **Джакупов С.М.**

Бишкек - 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования феномена самопонимания и феномена идентичности. Теоретическое обоснование подхода «развития личностно-социальной сбалансированности» в изучении феномена самопонимания	26
1.1. Методологические основы и проблемы изучения самопонимания --	26
1.1.1. Научно-теоретический анализ проблемы изучения самопонимания в философии и социологии	26
1.1.2. Методологический анализ проблемы изучения самопонимания в психологии	34
1.2. Методологические основы и теоретические подходы к изучению феномена идентичности в психологии	54
1.2.1. Теоретические подходы к изучению феномена идентичности. Идентичность как конструкт	56
1.2.2. Научно-методологический анализ проблемы соотношения личной и социальной идентичности в психологии	92
Глава 2. Программа эмпирического исследования самопонимания личной и социальной идентичности в этнокультурных условиях суверенного Кыргызстана	111
2.1. Основные направления исследований этнонациональной идентичности кыргызов как форма социальной идентичности	111
2.2. Организация и ход проведения исследования самопонимания личной и социальной идентичности в этнокультурных условиях Кыргызстана (на примере представителей кыргызского, русского, казахского и узбекского этносов)--	144
Глава 3. Анализ и интерпретация результатов исследования самопонимания личной и социальной идентичности в этнокультурных условиях суверенного государства Кыргызстана	183
3.1. Психологический анализ самопонимания личной и социальной идентичности представителей кыргызского этноса в зависимости от социально-демографического статуса (пола, возраста, образования, семейного и социального положения, религии, дохода семьи) и места проживания респондентов	183
3.1.1. Общая характеристика самопонимания личной и социальной идентичности представителей кыргызского этноса в зависимости от социально-демографического статуса (пола, образования, семейного и социального положения, религии, дохода семьи) и места проживания респондентов ----	183
3.1.2. Сравнительный анализ и интерпретация самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана в зависимости от возраста.....	194
3.1.3. Факторная структура самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана	212

3.2. Сравнительный анализ самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса и других этнических групп проживающих в Кыргызстане	223
3.2.1. Сравнительный анализ самопонимания личной и социальной идентичности узбеков, русских, казахов, проживающих в Кыргызстане и титульного этноса в зависимости от социально-демографического статуса (пола, образования, семейного и социального положения, религии, дохода семьи) и места проживания респондентов	223
3.2.2. Сравнительный анализ и интерпретация самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана и других этносов, проживающих в Кыргызстане, в зависимости от возраста	238
3.2.3. Сравнительный анализ факторной структуры самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана и других этносов, проживающих в Кыргызстане	261
Глава 4. Общие положения концепции самопонимания личной и социальной идентичности в этнокультурных условиях суверенного государства Кыргызстана (в контексте глобализации и национального разграничения/демаркации)	283
Практические рекомендации	300
Заключение	304
Список использованных источников	311
Приложения	340

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Проблема самопонимания современным человеком своей личной и социальной идентичности обладает большой практической и концептуальной значимостью для многих научных дисциплин, прежде всего, таких как: общая психология, психология личности, социальная психология, этнопсихология, философия, социальная философия, социология, политология, педагогика, история, культурология, антропология и др. На современном этапе развития общества в условиях стремительного изменения политических, экономических, культурно-социологических, ценностно-смысловых основ жизнедеятельности и развития, часто происходит дестабилизация основ самопонимания своей личной и социальной идентичности, в особенности у молодых людей, проживающих в условиях государств относительно недавно получивших свою независимость, например, бывших советских республик, таких как Кыргызская Республика, Республика Казахстан, Республика Узбекистан, Украинская Республика. В этой связи становится все более частым, с одной стороны, обращение человека к своим историческим и культурным корням, а именно религии, этническим ценностям, истории и традициям этноса для укрепления независимости и единства своего молодого государства, для укрепления своего суверенного имиджа в мировом пространстве.

С другой стороны, в эпоху постоянных социальных трансформаций проблема развития самопонимания своей личной и социальной идентичности начинает требовать принципиально нового научного осмысления, с учетом понятия «времени» и постоянно меняющегося социального пространства как «среды» существования, предполагающей многообразие потенциальных идентичностей («возможных Я»), то есть наших воображаемых представлений о том, кем мы можем стать в будущем с учетом глобализации и трансформации общества. Именно «Возможные Я» обладают мотивирующей функцией и являются одновременно и изменчивыми, и устойчивыми, и их конкретное

содержание может постоянно пересматриваться, оказывая непосредственное влияние на самопонимание современного человека.

В XXI веке, в эпоху глобализации и многообразия культур, современный мир столкнулся с феноменом, названным учеными «этническим парадоксом современности», который ярко проявляется в «сочетании несочетаемого»: сосуществовании глобализационных процессов одновременно с повышенным вниманием и интересом к национальным обычаям и традициям этнической общности, что проявляется в усилении этнических чувств, повышении интереса к национальной истории и культуре, усилении значимости этнических различий в языке, религии, нормах, ценностях, обычаях, традициях, стереотипах, национальных символах, способах мышления и поведения людей.

Анализируя конфликты, нарастание противоречий, волн суверенизации этнонациональных групп, следует отметить, что угроза разрушения привычного образа жизни, материальной и духовной культуры и т.п. вызывает противодействие со стороны этнической общности или ее отдельного представителя, так как отказ от привычных ценностей порождает у него чувство второсортности. Этническая группа или отдельный представитель этноса может чувствовать себя дискриминированным по духовным показателям (притесняют религию, ограничивают возможности использования языка, не уважают обычаи и традиции), что с большой вероятностью может стать (и становится) причиной как этнических конфликтов, так и проблем религиозности, этнонациональной идентичности, самоотчужденности, самоидентичности, саморефлексии, самопонимания, что приводит в свою очередь к распространению националистической идеологии, ксенофобии, интолерантности и экстремизма в отношении «чужих этнических групп».

К сожалению, волны подобных конфликтов и противоречий на национальной почве только усугубляется на данный момент, как внутри относительно молодых суверенных государств, так порой и между бывшими союзническими республиками.

В этой связи особую актуальность приобретает проблема развития самопонимания современным человеком своей личной и социальной идентичности, а именно, с одной стороны, ценностно-смыслового аспекта своей жизни, саморефлексии, самоидентичности, своих мотивов, целей, действий, «Я-Концепции» и религиозного и политического поведения, с другой стороны, отношения и установок к своей и чужим группам, что способствует успешному формированию толерантности, симпатии к чужим группам, самопониманию своей этнической группы, взаимопониманию между разными народами, проживающими как в одной стране, так и за ее пределами.

Поэтому все больший интерес теоретиков и практиков вызывает проблема самопонимания отдельного этноса, отдельной нации в контексте глобализации и национального разграничения, становится всё более актуальной тема глобальной идентичности. В постсоветском пространстве эта проблема приобрела на данный момент особую актуальность, обусловленную разным отношением молодого и старшего поколения к современному развитию бывших советских республик, обусловленному во многом внутренними и внешними конфликтами интересов бывших союзных республик, этнический состав которых остался интернациональным.

В связи с этим наше исследование посвящено разработке теоретико-методологической модели развития самопонимания современным человеком своей личной и социальной идентичности, нахождения баланса между личной и социальной идентичностями в этнокультурных условиях суверенного государства, на примере Кыргызской Республики (КР).

В целом, актуальность проблемы исследования обусловлена необходимостью научного осмысления феноменологии и выявления закономерностей самопонимания современным человеком своей личной и социальной идентичности, нахождения между ними баланса в новых этнокультурных условиях молодого суверенного государства: представителей титульного этноса и представителей не титульных этносов, молодого и старшего

поколения титульного и представителей различных этносов, проживающих на территории суверенного государства Кыргызстан в постсоветский период.

Цель диссертационного исследования – разработать концептуальные основания нового научного этнопсихологического направления в социальной психологии, обеспечивающего возможность создания модели и структуры самопонимания личной и социальной идентичности, нахождения между ними баланса в этнокультурных условиях суверенного государства, на примере Кыргызской Республики (КР).

Объект исследования – самопонимание современным человеком своей личной и социальной идентичности, нахождение между ними баланса.

Предмет исследования – структура самопонимания современным человеком своей личной и социальной идентичности, нахождение баланса между ними в этнокультурных условиях суверенного государства, на примере Кыргызской Республики (КР).

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи исследования**: методологические:

– осуществить теоретико-методологический анализ, обеспечивающий переход от современных философских обобщений, от фундаментальных психологических теорий к более конкретной теоретико-феноменологической модели самопонимания личной и социальной идентичности, учитывающей нахождение баланса между ними, роли самопонимания в этом процессе и формирования Я-Идентичности (Я-Неидентичности) в результате установления баланса-дисбаланса между личной и социальной идентичностями, в этнокультурных условиях суверенного государства, на примере Кыргызской Республики (КР);

– обосновать актуальность подхода к анализу самопонимания Я-Идентичности в современном мире, через анализ сложной взаимосвязи между личной и социальной идентичностью, в которой процессы социальной идентификации и индивидуальной демаркации находятся в динамической взаимосвязи, тем самым способствуя, благодаря самопониманию баланса личной

и социальной идентичности, формированию/дальнейшему развитию Я-Идентичности. Теоретические:

- провести систематизацию и анализ теоретических представлений и результатов эмпирических исследований феномена самопонимания и конструкта идентичности в психологической науке с целью постановки проблемы и разработки нового теоретико-методологического подхода к исследованию самопонимания личной и социальной идентичности и их соотношения;

- в рамках нового теоретико-методологического подхода установить соотношение понятий «самопонимание – личная и социальная идентичность – самопонимание личной и социальной идентичности – самопонимание личной и социальной идентичности этнической группой – этническое самопонимание: нахождение баланса внутри этноса (личная идентичность) и с точки зрения отношения с другими (социальная идентичность) - Я-Идентичность»;

- проанализировать этнонациональную идентичность как форму социальной идентичности кыргызского народа;

- выявить и проанализировать проблемы аккультурации и интеграции кыргызского полиэтнического общества: толерантность, предрассудки и дискриминацию национальных меньшинств и их влияние на специфику самопонимания личной и социальной идентичности, нахождения баланса между ними;

- разработать модель самопонимания личной и социальной идентичности, позволяющую установить соотношение личной и социальной идентичности этнической группы, способствующую формированию/дальнейшему развитию Я-Идентичности. Эмпирические:

- провести адаптацию и модификацию на русскоязычной выборке, проживающих в Кыргызской Республике, методики исследования самопонимания личной и социальной идентичности, разработанной У. Шмидт-Дентером в рамках немецкого десятилетнего исследовательского проекта по изучению европейской идентичности, проведенного в ряде стран Европы;

- эмпирически выявить общие тенденции и закономерности самопонимания личной и социальной идентичности, их соотношения в современном кыргызском обществе;
- эмпирически исследовать содержательные характеристики самопонимания личной и социальной идентичности в современном кыргызском обществе с учетом: титульного этноса и других этнических групп, проживающих в КР, возраста опрошенных, наличия опыта проживания в СССР.

Теоретико-методологическая основа исследования.

Диссертация базируется на основополагающих методологических положениях и принципах: на принципах системности, детерминизма, историзма, а также аксиологическом подходе, согласно которому человек является высшей ценностью социального развития; на культурологическом подходе, в соответствии с которым самопонимание и идентичность рассматриваются как специфические, органические составляющие общечеловеческой культуры, на ситуационном подходе и др.

- теории социального конструктивизма и постмодернизма (работы Гоффмана И., Мида Дж., Барта Ф., Фогельсона Р., Джинкинса Р., Краппманна Л., Хабермаса Ю., Тэджфел Г., Тернер Дж., Брейкуэлл Г.) для исследования соотношения личной и социальной идентичности, где идентичность рассматривается как вариативное, подвижное производное от взаимодействия между индивидом и обществом;
- когнитивный компонент самопонимания идентичности (Дэймон В., Харт Д., Тэджфел Г., Тернер Дж.);
- подходы к понятию Я-Идентичность (Краппманн Л., Гоффман И., Харрельманн К., Брейкуэлл Г., Хабермас Ю., Ник П.);
- психология субъекта и субъектный подход (Рубинштейн С.Л., Ананьев Б.Г., Брушлинский А.В., Абульханова-Славская К.А., Анцыферова Л.И., Знаков В.В., Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А., Прохоров А.О.);
- психология человеческого бытия (Знаков В.В, Лабунская В.А., Шамионов Р.М.);

- субъектно-бытийный подход (Рябикина З.И., Ожигова Л.Н., Фоменко Г.Ю., Тиводар А.Р., Танасов Г.Г., Тучина О.Р., Берберян А.С.);
- психология понимания и самопонимания (Знаков В.В., Романова И.А., Минигалиева М.Р., Турок Е.М.);
- глобальная идентичность (Нестик Т.А., Бек У., Федотова Н.Н., Ковалева Ю.В., Журавлев А.Л.);
- концепции этнической идентичности (Солдатовой Г.У., Гриценко В.В., Хотинец В.Ю., Стефаненко Т.Г., Лебедевой Н.М., Татарко А.Н.);
- культурно-историческая концепция и роль этнического фактора в социальном взаимодействии народов (Выготский Л. С., Шпет Г. Г., Поршнев Б. Ф., Бромлей Ю. В., Гумилев Л. Н.);
- феномен самости (Янчук В.А., Weiner J.P., Davis H., Фрейд З., Корни Х., Эриксон Э., Фромм Э., Бахтин М.М., J. Bruner).
- феномен самоидентичности (Гидденс Э., Бьюдженталь Дж., Thoits P.A.).

Гипотезы исследования

Гипотезы теоретической части исследования

1) Теоретико-методологическим основанием для создания современной концепции самопонимания личности служит подход, основывающийся, с одной стороны, на идеях социального конструктивизма и постмодернизма, в котором достижение баланса между личной и социальной идентичностью позволяет интегрировать идентичность, позволяет развивать самоидентичность, с другой стороны, на субъектном подходе к личности, в котором самопонимание личности можно представить как процесс поиска и обретения идентичности, в контексте которого личность находит ценностные основания своего бытия в социокультурном контексте.

2) В рамках нашего комплексного подхода (в дальнейшем подхода развития личностно-социальной сбалансированности) самопонимание личной и социальной идентичности можно представить как *процесс* нахождения баланса между личной и социальной идентичностью, в контексте которого общечеловеческие ценности «Я-Идеального» (личная идентичность) и

позитивные установки в отношении чужих групп (социальная идентичность) играют центральную роль. В *результате* процесса самопонимания личной и социальной идентичности, нахождения между ними баланса происходит формирование/дальнейшее развитие Я-Идентичности/Неидентичности. Самопонимание личной и социальной идентичности в контексте подхода развития личностно-социальной сбалансированности представляет собой *процесс*, предполагающий выход за рамки этнического самопонимания, предполагающий формирование Я-Идентичности современного человека в условиях глобализации, при этом с учетом этнокультурных традиций и условий страны его проживания.

3) Содержательные характеристики самопонимания личной и социальной идентичности определяются возрастом, условиями конкретного общества и значимо различаются в условиях титульного этноса, других больших этнических групп, наличия социального опыта проживания при социалистическом режиме и в условиях независимости.

Гипотезы эмпирической части исследования:

Первая гипотеза. Мы предполагаем, что советский период развития Кыргызстана оказал существенное влияние на самопонимание как личной, так и социальной идентичности кыргызского этноса, что выразилось, прежде всего, в политическом и религиозном поведении и в отношении к другим (чужим) этническим группам.

Вторая гипотеза. Мы предполагаем, что структурные компоненты самопонимания личной и социальной идентичности современных представителей кыргызского этноса разного возраста значимо различаются между собой.

Третья гипотеза. Мы предполагаем, что опыт проживания в Кыргызской Советской Социалистической Республике оказал значимое влияние на самопонимание как личной, так и социальной идентичности современного кыргызского общества, как представителей титульного этноса Кыргызстана, так

и представителей других этносов и национальностей, проживающих в современном Кыргызстане.

Четвертая гипотеза. Мы предполагаем, что структура самопонимания титульного этноса Кыргызстана количественно и качественно различна по сравнению со структурой самопонимания личной и социальной идентичности других народов, проживающих в современном Кыргызстане.

Пятая гипотеза. Мы предполагаем, что существуют значимые различия структуры самопонимания своей личной и социальной идентичности между молодым и старшим поколениями, вне зависимости от принадлежности к титульному этносу или другой этнической группе, проживающей в Кыргызстане.

Положения выносимые на защиту:

1. Современная концепция самопонимания личности должна основываться на комплексном подходе, с одной стороны, на идеях социального конструктивизма и постмодернизма, в котором достижение баланса между личной и социальной идентичностью позволяет интегрировать идентичность, позволяет развивать самоидентичность, с другой стороны, на субъектном подходе к личности, в котором самопонимание личности можно представить как процесс поиска и обретения идентичности, в контексте которого личность находит ценностные основания своего бытия в социокультурном контексте.

2. В рамках разработанного нами комплексного подхода развития личностно-социальной сбалансированности разработан концепт «самопонимание личной и социальной идентичности». Самопонимание личной и социальной идентичности представляет собой процесс нахождения баланса между личной и социальной идентичностью, в контексте которого общечеловеческие ценности «Я-Идеального» (личная идентичность) и позитивные установки в отношении чужих групп (социальная идентичность) играют центральную роль. Самопонимание личной и социальной идентичности,

нахождение между ними баланса как результат данного процесса представляет собой формирование/дальнейшее развитие Я-Идентичности/Неидентичности.

3. Самопонимание личной и социальной идентичности в контексте разработанного нами подхода развития личностно-социальной сбалансированности позволяет выйти за рамки этнического самопонимания, предполагает формирование Я-Идентичности современного человека в условиях глобализации, при этом с учетом этнокультурных традиций и условий страны его проживания.

4. На основании разработанного нами подхода развития личностно-социальной сбалансированности разработана концепция самопонимания личной и социальной идентичности. Структура концепции имеет многомерное строение и представляет собой комплекс компонентов, относящихся к ним параметров и показателей, обеспечивающих возможность рассмотрения самопонимания личной и социальной идентичности, а также выявление закономерностей самопонимания своей личной и социальной идентичности в этнокультурных условиях молодого суверенного государства.

5. Разработанная теоретико-феноменологическая модель самопонимания личной и социальной идентичности соответствует разработанным нами теоретико-методологическим положениям подхода развития личностно-социальной сбалансированности и позволяет проанализировать особенности самопонимания личной и социальной идентичности в этнокультурных условиях молодого суверенного государства. Модель в своей теоретической части представляет систему утверждений, позволяющих выделить и концептуализировать феноменологию самопонимания личной и социальной идентичности. Самопонимание личной и социальной идентичности включает следующие компоненты:

- структурные компоненты самопонимания личной идентичности: «Я-Рефлексивное» (самовнимание, самокритика, стиль идентичности), «Я - Реальное» (самооценивание, Я-концепция, контроль убеждений), «Я -

Действующее» (политическое поведение и религиозное поведение) и «Я - Идеальное» (общие ценности и ценность работы);

- структурные компоненты самопонимания социальной идентичности подразделяются на «Чувство принадлежности к группам»: «идентификация с местом, страной и т. д.», «национальная гордость», «отношение к своей нации» и «отношение к ЕАЭС»; и «Установки в отношении чужих групп»: «симпатия к другим странам», «толерантность», «ксенофобия/филия».

- Феноменологическая часть модели позволяет представить особенности и различия самопонимания личностной и социальной идентичности в этнокультурных условиях суверенного государства (титульного этноса, других больших этнических групп), проживающих на территории молодого суверенного государства).

6. Эмпирическим выражением содержательных характеристик самопонимания личной и социальной идентичности является ряд структурных компонентов: «Я- Рефлексивное», «Я - Реальное», «Я - Действующее» и «Я - Идеальное» (самопонимания личной идентичности), «Чувство принадлежности к группам» и «Установки в отношении чужих групп» (самопонимания социальной идентичности), соотношение/сбалансированность/внутренняя согласованность между самопониманием личной и социальной идентичности, скрытая факторная структура самопонимания личной и социальной идентичности представителей титульного этноса и представителей других больших нетитульных групп, проживающих в этнокультурных условиях молодого суверенного государства, на примере Кыргызской Республики;

7. Содержательные характеристики самопонимания своей личной и социальной идентичности в этнокультурных условиях молодого суверенного государства определяются возрастом, условиями конкретного общества (на примере Кыргызской Республики) и значимо различаются в условиях титульного этноса и других больших этнических групп, наличия социального опыта проживания при социалистическом режиме и в условиях независимости.

8. Самопонимание своей личной и социальной идентичности в этнокультурных условиях молодого суверенного государства, на примере Кыргызской Республики, представляет собой нахождение баланса между личной и социальной идентичностями, формирование на основе такого самопонимания своей Я-Идентичности, фундаментом которой является формирование Я-Идеального: самоуважения и общечеловеческих ценностей: мира во всем мире, национальной безопасности (со стороны личной идентичности) и формирование позитивных установок в отношении чужих групп (уважительного отношения к чужим группам со стороны социальной идентичности). На основе такого самопонимания личной и социальной идентичности становится возможным формирование этнической идентичности как одного из аспектов сформированной Я-Идентичности как у представителей титульного этноса Кыргызстана, так и других больших этнических групп, проживающих в Кыргызской Республике.

9. Проживание в этнокультурных условиях суверенного государства, на примере Кыргызстана, оказывает, с одной стороны, сходное влияние на развитие самопонимания личной и социальной идентичности как у представителей титульного этноса Кыргызстана, так и у других больших этнических групп, проживающих в современном Кыргызстане, а именно Я-Идеальное и позитивная установка в отношении чужих групп играют центральную роль в формировании Я-Идентичности. При этом Я-Реальное (контроль убеждений) и установки в отношении чужих групп (ксенофилия-ксенофобия) играют более значимую роль в формировании Я-Идентичности у представителей нетитульных групп населения по сравнению с представителями титульного этноса.

10. Вопросы ксенофобии-ксенофилии, контроля убеждений нужно учитывать при развитии самопонимания личной и социальной идентичности, проживающих в Кыргызстане представителей других народов. Без нахождения баланса между Я-Идеальным и Я-Реальным, ксенофобией-ксенофилией процесс становления сбалансированной Я-Идентичности может быть крайне затруднен у

проживающих в Кыргызстане представителей других народов, что неминуемо приведет к этническим конфликтам, столкновениям на национальной почве.

11. Опыт проживания в Кыргызской Советской Социалистической Республике оказал значимое влияние на самопонимание как личной, так и социальной идентичности современного кыргызского общества, как представителей титульного этноса Кыргызстана, прежде всего, в политическом и религиозном поведении и в отношении к другим этническим группам, так и представителей других этносов, проживающих в современном Кыргызстане.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования.

Систематизация и анализ теоретических представлений и результатов эмпирических исследований феномена самопонимания в психологической науке выявили основные направления (в психологии развития, психологии познания, в консультативной психологии и психотерапии, в нарративной психологии) и тенденции исследования самопонимания личности (соответственно когнитивную, экзистенциальную, нарративную, субъектную) что позволило создать теоретико-методологическое основание исследования нового комплексного подхода – подхода развития личностно-социальной сбалансированности на основании, с одной стороны, идей социального конструктивизма и постмодернизма, в котором достижение баланса между личной и социальной идентичностью позволяет интегрировать идентичность, позволяет развивать самоидентичность, с другой стороны, на субъектном подходе к личности, в котором самопонимание личности можно представить как процесс поиска и обретения идентичности, в контексте которого личность находит ценностные основания своего бытия в социокультурном контексте.

Разработан новый подход развития личностно-социальной сбалансированности самопонимания, проверена его применимость; подход распространен на анализ самопонимания личной и социальной идентичности и нахождения между ними баланса в этнокультурных условиях суверенного государства (титульного этноса, других больших этнических групп,

проживающих на территории суверенного государства), что позволило получить следующие результаты.

- В рамках нового подхода разработан концепт «самопонимание личной и социальной идентичности». Самопонимание личной и социальной идентичности представлено как процесс нахождения баланса между личной и социальной идентичностью, в контексте которого общечеловеческие ценности «Я-Идеального» (личная идентичность) и позитивные установки в отношении чужих групп (социальная идентичность) играют центральную роль. Самопонимание личной и социальной идентичности, нахождение между ними баланса как результат данного процесса представляет собой формирование/дальнейшее развитие Я-Идентичности/Неидентичности.

- Определен и дополнен концепт «самопонимание личной и социальной идентичности», который включает в себя следующие компоненты: - структурные компоненты самопонимания личной идентичности: «Я-Рефлексивное» (самовнимание, самокритика, стиль идентичности), «Я - Реальное» (самооценивание, Я-концепция, контроль убеждений), «Я - Действующее» (политическое поведение и религиозное поведение) и «Я - Идеальное» (общие ценности и ценность работы); - структурные компоненты самопонимания социальной идентичности подразделяются на «Чувство принадлежности к группам»: «идентификация с местом, страной и т. д.», «национальная гордость», «отношение к своей нации» и «отношение к ЕАЭС»; и «Установки в отношении чужих групп»: «симпатия к другим странам», «толерантность», «ксенофобия/филия». В качестве отдельного дополнения и изменения европейского концепта «личной и социальной идентичности», разработанного в рамках проекта «Личная и социальная идентичность в контексте глобализации и национального разграничения», нами разработана многомерная модель, предполагающая демингеональные характеристики, а именно: по оси абсцисс: этнокультурное-социальное пространство/полиэтническое общество, по оси ординат: нахождение баланса между личной и социальной идентичностями (самопонимание соотношения

личной и социальной идентичности), третье измерение – Я-Идентичность (как результат процесса нахождения баланса между личной и социальной идентичностью), четвертое измерение – этническая самоидентичность;

- Уточнено и дополнено новым эмпирическим содержанием понятие «Я-Идентичность»: обосновано, что самопонимание личной и социальной идентичности в контексте разработанного нами подхода развития личностно-социальной сбалансированности позволяет выйти за рамки этнического самопонимания, предполагает формирование Я-Идентичности современного человека в условиях глобализации, при этом с учетом этнокультурных традиций и условий страны его проживания. Проведено обоснование особенностей развития Я-Идентичности в условиях суверенного государства, на примере, Кыргызской Республики; получены эмпирико-экспериментальные подтверждения.

- Обосновано и эмпирически подтверждено, что проживание в этнокультурных условиях суверенного государства, на примере Кыргызской Республики, оказывает, с одной стороны, сходное влияние на развитие самопонимания личной и социальной идентичности как у представителей титульного этноса Кыргызстана, так и у других больших этнических групп, проживающих в современном Кыргызстане, а именно Я-Идеальное и позитивная установка в отношении чужих групп играют центральную роль в формировании Я-Идентичности. При этом Я-Реальное (контроль убеждений) и установки в отношении чужих групп (ксенофилия-ксенофобия) играют более значимую роль в формировании Я-Идентичности у представителей нетитульных групп населения по сравнению с представителями титульного этноса;

- Разработана теоретико-феноменологическая модель самопонимания личной и социальной идентичности, соответствует разработанным нами теоретико-методологическим положениям подхода развития личностно-социальной сбалансированности и позволяет проанализировать особенности самопонимания личной и социальной идентичности в этнокультурных условиях суверенного государства. Модель в своей теоретической части представляет

систему утверждений, позволяющих выделить и концептуализировать феноменологию самопонимания личной и социальной идентичности.;

- Эмпирически выявлены и проанализированы содержательные характеристики самопонимания своей личной и социальной идентичности в этнокультурных условиях суверенного государства, определяются возрастом, условиями конкретного общества и значимо различаются в условиях титульного этноса и других больших этнических групп, наличия социального опыта проживания при социалистическом режиме и в условиях независимости;

- Выявлены с помощью факторного анализа общие ключевые латентные факторы структуры самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса и других больших нетитульных этнических групп Кыргызстана, а именно: общие и этнические ценности (самопонимания личной идентичности: самоуважение и национальная безопасность; свобода и мир во всем мире); симпатия к чужим странам: ближнего и дальнего зарубежья (самопонимания социальной идентичности) и самовнимание (Я-Рефлексивного самопонимания личной идентичности).

- Выявлены с помощью факторного анализа различные ключевые латентные факторы структуры самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса и других больших этнических групп Кыргызстана, а именно: самопонимание социальной идентичности: взаимосвязь контроля убеждений с высоким уровнем ксенофобии и низким уровнем ксенофилии (нетитульные этнические группы)/ у титульного этноса показатель ксенофилии/ксенофобии не присутствует в факторной структуре самопонимания; самопонимание личной идентичности: общая ценность: изменчивая жизнь (титульный этнос)/ совместное развитие с учетом этнических ценностей (нетитульные этнические группы); Я-Реальное (Я-Концепция): депрессивность: умение настоять на своем, позитивная самооценка и умение контролировать эмоции противостоят депрессии (титульный этнос)/ депрессивность, обусловленная высоким уровнем самокритики, низкой самооценкой, диффузным стилем идентичности и психосоматическими

жалобами; профессиональные амбиции: у титульного этноса связаны с ориентированным на нормы стилем идентичности, у других больших этнических групп нет взаимосвязи со стилем идентичности при этом отдельную роль играет политическая информированность Я-Действующего.

Практическая значимость исследования определяется тем, что изучение самопонимания личной и социальной идентичности в современном кыргызском обществе, разработка структуры самопонимания личной и социальной идентичности кыргызского этноса и других нетитульных этносов, проживающих в современном Кыргызстане, составляют научно-психологическую основу для развития и сохранения Я-Идентичности гражданина КР, принятия оптимальных решений по острым проблемам культурного, духовного, экономического, политического сосуществования и динамичного развития Кыргызской Республики в современный период развития.

Апробированные результаты исследования о закономерностях и специфике самопонимания личной и социальной идентичности в современном Кыргызстане, могут быть учтены при разработке и проведении социальной политики в сфере межнациональных отношений как в Кыргызской Республике, так и зарубежом, например, в рамках работы Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также использованы при корректировке концепции развития национальной школы, национальных кыргызских центров, с учетом необходимости нахождения баланса между самопониманием личной и социальной идентичности как профилактики возникновения националистических настроений в обществе.

Материалы диссертационного исследования в своей теоретической и эмпирической частях могут использоваться в качестве научно-методической основы в учебно-образовательном процессе, в содержании учебных пособий, спецкурсов, методических разработок, в социальных учреждениях для учета психологических особенностей представителей кыргызского этноса; для организации воспитательно-образовательной работы с детьми и молодежью

граждан Кыргызстана, обучающихся или работающих, как в самом Кыргызстане, так и зарубежом.

Предложенный адаптированный и практически апробированный инструментарий изучения самопонимания личной и социальной идентичности, может быть также использован для диагностики толерантности, ксенофобии/ксенофилии, что особенно важно для профилактики возникновения межэтнических конфликтов, которые уже возникали в КР в период ее независимости. Успешному достижению этих целей будут способствовать патриотическое воспитание детей и подростков, учитывающее необходимость формирования глобальной идентичности, о которой в нашей работе в частности идет речь.

Адаптированный опросник исследования самопонимания личной и социальной идентичности может быть также использован в научно-исследовательской работе, общей диагностической практике, а также практике индивидуального и семейного консультирования, в особенности межэтнических семей.

Предложенная в работе модель самопонимания личной и социальной идентичности может служить основой при создании адаптационных программ и тренингов межкультурной коммуникации, а также может быть использована в практике психологического консультирования, в практике решения межнациональных конфликтов.

Полученные в результате исследования данные могут использоваться при подготовке учебных курсов по социальной психологии, психологии личности, этнопсихологии, психологии общения, а также для создания научно-популярных ресурсов по проблематике глобальной идентичности.

Методы исследования

На различных этапах исследования и при решении отдельных исследовательских задач применялся широкий спектр конкретных методов сбора фактического материала и его обработки. Достоверность результатов и выводов исследования обеспечивалась использованием надежных и

апробированных в психологии методов исследования, взаимопроверкой результатов, получаемых методом опроса, а также применением методов математической статистики, содержательным анализом выявленных фактов и закономерностей теоретического анализа.

В исследовании использовался адаптированный и модифицированный на русский язык в рамках диссертационного исследования опросник «Личной и социальной идентичности» ОЛСИ (FPSI-K). Автор и разработчик опросника FPSI-K (Fragebogen zur Personalen und Sozialen Identität – Kurzform für Erwachsene, 2004): проф. др. У. Шмидт-Дентер (Психологический институт университета г. Кельна, Германия). Большинство шкал опросника FPSI-K – краткая форма были взяты из ранее опубликованных тестов У. Шмидт-Дентера. Опросник был разработан в рамках проекта У. Шмидт-Дентер «Личная и социальная идентичность в контексте глобализации и национального разграничения».

В целом, в работе были использованы следующие методы и методики:

– теоретические: теоретический анализ, сопоставление и обобщение теоретико-эмпирических исследований, интерпретация и реинтерпретация психологических трудов по проблеме исследования;

– эмпирико-экспериментальные: для апробации и проверки конструктивной валидности и внутренней согласованности (надежности) опросника «Личной и социальной идентичности» ОЛСИ (FPSI-K) были использованы следующие инструменты, ранее уже адаптированные и стандартизированные другими авторами на русскоязычных выборках испытуемых:

Опросник стилей идентичности М.Берзонски, адаптированный Е.П. Белинской & И.Д. Брониным; шкала депрессии Бека Beck-Depressions-Inventar (BDI) (в адаптации Тарабриной Н. В.); «Опросник уровня ксенофобии» (Юрасова Е.Н.); экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Солдатова Г.У., Кравцова О.А., Хухлаев О.Е.).

В эмпирическом исследовании особенностей самопонимания личной и социальной идентичности в условиях суверенного государства, на примере

Кыргызстана при математической обработке экспериментальных данных использовались непараметрические методы сравнения по критериям Манна-Уитни, Крускала – Уоллиса, корреляционный анализ Стьюдента и факторный анализ методом главных компонент с нормализацией по Кайзеру (использовался пакет статистических программ SPSS 23.0).

Эмпирическая база исследования.

С 2018 по 2019 гг. осуществлена серия теоретических и эмпирических исследований (в основном организационным методом поперечных срезов и комплексным методом; основным методом сбора данных был опрос), в процессе которых была проведена модификация и адаптация на русскоязычной выборке опросника «Личной и социальной идентичности» У. Шмидт-Дентера ОЛСИ (FPSI-K), в которых приняли участие более 120 человек. В исследовании особенностей самопонимания личной и социальной идентичности приняли участие 472 человека.

На первом этапе нашего исследования изучалась в целом структурная модель самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана. Основная часть исследования проводилась в Кыргызстане, в городах Бишкеке, Нарыне, Оше, в селах в январе-июле 2018г. Всего в исследовании приняли участие 315 представителей титульного этноса Кыргызстана, средний возраст участников исследования составил 39 лет, в исследовании приняли участие кыргызы от 17 до 81 лет (в последующем выборка исследования была разделена на три возрастные группы: 1 группа: 109 человек от 17 - до 29 лет, 2 группа: 106 человек от 30 – до 49 лет, 3 группа: 100 человек от 50 лет и старше. В данной экспериментальной выборке исследования по критерию пола составили: мужчины – 104 человека (33,02%), женщины – 211 человек (66,98%).

На втором этапе исследования также проводилось в Кыргызстане, в городах Бишкеке, Нарыне, Оше, в селах, основная часть исследования была проведена в январе-июле 2019 г. Всего в исследовании приняли участие 257 представителей не титульного этноса Кыргызстана (узбеков, русских и казахов,

проживающих в современном Кыргызстане), средний возраст участников контрольной выборки исследования составил 35 лет, в исследовании приняли участие узбеки, русские, казахи от 18 до 67 лет (в последующем выборка исследования была разделена на две возрастные группы: 1 группа: 96 человек до 30 лет, 2 группа: 161 человек от 30 лет и старше).

Контрольную группу выборки исследования составили по возрасту: 50 человек узбеков, 46 человек русских, 40 человек казахов до 30 лет, 57 человек узбеков, 59 человек русских и 65 человек казахов от 30 лет и старше. Контрольную выборку исследования по критерию пола составили: мужчины – 153 человека (46,5%), женщины – 164 человек (53,5%). Выборка исследования была поделена на группы, так как в исследовании изучалась также возрастная и гендерная специфика личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызской Республики и не титульных больших этнических групп (узбеки, русские, казахи), проживающих в Кыргызстане.

Надежность и достоверность результатов исследования подтверждается репрезентативностью выборки испытуемых и статистической значимостью различий между изучаемыми параметрами. При обработке результатов эмпирического исследования использовались методы корреляционного, факторного, непараметрического анализа данных, и другие инструменты статистического анализа (например, описательные статистики). Обоснованность результатов теоретического анализа вытекает из их содержательной валидности, экспериментального подтверждения, логической непротиворечивости и согласованности с данными других исследователей, подтверждается широкой апробацией результатов теоретических и эмпирических исследований на научных форумах, в научных организациях, в виде публикаций.

Апробация и внедрение результатов исследования. Материалы исследования, разработанная структурная модель самопонимания личной и социальной идентичности в условиях современного кыргызского общества, разработанные методические рекомендации и система социально-

психологического мониторинга развития самопонимания личной и социальной идентичности, и организация воспитательно-образовательной практики для детей и молодежи в современном Кыргызстане.

Полученные выводы, рекомендации и обобщения о психологических особенностях, специфике и закономерностях самопонимания личной и социальной идентичности в современном Кыргызстане, предложены для внедрения в образовательных центрах КР.

Результаты диссертационного исследования прошли необходимую апробацию. Промежуточные результаты исследований, итоговые выводы и обобщения, основные положения работы докладывались автором на зарубежных, международных, республиканских научно-практических конференциях, опубликованы в научных журналах, рекомендованных НАК КР; обсуждались на заседаниях кафедры и на методологическом семинаре института социально-гуманитарных наук Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына.

Полученные эмпирические данные использованы в учебном процессе в рамках учебных курсов. Были созданы научно-образовательный курс «Психология Я-Идентичности» для студентов гуманитарных направлений, а также научно-популярный курс «Мы разные, мы – кыргызстанцы». Результаты исследования активно используются в процессе создания электронного ресурса КНУ «Исследование толерантности студенческой молодежи».

Структура диссертации. Диссертация общим объемом 310 страниц включает в себя введение, четыре главы, практические рекомендации, заключение, а также список использованных источников и приложения. В работе 46 таблицы и 15 схем и рисунков.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА САМОПОНИМАНИЯ И ФЕНОМЕНА ИДЕНТИЧНОСТИ. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПОДХОДА “РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТНО-СОЦИАЛЬНОЙ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ” В ИЗУЧЕНИИ ФЕНОМЕНА САМОПОНИМАНИЯ

1.1. Методологические основы и проблемы изучения самопонимания

1.1.1. Научно-теоретический анализ проблемы изучения самопонимания в философии и социологии

Изучению и описанию феномена самопонимания посвящено не одно научное исследование. Психологи, философы, социологи, педагоги, культурологи, искусствоведы и другие представители гуманитарных наук затрагивали вопросы, связанные с изучением проблемы самопонимания, однако выделение этой проблемы в самостоятельную произошло далеко не сразу. Т.В. Степкина отмечает как временной период становления изучения проблемы самопонимания как самостоятельной, конец 90-х гг. XX в. [192]. Ее мнение разделяет О.Р. Тучина, отмечая при этом, что если в начале XXI в. исследований самопонимания в психологии было довольно немного, то ситуация стала стремительно изменяться и стали появляться не только новые эмпирические исследования, но и в целом новые направления изучения данного феномена именно в психологии [214].

При этом дефинирование этого понятия в современной психологии, в современных науках о человеке весьма неоднозначно, что приводит к существенным различиям в подходах и методах исследования феномена самопонимания (selfunderstanding). Поэтому раскрытие понятия самопонимания начнем с анализа основных подходов его изучения в философии.

Анализируя мировую философию, Д.Г. Трунов в своей работе с определённой долей условности выделяет четыре основных подхода к изучению самопонимания: 1. Метод самопонимания восточной философской традиции (буддизм, даосизм); 2. Классический (традиционный) метод самопонимания

европейской философской традиции; 3. Неклассический метод самопонимания европейской философской традиции; 4. Постмодернистская методология самопонимания [210].

С точки зрения буддийских философов принципиально познаваемый мир познаётся только через предел истины. В процессе познания должны быть отброшены, в конце концов, простые номинальные обозначения, осознана относительность дискурсивного познания и сделан шаг в направлении непосредственного видения мира. Истина высшего смысла непосредственно связана с реализацией нирванического состояния сознания, не допускающего субъект-объектных различий. Буддийская философия, не сомневаясь в важности и необходимости интеллектуальной составляющей самопонимания, рассматривает также на равных духовную практику созерцания (санскр. дхьяна, кит. чань, яп. дзен). Иными словами, только медитативное созерцание является условием адекватного познания, в том числе и самого себя.

Традиционный подход к самопониманию, существующий в европейской философской традиции, утверждал «Я» («сознание») как незыблемое основание познания вообще и самопознания в частности. Например, в философской системе Р. Декарта естественный свет разума рассматривался как обеспечивающий самоочевидность всего достоверного умозрительного знания. Разработанная им рационалистическая теория самосознания предполагала сведение сознания, прежде всего, к процессу мышления. При этом «*cogito*», призванное демонстрировать субстанциальную разнородность ума и тела, говорит о преобладании чистого «Я» над эмпирическим «Я», что является основой гносеологического эгоцентризма Р. Декарта [61].

В рамках неклассического подхода к самопониманию «Я» трактуется в виде субъекта, с одной стороны, деятельно преобразующего мир, а с другой детерминированного целым рядом факторов: социально-экономическими условиями (К. Маркс), «бессознательным» (З. Фрейд), языком (Л. Витгенштейн) [113].

Постмодернистский подход к самопониманию вовсе пытается ниспровергнуть «Я», понимая его как дискурсивный концепт (М. Фуко) [76] или как некий «привелигированный симптом» (Ж. Лакан) [76].

В философии Нового времени понятие рефлексии активно использовалось Р. Декартом, Дж. Локком, Д. Юмом, затем стало использоваться в философской антропологии Э. Кассирером, М. Шеллером, Х. Плеснером и феноменологии Э. Гуссерлем, Р. Ингарденом, М. Мерло-Понтием. Рефлексия часто понимается в философии как противоположный «внешнему», «продуктивному», «трансцендентному» восприятию акт, в некоторой степени даже разрушающий осознаваемое переживание [103].

Актуализация рефлексивной процедуры происходит благодаря присутствию «Другого». «Другой» как конкретный или обобщенный представитель социального окружения играет роль не только инициатора процесса самопознания, но и в дальнейшем принимает в нем активное участие в различных контекстах: как иной человек, как иное «Я», как «Иное». На важность роли другого человека в самопознании указывал еще Сократ в своих работах. В XX в. проблема рефлексии и самопознания активно рассматривалась в работах М. Хайдеггера, Э. Левинаса, Ж.П. Сартра, М. Бубера, М. М. Бахтина, М. Фуко и др. [367].

Здесь хотелось бы обратить особое внимание на важность роли рефлексии своей и иностранной культуры в концепции «Диалектика культурного самопознания» Г. Кёхлера (Hans Köchler). В его работе также затрагивается тема необходимости рефлексии для развития самопознания нации в целом [404].

На наш взгляд, являясь ярким представителем философии культуры XX и XXI вв., австрийский профессор философии Г. Кёхлер внес большой вклад в изучение феномена самопонимания в философии культуры и политологии, разработав концепцию «диалектики культурного самопонимания», которую впервые представил в 1974г. в Королевской академии наук в Иордании. Именно Г. Кехлер является не только предшественником нынешнего дискурса о диалоге цивилизаций, но и автором подхода «Культурного самопонимания народов»

(1974г.). В рамках нашего исследования самопонимания личности в современном кыргызском обществе философский подход Г. Кёхлера к самопониманию, к культурному самопониманию нации особенно важен и интересен.

Г. Кёхлер пишет о том, что «конкретное самопонимание культурного окружения, культурной эпохи всегда имеет два фундаментальных компонента, один нормативный и один описательный: поскольку он заключает в себе помимо простого утверждения «мы такие» практическую реализацию и пропаганду собственной культурной самореализации, выходящую за пределы идеологического осознания действий. Это относится как к отдельным лицам, так и к нациям...» [404, с. 76].

Культурное самопонимание - понятие внетематическое и всеобъемлющее по горизонту, охватываемых им отдельных явлений, оно всегда многомерно и может быть раскрыто, например, в отношении религиозных традиций, местных культурных традиций, фундаментальных этических вопросов, проблем, возникающих в результате социальной перестройки посредством новых технологий и т. д.

В своей работе «Культурное самопонимание и сосуществование: предпосылки для фундаментального диалога» Г. Кёхлер пишет о том, что самопонимание («собственное Самопонимание») возможно только через «понимание Другого»: здесь существует реальная взаимозависимость, одно не может быть реализовано без другого; только в отличие от других вещей, которые не принадлежат мне (в данном конкретном случае: иностранных культур), я могу полностью найти себя (могу полностью понять свою культуру), понять типичную для меня точку зрения и изучить ее в более широком (например, историческом, этнологическом) контексте [404].

Таким образом, общение с иностранными культурами является внутренним системным условием отраженного самопонимания. В конечном итоге формирование осознанного самопонимания, что важно как в плане теории, так и практики, становится возможным только при выходе из контекста условий

своего исторического горизонта, то есть при «конфронтации» с культурными системами и традициями, не принадлежащими к своему историческому кругу, только при резком разрыве герменевтического круга.

Диалектика культурного самопознания подчеркивает необходимость выхода за рамки своей собственной истории, в которых возможна только «встреча с самим собой», самопонимание становится возможным только при приобщении к этому процессу культур, находящихся за пределами (исторического) контекста [404].

На этом уровне понятие «развитие» может, вероятно, применяться только системно, показывая, как культура приближается к самоопределенным целям (идеалам) через конкретные формы выражения, в какой степени творческие возможности, уже предоставленные ей, были реализованы.

Таким образом, «развитие» может быть рассмотрено герменевтически только в контексте «истории влияний». За пределами этого контекста объективные (трансцендентные) ориентиры отсутствуют.

В данном контексте различия больше не являются причиной для шовинистических настроений, а являются предпосылкой для более глубокого понимания собственной позиции и, следовательно, являются возможной предпосылкой проявления нового аспекта культурной самореализации, что существенно снижает агрессию в межнациональных отношениях.

В целом, говоря об исследовании самосознания в философии самопознание часто называют «вечной» темой мировой философии, так как на протяжении всей истории философии феномен самопознания остается одним из самых важных и одновременно одним из самых трудных для понимания.

Далее рассмотрим современный подход в социологии к понятию «самопонимание». Для этого обратимся к работам известного американского социолога, профессора Калифорнийского университета Роджерса Брубейкера в своей книге «Этничность без групп», представляющей собой сборник статей, некоторые из которых написаны в соавторстве с другими учеными, рассматривает проблему использования в научной литературе таких базовых

категорий как «этничность», «идентичность», «самопонимание», «культура», «гражданский» и «этнический» национализм и ставит перед собой задачу уточнения объекта и предмета «этнических» исследований и их описательного языка (Brubaker R. [47; 298]).

На его взгляд, это необходимо в связи с тем, что терминологический аппарат перегружен, а смысловая нагрузка терминов размыта и неопределенна, а значит, использовать их для описания и понимания каких-либо явлений становится все более проблематично. Сам автор характеризует свою работу как «аналитический контрапункт к длительному этнографическому исследованию и как критическую реплику в современных теоретических спорах» (с. 14) и подкрепляет свои теоретические выводы результатами собственных (и не только) исследований [47].

Понятие «самопонимание» автор не только раскрывает в соотношении с понятиями социальная локализация, идентичность и категоризация, но и анализирует альтернативы применению термина идентичность, часто используемому в этнографических исследованиях.

Именно «самопонимание» как понятие является, по мнению Р. Брубейкера и Ф. Купера, альтернативным понятию «идентичности». Этот диспозиционный термин означает, на их взгляд, «ситуативную субъективность»: понимание человеком самого себя, своего социального положения и того, как (учитывая два первых фактора) он готов действовать [46]. В качестве диспозиционного термин «самопонимание» принадлежит, если воспользоваться характеристикой Пьера Бурдьё (Bourdieu [290]), к области *sens pratique*, практического смысла, одновременно когнитивного и эмоционального, который люди применяют к самим себе и к социальному миру. Р.Брубейкер и Ф.Купер подчеркивают, что термин «самопонимание» не предполагает характерного современного, или западного, понимания «себя» как однородной, ограниченной, унитарной сущности. Восприятие человеком самого себя может принимать много форм. Социальные процессы, через которые люди понимают себя и определяют свое место, в одних случаях предполагают кушетку

психоаналитика, а в других участие в культах одержимых духами. В некоторых обстоятельствах люди могут понимать и воспринимать себя как точку в сети пересекающихся категорий, а в других как часть сети связей различной близости и глубины [46].

Поэтому авторы рассматривают самопонимание и социальную локализованность во взаимосвязи, при этом подчеркивая, что ограниченная самость и ограниченная группа определяются конкретной культурой и не являются универсальными формами.

При этом авторы отмечают, «самопонимание» не может, конечно, выполнить всю работу, возложенную на «идентичность», выделяя три фактора, ограничивающих этот термин. Во-первых, «самопонимание» субъективный, самореферентный термин. Как таковой он обозначает собственное понимание человеком самого себя. Он не может схватывать понимания человека другими людьми, хотя внешние категоризации, идентификации и репрезентации могут играть решающую роль в определении того, как человек рассматривается и истолковывается другими, и даже в формировании у человека его понимания самого себя. В пределе самопонимания могут быть подавлены чрезвычайно принудительными внешними категоризациями. Во-вторых, «самопонимание» вроде бы должно быть связано преимущественно с когнитивным сознанием. Но при этом оно не должно улавливать или, по крайней мере, выдвигать на первый план - аффективные и энергийные процессы, предполагаемые некоторыми употреблениями термина «идентичность».

Однако самопонимание никогда не является чисто когнитивным; оно всегда аффективно окрашено или заряжено, и соответствующий термин, безусловно, может вмещать это аффективное измерение. И все-таки эмоциональная динамика, действительно, лучше схватывается термином «идентификация» (в его психодинамическом смысле). Наконец, в качестве термина, который обращен преимущественно к ситуативной субъективности, «самопонимание» не схватывает объективность, требуемую сильным пониманием «идентичности». Сильные объективистские концепции

идентичности позволяют отличить «истинную» (глубинную, неизменную и объективную) идентичность от «просто» самопонимания (поверхностного, колеблющегося и субъективного). Если идентичность нечто, что требуется открыть и относительно чего можно ошибаться, то преходящее самопонимание человека может не соответствовать его неизменной основополагающей идентичности. Сколь бы проблематичными с аналитической точки зрения ни были эти понятия глубинности, постоянства и объективности, они, по крайней мере, дают основание использовать язык идентичности, а не язык самопонимания [46].

Слабые концепции идентичности не дают такого основания. Когда разъясняется сама идентичность, она часто представляется как некое понимание человеком самого себя (того, кто он такой) (Berger [46], с. 162), или как самопостижение (Calhoun [46], с. 68), то есть как то, что может быть схвачено непосредственно путем «самопонимания».

По мнению Р.Брубейкера и Ф.Купера, у термина «самопонимание» отсутствуют теоретические претензии «идентичности», но это надо считать ценным качеством, а не помехой. При этом одна конкретная форма аффективно окрашенного самопонимания, которую часто называют «идентичностью» (особенно при обсуждении расы, религии, этничности, национализма, гендера, сексуальности, социальных движений и других феноменов, будто бы предполагающих коллективные идентичности) выделяется ими отдельно [46].

Важны и жестко группистские, и в большей степени свободные аффилиативные, и промежуточные по отношению к ним, этим полярным типам, формы самопонимания, но все они абсолютно по-разному формируют личный опыт и обуславливают социальные и политические действия. Вместо того чтобы смешивать все самопонимания, основанные на расе, религии, этничности и т.д., в огромном концептуальном плавильном котле «идентичности», полезно было бы использовать по мнению Р.Брубейкера и Ф.Купера термины «общность», «связанность» и «групповость». Следуя плодотворной мысли Тилли, что групповость есть общий продукт «принадлежностей» к категории и к сети

категориальной общности и реляционной связанности. В качестве усовершенствования им был предложен новый дополняющий элемент, который Макс Вебер назвал *Zusammengehörigkeitsgefühl* чувством со-принадлежности [46].

Таким образом, предлагая альтернативные группы терминов, авторы думали о выработке аналитического языка, предлагая несколько менее загруженных терминов, которые, по их мнению, способны взять на себя работу «идентичности». Это «идентификация», «категоризация», «самопознание» и «социальная локализация». Для нашей работы, носящей этнопсихологический характер, работа Р.Брубейкера особенно ценна. То, что было предложено и теоретически проанализировано как формы самопонимания в контексте понятий «социальная локализация», «категоризация», «идентификация», «общность», «связанность» и «групповость», а также «со-принадлежность» будет реализовываться нами в разработке структурной модели самопонимания, включающей характеристики как личной, так и социальной идентичности.

1.1.2. Методологический анализ проблемы изучения самопонимания в психологии

Перейдем к рассмотрению **психологического подхода** к изучению самопознания с наиболее значимых работ, разработанных в рамках психологии развития. **В мировой психологии**, анализируя исследования феномена самопонимания, можно выделить четыре основных направления: в психологии развития, психологии познания, консультативной психологии и психотерапии и нарративной психологии, изучающей связь повествования и личности (выделено по Степкиной Т.В. [192]).

В конце 70-х гг. американскими исследователями В. Деймоном и Д. Хартом были опубликованы первые статьи, посвященные самопониманию, в которых авторы рассматривали самопонимание как функцию социального познания у детей в процессе социализации, в структуре социальных взаимодействий, способствующих интеграции ребенка в общество [96; 321].

В своих работах ученые основываются на идеях У. Джемса о двух составляющих личности человека, а именно о «Я-познающем», «Я как субъекте» (то есть том аспекте личности, который организует и интерпретирует её опыт и в каждый отдельный момент осознает реальность, мир вокруг и внутри себя) и «Я-познаваемом», «Я как объекте» (то есть совокупности всего того, что человек называет своим, включая, прежде всего, его физические, социальные и духовные характеристики, определяющие уникальность его личности) [68; 96].

Ключевое понятие «самопонимание» определяется авторами как когнитивная репрезентация себя, интереса к себе и своей индивидуальности. Самопонимание, по мнению авторов, является комплексным понятием и создается из узнавания себя (например, в зеркале), самосознания, саморефлексии, самоопределения, самопознания.

Формирование самопонимания, образование понятия «Я» у ребёнка можно рассматривать в сравнении с процессами формирования других психологических понятий. Это положение основано на классических исследованиях (Л. С. Выготский [57; 58], Ж. Пиаже [457; 458], Дж. Брунер [303]) [96]. Собственно самопонимание представляет собой «понятие о Я». В. Деймон и Д. Харт пытаются проследить развитие этого понятия с детства до подросткового возраста [96; 321].

Самопонимание ребенка в процессе развития последовательно проходит через ряд уровней, в которых «Я» включается в социальные связи всё возрастающей сложности. На первом уровне «Я» состоит из отдельных категориальных идентификаций, имеющих только таксономическую ценность. На втором уровне - уровне «сравнительной оценки» «Я» определяется во взаимоотношениях с другими и по отношению к нормативным физическим и социальным стандартам. Действия и возможности личности сравниваются с действиями и возможностями реальных и воображаемых других. На следующем уровне уровне «межличностных взаимодействий» основное внимание уделяется природе и детерминантам социальных отношений личности и социальным взаимодействиям, таким как личностные черты или физическая

привлекательность. Самым высоким является уровень «систематических убеждений и планов». Самопонимание и самоидентификация личности базируются на её убеждениях и планах на будущее. Таким образом, самопонимание рассматривается В. Деймоном и Д. Хартом как одно из ключевых понятий личностного развития «понятие о Я», влияющее на уровень личностной зрелости и способности к самоактуализации.

В их авторской концепции понятие «самопонимание» не отделяется от другого родственного понятия – от понятия «самосознание» [96; 321]. На взгляд Т.В. Степкиной, основное отличие самопонимания от самопознания заключается в том, что оно показывает, как человек взаимодействует со знанием о себе. Самопознание имеет дело со сбором данных, накоплением и первичным анализом (например, категоризацией) информации о самом себе. Самопонимание же относится, скорее, к осмыслению этой информации, приданию ей смысла, к её анализу, интерпретации, рассмотрению возможных причин и следствий. На определенном этапе самопонимание становится объяснением «правды о себе» другому, например психотерапевту, иногда такое объяснение сохраняется в дневниковых записях (Степкина Т.В. [192]).

В рамках психологии развития основной акцент сделан на изучении самопонимания в детском и подростковом возрасте. Возможно, этот факт объясняет допустимость отождествления самопонимания с самосознанием и его продуктами, а именно «образом Я».

Так, в работе чешских ученых К. Блага и М. Шебек [35] самопонимание и образ себя рассматриваются как основные составляющие «Я-познаваемого» (которое, в свою очередь, выделяется в структуре «глобального Я» наряду с «Я-познающим» и «образом мира») (Знаков В.В. [83-89]). По мнению исследователей, содержание самопонимания и образа себя складывается из нескольких взаимосвязанных осей, каждая из которых постепенно возникает и развивается в процессе онтогенеза растущего человека и представляет собой «память» об отдельных жизненных впечатлениях и переживаниях субъекта или в более обобщенном виде суждений о себе. Например, «Я-есть» (1 год), «Я-умею,

«Я-познаю», «Я-хочу» (2 года), «У меня есть (Я-имею)» (3 года), «Идеал себя (каким бы Я хотел быть)», «Совесь (что можно и что нельзя)», «Половая идентификация (Я-мальчик/девочка)» (4 года), «Я школьник (внутреннее вживание в социальную роль)», «Я-товарищ» (6 лет) и т. д. К. Блага и М. Шебек [35] выдвигают идею о возможности трансформации «Я-образа» в самопонимание (Знаков В.В. [83-89]).

По мнению исследователей, образ себя складывается из ощущений и представлений человека и возникает с развитием внимания, а чем больше в формировании образа себя участвуют процессы мышления, тем больше образ себя становится самопониманием. Однако следует признать, что «Я-образ» это продукт самосознания, отражающий в основном внешние, эмоциональные и ситуативные представления человека о себе, а самопонимание это процесс, который позволяет строить, наполнять смыслом и корректировать эти представления. Следовательно, «Я-образ» никак не может стать самопониманием.

Исследование американского психолога С. Кук-Гройтер [120]), в отличие от рассмотренных выше исследований самопонимания в области психологии развития, посвящено изучению развития самопонимания не в детском и подростковом возрасте, а в период зрелости человека (Знаков В.В. [83-89]).

Развитие личности, по мнению ученого, представляет собой последовательность стадий самопонимания, в основе которых лежат стадии развития личности, причем для каждой такой стадии характерны своя структура и способы самопонимания. С. Кук-Гройтер [120]) выделяет и описывает три высшие стадии развития личности взрослых людей старше 26 лет: автономную, самосознания и универсальную.

На автономной стадии человек стремится «достичь предела своих возможностей» и фокусирует своё внимание на «самореализации, самоактуализации, создании комплексного, непротиворечивого и объективного представления о себе, на том, чтобы быть «собой в максимальной степени». Самопонимание на этой стадии достигается размышлением, тщательным

рациональным анализом, дополненным интуицией и эмоциями, и интеграцией человеком своего опыта, а его структура формируется из степени автономности, большого количества социальных ролей, глубиной чувства «Я» и некоторых других переменных, включенных в описание человеком самого себя.

На следующей стадии - стадии самосознания личность, как отмечает С. Кук-Грейтер, исследует свои мыслительные процессы и установки и привносит смысл в свой собственный опыт. Основное внимание направляется на «Я» как процесс и смысло-порождающий центр. В структуру самопонимания на данной стадии входит сложная матрица самоидентификаций и в то же время знание о том, как она устроена.

И наконец, целью последней - универсальной стадии, по мнению С. Кук-Гройтер, является просто «бытие». «Я» на этой стадии описывается как непрерывный поток, трансформация, а основным способом самопонимания становится медитация, наблюдение за непрерывным потоком изменений, субъективный опыт непосредственного познания глубинной реальности вне символов [120]).

Анализируя работу С. Кук-Гройтер Т. В. Степкина отмечает необычность его точки зрения на самопонимание, когда оно вплотную связывается с состоянием сознания и даже трактуется в духе восточных медитативных практик, что позволило С. Кук-Гройтер подчеркнуть роль данного психологического феномена в духовном развитии личности, которое не ограничивается уровнем её самоактуализации [192]).

При исследовании самопонимания С. Кук-Гройтер обращает также внимание на то, что чем более личность дифференцирована, тем больше элементов и разнообразных источников она может одновременно перерабатывать и интегрировать в целостную смысловую структуру. На самых высоких уровнях в качестве элементов могут выступать целые структуры знания или опыта, связанные между собой и образующие новую целостность. Внутри этой целостности, как полагает исследователь, и происходит динамическое взаимодействие между «Я-концепцией» и окружающим миром [120; 192]).

Таким образом, справедливы утверждения о том, что, во-первых, самопонимание осуществляется на основе дифференциации представлений человека о себе, что приводит его личность к структурированности и целостности своего «Я», во-вторых, самопонимание носит уровневый характер, и на самых высоких его уровнях происходит образование многосвязанной структуры или переструктурирование представлений о себе, и, в-третьих, самопонимание способствует согласованию продуктов самосознания и реальности.

В целом, исследование С. Кук-Гройтер, несмотря на отсутствие в нем хорошо проработанного определения самопонимания, которое позволило бы отделить данное психологическое явление от других составляющих личности человека, вносит существенный вклад в изучение проблемы самопонимания.

В российской психологии сложилась традиция изучения феномена самопонимания в контексте исследования собственно проблемы понимания. Понимание здесь традиционно рассматривается как «мыслительная процедура, направленная не на получение нового знания, а на смыслообразование, приписывание смысла знанию, полученному в процессе мыслительной деятельности» (Кон И. С. [116]).

Трактовка самопонимания как процесса и результата нахождения смысла, в том числе и смысла своих поступков, отношений с окружающим миром, выводит исследования данного феномена на более высокий уровень. В. В. Знаков пишет: «С позиции психологии человеческого бытия понимание нужно человеку для того, чтобы понять себя, определить, что он есть, какое место занимает в мире. В конечном счете, смысл нашего бытия действительно состоит в понимании, а главное предназначение субъекта искать смысл жизни и понимать её. Понимая мир, человек должен понять себя не как объект, а осознать изнутри, с позиций смысла своего существования» (Знаков В. В. [83]).

Начало изучению самопонимания в российской школе психологии было положено Л. С. Выготским, который подчеркивал строгую зависимость понимания себя от развития мышления: «... Понимание действительности,

понимание других и понимание себя вот что приносит с собой мышление в понятиях» (Выготский Л. С. [57, с. 67]). В период подросткового становления личности происходит переход от комплексного мышления, характерного в основном для ребенка раннего возраста, к мышлению в понятиях, которое приводит к пониманию действительности, пониманию других и пониманию себя. Таким образом, понимание себя, своего внутреннего мира развивается и оформляется, с точки зрения Л. С. Выготского, только в подростковом возрасте вместе с образованием понятий.

Рассмотрению самопонимания в качестве основной характеристики процесса социализации посвящены исследования Л. И. Божович. Понимание самого себя, своих потребностей и возможностей, понимание своего места в социуме и своего назначения в жизни, характеризует, по её мнению, самоопределение личности, выступающее в качестве основного новообразования подросткового возраста. Таким образом, самопонимание может быть рассмотрено в качестве основной характеристики процесса социализации в онтогенезе ребенка (Божович Л. И. [37, С. 128-144]).

Рассматривая проблемы психологии человеческого бытия, В. В. Знаков в качестве основных взаимообусловленных понятий в контексте рассматриваемых вопросов называет понимание и самопонимание, причем подчеркивает взаимозаменяемость данных понятий. Определяя самопонимание как «процесс и результат наблюдения и объяснения человеком своих мыслей и чувств, мотивов поведения; умение обнаруживать смысл поступков; способность отвечать на каузальные вопросы относительно своего характера, мировоззрения, а также отношения к себе и другим людям», исследователь указывает на причинно-следственный характер понимания человеком объективной реальности внешнего мира и своего внутреннего мира: «Понимая мир, человек должен понять себя» (Знаков В.В., [83, с. 13]).

Мнение В. В. Знакова о том, что понимание одновременно является самопониманием, считается весьма спорным. В.В. Знаков видит причину неоднозначности трактовки данного понятия в «различии, неодинаковости

ситуаций человеческого бытия, оказывающихся объектом исследований психологов» [83, с. 15]. Он выделяет три основных типа понимания, соответствующих разным научным традициям в психологических исследованиях, обусловленных особенностями целей, методов и результатов психологического анализа: когнитивное, нарративное и экзистенциальное.

Когнитивная традиция основана на убеждении исследователей в существовании единой для всех внешней реальности, которая является объектом отражения, целью и результатом когнитивного исследования является получение объективного достоверного знания о психологии людей, закономерности познания реальности часто отражаются в моделях. Такой тип понимания Знаков называет «понимание-знание», отмечая, что существуют ситуации человеческого бытия, к которым неприменимо понимание-знание.

Герменевтическая традиция ориентирована на ценностно-смысловую интерпретацию действительности, феномен понимания рассматривается через ценностное отношение к понимаемому объекту. Понимая мир как объективную реальность, человек выстраивает определенную иерархическую систему ценностей этой реальности, более того, принимает эту ценностную систему как данность, как заданность. Понимая себя, смысл своего существования, своих поступков, переживаний, высказываний, человек структурирует смысловую информацию о себе в виде субъективной системы ценностей личности. Для выработки стратегии поведения, взаимодействия и отношений личности с окружающей действительностью человек вынужден либо адаптировать собственные ценностные ориентации к общепринятым (как конформист), либо абстрагироваться от них (как нонконформист), либо строить отношения по принципам гармонии, т. е. с принятием двоякой системы ценностей. Данный тип понимания ученый определяет как «понимание-интерпретация», порождение субъектом смысла понимаемого, включающее потенциальную возможность разных типов интерпретации понимаемого.

Экзистенциальная традиция исследования психической реальности проявляется в направленности ученых на анализ вариантов порождения опыта,

имеющего смысл для субъекта. В основе экзистенциальной точки зрения на понимание лежит мысль о трудности, неуловимости интеллектуального постижения истины. Данный тип понимания Знаков трактует как «понимание-постижение» ситуаций человеческого бытия, отмечая, что феномен постижения является «неотъемлемой частью человеческого бытия, экзистенции, не поддающейся рефлексивному анализу» (Знаков В.В. [89]).

Анализируя научный материал, О.Р. Тучина выделила также эти три основных направления исследования феномена самопонимания, соответствующих выделенным и описанным В.В.Знаковым [88]) традициям исследования понимания: когнитивное, нарративное и экзистенциальное (Тучина О.Р. [213]).

Когнитивная традиция исследования самопонимание реализуется, по мнению О.Р. Тучиной, в следующих научных направлениях: психологии развития, психологии познания, психоанализе, бихевиористском подходе, психологии интеллекта. В психологии развития наиболее разработанной является концепция самопонимания В. Дэймона и Д. Харта (Damon, Hart [321]), о которой мы говорили уже выше.

Второе направление исследований данного феномена в русле когнитивной традиции связано с психологией познания. В этом направлении феномен самопонимания рассматривается, главным образом, как особая форма или уровень самосознания. Самопонимание как когнитивная репрезентация себя рассматривается в работах М. Дымковского, Б. Браун, Я. Козелецкого, К. Седикидеса и Дж. Сковронского. Авторы, работающие в рамках этого направления, не делают различий между самопониманием и самопознанием и описывают это интегральное понятие как систему автосхем, то есть хорошо организованных структур знания о себе. Автосхемы имеют двойственную природу, будучи одновременно и процессом и структурой, гипотезой или моделью, сопоставляемой с поступающей информацией (Романова И.А. [173]).

Когнитивная традиция исследования понимания характерна и для теории самопонимания Дэрила Бема, выступающего с необихевиористских позиций, в

которой он утверждает, что человек начинает понимать то, что делает, лишь понаблюдав за собственным поведением и признав его непродуктивным (Росс Л., Нисбетт Р. [174]). Самопонимание, таким образом, сводится к осознанию причин уже совершенных поступков, ставших объектом самоанализа. Соответственно, самопонимание – это создание модели «продуктивного» поведения на основе анализа «непродуктивного».

Психоаналитическое направление рассматривает самопонимание как важнейший фактор, позволяющий субъекту изменяться в процессе взаимодействия с психоаналитиком. Еще З. Фрейд в своих ранних работах отмечал, что задачей терапии является превращение бессознательного в сознательное, чтобы узнать правду о собственном поведении и мотивации. Большинство психологических симптомов, по его мнению, коренится в недостаточном понимании себя, неведении относительно своих истинных мотивов и эмоций (Фрейд З. [222; 223]). Когнитивная традиция в исследовании самопонимания проявляется в убеждении психоаналитика в том, что клиент скрывает от себя свои истинные мотивы и эмоции и стремится помочь их осознать. Главный способ достижения самопонимания работа с защитными механизмами клиента, препятствующими преодолению внутреннего конфликта и личностному росту.

Еще один психологический конструкт, сходный с конструктом «самопонимание», и активно используемый в психоаналитической терапии, называется «Psychological Mindedness» (PM), что переводится как психологический склад мышления, предрасположенность к психологизации и является концепцией, которая описывает индивидуальную способность человека наблюдать и описывать свою внутреннюю психическую жизнь, увязывать внешние и внутренние события, склонность к самоанализу, самонаблюдению.

Аппельбаум сомневается в возможности обучения PM, он пишет, что «PM зависит от конституционных или других ранних развития структур в той же степени, как зависит овладение высоким музыкальным мастерством от наличия основных музыкальных способностей» (Appelbaum S.A., [261, с. 40]). Эту точку

зрения поддерживают многие психотерапевты, рассматривая РМ в первую очередь как инструмент определения, какие пациенты были пригодны для динамически ориентированной психотерапии (Boylan M.B. [291]).

Еще одним когнитивным направлением изучения самопонимания О.Р. Тучина считает исследования в рамках метакогнитивного подхода, где сформировалось понятие о классе регулятивных метапроцессов как особой подструктуре системы переработки информации, послужившее основой для создания современной когнитивной парадигмы исследований интеллектуальных способностей. В российской науке активно разрабатывается концепция метакогнитивного опыта (Холодная М.А., Карпов А.В., Кашапов М.М., Савин Е.Ю., Скворцова Ю.В.). Структура метакогнитивного интеллектуального опыта описывает взаимодействие сознания и кратковременной памяти, которое разделяется на произвольный и непроизвольный контроли, метакогнитивную осведомленность и открытую познавательную позицию [215]).

К признакам метакогнитивной осведомленности относят 1) Знание своих интеллектуальных качеств (памяти, мышления, способности решать проблемы) и интеллектуальной деятельности (закономерности мышления, запоминания, правила мышления и т.п.); 2) Умение оценивать свои индивидуальные качества на уровне «плохой-хороший», «недостаточный-достаточный», самопринятие; 3) Готовность использовать приемы стимулирования и настройки работы собственного интеллекта. Таким образом, метакогнитивную осведомленность можно рассматривать как особую форма ментального опыта, характеризующую уровень и тип интроспективных представлений человека о своих индивидуальных интеллектуальных ресурсах (Холодная М.А. [231]).

Благодаря метакогнитивной осведомленности человеческий интеллект обретает способность к когнитивному мониторингу, интроспективному отслеживанию и коррекции протекания своей интеллектуальной деятельности.

К направлению, изучающему самопонимание как когнитивный феномен, О.Р. Тучина относит и концепцию самопонимания Б.В. Кайгородова и его последователей (Романова О. В., Монахова И. А., Протасова Н.И., Меснянкина

Н.Г., Борисова Е.В., Степкина Т. В. и др.). Самопонимание, по мнению Б. В. Кайгородова, имеет сложную структуру, которая определяется интеграцией двух его сторон (Кайгородов Б.В. [96]). С одной стороны, структура самопонимания может быть представлена тремя взаимосвязанными между собой компонентами: потребностно-мотивационным (системообразующим), когнитивным и эмоционально-волевым. Однако, при ближайшем рассмотрении в его исследованиях доминирующим компонентом оказывается именно когнитивный.

По мнению Б. В. Кайгородова, самопонимание может быть определено как «постижение человеком смысла своего существования, в результате которого происходит когнитивное и эмоциональное согласование продуктов самосознания и реальности» (Знаков В.В. [86, с. 34]). При этом продуктами самосознания приняты «Я-образ» и «Я-концепция», а реальностью названы различные моменты жизнедеятельности человека, по отношению к которым он выступает как субъект.

Становление самопонимания происходит по нескольким направлениям: 1) открытие и осмысление своего внутреннего мира, когда начинается анализ своих эмоций не как производных от внешних событий, а как состояния своего «Я», и проявляется чувство своей особенности, непохожести на других; 2) появляется способность осмысления необратимости времени, понимание конечности своего существования (именно это понимание заставляет задуматься о смысле жизни, о своих перспективах, о своем будущем, о значении самого себя для общества, для самого себя), осмысление своих целей, жизненных устремлений, сущности и смысла самой личности, своего бытия; 3) формируется целостное и ценностное представление знаний о самом себе, отношений к себе, причем самопонимание не только выступает как характеристика анализа особенностей своего тела, внешности, привлекательности; осмысляются знания о себе в зависимости от конкретного случая, связанного с анализом собственных морально-психологических, интеллектуальных качеств.

По мнению О.Р. Тучиной, Б. В. Кайгородов фактически отождествляет самопонимание с «образом Я», системой представлений человека о себе. Однако,

как полагает О.Р. Тучина, самопонимание не тождественно представлению человека о себе, «Образ Я» является результатом самовосприятия и самокатегоризации, а не самопонимания. Представление о себе должно быть осмыслено субъектом, при чем, таким образом, чтобы оно оказалось размещенным и определенным в пространстве доступных ему культурных смыслов [215]).

Нарративная традиция исследования самопонимания реализуется, прежде всего, в нарративной психологии, которая проводит аналогию между пониманием текста и пониманием человеком самого себя, собственного поведения и событий своей жизни.

Принципиальным положением нарративного подхода к исследованию «я», которое разделяют и представители социального конструкционизма, является рассмотрение «я» как продукта совместного со-конструирования в сообществе (community). Фокусом нарративного исследования часто становятся дискурсы (как формы социальной практики, выраженные в языке), преломляющиеся в конкретных историях человеческой идентичности (жизненных историях (lifestory) или я-нарративах (selfnarrative)). В эмпирической исследовательской деятельности это делает актуальным обращение к биографическому и квази-биографическому материалу, к разного рода речевой продукции или любым проявлениям человека, которые можно рассматривать как некоторый текст (McAdams D.P. [215]).

Самопонимание в нарративной психологии рассматривается как создание «текста» о самом себе, непрерывная самоинтерпретация (исследования Джерджена К.Дж., Д.П. Макадамса, Г.Херманса, Х. Левина, Т. Сарбина). По словам Майкла Уайта, люди осмысливают свою жизнь через истории (Жорняк Е.С. [78]). Согласно Уайту, нарративная терапия сфокусирована на том, как люди выражают свой опыт. Эти выражения опыта, переживания мира или жизни, есть акты интерпретации (через язык), посредством которых люди придают смысл своему опыту и делают его понятным для себя и для других.

Таким образом, люди формируют и переформируют свою жизнь через выражения опыта, через истории. Истории, циркулирующие в сообществе, являются источниками норм и эталонов, с которыми человек постоянно себя сравнивает, и очень часто именно подобное сравнение является важным источником возникновения и поддержания проблем.

По мнению О.Р. Тучиной, нарративный подход «извлекает» проблемы из людей и размещает их в культурном ландшафте. Основным положением нарративного подхода к исследованию самопонимания является рассмотрение данного феномена как продукта совместного со-конструирования в сообществе. Самопонимание сводит воедино различные аспекты Я, и является, таким образом, способом организации личного опыта [215].

К нарративному подходу можно также отнести феномен автобиографической памяти (АП), изученный В.В. Нурковой, который в некоторых аспектах совпадает с понятием «самопонимание». Нуркова рассматривает АП как «высшую мнемическую функцию, организованную по смысловому принципу, оперирующую с личностно отнесенным опытом, которая обеспечивает формирование субъективной истории личного прошлого и переживание себя как уникального протяженного во времени субъекта жизненного пути» [155; 156].

Нуркова выделяет ряд специфических функций АП, среди которых есть и экзистенциальные, к которым относятся формирование идентичности, процесс периодизации личностью этапов своего жизненного пути и рефлексии ключевых моментов в собственном развитии, осознание уникальности своей жизни, самопознание посредством автобиографического анализа, определение смысла жизни, самоопределение в координатах истории и культуры, осознание временной протяженности (историчности) личности, функция экзистенциальной интеграции личности.

Выделенные В.В. Нурковой экзистенциальные функции автобиографической памяти во многом совпадают с представлением о

самопонимании в нарративном подходе, являясь способом организации личного опыта, формирования и поддержания идентичности [155].

Таким образом, самопонимание в нарративной традиции рассматривается как непрерывная самоинтерпретация, происходящая в определенном социальном и культурном контексте.

Экзистенциальная традиция исследования самопонимания рассматривается в экзистенциально-гуманистической психологии, в феноменолого-герменевтическом направлении, смысловой теории личности. В гуманистической терапии психологические проблемы клиентов трактуются как результат незнания себя, поэтому терапевтический процесс рассматривается как поиск самопонимания.

В одной из методологических работ Карл Роджерс выделил три основных пути получения знаний в психологии: субъективное познание, объективное познание, межличностное познание. Суть субъективного познания, по Роджерсу, в том, что новое знание человек приобретает, обращаясь к собственной внутренней «индивидуальной системе координат»: сначала «я формирую внутреннюю гипотезу, опираясь на мой личный опыт», а затем и проверяет ее, спрашивая себя, обращаясь к моему внутреннему опыту и переживаниям, которые помогут ответить на данный вопрос [171; 172].

Наибольшее значение субъективный путь познания имеет для постижения субъективных аспектов жизни человека. А понимание именно этих субъективных аспектов человеческой жизни, как отмечает С.Л. Братченко, «есть главный с точки зрения экзистенциально-гуманистической психологии смысл понимания человека (и другого, и, тем более себя)» [41-44].

Американский психотерапевт Г. Л. Лэндрет рассматривает самопонимание как одно из ключевых понятий в игровой терапии, основанной на клиент-центрированном подходе К. Роджерса. С точки зрения, Г. Л. Лэндрета, деятельность терапевта и система его отношений с ребенком во многом будут зависеть от того, умеет ли он понимать себя и свой внутренний мир, то есть может ли он «разобраться в собственных мотивах, потребностях, белых пятнах,

колебаниях, противоречиях, выделить зоны эмоциональных проблем и свои сильные стороны» [136]. Из этого следует, что путь к пониманию другого человека лежит, прежде всего, через понимание самого себя.

Поиск самопонимания лежит в основе экзистенциальной психотерапии Бюдженяля. По мнению ученого, у каждого человека есть потенциал осознать свою жизнь, понять ее и предпринять конструктивные шаги на пути к тому, чтобы жить более аутентично, больше стать самим собой. Для этого важно не потерять из виду проблемы онтологического, экзистенциального уровня те «базовые вопросы», которые жизнь ставит перед каждым человеком: «Кто и что я есть? Что такое этот мир, в котором я живу?» (Bugental J.F.T. [305-307]).

Способность человека к экзистенциальному поиску через осмысление своего бытия содержит в себе различные возможности как уменьшения, так и увеличения «препятствий для аутентичной жизни». И хотя, как считает Бюдженяль, этот поиск сам по себе является процессом, исцеляющим и развивающим, но далеко не всякие полученные в результате ответы ведут к «экзистенциальной эмансипации» возможности «продвинуться в действительно новом способе бытия», свободном от жестких идентификаций, «идеализированных образов» и т.п.

Таким образом, самопонимание в экзистенциальном анализе рассматривается как условие бытия, процесс понимания собственной экзистенции, предполагающее знание себя, подход к себе, и, прежде всего, отношения к себе. Оно развивается не в виде теоретической операции, а как действие человека с самим собой, где основным является задача обхождения с самим собой, ощущения себя в собственной уникальной ситуации, понимание собственного экзистенциального предназначения, понимания, каким индивид может и хочет быть. Основное условие самопонимания диалог, причем беседа в рамках самопознания предполагает не только встречу с другим, но также имеет своим назначением побуждать диалог внутренний.

Экзистенциальный аспект самопонимания в феноменолого-герменевтического направлении представлен работами исследователей В.И.

Пузько [169-170], Т.М. Буякас [52], А.А. Пузырей. Рассматривается самопонимание как «процесс и результат нахождения смысла, опосредованный символами, знаками и текстами» [168, с.41]. Также самопонимание рассматривается как опосредованная возможность понимания себя, выявление личностного смысла в символически выраженном проекте – произведении, поступках. Самопонимание в психотерапии данного направления это «двусторонний ход навстречу, диалогическая встреча в событии друг другу» [167, с. 278].

Таким образом, в феноменолого-герменевтическом направлении изучения самопонимания данный феномен рассматривается как способ изменения смысловой сферы субъекта, нахождения личностного смысла посредством целенаправленной работы с символами, основным механизмом самопонимания является при этом переживание.

Основополагающей для исследования самой О.Р. Тучиной выступила интеграция разработок субъектного подхода (Брушлинский А.В., Абульханова К.А., Знаков В.В., Рябикина З.И. и др.), позволившая разработать новый подход к самопониманию и его содержательным характеристикам. Субъектный подход акцентирует внимание на изначально активной роли социализируемого индивида (Брушлинский А. В. [48; 49]) и на взаимной имплицитности бытия и человека (Рубинштейн С.Л. [175]), а также на свойственной человеку как субъекту способности порождать новые формы бытия, объективируя в нем свое субъективное (Рябикина З.И. [177-180]).

Субъектно-бытийный подход к личности как продолжение и развитие субъектного подхода акцентирует внимание на способности человека изменять внешнее по законам внутреннего, переустраивать бытие в соответствии со структурой сложившихся личностных смыслов, т.е. так преобразовывать реальность внешнего мира, что он становится следствием объективирования субъективного, продолжением личности (Рябикина З.И. [180], Фоменко Г.Ю., Ожигова Л.Н. [159], Бурмистрова-Савенкова А.В., Удачина П.Ю. и др.). Здесь бытие не только выступает внешней причиной, обуславливающей становление

личности и ее функционирование, но пространства бытия личности непосредственно включаются в ее организацию. Категория «бытийное пространство личности» характеризует многомерность бытия человека, предполагает рассмотрение его как целостности, интегрирующей все аспекты и обусловленной целостностью личности, реализующий личностный смысл в создании и переустройстве бытия.

Таким образом, по мнению О.Р. Тучиной, субъектно-бытийный подход к личности открывает перспективы новой интерпретации феноменов бытия, по отношению к которым личность выступает субъектом [212].

В рамках субъектного подхода самопонимание личности можно представить как процесс поиска и обретения идентичности, в контексте которого личность находит ценностные основания своего бытия в социокультурном контексте. Самопонимание как результат данного процесса представляет собой ценностно-смысловой конструкт, выражающий понимание, объяснение и принятие субъектом мира и самого себя. Самопонимание личностью этнокультурной идентичности в контексте субъектного подхода представляет собой процесс освоения личностью нормативно-ценностного потенциала этнокультурной традиции и построение собственных смыслов в рамках этой традиции.

Содержательные характеристики самопонимания личностью этнокультурной идентичности определяются условиями бытия этнической группы и значимо различаются в условиях большого титульного этноса, малого интегрированного этноса, диаспоры.

Таким образом, проведенный выше анализ научной литературы свидетельствует о значительном интересе к проблеме самопонимания человека, изучению его природы, динамики и связи с другими составляющими личности как в философии, социологии, так и психологии. Следует обратить внимание на то, что, обращаясь к проблеме самопонимания, исследователи оперировали понятием, которое было определено в каждой из наук и подходов по-разному. Это, в свою очередь, привело к отождествлению самопонимания с другими

родственными ему понятиями, к замене одного понятия другим. Одной из классификаций основных подходов к изучению феномена самопонимания в российской психологии являются: когнитивное, нарративное, экзистенциальное и субъектно-бытийный. В мировой психологии, анализируя исследования феномена самопонимания, можно выделить четыре основных направления: в психологии развития, психологии познания, консультативной психологии и психотерапии и нарративной психологии.

Одной из тенденций исследования самопонимания является переход от когнитивной парадигмы к экзистенциальной и нарративной. Основными направлениями исследования феномена самопонимания, соответствующим выделенным и описанным В.В.Знаковым традициям исследования понимания являются, прежде всего, когнитивное и экзистенциально-герменевтическое.

Проведенный анализ основных тенденций исследования феномена самопонимания в современной психологии позволил выявить основное противоречие в исследовании данного феномена: между когнитивными аспектами, механизмами самопонимания и экзистенциальными, бытийными его аспектами. Так, когнитивная традиция исследования самопонимания ориентирована на исследование процесса и результата создания человеком комплексного, непротиворечивого представления о себе.

При этом в работах, относящихся к данному направлению, самопонимание становится синонимом Я-концепции, самосознания, самовосприятия, образа «Я», а закономерности развития самопонимания не всегда относятся именно к пониманию себя, они описывают роль когнитивной саморепрезентации во всех ее формах в развитии личности. Исследования, относящиеся к данному направлению, описывают феноменологию самопонимания, почти не затрагивая его основных, базовых характеристик, в первую очередь его роль в придании смысла человеческому опыту, знанию о себе и мире в целом.

В свою очередь, экзистенциально-герменевтическая традиция исследования самопонимания ориентирована на изучение того, как происходит понимание собственного экзистенциального предназначения человека.

Герменевтический подход, рассматриваемый как метод в рамках данной традиции, трактует самопонимание как непрерывную самоинтерпретацию, происходящая в определенном социальном и культурном контексте. Данная традиция направлена на исследование анализа вариантов порождения опыта, имеющего смысл для субъекта, не познание, а «переживание» личностью окружающего мира и себя в нем, то есть не рассматривает человека как активно познающего и преобразующего мир субъекта, что ограничивает возможности данной традиции в исследовании феномена самопонимания.

В субъектном подходе делается попытка разрешить противоречие в исследовании самопонимания в когнитивной и экзистенциально-герменевтической традиции. В данном подходе, где акцентируется стремление личности организовать свое бытие в соответствии со структурой своих личностных смыслов, важным аспектом реализации потребности личности в аутентичном бытии является процесс самопонимания, который можно рассматривать как процесс одновременного рационального познания себя и переживания личностью окружающего мира и себя в нем, поиск ценностных оснований бытия личности в конкретном бытийном пространстве.

Самопонимание как результат данного процесса представляет собой ценностно-смысловой конструкт, выражающий понимание, объяснение субъектом мира и самого себя и переживание личностью окружающего мира и себя в нем. Формирование самопонимания происходит посредством взаимодействия и изменения когнитивных репрезентаций себя в мире и экзистенциального опыта субъекта, приобретаемого им в разнообразных ситуациях человеческого бытия и структурируемых в единое целое в виде нарратива.

Итоговый сравнительный анализ психологического подхода к определению феномена «самопонимание», проведенного нами в рамках диссертационного исследования, представлен в таблицах №1 и №2 (смотри приложение 1,2).

Таким образом, нами были рассмотрены методологические основы и проблемы изучения самопонимания в философии, социологии и психологии как в рамках западной, так и отечественной традиций изучения феномена «самопонимания». В западной психологической традиции при изучении феномена «самопонимание» выделяется четыре отрасли психологического знания, в рамках которых по-разному раскрывается понятие самопонимание: психология развития, психология познания, консультативная психология и психотерапия и нарративная психология. В отечественной психологической традиции выделяются четыре основных подхода к исследованию феномена самопонимания: когнитивный, нарративный, экзистенциально-герменевтический и субъектно-бытийный.

1.2. Методологические основы и теоретические подходы к изучению феномена идентичности в психологии

Проблематику идентичности универсализировал Э. Эриксон в работе «Идентичность: юность и кризис», а сам термин «идентичность» ввел Фрейд при описании механизмов действия интериоризации при формировании Супер-Эго. Таким образом, возникновение дискурса идентичности в узком смысле его понимания связывается с традицией психоанализа, где идентификация первоначально понималась как процесс подражания чему-либо, а затем была переистолкована как процесс переживания субъектом той или иной степени слияния с объектом. Эриксон связывал идентичность с переживанием индивидом себя как целого и определял ее как делящееся внутреннее равенство с собой в непрерывности самопереживаний индивида, и ввел понятие «кризиса идентичности», понимая последний как сопровождающий человека на каждой стадии культурного становления личности в векторе движения во времени жизни [245-246; 337-338].

Как отмечает Л.Б. Шнейдер, большинство исследователей трактуют идентичность как результат некоего процесса (самопознания, самопонимания, отождествления, идентификации-отчуждения и т. п.) и подчеркивают ее

экзистенциальный характер наряду с функциональным. Исследователь выделить три уровня представленности термина «идентичность» в языке 1) уровень очевидности или рационалистический, он отражает целостность, неделимость, «натуральность» личности как интегративное свойство человек таков, каким он кажется, 2) понятийный, он отражает конкретно-научное содержание, определяемое исследователями, представляет степень соответствия человека группе, полу, этносу, роду и др., 3) глубинный или иррациональный, он отражает самость, вещь в себе, основывается на признании иллюзорности человеческого самосознания, необходимости разотождествления сознания с любым наличным содержанием, критике любых форм самоидентификации человека в сфере сущего. Современные исследователи рассматривают идентичность и как чувство, и как сумму знаний о себе, и как поведенческое единство, те она выступает как сложный интегративный психологический феномен [242-243].

Современные исследователи ставят вопрос: можно ли просто заменить термин «самосознание» на термин «идентичность»? С одной точки зрения, идентичность и самосознание – тождественные понятия, «обозначающие психический феномен, связанный с определенностью человека в мире либо с какой-то из частей этого мира» (Ожигова Л.Н. [159, с. 45]), при этом идентичность определяется как часть личности, как сложное интегративное образование, включенное в структуру личности и несущее в себе отражение закономерности развития и функционирования личности. Личность же является вершиной многомерных идентификаций личности (гендерной, профессиональной, этнической и т. д.), обеспечивая их согласование и целостность человека.

Другая точка зрения состоит в том, что, будучи в некоторой степени эквивалентами термины «самосознание» и «идентичность» не являются взаимозаменяемыми и абсолютно тождественными понятиями, поскольку значение понятия «идентичность» связано с его многомерностью как интегративного психологического феномена, обеспечивающего человеку целостность, тождественность и определенность. Соответственно «сущность

идентичности есть синтез всех характеристик человека в уникальную структуру, которая определяется и изменяется (переструктурируется) в результате субъективной прагматической ориентации в постоянно меняющейся среде» (Шнейдер Л.Б. [242, с. 12]).

Таким образом, в классическом и неклассическом подходах к проблеме идентичности она рассматривается как особая интегрирующая структуры личности, функцией которой является ответственность за устойчивость Я во времени и пространстве, а также результат, достигаемый с помощью этой структуры личности, выполняющей функцию идентификации. Как показано в исследовании О.В. Лукьянова, идентичность понималась преимущественно предметно, как «продукт и форма психического отражения действительности, схема самосознания, результат рефлексии, форма репрезентации подсознательных процессов, средство сохранения устойчивости, структура опосредования сущности и поведения» [130, с. 19].

В связи с масштабным кризисом идентичности, характерным для человека второй половины XX столетия, возникла проблема становления идентичности (Г.М. Андреева, Т.М. Буякас, А.В. Кузьмин, М.В. Заковоротная, П.С. Гуревич, А. Тоффлер). Ряд авторов (А.А. Брудный, В.Е. Клочко, О.В. Лукьянов) утверждает, что становление идентичности уже не является только процессом преодоления кризисов, но и «элементом повседневности, и элементом онтогенеза, и элементом филогенеза человека» [130, с. 19].

1.2.1. Теоретические подходы к изучению феномена идентичности.

Идентичность как конструкт

В данном параграфе будут представлены отдельные определения идентичности, которые должны проиллюстрировать нам всю сложность категоризации или решения проблемы идентичности. Категоризация концепции идентичности и истории развития, происхождения термина «идентичность» важны для раскрытия тематики настоящей работы.

Наконец, модели и теории идентичности (например, Fend H. [345]; Haubert K. [377]; Tajfel H. & Turner J.C. [517]) также предназначены для раскрытия понимания терминов личностной и социальной идентичности, что необходимо для решения задач нашего исследования.

Общий обзор. Начиная с начала 21 века тема «идентичности» активно обсуждается как в научных, так и в научно-популярных кругах. Например, в научно-популярном журнале «Психология сегодня» проблема идентичности была затронута сразу дважды и рассматривалась одновременно с диаметрально разных точек зрения (в 2002-2003 гг.). Хольгер Платта (Platta H. [461]) в своем эссе «Кто я?» (июнь 2002 г.) предупреждал, что создаваемые обществом идеи идентичности (например, из ток-шоу знаменитостей) способны лишить нас уверенности в себе. А Ульффрид Гейтер (Geuter U. [360]) говорил в своей статье «Это я! Или?» (Октябрь 2003 г.), повторяя философа Дитера Тома из Санкт-Галлена, об «отсутствии идентичности» в современном мире. Оба автора разработали разные определения термина «идентичность», признавая, что существует множество различных подходов к ее определению.

В рамках классического философского подхода («философия тождества»), где мир предстает как целостное единство, открытое для рационального познания, идентичность является прозрачной предпосылкой для понимания целостного единства мира. Бытие и мысль человека пребывают в гармонии, человек укоренен в четком миропорядке, отождествляя себя с некой «абсолютной точкой».

В постнеклассической философии, где мир уже не предстает целостной и закономерной системой, а человек не просто абстрактный представитель своего рода, но укоренен в ситуации, традиции, жизненном мире идентичность рассматривается тотальность, проявляющуюся в виде сил природы, а затем в обществе в виде системы, которая властвует над единичным и над субъектом (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Э. Левинас, Т. Адорно). Постструктуралистское направление (Деррида, Делез, археологические реконструкции и концепция

«власти-знания» Фуко; идеи симулякра Бодрийяра и шизоанализа Делеза и Гваттари), сосредоточивается на исследовании проблем распада идентичности.

Х. Платта (2002) также предложил различные определения термина «идентичность» в своем исследовании. Слово идентичность, на его взгляд, представляет собой соединение слов «здоровье» и «счастье», концепцию автономии и индивидуальности, слово, которое должно описать человеческую силу и целостность, выражение, с которым большинство людей связывают безопасность и самореализацию, подлинность и самооценку - и, наконец, что не менее важно, осмысленность или смысл (Platta H. [461, с. 50]).

В противовес этому U. Geuter [360] ссылается на наиболее известные определения идентичности Э. Эриксона [245-246; 337-338] и Х. Кеуппа (Keupp H., например, [399]). Так, согласно Э. Эриксону, он говорит [339] о чувстве, которое возникает у человека в результате наблюдения «равенства и непрерывности во времени» в себе и в других, а также в соответствии с H. Keupp et al. [401] говорит о «специальной конструкции пэчворка».

Однако, он также приводит результаты исследования, сравнивающего между собой ГДР и ФРГ (см. Göschel A. [365]) по пониманию идентичности между разными поколениями. На Западе потребительское и индивидуалистическое общество говорит о важности идентичности, прежде всего, как источника «отличия от других». С другой стороны, на коллективистском Востоке, где семья и друзья, а не потребительские товары были в центре внимания, понятие идентичности рассматривалось как «надежное ядро/основание, которое должны развивать в себе как отдельные люди, так и общества в целом» (Geuter U. [360], Bellah R.N. [269]).

U. Geuter [360] также цитирует многих постмодернистских психологов и социологов (например, Гергена, Баумана, Сеннета, Туркла, Вельцера, Гугуцера) и их определения идентичности, и, наконец, цитирует врачей (таких как исследователя мозга Рота и невролога Сакса) с их экспериментальными решениями проблемы определения идентичности.

Но все эти рассуждения не дают обычному человеку ответа на основной вопрос «Кто я?». Наконец, U. Geuter [360] в соответствии с определением, предложенным Н. Кеурр [398] так называемой «работой над идентичностью» утверждает, что «над идентичностью нужно (должно) работать каждый день и всю жизнь». И с точки зрения групповой принадлежности индивида, Castells определяет коллективную идентичность как локальную, этническую, национальную или религиозную принадлежность. Глобализация и упадок власти государств в нашем мире являются косвенными причинами исключения одних теми, кто исключает сам себя из общества, что часто приводит к ксенофобии с ее самыми разными проявлениями [397].

U. Geuter [360] в работе психоаналитика V. Volkan [547] упоминает, что в настоящее время групповая идентичность часто основана на этнической принадлежности, но, в конце концов, она является, как и личная идентичность, структурированной конструкцией.

«Вопрос идентичности также возникает у народов, наций или международных сообществ. При поиске ответов может быть полезным понять существующие искажения, которые делают этот вопрос столь актуальным сегодня» (Geuter U. [360, с. 29],). Для эмпирического изучения этого вопроса, необходимо сначала создать теоретическую основу или, по крайней мере, попытаться уточнить терминологию, которая будет обсуждаться нами ниже в отношении идентичности в целом, а также сопряженных процессов (например, развития или сохранения идентичности) и процессов разграничения (например, между личной и социальной идентичностью).

Понятие «идентичность». Раскрытие темы идентичности связано с трудностями терминологии. Де Левита (Levita D.J. de [415, с. 9]) утверждал, что «... понятие идентичности имеет столько же значений, сколько существует теорий, которые его используют ...», что может привести к путанице в понятиях. Уже в конце 1960-х годов Т. Парсонс (Parsons T. [452]) говорил о том, что термин «идентичность» стал модным словом.

В то время он использовался главным образом в социальной психологии как термин «специалист высокого уровня/мастер своего дела», также широкие круги интеллектуалов использовали его, что для Т. Парсонса [452] было симптомом напряженности в меняющихся социальных структурах. Также современное социологическое движение с такими представителями, как З. Фрейд, Е. Дюркгейм и М. Вебер, использовали этот термин в самых разных контекстах.

В рамках классического философского подхода («философия тождества»), где мир предстает как целостное единство, открытое для рационального познания, идентичность является прозрачной предпосылкой для понимания целостного единства мира. Бытие и мысль человека пребывают в гармонии, человек укоренен в четком миропорядке, отождествляя себя с некой «абсолютной точкой».

В постнеклассической философии, где мир уже не предстает целостной и закономерной системой, а человек не просто абстрактный представитель своего рода, но укоренен в ситуации, традиции, жизненном мире идентичность рассматривается тотальность, проявляющуюся в виде сил природы, а затем в обществе в виде системы, которая властвует над единичным и над субъектом (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Э. Левинас, Т. Адорно). Постструктуралистское направление (Деррида, Делез, археологические реконструкции и концепция «власти-знания» Фуко; идеи симулякра Бодрийяра и шизоанализа Делеза и Гваттари), сосредоточивается на исследовании проблем распада идентичности.

Очень ярко О. Marquard [433] представил проблемы концепции идентичности: тематика «идентичности» испытывает «трудности с идентичностью»: в настоящее время ее инфляционное развитие не только приводит к результатам, но и путанице. В большей степени выражение: все течет, все меняется, является верным в случае идентичности.

Таким образом, контуры проблемы идентичности становятся размытыми; это превращается в проблемное облако с неясным, туманным контуром:

обсуждения идентичности становятся слепым полетом с высоким риском столкновения (Marquard O., [433, с. 347]).

Н. Кеурп [398] говорят в этом контексте о противоречивой природе чрезвычайно разных концепций. С. Уилберг (Wilberg, S. [558, с. 5]) формулирует трудности терминологии следующим образом: «Неконтролируемая эволюция наложила свой отпечаток на формирование концепции идентичности». Он пытается решить проблему, используя синонимы, связанные с этим понятием, понятия «я-сам», «эго-идентичность», «образ себя», «самооценка» и «самовосприятие».

Такого же мнения придерживается Р. Лохав [424], который заявляет: нынешняя ситуация гораздо более запутанная, в ней используются различные определения и термины. Это связано с тем, что психология, социальная психология, социология, философия и история имеют разные значения, научные традиции и теоретические подходы к этому термину, с другой стороны, вопрос уверенности в себе уже полон подводных камней (Lochauß P., [424, с. 27]).

Випперманн (Wippermann, C. [560]) проанализировал многие определения и теории идентичности за последние 40 лет, У. Пёрнбахер (Pörnbacher, U. [464]) проанализировал даже те, что были даны за последние 70 лет. Но при этом они утверждают, что одного универсального определения не существует. Такой же точки зрения придерживается и П. Ник (Nick, P. [447]), рассматривающий концепцию идентичности в мультикультурном обществе с социологической точки зрения и, следовательно, определяющий концепцию идентичности в зависимости от дифференцированного опыта в современном индивидуализированном и глобализированном мире.

По его мнению, классическая концепция идентичности слишком узко сформулирована, чтобы играть предполагаемую ключевую роль в современных социальных дискурсах, и поэтому следует руководствоваться концепциями идентичности в рамках рефлексивной социальной психологии (см., например, Lochauß P. [424]; Keupp H. & Höfer R. [396]; Straub J. [509]).

В задачу нашей работы не входит перечисление всех определений идентичности, их сравнение, оценка или критика, нами проводится этот анализ, прежде всего, для выяснения предмета исследования.

Остановимся только на нескольких определениях идентичности. Brockhaus [389, т. 3, с. 703] определял идентичность как: «подлинность человека или вещи, существование кого-либо или чего-либо как определенного индивида, безошибочное, ... чувство постоянного единства человека с собственными идеями, непрерывность и тождественность эго воспринимаются как постоянные».

В одной из последних (онлайн) версий отмечается: понятие идентичности может быть получено от латинского *identitas* (то есть, равенство) или от латинского *idem* (то есть, того же самого). Таким образом, это понятие находит себя также в математике, опять же как «полное согласие».

1. Идентичность [латынь, латинский *idem*]:

1) общее: полное согласие человека или ...

2) логика: полное соответствие, т. е. равенство ...

3) математика: 1) тождественное (универсальное) уравнение, одно ...

4) психология: часто используемое сокращенное название для эго-идентичности. ...

5) социология: культурная идентичность.

2. Культурная идентичность, часто используемое понятие, в тоже время с противоречивой концепцией ...

Я - идентичность, субъективная самооценка личности (Я-концепция) в отличие от оценки другими (внешний образ). Согласно Э. Х. Эриксону, конечная эго-идентичность взрослого формируется, прежде всего, в ходе подросткового кризиса: чем более развита и независима эго-идентичность, тем яснее, последовательнее и согласованнее она выражает себя. Если эго-идентичность человека не очень выражена, то она воспринимается как мало интегрированная с переживанием внутреннего напряжения и нестабильности чувства уверенности

в себе. Таким образом, формирование эго-идентичности связано с развитием коммуникативных или интерактивных компетенций (Brockhaus [389]).

Лексикон психологии [388, Том 2, с. 959] определяет идентичность следующим образом: в строгом смысле равенство явлений или хотя бы их общность. Всегда должно быть понятно, что совпадает с чем. Переживание идентичности устанавливается как равенство объектов и содержания сознания в течение времени или осознается как Я-субъекта в его непрерывности.

В «лексиконе по психологии» (Tewes U. & Wildgrube K.) термин «идентичность» относится к термину «Я-сам» и только понятие «Эго-идентичности» по Эриксону рассматривается как «степень личностной зрелости индивида в завершении подросткового возраста, которую он должен был приобрести, благодаря полноте переживания своего детского опыта, чтобы быть готовым к решению задач взрослой жизни» [388, с. 156].

В теории эго-развития Э. Эриксон [245-246] описывает взаимодействие между эго-идентичностью и социокультурной средой. Его «определение» личностной идентичности представляет собой интегративный подход, который изучает аспект само-тождественности и непрерывности своего существования во времени и пространстве с осознанием своей позиции и признанием в обществе (Erikson E. [337-338]).

Исходя из определения и теории Э. Эриксона, Марсия (Marcia J.E. [428, с.159]) рассматривает идентичность как внутреннюю, самостоятельно построенную, динамическую организацию импульсов, навыков, убеждений и личной истории».

К. Науßer [377, с.65] определяет идентичность в свете своей модели регулирования идентичности как: единство Я-концепции, самооценки и убежденности человека, которые развивались и продолжают развиваться из субъективно значимых и влияющих на переживаемый опыт: самоосознания, самооценки и личного контроля, и которые мотивируют его самореализацию, проверку реальности и самооценку (Науßer К. [377, с.66]).

В отличие от К. Наубер, де Левита [415, с. 162] пытается найти различие между «идентичностью» и «самостью» при анализе многочисленных определений и подходов. Он делает вывод, что «здоровые элементы идентичности состоят из стабильных элементов самости». Следовательно, оба термина в последующем могут применяться как синонимы.

Р. Кеурр et al. [401, с.225], в свою очередь, не дает четкого определения идентичности. Он понимает ее структуру и существование как процесс. Вместо понятия идентичности он дает определение чувству идентичности: «В то время как каждая из под-идентичностей содержит в себе определенную часть личности, представляемое чувство идентичности возникает в результате переплетения всех биографических переживаний и оценок своей личности на фоне все большего тематического само-обобщения и отдельных составляющих идентичности».

Ограничения концепции идентичности. В дополнение к термину «идентичность», существуют «конкретные под-идентичности» (см. выше, например, Кеурр Р. и др.), которые также изучаются в различных исследованиях. Следующие «под-идентичности» имеют отношение к нашей работе:

Этническая идентичность (этот термин используется в антропологии, этнической психологии как осознание принадлежности к этническому меньшинству).

Социальная идентичность (понимается по-разному как:

- 1) картина, которая сложилась у других людей о конкретном человеке;
- 2) роли, которые человек играет в социальной среде;
- 3) чувство принадлежности к группе).

В нашей работе теория социальной категоризации Н. Tajfel [519; 520], социальная идентичность рассматривается как одна из основных концепций.

Национальная или культурная идентичность (эта область представляет собой суб-аспект социальной идентичности, которая является более широкой областью с точки зрения количества людей и времени). Хотя национальная

идентичность связана с родиной, культурная идентичность относится к ценностям и культурным традициям и их истории.

Уже де Левита [415, с.68] определял идентичность группы как «основу группы, которая остается постоянной, хотя члены группы различаются между собой», как, например, в (конкретной) группе этнического меньшинства.

Традиции исследования идентичности. Термин «идентичность», таким образом, как он применяется в социальных науках, был разработан, прежде всего, в трех традиционных теоретических направлениях: психоанализ, символический интеракционизм и когнитивная психология развития.

Подходы отдельных выдающихся представителей наиболее важных теорий этих и других традиционных направлений описаны ниже. Старые, эндогенные теории предполагают, что все необходимые элементы уже существуют в нас, они способствуют формированию идентичности, и каждый несет в себе свой «конструктивный план», и ему нужно только осуществить его.

Наиболее сложная модель развития идентичности, в которой Э. Эриксон [337] говорит о кризисах идентичности и о том, что они связаны с преодолением трудностей на разных этапах жизни, включая взрослую жизнь. Позже он описывает личную идентичность как непосредственное восприятие тождественности и непрерывности во времени. Это очень обсуждаемый феномен, что каждый сам, несмотря на индивидуальное развитие с течением времени и в разных ситуациях, всегда воспринимает себя одинаково/неизменно (см. Erikson E. [338]), что послужило основой для многих обсуждаемых теорий идентичности.

Альтернативы эндогенным теориям включают, например, теорию взаимного влияния, которая основана на постоянных взаимодействиях между индивидами или теорию нарратива или «нарративной идентичности» Keupp P. & Höfer R. [396].

На основе анализа различных литературных источников в современной психологии можно условно выделить несколько основных теоретических подходов к исследованию личностной идентичности (Тучина О.Р. [215]).

1. Психоаналитический подход, в основе которого лежит концепция идентичности Э. Эриксона. В рамках данного подхода феномен идентичности рассматривается с позиций психоанализа (З.Фрейд), постфрейдизма (М.Клейн, М.Эйнсворт, Дж. Боулби, М.Малер, Р.Шафер, У.Мейсснер), неопрейдизма (А.Фрейд, К. Хорни, Г. Салливен, Ж. Лакан, Э.Фромм), индивидуальной (А.Адлер) и глубинной (К.Г.Юнг), психологии, эго-психологии (Х.Гартман, Д.Рапопорт, Э.Крис, Э.Эриксон, Дж. Марсия, А. Ватерман).

Психоанализ выявил и исследовал такие понятия, как внутриспсихическая структура личности, самость как интегральный центр личности, необходимость целостного Я как основы успешной самореализации, важность исследования взаимодействия индивида и его социального окружения. Э.Эриксон связывал идентичность с переживанием индивида себя как целого и определял ее как «длящееся внутреннее равенство с собой в непрерывности самопереживаний индивида»; ввел понятие «кризиса идентичности», понимая последний как сопровождающий человека на каждой стадии культурного становления личности в векторе движения во времени жизни.

Идентичность рассматривается Э. Эриксоном как некая структура, переживаемая субъективно, как чувство тождественности и постоянства собственной личности при восприятии других, признающими это тождество. Чувство идентичности сопровождается ощущением целенаправленности и осмысленности своей жизни, уверенности во внешнем одобрении.

2. Теории в рамках символического интеракционизма, где предметом рассмотрения стали способы построения идентичности и сам процесс идентификации, проанализирована структура идентификации, выявлены осознаваемая и неосознаваемая идентичности, зависимость идентификации от социального пространства и времени, системы социальных институтов. Акцент исследования идентичности направлен на решение вопроса о том, как Я формируется во взаимодействии, репрезентировано во внешнем мире, сохраняя, в то же время, свой внутренний мир (работы Дж. Мида, И. Гоффмана, А. Штрауса, Л. Крапмана, Ю.Хабермаса).

3. Теории в рамках бихевиоризма, где процесс идентификации сводится к сознательному уровню, не предполагая активной роли самого субъекту, рассматривая его как следствие воздействия социальных обстоятельств. Основным вкладом в развитие теории идентификации в бихевиоризме стало введение когнитивных аспектов в анализе этого процесса (теории Маккоби Э., Муссена П., Рау Л., Сизерса Р.).

4. Когнитивный подход, представленный Х. Тэджфелом, Дж. Тэрнером и Г. Брекуэлл, где идентичность рассматривается как когнитивная система, выполняющая роль регуляции поведения в соответствующих условиях. Когнитивное направление подчеркивает важность социального контекста, внешних условий формирования идентичности. Личностная идентификация рассматривается как вторичная по отношению к социальной, которая обеспечивает формирование содержательной и ценностной структуры личности.

5. Теории в рамках гуманистической психологии (К. Роджерс), где идентичность описывается как система самовосприятий, формирующаяся на основе взаимодействия с окружающей средой, в особенности социальной.

6. Нарративный подход, представленный работами Д.П. Макадамса, Г.Херманса, Х. Левина, Т. Сарбина, где «Я» рассматривается как продукт совместного со-конструирования в сообществе.

7. Теории идентичности в российской психологии, где представления об идентичности традиционно развивались в рамках исследований самосознания и самоотношения. На сегодняшний день благодаря исследованиям российских ученых Б. Г. Ананьева, Л. И. Божович Л. С.Выготского, И. С. Кона, А. Н. Леонтьева, М. И. Лисиной, В. С. Мерлина, В. С. Мухиной, Л. Д. Олейника, Л. С. Рубинштейна, А. Г. Спиркина, В. В. Столина, И. И. Чесноковой, Е. В. Шороховой и др., сложился определенный категориальный аппарат в области изучения самосознания, в его рамках установлены взаимосвязи между понятиями самосознание, самоотношение, самооценка, достаточно хорошо изучены такие вопросы как соотношение сознания и самосознания, структура самосознания, генезис и возрастные особенности самосознания, образ Я. Этот процесс может

называться персонификацией, а результат – личностной идентичностью. Частные проявления личностной идентичности находят отражение в таких феноменах как самооценка («Я-реальное»), самоуважение.

Субъектный подход в российской психологии, показывает, что введение в сложившееся в европейской и североамериканской традиции поле исследования идентичности и селф новых теоретических конструктов «субъекта» и «субъектности» открывает дополнительные объяснительные возможности и способно привлечь внимание к ряду новых психологических феноменов. Так идентичность рассматривается как конструкт, отражающий связи человека с миром, она содержательно отождествляется с совокупностью выборов, сделанных человеком в нормативных точках самоопределения (занятость в профессиональной сфере, позицию в отношениях полов, в семейных отношениях, религиозное и политическое самоопределение и т.д.) (Тучина О.Р. [215]).

Одним из важнейших принципов субъектного подхода является акцент на том, что познающий субъект не дистанцирован от изучаемого им мира, а находится внутри него. Сам же мир является, прежде всего, человеческим миром, преобразованным заинтересованным интенциональным бытием субъекта в пространство развития и взаимодействия людей. Субъектность как особое отношение человека к миру может быть представлена как способ участия или включенности индивида в тот или иной процесс человеческого бытия. Идентичность при таком подходе может рассматриваться в качестве конкретной формы, в которой действует активный субъект, своего рода ситуативно-конкретной формой бытия субъекта, представленной самому субъекту и репрезентируемой другим людям (Кимберг А.Н. [106]). Поэтому поиск и создание ценностной реальности, выходящей за пределы частного интереса обособленного индивида, становится основной сферой для исследований на основе субъектного подхода.

Обратимся к более подробному рассмотрению основных классических подходов к феномену личной идентичности.

Психоаналитический и последующие подходы. В качестве представителя психоаналитически-ориентированного направления исследований, работы которого до сегодняшнего дня имеют большое значение в исследованиях идентичности, можно упомянуть Э. Эриксона [245-246; 337-338]. Он разработал модель стадий психосоциального развития на протяжении всей жизни (теория эго-развития), в которой он подчеркивает взаимодействие между человеком и обществом. Он рассматривает подростковый возраст как один из наиболее важных этапов, потому что в это время происходит формирование идентичности (см. Erikson E. [338]). В этом контексте он говорит об эго-идентичности, которая для него является результатом успешного синтеза и обобщения жизненно-исторических отождествлений с людьми, ролями и моделями. Из анализа различных биографий (например, биографии Джорджа Бернарда Шоу в эссе «Проблема эго-идентичности») он открывает «пути к формированию идентичности» (Эриксон Э., [338, с.136]), которые уже начинают формироваться в детстве:

Генетически процесс формирования идентичности проявляется в виде разворачивающейся конфигурации, которая постепенно выстраивается в детстве посредством последовательных синтезов и рекристаллизаций Эго; это конфигурация, в которой конституциональные привязанности, особенности либидинальных потребностей, ведущие способности, значимые идентификации, эффективная защита, успешные сублимации и возникающие роли были последовательно интегрированы (Эриксон Э., [338, с.144]).

Он не говорит о концепции эго-идентичности, но описывает ее как субъективное чувство, как «непосредственное восприятие собственной тождественности и непрерывности во времени и сопутствующее восприятие того, что другие тоже признают эту тождественность и непрерывность» (Эриксон Э., [338, с.18]).

Согласно Э. Эриксону, самость стремится к согласованности и последовательности по временной шкале, но всегда остается изменчивой.

Дальнейшее развитие самооценки зависит от социальных взаимодействий и социальной интеграции:

Можно назвать этот период [юность] психосоциальным мораторием, в течение которого человек посредством свободного ролевого экспериментирования ищет свое место в любом из секторов общества, нише, которая четко обозначена, но при этом уникальна, создана для него. Благодаря этому молодой человек испытывает чувство внутренней и социальной преемственности, которое ликвидирует разрыв между тем, кем он был в детстве, и тем, кем он собирается стать. Будет построен мост, соединяющий образ, в котором человек воспринимает себя, с образом, в котором он узнаваем в его группе, в его обществе (Эриксон Э., [338, с.137]).

Для Э. Эриксона каждая стадия развития характеризуется своей центральной темой, которая включает кризис развития. В процессе его решения человек может приобрести новые компетенции и расширить существующие навыки.

Эти навыки необходимы для преодоления новых требований развития в будущем. Если человек не может адекватно решить эти задачи развития, то есть он не может интегрировать между собой противоположности внутренних переживаний «Я» и социально опосредованного «Я» или в течение времени эти противоположности интегрировать, то это становится чрезвычайно опасным, так как у него может сформироваться диффузная идентичность.

Эта «временная или постоянная неспособность это сформировать идентичность» описывается Э. Эриксоном «как фрагментация образа себя... потеря равновесия,... и чувство растерянности» [338, с.154].

По словам Э. Эриксона, для того, чтобы тренировать эго-идентичность в подростковом возрасте, сначала он должен успешно справиться с четырьмя предшествующими жизненными кризисами.

Взгляд Э. Эриксона на восемь общепризнанных стадий развития сегодня крайне важен, поскольку он считает последовательность стадий и принимаемых в них решений необратимыми. Согласно К.Наузер [377], проблематично

предположить, что существует определенная биография CV в контексте возрастающих социальных изменений.

У. Пёрнбахер (Pörnbacher, U. [464, с.15]) критикует теорию Э.Эриксона, которая на его взгляд ориентирована на средний класс буржуазного общества: «В целом, эта модель идентичности, психологические процессы развития которой связаны с социальными структурами, основанными на идее о том, что индивид, гармонично впишется в социальную структуру с ее ролевыми характеристиками и в конечном итоге найдет свое место в обществе».

Э.Эриксон [339] описывает незаконченную и конфликтную проблему идентичности как запутанность идентичности или путаницу идентичности, которая для него означает отрицательный результат развития идентичности в подростковом возрасте.

Дж. Марсия [428-430] напротив определяет более двух полюсов (положительного и отрицательного) идентичности, которые могут быть достигнуты в завершении развития идентичности. Основываясь на подходе Э.Эриксона к психосоциальному развитию, Дж. Марсия ([430, с.3 и далее]), прежде всего, с точки зрения его операционализации, дополнительно развил концепцию идентичности и разработал модель развития идентичности (подход через статус эго-идентичности), который распределяется между четырьмя эмпирически предполагаемыми состояниями идентичности. В своей операционализации он различает два измерения: с одной стороны, между наличием или отсутствием обязательств и, с другой стороны, между наличием или отсутствием кризиса (исследование альтернативы). Таким образом, он определяет (см. Marcia J.E., [430, с.11]; см. Таблицу 3) четыре состояния идентичности: достигнутая идентичность, мораторий, диффузия (диффузная идентичность) и предрешенная идентичность (выкуп).

Таблица 3. Четыре состояния идентичности в соответствии с Марсией и гипотетическое течение кризиса идентичности в подростковом возрасте по Э.Эриксону (из Наувер К., [377, с.81])

	В кризисе	Вне кризиса
--	-----------	-------------

Принятое обязательство	Достигнутая идентичность	Предрешенная идентичность
Непринятое обязательство	Мораторий или диффузная идентичность	Диффузная идентичность

Дж. Марсия подчеркивает, что состояние достигнутой идентичности характеризуется высокой самооценкой и высокой степенью внутреннего контроля. Можно находиться в разных состояниях идентичности по отношению к разным сферам жизни. Переход от одного состояния идентичности к другому возможен в течение всей жизни. Дж. Марсия также подчеркивает самодостаточный, динамический аспект идентичности.

Позже, в течение последующих 25 лет, Дж. Марсия проведет более 300 исследований и эмпирически выявит, что все больше и больше людей (в Северной Америке и Канаде 40% взрослого населения) находятся в «диффузном состоянии» идентичности. Дж. Марсия [430, с.291] добавит к своей модели четыре диффузионные формы: культурная адаптивная диффузия, нарушенная диффузия, беззаботная диффузия и диффузия развития.

Прежде всего, первая форма безусловно соответствует тематике, существующих в обществе современных тезисов индивидуализации (см. выше). Индивидуальные модели диффузии (см. ниже Kraus W. & Mitzscherlich B. [408]) могут быть ответом на диффузию социальной макросистемы и, с точки зрения их качеств, также могут быть копинг-стратегией, которая использует существующие социальные сети в качестве ресурса. Различая культурно-адаптивную диффузию идентичности, Дж. Марсия назвал важнейший аспект формирования идентичности: диффузия идентичности может также рассматриваться как образец адаптации или конструирования собственных жизненных обстоятельств.

Таким образом, он подготовил основу для исследований В.Крауса и Б.Миццерлиха [408], которые обследовали 160 молодых мужчин и женщин в Германии с помощью частично-структурированных индивидуальных интервью

и выявили их статус идентичности. Они выявили три типа диффузии идентичности: традиционный тип («все нормально и неважно»), «серфер» («успешное» (?) управление отношениями) и тип «изолированный» (см. Kraus W. & Mitzscherlich B. [408, с.69]).

Таким образом, исследовательская работа В.Крауса и Б.Мицшерлиха [408] «Диффузия идентичности как результат культурной адаптации» не только продолжает интересные мысли Дж. Марсии, но и открывает совершенно новую область исследований в психологии идентичности для изучения диффузии идентичности как стратегии формирования идентичности.

Р.Keupp's [399] в своем исследовании «Работа над идентичностью в многоязычном обществе» выделяет даже пять типов диффузии идентичности (четыре согласно Дж. Марсии и дополнительно «самофрагментация» как отсутствие интегрированной самости). Все эти выводы и последующие выводы «указывают на направление, благодаря которому происходит резонирование современных исследований идентичности» (Keupp P. и др., [401, с.12], ср. Kraus W. & Mitzscherlich B. [408]; Keupp P. & Höfer R. [396]). Цель этих усилий не столько теоретическая («обеспечение неформальных и предметных гарантий стабильности надежной идентичности»), но более повседневная (повседневное формирование чувства идентичности). Р.Keupp et al. [399], в частности, ссылаются на пример «примирения» условий жизни со своими собственными желаниями и потребностями как основы сохранения здоровья.

Другим теоретическим подходом, основанным на модели развития идентичности Дж. Марсии, является работа К. Хауссера. Как и Дж. Марсия, К. Хауссер [376-377] предполагает, что идентичность находится в постоянной эволюции и конструируется самим индивидом. Отправной точкой для «Модели регулирования идентичности» К. Хауссера является «Модель процесса идентичности», предложенная S.K.Whitbourne и C.S.Weinstock ([555, с. 15]; см. ее видоизмененную форму по Frey H.P. & Haußer K. [356]; см. рис. 1).

Рис. 1. Модель процесса идентичности по К. Хауссеру [377, с.63]

Эта простая цикличная модель основывается на двух основных принципах психологии развития согласно Ж. Пиаже [458], а именно на ассимиляции и аккомодации, и связывает «I» как воспринимаемая внутренняя перспектива и «Me» как воспринимаемая внешняя перспектива (см. Мид Дж., Mead, G. [437]) между собой. Целью развития идентичности является нахождение баланса между ассимиляцией идентичности (стабилизации идентичности путем адаптации нового опыта к существующей идентичности) и аккомодацией идентичности (изменение идентичности путем адаптации существующей идентичности к новому опыту). Примеры ассимиляции идентичности включают самооправдание, защитную ригидность, отсутствие понимания и проекцию идентичности, тогда как самооценивание или работа над альтернативами идентичности считаются способами аккомодации идентичности.

«Модель регуляции идентичности» К. Хаусера ([376], см. рис. 2) идет дальше, связывая «инициативную и реактивную концепцию субъекта» с детерминантами идентичности (Haußer K., [377, с. 64]). Хаусер разрабатывает различные характеристики идентичности в трех аспектах: «идентичность как ситуационный опыт», «идентичность как надситуативный опыт» и «идентичность как источник мотивации».

Рис 2. «Модель регуляции идентичности» К. Хауссера

Множество различных форм проживания и смыслов требует от индивидуума новой адаптации к меняющимся ситуациям. Согласно К. Хаузер ([377, с. 33]), идентичность изначально существует в сознании индивида и

возникает в результате преднамеренного изучения субъективно значимых, релевантных для себя переживаний в разных областях. Самовосприятие, самооценка и убежденность в возможности изменить ситуацию (личный контроль) образуют в подходе К. Хауссера три компонента аспекта «идентичность как ситуационный опыт», которые динамически взаимосвязаны между собой. В этом аспекте факты подвергаются ретроспективной оценке степени, в которой человек обладает определенным опытом непосредственного объяснения, «на сколько он воспринял происходящее событие и как оно повлияло на него» (Haußer K. [377, с. 47]).

В этом понимании идентичность охватывает когнитивный компонент (самовосприятие), эмоциональный компонент (самооценка) и связанный с действием компонент (личный контроль). Термин «личный контроль», термин J.R.Averill [264], который описывает его как необходимость влиять на условия и события окружающей среды, но концепция контроля относится, прежде всего, к работам J.V.Rotter [470]. В качестве основного представителя теории контроля (которая рассматривает контроль в контексте теории социального обучения как ожидание способности влиять на вознаграждение и подкрепление своего поведения) различает внутренний и внешний контроль в зависимости от того, «кто называет себя или внешний мир объясняющей причиной» (Haußer K. [377, с. 19]).

К. Хауссер [376-377] классифицирует опыт, среди прочего как новый, интересный, межличностный, неожиданный, целенаправленный, удовлетворяющий потребности и стрессовый опыт.

При этом дается объяснение, что только релевантный опыт играет роль в развитии ядра идентичности человека. Самовосприятие, самооценка и личный контроль над такими центральными переживаниями могут быть обобщены (см. Haußer K., [376, с.57]; [377, с. 25]). Обобщение может происходить с течением времени (концепция устойчивых возможностей для конкретной области), между областями (глобальная самооценка) или между временем и областями (глобально-устойчивая самооценка). Обобщения идентичности не является

необратимым процессами, оно может быть не применимо (то есть иначе специализировано) в новом опыте. В модели регуляции идентичности К. Хауссера [376, с. 65] я-концепция индивидуума означает обобщенное самовосприятие, самооценка означает обобщенное самооценивание и третий компонент аспекта самооценки «идентичность как надситуативный опыт», убежденность в контроле, определяется как обобщенный личностный контроль. Последнее свойство, необходимость попробовать что-то для себя и реализовать себя, описывается направленным на действие компонентом в модели К. Хауссера [377]. Результатом самооценивания может стать выявленное несоответствие между желанием и реальностью.

Под Я-Концепцией понимается процесс когнитивной обработки самовосприятия, при котором индивид ощущает целостность или дезинтеграцию в отношении своей я-концепции. Непрерывность или последующая прерывность могут ощущаться индивидом с точки зрения его биографии (переживания себя как одного и того же во времени), его экологической согласованности или непоследовательности (субъективной согласованности его поведения в разных сферах жизни), его последствий или несогласованности в поведенческих отношениях (соответствие фактического поведения убеждению), подлинность в отношении эмоций и поведения (соответствие фактического поведения с собственными чувствами), индивидуальности или взаимозаменяемости и эквивалентности (осознание неполноценности, равенства или превосходства по сравнению с другими).

Самооценка состоит из индивидуальных самооценок, обобщающих прошлые ситуации и опыт. Здесь следует отметить, что обобщение, уточнение, переобучение на основе нового опыта также может оказывать как более негативное, так и более позитивное влияние. Отрицательные чувства самооценки проявляются в дискомфорте и самодовольстве, в неуважении к себе, в опыте переживания бесполезности и пустоты, а также несамостоятельности и зависимости.

Самооценки основаны на трех различных источниках информации, затем положительный или отрицательный опыт либо подтверждается, либо притерпевает дальнейшие изменения.

С одной стороны, это может быть когнитивная оценка, основанная на процессах самовосприятия, которая как компонент текущей самооценки объединяется в обобщенную самооценку. С другой стороны, это может быть результатом оценки Я-концепции с точки зрения ее целостности и/ или в-третьих, оценка обобщенных контрольных убеждений. Контрольными мерами самооценивания как и для чувства собственного достоинства могут быть индивидуальные и социальные процессы сравнения.

Убежденность в контроле - это субъективно воспринимаемая способность вознаграждать посредством объяснения, предсказуемости и влияния (Frey D., Kumpf M., Ochsmann R., Rost-Schaude E. & Sauer C. [355]). Основываясь на теории контроля Роттера (см. выше), человек может приписывать влияние внешним факторам и, таким образом, не претендовать на собственный контроль над обстоятельствами или приписывать влияние внутренним факторам, считая себя «кузнецом своего счастья».

Степень влияния, которое человек приписывает своему поведению, очень важна с точки зрения ожидания успеха или неудачи, выявляется в различных убеждениях внутреннего/ или внешнего контроля и характеризуется опытом (см. теорию выученной беспомощности Селигмана). По К. Хауссеру контроль является мотивационной функцией поведения.

После того как К. Хауссер [377] объединил все эти аспекты регулирования идентичности в своей модели, он пришел к окончательному определению идентичности как: единства Я-концепции, самооценки и контроля убеждения человека, которое он развивает из субъективного осмысленного и переживаемого опыта самовосприятия, самооценки и личного контроля, в последствии используя его для развития поведенческой мотивации, направленной на реализацию своих притязаний, проверку реальности и становление самооценки (Haußer K., [377, с. 66]).

Символический интеракционизм. Первым психологом идентичности, можно по праву назвать Уильяма Джеймса, который в конце девятнадцатого века создал теорию «Я». В своем новаторском эссе У. Джеймс различает внутреннюю и внешнюю перспективы «Я», аспекты Me и I следующим образом: «Я» как приходящее к сознанию или Me, «эмпирическое эго» (...) и «Я» как обладающее сознанием или «Я» как «чистое эго» (James, W. [393, с. 175]; [68]).

В литературе эти два элемента также рассматриваются как рефлектирующий субъект (I) и объект рефлексии (Me). У. Джеймс (James, W. [393, с. 176]) подробно рассматривает термины и определяет, среди прочего, такой аспект «Я», как «социальное Я человека», а именно как «признание, которое он получает от своего окружения». В свою очередь, «социальное Я» существует не в единственном числе, а существует так часто, как часто другие люди представляют конкретное лицо. Помимо «социального Я», он также выделяет «материальное Я» (организм и т. д.) и «духовное Я» («сумму состояний сознания человека», с. 180).

У. Джеймс постулирует, что различные «социальные Я» не все имеют одинаковую важность для формирования идентичности, а также устанавливает «иерархию Me» (James, W. [393, с. 189]): «единодушие ... как привести разные стороны себя ... к одной шкале ценностей, при этом «физическое Я» стало бы основой, «духовное Я» заняло бы свое место наверху шкалы, в то время как материальные и различные «социальные Я» нашли бы свое место по середине». Принимая различные «социальные Я», У. Джеймс является пионером для всех более поздних ролевых концепций и теорий, которые исходят из социально сконструированной, контекстно-зависимой и динамической личности (например, Tajfel H. [518]); Nauber K. [376]), следовательно, также для символического интеракционизма (см. Hannover B. 374) ; Krappmann L. [407]).

Мысль У. Джеймса была впервые подхвачена для своих исследований К. Кули и Дж. Мидом, а затем многими другими исследователями, разрабатывающими его идеи дальше (например, Гоффман Е.; Хабермас Ю.; Краппман Л.). К. Кули говорит в своей метафоре о «зазеркалье», под этим он

подразумевает, что индивидуальная идентичность рассматривается социальным зеркалом. Для формирования идентичности по К. Кули важно отзеркаливание своих собственных реакций в реакциях других и их собственное противопоставление этим реакциям. Даже самооценка всегда находится под влиянием внешних оценок [316]).

Жд. Мид разработал различие между «Я» и «Мi» на фоне поведения социальной группы. Его «Мi» охватывает отношения, взгляды и ожидания, перенятые от других, через общие символы и эмпатийную способность.

Люди могут осмысленно и успешно общаться друг с другом, прежде всего, если у них есть общие символы, особенно язык. Идентичность возникает через взаимодействия людей, использующих символы:

«я» [I] - это реакция организма на отношение к себе других; «Я» [Mi] - это организованная группа отношений других, которую человек сам воспринимает. Отношения других формирует организованное «Я» [Me], и каждый реагирует на это как «Я» [I] (Mead G., [437, с. 218]).

Для достижения идентичности два полюса, «I» и «Me», должны быть синтезированы в «Self»: оба аспекта, «I» и «Me», абсолютно необходимы для полного выражения идентичности, нужно принять отношение других в группе, нужно использовать этот внешний социальный мир, который человек внутренне перенял в себя, чтобы иметь возможность мыслить.

Благодаря отношениям с другими в этом сообществе, благодаря рациональным социальным процессам, которые происходят в этом сообществе, человек существует как гражданин. С другой стороны, индивид постоянно реагирует на социальные отношения и изменяет в этом процессе кооперирования отношения в этом сообществе (Mead G., [437, с. 243]).

Идеи Дж. Мида были разработаны далее В. Дюсингом (Düsing W., [331, с. 218]), где он видит связь между «Я» и обществом в ролевом понимании. По его мнению, каждому человеку присущи разные роли (иногда с различными притязаниями), что позволяет ему/ей адаптироваться или интегрироваться в социальную среду. При этом собственная сторона интеракций постоянно

рефлексируется человеком, что позволяет сформировать непротиворечивую идентичность с помощью Я-сознания. Бендер видит в теории Дж. Мида уже первые основы концепции личностной и социальной идентичности. Такие ученые, как П. Ник [447], У. Пёрнбахер [464] и К. Випперманн [560] анализируют концепцию Дж. Мида как основу для новых теорий ролей и взаимодействий, например, И. Гоффмана [364], Ю. Хабермаса [369] и Л. Краппманна [407].

Новейшие теории ролей и интеракций. Дальнейшие подходы к разграничению личностного и общественного в идентичности можно найти среди представителей символического интеракционизма, которые рассматривают формирование идентичности как результат процессов взаимодействия на протяжении всей жизни: «Интеракционизм считает, что индивид опирается на социальные отношения с другими, потому что только в этих отношениях формируется «Я», или формируется в случае успеха «Идентичность» (Krappmann L., [407, с.20]).

Гоффман продолжил раскрывать тему различий двух аспектов идентичности Дж. Мида и, вслед за Э. Эриксоном, добавил к социальной и личностной идентичности концепцию Я-идентичности. В отличие от Дж. Мида, И. Гоффман видит происхождение всех трех типов идентичности в обществе. Первые две формы относятся к социальным феноменам - следовательно определяются другими: в личной идентичности И. Гоффман [364, с.74] говорит о «вешалках для личностей» (например, имя, отпечатки пальцев, фотографии, прически, одежда и т. д.) и уникальной биографии человека, который четко отличает его от других. В социальной идентичности другими приписываются индивидууму те качества и характеристики, которые соответствуют их ожиданиям: «Если мы видим незнакомца, уже на первый взгляд он должен позволить нам предсказать его типаж и его качества, его социальную идентичность» (Goffman, E., [364, с. 10]).

Таким образом, личная идентичность характеризуется функцией указания на уникальность и различие, в то время как социальная идентичность подчеркивает единство и принадлежность (подходы, которые позднее будут

найденны в структурной модели личностной и социальной идентичности). Я-идентичность в свою очередь можно назвать «синтезом или эмоциональной и когнитивной переработкой личностной и социальной идентичности» (Wipperfmann С. [560, с. 53]).

И. Гоффман [364, с. 132] формулирует свое определение, отталкиваясь от определения Эриксона: «субъективное ощущение своей собственной ситуации и своей собственной непрерывности и особенности ... прежде всего, субъективная и рефлексивная возможность, которую человек должен чувствовать, идентичность которого обсуждается».

В отличие от Дж. Мида или Э. Эриксона, И. Гоффман, который много работал с людьми из маргинальных социальных групп (таких как осужденные, проститутки или слепые), не стремится сформулировать общую теорию идентичности для широких масс населения, а скорее разрабатывает методологический инструментарий для конкретных исследовательских вопросов. В своей книге «Стигма» он говорит о взаимодействии между «нормальным» и «стигматизированным», то есть дискредитированным каким-то образом лицом. Он вводит понятие «кажущейся/призрачной нормальности» (Goffman E., [364, с. 152]), которое относится к социальной идентичности и достигается через «фиктивное принятие». Посредством «как бы» принятия норм несовместимых ситуаций индивид может оправдать противоречивые ожидания, соответствующие разным партнерам по взаимодействию, и, таким образом решить проблему невыполненных требований для разных ролей.

Все эти термины также включены в работы Л. Краппманн, который основывался на теории И. Гоффмана. Л. Краппманн и Ю. Хабермас «ссылаются на концепцию Я-идентичности И. Гоффмана, но критикуют, что И. Гоффман дает слишком мало свободы индивидууму, и расширяют его концепцию, структурно вводя биографическое измерение, которое характеризует индивидуальность, а не ролевые различия» (Wipperfmann С. [560, с.55]).

Согласно И. Гоффману, самоидентичность также требует проявления и самовыражения – то есть человек должен играть разные роли в ролевых играх,

чтобы узнать, каковы его ожидания. В более поздних теоретических подходах они называются, например, как «самопрезентация» (Baumeister) или «управление впечатлениями» (Schlenker B.R. [473]).

Л. Краппманн и Ю. Хабермас с оптимизмом видят задачу, стоящую перед человеком в создании успешного баланса идентичности между «быть тем, чего все ожидают» и «быть уникальным и безошибочным»: в то же время, он должен быть таким же, как все, и ни кем другим.

В обоих измерениях человек должен балансировать, потому что, чтобы не подвергаться опасности взаимодействие, он не может ни поддаться ни тому, ни другому требованию, ни проигнорировать их полностью (Krappmann L., [407, с. 78]).

Этот уравнивающий акт представляет собой самоидентичность для Л. Краппмана Krappmann L., [407, с. 79], и «индивидуальность человека, его индивидуальность обусловлена для индивида тем, как он балансирует».

Четыре компетенции, которые индивид должен приобрести в процессе социализации (согласно Krappmann L., [407, с. 133]): ролевая дистанцированность/разнообразие ролей, эмпатия, терпимость к неоднозначности и представленная идентичность.

В соответствии с этим индивид должен уметь рефлексировать и интерпретировать нормы (см. Krappmann L., [407, с. 133]), представлять себя на месте другого (см. Krappmann L., [407, с. 151]), выдерживать неоднозначность взаимодействий и представлять свою эго-идентичность (см. Krappmann L., [407, с. 168]). Л. Краппманн подчеркивает, что эмпатия содержит в себе не только когнитивный, но и аффективный компонент (см. Krappmann L., [407, с. 142]).

К. Хуррелманн определяет идентичность как цель развития личности, которая для него является средством субъективного сознания жизненно-исторической и ситуативной «непрерывности самопознания и внутреннего самосознания» (Hurrelmann K., [387, с. 79]).

Эти термины не являются независимыми друг от друга по К. Хуррелманн, они объединены им и интегрированы в комплексную модель социализации.

Модель эффективной переработки реальности является очень сложной моделью, но в своей основе она подчеркивает два аспекта процесса взаимодействия человека с окружающей средой: во-первых, человек имеет возможность изменять свою среду в процессе развития эго. И, во-вторых, его способность контролировать себя и справляться с социальными ситуациями имеет решающее значение в развитии эго-идентичности. Это становится ясным из базовых допущений модели, согласно которым развитие личности «происходит в процессе работы с «внутренней» и «внешней» реальностью, причем каждый человек обладает способностями осознания, обработки, преодоления, изменения, овладения, использования и развития реальности» (Hurrelmann K., [387, с. 63]).

Подводя итог моделям И. Гоффмана, Л. Краппман, Ю. Хабермаса и К. Хуррельманна, можно сказать, согласно П. Нику: «С точки зрения теории интерактивных действий индивид достигает эго-идентичности, если он преуспевает в установлении баланса между своей личной идентичностью и соответствующей групповой идентичностью» (Nick P., [447, с. 24]).

Теории развитого модерна или постмодернизма. Lohaus представляет свою идею развития «Я» как продукта эго-идентичности и, следовательно, непрерывности и последовательности рационального, автономного и рефлексивного субъекта, преследующего свои собственные цели, следующим образом:

Наиболее важными чертами современной идентичности (...) являются личная автономия, свобода выбора и аутентичность как согласованность внутренних потребностей и повседневной практики. Современная идентичность будет выражена в наибольшей степени там, где эти условия наиболее вероятны. Сфера жизни, в которой самая неограниченная свобода выбора, самое широкое развитие «естественных» потребностей и высочайшая эмоциональная координация между внутренней природой и социальной средой, также будет той средой, в которой все существенные черты современной идентичности проявят себя (Lohaus P., [424, с. 204]).

Подчеркивая внутреннюю перспективу индивида в этой модели благодаря конфигурируемости своего эго, это сближает модель с идеей Н. Fend [346]) (см. с.77), но эта модель гораздо более разработана, по сравнению, например, с теорией Н. Кеурр. Р. Lohauss (Lohauß P., [424, с. 129]) также обсуждает теории и концепции современной идентичности с точки зрения того, что они могут внести в понимание социальной интеграции: «Современная идентичность - это рефлексивный проект в обществе, которое стало рефлексивным. Поэтому это больше, чем просто индивидуализация: она остается связанной с содержанием наиболее важных сфер жизни и, следовательно, с социальными отношениями» (Lohauß P., [424, с. 215]).

С конца прошлого столетия в мировой политике, экономике и порядке изменилось так много, что это влияет как на идентичность единичного человека, так и на всё общество в целом.

Таким образом, идентичность сегодня понимается как процесс, как проект, реализуемый на протяжении всей жизни, который нельзя считать завершенным с окончанием молодости. Изменяющийся мир с его социо-культурно измененными условиями требует от индивида пожизненной «работы над идентичностью» (см. Кеурр Н. [400]). Общественная трансформация требует постоянного противостояния с самим собой и окружающей средой, то есть собственная самооценка ставится снова и снова под сомнение. Эта работа над идентичностью открывает новые перспективы индивиду, но также подвергает человека повышенному стрессу, который может оказать негативное влияние на его самочувствие, особенно в молодости (например, могут наблюдаться психосоматические жалобы или злоупотребление наркотиками).

У. Бек (Beck U., [267, с. 7]) предупреждает, что «многокультурное мировое общество» не должно быть преобразовано, и пытается определить его влияние на людей: «Мировое сообщество подразумевает: разделение людей – по религиозным, культурным и политическим признакам – что является уже реальностью сегодняшнего дня в одном месте, в одном городе, чаще даже в одной семье, в одной биографии». Он призывает к пониманию сегодняшнего

мультикультурного мира как к «разнообразию без единства», который не ведет ни к смешению культур, ни автоматически к лучшему пониманию и терпимости между народами.

М. Олброу (Albrow M., [256, с. 411]) задается вопросом о том, находимся ли мы «на пути к глобализации общества?». По его мнению, глобализация - это не просто экономическая или политическая проблема, она также влияет на все существенные аспекты нашей жизни.

Новая социальная реальность является результатом изменения социального опыта во всем мире, что также требует развития новых способов мышления. Р. Дарендорф (Dahrendorf R., [320, с. 41]) в своих «Записках о глобализации» пытается определить начало возникновения термина «глобализация» и называет такие события, как высадка на Луну 20.07.1969, осознание в 1970-х годах, что природные ресурсы, такие как воздух или вода могут в конечном итоге стать дефицитными или атомная угроза после аварии на атомном реакторе в 1986 году в Чернобыле.

М. Олброу (Albrow M., [256, с. 421]), в свою очередь, напоминает концепцию «глобальной деревни» Маршалла Маклюэнса (из «Галактики Гутенберга», Торонто) которая, вероятно, была впервые записана на обычном языке. «В настоящем, где у всех есть слово глобализация передается из уст в уста, условия человеческого общества пересматриваются, и понятие общества претерпевает одно из его периодических обновлений» (Albrow, M., [256, с. 426]).

Н. Кеурр и др. выделяет в работе над идентичностью четыре центральные координационные направления работы: реляционная связующая работа, разрешение конфликтов, ресурсная и нарративная работа. В «процессе создания идентичности» частичные идентичности преобразуются в «чувство идентичности» (Keurr N., [401, с. 225]).

Идентичность как конструкт. Еще до психоаналитического, бихевиорального или гуманистического подходов, в начале двадцатого века В. Штерн попытался понять сложную конструкцию «идентичности» и в своей

работе (совместно с У. Джеймсом [68] и Г. Олпортом) обосновал парадигму свойств в психологии личности.

Поскольку его образ человека был сформирован под влиянием поколения исследователей следующим, прежде всего, модели Н. Фенд, основанной на критическом персонализме, остановимся здесь кратко на используемых далее терминах. В. Штерн говорит о человеке как о «Unitas multiplex», то есть он понимает индивида как совокупность, чьи части так взаимосвязаны между собой, «как этого требует самоцель всего единого целого» (Stern W., [506, с. 15]). В своей многосторонней работе «Личность и вещь» он вводит понятие личностной целостности, которое не представляет ни «наивной персоналистской», ни «имперсоналистской» точки зрения, но описывает множество характеристик, которые больше, чем сумма их частей: «Человек такая экзистенция, которая, несмотря на множественность частей, образует реальное, своеобразное и внутреннее единство и, как таковая, несмотря на множественность частичных функций, осуществляет равномерную, целенаправленную самостоятельную деятельность» (Stern W., [506, с. 16]).

В своем определении человека В. Штерн говорит о трех характеристиках человека: люди характеризуются целью, многосторонностью и особенностями. «Таким образом, каждый человек является единым целым, он самодостаточен, он целеустремлен и, следовательно, телеологичен, и он самодостаточен» (Fend H. [346, с. 185]).

Характеристики человека выходят за пределы этой окончательности, целенаправленности действий и развития интеллекта. Для В. Штерна развитие означает восприятие как можно большей части мира для формирования и развития себя, осознание как можно большего в мире через восприятие культуры и активное участие в жизни, а также создание и проживание внутреннего состояния человека (Fend H. [346, с. 76]).

Таким образом, В. Штерн отделяет себя от естественных наук (которые рассматривали человека как определяемого механической причинностью, аналогичной сфере природы), и человек становится существом ценным. Развитие

означает найти свою собственную форму благодаря интенсивной включенности в жизнь. Целью человеческого развития по Штерну является постоянная эволюция. Развитие начинается с самосохранения и ведет к самообразованию и саморазвитию. Это направляемое идеалом целеустремленное действие.

Цели, которые человек хочет достичь, должны быть разработаны им в период подросткового и юношеского возрастов. Его задача, в которой проявляется цель-эффект, состоит в том, чтобы определить собственные «ценности», «кем он хочет быть и кем стал» (см. Fend Н. [346, с. 185])). В то время как в детстве собственное поведение и стремление связаны с объектом вне человека (без привязки к своей внутренней составляющей), поэтому ребенок видит причины своего действия в свойствах окружающей среды (то есть эгоцентрично, но не эго-рефлексивно). В подростковом возрасте уже становится возможной саморефлексия. В результате «Я-осознанное» начинает дифференцировать себя от «Я- действующего». Согласно В. Штерну, результаты самоанализа относятся в первую очередь к «эго-ценностям» (характеристикам собственной личности), и со временем человек интроспектирует «мировые ценности» (характеристики окружающей среды), наконец, в результате конфронтации «эго ценностей» с «мировыми ценностями», собственные цели и идеалы проявляют себя вместе в «Я-идеальном».

Поскольку человек существует благодаря своей работе, он осознает себя и свои возможности посредством действий. Они воздействуют в свою очередь на личность человека и «хронизируются» в виде диспозиций. В то время как в детстве действия более спонтанны, на более поздних этапах жизни они более строго определены требованиями окружающей среды, хотя воля не теряет своей значимости в производимых действиях.

Все такие диспозиции вместе составляют «Я-деятельное» и, следовательно, «Я- реальное». «Я-осознанное» не просто отражает содержание «Я-деятельного» и «Я- реального», оно формируется из информационных элементов, которые представляют собой структуру «многогранности». Результатом размышления о своей личности и дальнейшей рефлексии является

«субъектное осознание» («реальная субъектность»). Человек всегда должен быть «идентичен самому себе» (см. Кант), видеть себя постоянным центром действий и опыта. Согласно В. Штерну, «Я-осознанное» - это сконструированное и, следовательно, сильно искаженное, обманчивое представление о «Я-реальном», а не простое отражение «Я» (Fend Н. [346, с. 77]).

Все эти компоненты самости также находятся в динамической «модели изменения самости» Н. Fend (Fend Н. [346, с. 211]) (см. рис. 3). Этот процесс относится, прежде всего, к подростковому возрасту, в котором сильно выражены самонаблюдение и саморефлексия.

Рис. 3. Динамика самости при переходе от детства к подростковому возрасту (по Pissulla-Wälti, по данным Н. Fend, (Fend Н. [346, с. 211])).

Н. Fend (Fend Н. [346, с. 210]) различает две оси развития самообращения в подростковом возрасте: перспективы наблюдения (внешние и внутренние и снаружи, то есть скрытые и показываемые) и модальности самости (реальность и возможность, то есть реальность и идеальность). Согласно Н. Fend (Fend Н. [346, с. 210]), Я-Действующее и Я-Рефлексивное в процессе созревания идут каждый своим путем, управляемые биологическими, когнитивными и ситуационно-социальными процессами. «Развивающееся Я-Осознанное

вступает в новый диалог с Я-Реальным, которое в настоящее время распознается по способу своего действия и по своей сути» (Fend Н. [346, с. 210]). Но более или менее продуктивный диалог предполагает существование различия между «Я-Идеальным» и «Я-Реальным».

Эти несоответствия «самости» должны быть преодолены с помощью так называемых «личных проектов» (проектов желаемого «Я»), целей и намерений действий. Взаимосвязь «Я» и «Я-осознанного» не является простым отображением/представлением (см. Stern, см. выше), и возникает в сложных когнитивно-мотивационных процессах.

«Динамика конструкта самости обусловлена нарциссическими и компетентностными мотивами» (Fend Н. [346, с. 210]), в результате чего обществом (см., например, тезис об индивидуализации, Beck выше) даются задачи развития (например, выбор профессии или партнера), которые определяют тенденции в «очень сложном проксимальном и дистальном социальном поле» (Fend Н. [346, с. 212]). Все эти процессы способствуют поиску идентичности, становясь независимыми и «внутренние перемены» субъекта, которые постоянно влияют на любую переработку информации и контроль действий и в конечном итоге (на зрелой стадии жизни) приводят к ощущению аутентичности (подлинности).

Очень хорошее резюмирование и сопоставление наиболее важных социально-теоретических дискуссий на тему «идентичности» (например, И. Гоффман, Ю. Хабермас, Л. Крампманн, Г. Наннер-Винклер, А. Гидденс и Р.Н. Белла) можно найти в работе Виппермана. Его исчерпывающее изложение многих научно-социальных определений и теорий реконструкций идентичности в современности (см. Wippermann С., [560, с. 38-100]) проясняет, что эта конструкция не может быть единообразно определена и объяснена в одной дисциплине, не говоря уже о междисциплинарном или межкультурном подходах к ее определению.

Он пытается в качестве двух наиболее важных характеристик чувства идентичности в современном обществе, выделить одновременно автономию и

чувство связности личности. При этом он начинает с «модели двух моментов идентичности принадлежности и уникальности, которые возникают и уравниваются в диалектическом взаимодействии рефлексии, общения, различия и единства как конститутивных факторах идентичности» (см. Wipperfmann С., [560, с. 44]), что представляет собой переформулировку теории идентичности Дж. Мида. Из критики теории Дж. Мида, которая описывает только генезис идентичности, а также на основе социально-психологической модели Ж. Пиаже, он разрабатывает модель перформансной самости (см. Piaget J., [458, с. 47]).

В ней он визуализирует то, что описывают почти все теории идентичности: идентичность как отношение личности к обществу. В этом аспекте он реконструирует теории идентичности И. Гоффмана, Ю. Хабермаса, Л. Краппманна, Г. Наннер-Винклер, В. Хьюитт, К. Герген, А. Гидденс [362] и Р.Н. Белла [269].

Обратимся к еще одной теории идентичности, разработанной Белла, который исторически реконструирует идентичность в своей нормативной теории «хорошего общества». Исходная модель представляет собой концептуальный треугольник «самость», «сообщество» и «добро». Эти три компонента находятся во взаимных конституционных отношениях, то есть взаимопределяют друг друга, что означает как возможность, так и ограничение. Основой и центром каждого сообщества является культурно-специфическая идея добра.

Такое сообщество медленно формируется, и, по сути, представляет собой сообщество воспоминаний. Их общие и активно воспроизводимые ценности, основанные на устоявшихся традициях и обычаях, «привычки сердца», которые способствуют социальной и моральной интеграции членов сообщества и воспроизводству идеи добра. Эти нравы являются осознанными и практическими привычками членов сообщества, с которым они отождествляют себя и которые являются важной составляющей их культуры (Wipperfmann С. [560, с. 89]).

Самопознание/понимание в таком обществе не означает погружение в свою частную жизнь (это не обязательно как таковое), но, прежде всего, это активное участие в общественной жизни. Высокая степень самоопределения здесь понимается как индивидуализм в обществе (например, как библейский и республиканский, а не утилитарный или экспрессивный индивидуализм). Социально-обусловленная самость определяет себя через модель сообщества (которое дает его членам поддержку и безопасность), но может в то же время и самореализовать себя, потому что она играет уникальную роль в группе и, следовательно, не должна бояться изоляции или одиночества.

1.2.2. Научно-методологический анализ проблемы соотношения личной и социальной идентичности в психологии

Одним из основных допущений исследования психологической идентичности является то, что личность человека не может быть реконструирована исключительно на основании описания его личностных качеств, а предполагает выявление принадлежности человека к социальным группам.

Хотя С. Уилберг (Wilberg S. [558, с. 13]) выступает в этом контексте за диалектическую точку зрения и «преодоление разделения между субъективным и объективным аспектами», следует согласиться с тем фактом, что в социальных науках часто встречается редуccionистское мировоззрение с «концептуальным разделением между субъектом и объектом или между социальными и индивидуальными проявлениями». Даже если в отношении определения терминов часто возникают разногласия в исследовании идентичности, все согласны с тем, что существует нечто вроде индивидуальной или личной и коллективной или социальной идентичности, которые находятся в постоянном напряженном взаимодействии между собой. В дальнейшем основной задачей этого параграфа будет являться анализ основных структур в запутанной концептуализации и исследованиях так называемой социальной и национальной идентичности.

В дальнейшем будут представлены отдельные, наиболее важные теоретические подходы для нашей работы. Отметим здесь же, существует множество (иногда разных или даже противоположных мнений и утверждений по этому вопросу), и не каждый отдельный подход будет нами представлен.

Согласно интегративной концепции идентичности С. Уилберга следует объединить личностную и социальную перспективу, настолько насколько она соответствует природе личности.

Когнитивно-структурные и диалектические школы говорят о синтезе внутреннего и внешнего мира и выступают за интеграцию индивида и социальной перспективы в исследованиях идентичности, в которых психологические исследования эго-идентичности должны происходить посредством изучения процессов, а не состояний. В настоящей работе, процессуальность обеспечивается благодаря структурной модели личностной и социальной идентичности (Schmidt-Denter U. и др. [485]).

В любом случае первоначальной задачей исследования самопонимания идентичности должно быть разграничение социальной идентичности от личностной идентичности как конструктов.

Предпосылки и общие размышления о теории социальной идентичности. Различия между индивидуальной, личностной и социальной идентичностью были рассмотрены впервые К. Гергеном. Но первой теорией, которая учитывала социальную перспективу вопроса, является «теория межгруппового конфликта» Г.Тэджфела и Д.Тернера (Tajfel H. и Turner J.C. [515]), которая в дальнейшем была разработана в теории социальной идентичности (S.I.T.) [теории социальной идентичности] (Tajfel H. и Turner J.C. [516]) и теории самокатегоризации Д.Тернера (Turner J.C. [539]); Turner J.C. et al. [541]).

В отличие от личностной идентичности, которая состоит из описания отдельных факторов, социальная идентичность является частью самооценки, которая возникает из описания различных признаков принадлежности к группе (см. Simon B. & Mummendey A. [494]). Согласно И. Гоффману [364, с. 10],

социальная идентичность - это типирование и классификация человека другими, различая «виртуальную» характеристику социальной идентичности как атрибуцию в скрытой ретроспективе и «фактическую» социальную идентичность (как фактически доказанную категорию и атрибуты личности).

Основываясь на эксперименте М. Шерифа (см. Sherif M., [491]), Тайфель (Tajfel H. [519-520])) смог показать с помощью своей теории минимальной групповой парадигмы, что не только реальные конфликты интересов, но и простое разделение на свои группы и внешние (чужие) группы приводит к так называемой фаворитизации своей группы и дискриминации чужих групп.

Соперничающее поведение, таким образом, является не только результатом нехватки ресурсов, как показал М. Шериф в своем эксперименте по изучению поведенческих моделей в летних лагерях, оно может возникнуть даже при простой классификации лиц без наличия объективного конфликта интересов.

Turner et al., в своей теории само-категоризации (Turner J.C. et al. [541]) продолжает разрабатывать теорию Н.Тajfel дальше. Центральное место в этом занимает идентификация участника группы с самой группой, что приводит к восприятию других членов группы как вызывающих симпатию, склонных к кооперации и т.п.. Этот процесс описывается в виде трех этапов. Сначала сам индивид определяет свое отличие от других индивидуумов. После этого он определяют себя как члена социальной группы или predetermined социальной категории. Наконец, степень идентификации с группой или категорией определяет значимость ее ценности - что говорит о том, в какой степени определенный индивид является членом группы.

В отличие от Н.Тajfel, для которого минимальная классификация кажется достаточной, Тернер выделяет межгрупповое поведение только тогда, когда оно заметно. Значимость принадлежности к группе зависит от социального контекста (Turner J.C. [539]). Так, например, когда встречаются две группы людей разных национальностей, национальность становится значимой категорией, но если доминирующей темой является тема религиозности, признак

«национальность» отходит на второй план - и в результате этого именно вера в конечном итоге становится наиболее значимой.

На основе этих размышлений Г.Тэджфела и Д.Тернера позднее была разработана теория социальной идентичности (S.I.T). Однако, прежде чем остановиться на объяснении теории социальной идентичности, следует упомянуть в данном контексте, что большой вклад в развитие теории групповой идентичности внесли существующие социальные барьеры, предрассудки и другие межгрупповые конфликты.

Брунер и Гудман (Bruner J.S., Goodman C.C. [303]), с их изучением «переоценки восприятия», внесли свой вклад изучение феномена неправильного оценивания размера и веса в сочетании с релевантностью объекта оценивания для человека. В случае повышенной заинтересованности относительный размер в его крайних значениях (минимальные или максимальные значения) будет постоянно либо недооценен, либо переоценен. Как отмечает Д. Браун (Brown D.R. [295]), более тщательный анализ этого феномена выявил тот факт, что два аспекта суждения играют роль в оценке: с одной стороны, связанное с ценностями и нейтральное (межсерийное) измерение разности размеров и с другой стороны, что в группе стимулов (интра-серийный) существует свой диапазон разницы размеров. Таким образом, завышение масштабной изменчивости ряда значений также может быть экспериментально доказано изолированно при оценке ряда значений и не требует сравнения между рядами. Здесь важно различие между стимулами в их относительном отношении друг к другу, а не обязательно в их отношении к нейтральному значению. Эффект исчезает из-за практических эффектов или когда релевантность подразумевает определение точности свойств стимулов.

Перцептивная переоценка представляет собой частный случай общего аспекта социального восприятия в отношении классификации этих социальных объектов и событий по их ценностно-релевантному измерению с целью достижения максимально возможной количественной дифференциации. Н. Tajfel (Tajfel H. [518]) предположил, что различия в классификации социальных

единиц, а также групп увеличиваются в количестве в соответствии с измерением ценности и релевантности и ведут себя нейтрально по отношению к нерелевантным единицам. Предубеждения (см. Steins G. & Rudolph U., [503, с. 105]) обостряют разделение между релевантными и нерелевантными социальными группами или категориями и, например, отрицательные количественные характеристики воспринимаются еще сильнее, т. е. увеличивается степень перцептивной акцентуации.

Стереотипы (см. Lippman W. [423]) и предрассудки обычно возникают одновременно и, как и стигматизация (см. Goffman E. [364]), относятся к фундаментальным процессам восприятия личности (см. Steins G. & Rudolph U., [503, с. 102]). Все эти процессы служат уменьшению сложности окружающей среды, благодаря чему предубеждения могут быть описаны как исключительно негативные стереотипы. Это упрощение категорий социальных единиц, окружающих нас, которые имеют разные размеры (от небольших групп людей до наций), могут быть более абстрактными или сложными, содержать больше или меньше атрибутов, представляет собой экономическое структурирование как в эмоциональном, так и в когнитивном плане ежедневное существование человека, которое контролирует поведение, а также отношения.

Теория социальной идентичности. Основное предположение теории социальной идентичности заключается в том, что индивиды стремятся к максимально позитивной самооценке, которая является результатом их личностной и социальной идентичности. Г.Тэджфел (Tajfel H. [518, с.102]) понимает под социальной идентичностью - ту часть самооценки индивида, «полученную из его знаний о своей принадлежности к той или иной социальной группе и ценности и эмоциональной значимости, с которой это членство в группе связано».

К социальной идентичности относится как категоризация социальной среды в группах, связанных с теми, к которым человек принадлежит, так и с теми, к которым человек не принадлежит, а также эмоциональная идентификация с соответствующей группой. Поэтому в социальной

идентичности необходимо учитывать столько аспектов, сколько существует разнообразных групп, с которыми человек чувствует себя связанным, и, таким образом, человека становится возможным изучить на разных микро- и макроуровнях групповой принадлежности. Ценность социальной идентичности и связанная с ней самооценка обусловлены престижем, характерным для группы, к которой человек испытывает привязанность. Этот имидж группы определяется социальными сравнениями и в случае положительного сравнения может привести к более высокой оценке статуса собственной группы (позитивная социальная идентичность) или в случае негативного сравнения к более низкой оценке статуса группы (негативная социальная идентичность) (см. Blanz M., Mummendey A., Mielke R. & Klink A. [285]).

Поскольку индивиды остро нуждаются в позитивной самооценке (см. выше) и, следовательно, стремятся к позитивной социальной идентичности, отрицательные результаты сравнения приводят к стратегиям, которые преодолевают эти негативные аспекты социальной идентичности и восстанавливают позитивную идентичность. Для достижения подобной положительной идентичности у группы существует два варианта (см. Blanz M., Mummendey A., Mielke R. & Klink A. [286]): либо она выгодно отличается от другой группы, найдя сравнительное измерение, в котором она показывает более хорошие результаты (фаворитизация внутри своей группы), либо когда собственная группа явно лучше, чем чужая группа (обесценивание внешнего окружения группы) с точки зрения соответствующего сравнительного измерения.

В обоих случаях положительная социальная идентичность достигается за счет дискриминации чужой группы в отношении соответствующего сравнительного измерения, то есть положительный рейтинг собственной группы в обоих случаях основан на ее превосходстве по отношению к чужой (внешней) группе. Тем не менее, положительная оценка своих собственных групп не должна основываться исключительно на социальном сравнении (между своей и другой группой), она может также основываться на временном сравнении (в

разное время) или на сравнении с абсолютным стандартом (см. Mummendey A. & Simon B. [445]).

Два технических средства, с помощью которых может быть достигнута положительная социальная идентичность, на техническом языке называются поощрением внутри группы (предвзятость группы) и дискриминацией вне группы (дискриминация вне группы). К формам «привязанности группы», например, относится ситуация, когда преобладает сильная привязанность к своей молодежной группе или ярко выраженный национализм. Формами внегрупповой дискриминации можно назвать ксенофобию или обесценивание (негативное оценивание) конкретных молодежных групп.

Кроме того, существует ряд других способов поддержания позитивной социальной идентичности. К ним относятся принадлежность к другим группам или применение силы (Eckert R., Reis C. & Wetzstein T.A. [334]). Обе стратегии могут быть истолкованы как выражение более или менее удачного разграничения, с помощью которого подчеркивается отличие своей группы от другой.

В случае отрицательного поведения своей собственной группы по сравнению с внешней группой, у человека есть в распоряжении различные стратегии для усиления своей социальной идентичности. Согласно Н.Тajfel и J.C. Turner (Tajfel H. и Turner J.C. [516]) это: социальная мобильность, социальные изменения, социальное творчество и социальная конкуренция.

Социальная мобильность - означает переход от более низкого статуса к статусу вышестоящей группы, что возможно только в обществах, где существуют проницаемые границы между группами. Для формирования идентичности является неоправданно рискованным рассчитывать, например, на то, что иммигранты покидая свои группы, примут культурную идентичность принимающего общества.

Социальные изменения могут происходить через социальную конкуренцию. При этом собственная группа пытается превзойти внешнюю группу за счет увеличения усилий, в результате чего измерение сравнения

остаётся постоянным. Если значение измерения сравнения изменяется, это означает, что измерение, в котором внешняя группа работает лучше, обесценивается, и тем самым обновляется то, в котором собственная группа получила признание. Размер сравнения также может быть изменён, то есть неблагоприятное измерение заменяется тем, в котором внешняя группа уступает.

Также возможно изменить внешнюю группу, отрицая сопоставимость с вышестоящей группой и ища новую, низшую группу. Таким образом, социальные изменения - это изменения в отношениях между группами. При предпочтении группы с более высоким статусом своя группа может быть адаптирована к группе с более высоким рейтингом.

Социальное творчество характеризуется изменением исходных сравнительных измерений (с негативных на позитивные). Путём позитивной дифференциации группы с более высоким статусом достигается позитивная дифференциация собственной группы.

Также предпринимаются попытки добиться положительной самобытности посредством позитивных сравнений с другими группами с более низким статусом.

Существуют некоторые свидетельства того, что, в частности, молодые люди имеют различные стратегии социальной категоризации, которые усиливают их групповую принадлежность и, следовательно, их социальную идентичность (см. Eckert R., Reis C. & Wetzstein T.A. [334]; Blanz M., Mummendey A., Mielke R. & Klink A. [286]).

Поэтому исследование социальной идентичности требует, прежде всего, самого подробного описания стратегий классификации и идентификации индивидов, с помощью которых они выделяются из других групп и испытывают чувство принадлежности к своей собственной группе. Эта принадлежность может, например, на национальном уровне (национальная идентичность), на региональном уровне (региональная идентичность) или на наднациональном уровне (европейская идентичность). В настоящей работе основное внимание уделяется национальной идентичности, которая, например, в применённом

опроснике учитывает такие аспекты, как отношение и чувства по отношению к своей нации (национальная гордость или стыд, использование национальных символов и т. д.). Чтобы добиться четкого разделения по принадлежности к определенной группе, в исследовании использовались только данные пробандов, которые либо родились в Киргизии и имеют киргизское гражданство, либо имеют киргизское гражданство и относят себя сами к киргизам, либо русские, казахи и узбеки с соответствующими их национальностям гражданства, либо эти национальные группы с киргизским гражданством, при этом относящие себя сами к русским, казахам, узбекам. В любом случае лица с миграционным прошлым были исключены из основной выборки исследования – из киргизской группы опрошенных. В связи с этим возникает вопрос о том, какие аспекты личностной (индивидуальной) идентичности способствуют объяснению различной изменчивости аспектов социальной идентичности и каким образом достижение положительной или отрицательной социальной идентичности влияет на поведение людей.

Особое значение тема процессуальности идентичности занимает в субъектно-бытийном подходе. В данном подходе целостность и непрерывность личности переживаются человеком как чувство идентичности или самоидентичности. Поскольку личность одновременно и интегрирующая инстанция и процесс, который реализуется ею как субъектом своей бытийности, то личностная идентичность – это то, что «можно назвать «mainstrim», т.е. процесс, направляющий интеграцию и в этом качестве выполняющий системообразующую (соединение прошлого, настоящего, будущего личности; гармонизация исполняемых ролей и др.), регуляторную, смыслообразующую функции, реализуемые в субъектной активности (понимание, переживания, поведение)» (Танасов Г.Г. [205]).

Рассмотрение идентичности как процесса предполагает постоянный вектор субъектной активности, направленной на самоопределение, поиск поддержки и подтверждения личностью своей идентичности. Субъектная активность, направленная на поддержку идентичности, предполагает

расширение субъектом спектра таких обстоятельств своей жизни, в которых его сопровождает чувство самоидентичности: расширение круга лиц, поддерживающих это чувство самоидентичности, избегание ситуаций, угрожающих чувству идентичности; т.е. всех обстоятельств, угрожающих структуре ценностей, которая лежит в основе Образа-Я субъекта самоидентификации.

Особое место в исследовании проблем идентичности занимает вопрос соотношения личностной и социальной идентичности. Как известно, Э. Эриксон термин «идентичность» использует в различных значениях: и как сознательное чувство уникальности индивида (самобытность), бессознательное стремление к непрерывности жизненного опыта, и солидаризацию с идеалами группы. Анализируя подход Э. Эриксона, можно выделить два аспекта идентичности. Во-первых, идентичность определяется как субъективное ощущение тождества и целостности своей личности, возникающее спонтанно, неожиданно, как узнавание своей сущности. Во-вторых, идентичность понимается как результат переживания и осознания своей принадлежности к определенной социальной группе посредством противопоставления существованию других групп [245].

Эти два аспекта идентичности рассматриваются в современных исследованиях как два типа идентичности. Личностная идентичность как психологическая категория – это набор индивидуальных характеристик, отличающихся определенным постоянством (или преемственностью во времени и пространстве), позволяющий дифференцировать данного индивида от других людей. «Под личностной идентичностью понимают набор характеристик, который делает человека подобным самому себе и отличным от других» (Павленко В.Н. [161, с.135]. Коллективная (социальная, групповая) идентичность трактуется в терминах группового членства, включенности в какую-либо социальную категорию. Современные исследователи коллективной идентичности выделяют в данном типе идентичности два разных аспекта рассмотрения: с точки зрения ингруппового подобия (сходство индивидов внутри группы) и с точки зрения аутгрупповой или межкатегориальной

дифференциации (отличие о представителей других групп). На сегодняшний день в научной среде прослеживается тенденция рассмотрения личностной идентичности через соотношение с коллективной идентичностью.

В теории социальной идентичности Г. Тэджфела рассматривается идея существования определенного социально-поведенческого континуума, на одном полюсе которого локализованы формы межличностного взаимодействия, а на другом - взаимодействие людей как представителей определенных общностей [518].

Первый вариант предполагает актуализацию личностной идентичности, второй вариант – социальной. По мнению исследователя, индивид актуализирует коллективную идентичность, прибегая к межгрупповым формам поведения, если не может удовлетворить потребность в позитивной самооценке на уровне межличностного общения (актуализируя персональную идентичность).

В рамках теории группового поведения Д. Тернера исследователем сформулирована идея о возможности существования категоризации на трех разных уровнях, соответствующих общечеловеческой, коллективной и персональной идентичности, «социальная идентичность в этом смысле форма самоописания, самопрезентации, тот самый ярлычок, который человек навешивает на себя, оценивая свою отнесенность к внешнему миру. Она выступает, наряду с “общечеловеческой” и “личностной” идентичностью, в качестве когнитивной структуры, в которой причудливо соединены те связи, отношения, оценки, которые структурируют место данного конкретного индивида в социуме» (Самошкина И.С. [182]).

М. Яромовиц рассматривает персональную идентичность как субсистему знаний о себе, которые формируются из сравнений себя с членами группы и состоят из набора черт, специфичных для индивида. Социальную идентичность автор предлагает рассматривать через набор специфических черт, выявляющихся в ходе социального сравнения представителей своей и чужой групп. Согласно выводам автора, ингрупповая сплоченность – универсальное свойство человека. Дифференциация когнитивной схемы «Я – Мы – Другие»

является необходимой предпосылкой выхода за рамки эгоцентризма для понимания других. Формирование социальной и личностной идентичности, таким образом, необходимо для формирования способности переключения внимания индивида с одной перспективы на другую [204].

Г. Бриквелл считает личностную и коллективную идентичность двумя полюсами в процессе развития. С одной стороны, за каждой социальной категорией (этнической, религиозной, гендерной и т.д.) стоит более развернутое содержание, описывающее данную категорию в терминах черт и особенностей поведения, которые ассоциируются с данной категорией. С другой стороны, личностные характеристики предполагают соотнесение себя с группой людей, обладающих этими характеристиками, и отчуждение от тех групп, у которых данные характеристики отсутствуют (Самошкина И.С. [182]).

Личностная идентичность – продукт социальной идентичности, образующийся вследствие восприятия социального давления и активной адаптации к нему. Будучи сформированной, личностная идентичность начинает активно влиять на социальную. Эволюция идентичности человека – процесс непрерывного диалектического взаимодействия личностной и социальной идентичности.

Вопрос о взаимодействии и взаимовлиянии личностной и социальной идентичности рассматривается и в психоаналитическом направлении. А.Ватерман, рассматривая идентичность с процессуальной и содержательной сторон, подчеркивает значимость тех средств, с помощью которых человек идентифицирует, оценивает и отбирает ценности, цели и убеждения, которые впоследствии станут элементами его идентичности. Лейнг делает акцент на комплиментарности, как на факторе, определяющем основную с его точки зрения функциональную особенность идентичности: все идентичности требуют «значимого другого», с помощью которого и через отношения с ним и реализуется идентичность личности [430].

Х.Томэ, Х.Кэхеле [440] в монографии «Современный психоанализ» понимают идентичность с одной стороны как ощущающуюся субъективно

индивидом половую роль, которая определяется социально – психологически, с другой стороны как интерперсональное взаимное отражение, развивающееся в двух направлениях: изнутри вовне и извне вовнутрь [440]. Лакманн также видит формирующуюся идентичность как отражающий процесс в интересующем контексте. В социальных отношениях, существующих в повседневном окружении, индивид воспринимает себя через других людей. Способность к отражению во взаимодействиях является для человеческого существа основным условием формирования личностной идентичности.

В рамках символического интеракционизма проводится тезис о глубинном внутреннем сходстве данных видов идентичности. Рассматривая проблему соотношения личного и социального в идентичности, Дж. Мид выделяет осознаваемую и неосознаваемую идентичность. Неосознаваемая представляет собой комплекс ожиданий, поступающих от социальной группы, к которой принадлежит человек. Осознаваемая идентичность возникает в процессе рефлексии о себе и своем поведении, при этом она формируется при помощи приобретенных в социальном взаимодействии категорий. Идентичность человека, по мнению исследователя, социально обусловлена, она является следствием включенности индивида в группу, развитие идентичности идет от неосознаваемой к осознаваемой.

И. Гоффман, развивая идеи Дж. Мида, рассматривал поведение человека как осознаваемую или неосознаваемую стратегию решения им своих проблем, связанных с идентичностью. У И. Гоффмана идентичность определяется как сложное производное от процессов инсценирования, самопредставления, «подчинения-командования», занятия ролевых дистанций, стигматизации и маскирования. Целостность индивида задается через проекции «Я есть тело», «Я есть Я», «Я есть Ты», а его самореализация протекает в двух планах: 1) в плане объективации, задающем реальные пространственно-временные координаты «наличности», 2) в плане выражения, выводящем за эти координаты в пространство символов, в котором индивид: а) маскирует себя, демонстрируя через маску, б) демонстрирует себя, маскируясь за жестом. Личность в этом

смысле суть то, что «дано сквозь маску» (Лицо или Личину), но за маской может «ничего» и не быть [63].

И. Гоффман выделил три типа идентичности: социальная, личная, Я-идентичность. Он вводит понятие «политика идентичности», влияние человека на информацию о себе, продуцируемую на социальное окружение [364].

Существуют различные техники, реализующие данную политику: техника избегания, техника компенсации (искажение мнения о себе), техника деидентификации (изменение признаков идентичности). Развивая идею Э. Эриксона о базовом доверии, И. Гоффман считает, что целью таких техник остается охрана себя в сети коммуникации, помощь в овладении критическими ситуациями. Введение понятия «политика идентичности» очень важно, т. к. позволяет показать разнообразие идентичностей (даже у одного человека), а также континуальность Я (Я остаюсь собой в различных ситуациях).

Представлениям И. Гоффмана близка модель «борьбы идентичностей» Р. Фогельсона, в которой выделяются четыре компонента идентичности: реальная идентичность – самоотчет индивида о себе, идеальная идентичность – позитивная идентичность, к которой индивид стремится, негативная – которой он стремится избегать, предъявляемая идентичность – набор образов, которые человек транслирует другим людям. Индивид старается приблизить реальную идентичность к идеальной и увеличить дистанцию между реальной и негативной идентичностью. Это достигается путем манипулирования предъявляемой идентичностью в социальном взаимодействии с помощью «работы идентичностей», сходного с «политикой идентичностей» И. Гоффмана [364].

Р. Дженкинс, опираясь на работы, Г. Мида, И. Гоффмана, Ф. Барта, утверждает, что индивидуальная уникальность и коллективная разделенность могут быть поняты как две стороны одного и того же процесса. Индивидуальная идентичность, воплощенная в самости, не существует в изоляции от социального мира. Автор представляет Я как постоянно протекающий синтез одновременно внутренних самоопределений и внешних определений себя другими,

формулируя базовую «модель внешне-внутренней диалектики идентификации» как процесса, посредством которого конструируются оба вида идентичности.

Таким образом, в процессах приобретения и смены идентичностей задействованы ресурсы не только самой личности, но и всех доступных в каждом конкретном случае (в зависимости от масштаба и характера процессуальности) культурных и социальных ресурсов. «Таким образом, человек нуждается, во-первых, в групповой форме жизнедеятельности как более надежной и, во-вторых, в самоидентификации (самоотождествлении себя) с данной группой – ощущении себя неотъемлемой частью коллектива, номинальным совладельцем коллективной собственности, а главное – существом, социально востребованным и одобряемым этим коллективом» [219, с. 201].

Ю. Хабермас понимает личностную и социальную идентичность как два измерения, в которых реализуется балансирующая Я-идентичность [370].

Вертикальное измерение – личностная идентичность – обеспечивает связность истории жизни человека. Горизонтальное измерение – социальная идентичность – обеспечивает возможность выполнять различные требования ролевых систем, к которым принадлежит человек. Я-идентичность возникает в балансе между личностной и социальной идентичностью. Установление и поддержание баланса происходит с помощью техник взаимодействия, среди которых ведущую роль играет язык. Во взаимодействии с другими человек проясняет свою идентичность и выражает свои особенности.

Итак, можно резюмировать, что в современной психологии утвердилась точка зрения о существовании двух типов идентичности: социальной (коллективной) и персональной (личностной), которые выступают как некое единство, как две грани одного процесса – процесса психосоциального развития личности. Достижение баланса между социальной и личностной подструктурами личности свидетельствует о благополучном развитии личности, неразрешенные противоречия и конфликты способствуют возникновению кризиса идентичности [182].

Однако, как отмечает Л.Н. Ожигова, остается открытым вопрос, за счет чего достигается баланс между двумя этими видами идентичности [159]. Субъектно-бытийный подход позволяет поставить и решить проблему соотношения личностной и коллективной идентичности в контексте рассмотрения личности как ведущей интегративной инстанции, стремящейся к объединению, структурированию и систематизации всех характеристик собственного бытия и обеспечивающей их реализацию.

В рамках субъектно-бытийного подхода проблема личностной и коллективной идентичности рассматривается в контексте взгляда на личность как интегрирующую инстанцию и одновременно процесс, который реализуется ею как субъектом своей бытийности.

В рамках психологии человеческого бытия устанавливается следующее соотношение основных понятий. Личность выступает базовой и вершинной интегративной инстанцией психического, которая обеспечивает целостность Я-концепции и является вершиной многомерных идентификаций личности (гендерной, профессиональной, этнической и т. д.), обеспечивая их согласование и целостность человека [159].

Все внутренние и внешние интенции личности сопряжены с реализацией трех базовых потребностей личности [177]:

1) потребности в самоактуализации, экспансии, что проявляется в тенденции овладевать внешними пространствами (гетеростатическая модель потребностной сферы);

2) потребности во внутренней согласованности и сохранении целостности психического (гомостатическая модель потребностной сферы);

3) потребности быть подтвержденной внешним (потребность в обретении и поддержании целостности внешнего и внутреннего, объективного и субъективного пространства личности).

Идентичность рассматривается как часть личности, как сложное интегративное образование, включенное в структуру личности и несущее в себе отражение закономерности развития и функционирования личности.

В контексте субъектно-бытийного подхода к личности, личностная идентичность отражает два аспекта связи человека с миром: его причастность к социуму, различным группам и их социально значимым деятельности, а также к продуктам этой деятельности; его отдельность, особость личности, заявляющей о своей уникальности и своем пространстве бытия, то есть идентичность характеризует одновременно процесс самокатегоризации личности и результат самоопределения, фиксируемый в субъективном пространстве личности как определенный Образ Я.

Строение идентичности можно рассматривать как совокупность идентичностей различных уровней: эго-идентичность, личностную и социальную идентичность [107]. Эго-идентичность понимается как рефлексивная подсистема Эго, которая позволяет человеку знать, что он конструирует переживание собственной жизни как наполненное смыслом и пытается подтвердить человечеству значимость и реальность жизни взаимодействием с другими людьми. Посредством эго-идентичности личность может идентифицировать себя от текущего контекста социальных смыслов и осознать как независимую личность.

Личностная идентичность в данном контексте – конфигурация целей, ценностей, убеждений, которые индивид предъявляет миру как свои. Данный вид идентичности включает жизненные цели относительно профессии, карьеры, семьи и т.д., т. е. помогают отличить данную личность от других. Личностная идентичность – форма существования в осознании, т. е. учитывает окружающий мир в большей степени, чем эго-идентичность.

Социальная идентичность рассматривается как чувство внутренней солидарности с идеалами группы, консолидация элементов, интегрирующих самость индивида и группы. Социальная идентичность интегрирует сходство человека с другими людьми и его участие в социальном общении.

Таким образом, идентичность – это решение проблемы определенности человека в мире. Между идентичностями существуют отношения «пронизывания», когда одна идентичность, будучи субдоминантной, может быть

легко актуализирована. Интегрированная множественность идентичностей воплощается в Я-концепции, ядерным образованием которой является личностный смысл. Личностный смысл рассматривается как основной механизм, который запускает актуализацию процесса любой идентичности, экспансия или реализация которой обеспечивают реализацию Я-концепции и достижение личностью удовлетворенности жизни [159]. Личностный смысл объединяет все компоненты объективной личностной бытийности (организм, события среды, деятельность), будучи «личностным фильтром», определяет процесс идентификации личности с объектами, событиями, группами объективного мира, создает условия для экспансии и утверждения идентичности личности во внешнем пространстве. Благодаря личностному смыслу, «осуществляя соотнесение личностного и социального, субъективного и объективного в психике, исполняя великое множество ролей, человек не разрушает себя, а сохраняет внутреннее единство, достигает идентичности, существует в объективном пространстве, организуемом в соответствии с индивидуальными целями» [159, с. 69].

Итак, в рамках психологии человеческого бытия в качестве стержня, интегрирующего все виды идентичностей, выступает личностный смысл, понимаемый как «единица личности, что, с одной стороны, обеспечивает целенаправленное формирование способов деятельности, обеспечивая реализацию базовых потребностей личности, а с другой стороны, сама потребность в самоактуализации, внутренняя согласованность и внешнее подтверждение являются ценностью и смыслом личности» [159, с. 56].

Таким образом, можно выделить в идентичности индивида социальный и личностный аспекты, которые можно представить как два измерения: горизонтальное и вертикальное. Горизонтальное измерение связано с формированием человека в разнообразных общественных группах; вертикальное направлено на личностную уникальность, неповторимость внутреннего мира и личностного опыта [228]. Однако противопоставление групповой и личностной идентичностей не вполне правомерно, скорее их можно рассматривать как два

полюса самоидентификации, поскольку качества, определяющие индивидуальность человека, невозможно категоризовать и осмыслить вне социокультурного контекста, даже основания оценки своей внешности коренятся в intersубъективных представлениях о мужественности, женственности, красоте и привлекательности.

Поскольку становление личности происходит в социокультурном пространстве, вертикальное измерение можно рассматривать как вторичную по отношению к горизонтальным связям индивида. Таким образом, основная смысловая ось идентичности представляет собой особенности взаимосвязи индивидуального и коллективного аспекта идентичности, которые можно условно обозначить как «Я» и «Мы». Идентичность человека разнообразна и многопланова, можно говорить о множестве личин, масок, ролей, из которых соткано Я человека (именно на таком плюрализме и релятивизме человеческого Я настаивает традиция постмодернизма) [211], что служит источником как внутриличностных, так и межличностных конфликтов. Вместе с тем Я человека едино, поэтому все стороны и планы личностной идентичности, даже при их противоречивости и конфликтности, в норме создают уникальное единство индивидуальности человека.

Соответственно идентификация не просто являет отдельные стороны бытия личности, а множество идентичностей личности не являются их механическим соединением. Органическое единство личности в многообразии ее идентификаций достигается именно через интериоризацию присущих данным идентификациям ценностей, формирование и объективацию личностного смысла, который выступает в качестве психологического механизма реализации личности, т. е. определяет достижение личностью аутентичного бытия. Поэтому идентичность – «это и понимание личностью своей позиции в пространствах ее бытия, и переживание себя как субъекта этих бытийных пространств» [205].

Таким образом, можно говорить о целостности идентичности личности и актуализации определенных аспектов идентичности в каждый конкретный момент времени.

ГЛАВА 2. ПРОГРАММА ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ САМОПОНИМАНИЯ ЛИЧНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ СУВЕРЕННОГО КЫРГЫЗСТАНА

2.1. Основные направления исследования этнонациональной идентичности кыргызов как форма социальной идентичности

После распада Советского Союза почти все новые научные исследования касались исключительно анализа этнических различий в кыргызском обществе. Однако, вскоре стало очевидным, что различия среди населения также произошли и по многим другим показателям. Руководство Кыргызской Республики столкнулось с крайне раздробленным обществом, когда произошло основание независимого кыргызского государства. В частности социально-экономические, демографические или региональные различия, все еще говорят о кыргызском обществе как о множественном (плюралистическом) обществе (Plural society) со множественными идентичностями.

Фредрик Барт определяет множественное общество (Plural society), как общество, сочетающее в себе этнические контрасты: экономическую взаимозависимость этих групп и их экологическую специализацию (то есть использование различных экологических ресурсов каждой этнической группой). Экологическая взаимозависимость или отсутствие конкуренции между этническими группами могут основываться на различных видах деятельности в одном и том же регионе или на долгосрочной оккупации различных регионов.

В определении Plural society J S. Furnivall – это подобно смешению народов - европейских, китайских, индийских и местных, которые перемешиваются между собой, но не объединяются. Каждая группа придерживается своей религии, своей культуры и языка, своих идей и способов существования. Как отдельные представители этнических групп они соприкасаются друг с другом, но только в рыночных отношениях (покупки – продажи) (источник Википедия).

Именно множественные идентичности, свойственные кыргызскому обществу, затрудняют руководству республики работу по интеграции всех

социальных групп, проживающих в Кыргызстане, в единую национальную концепцию.

Кыргызстан является полиэтничным обществом. При проведении данного исследования в Кыргызстане и анализе научной литературы по теме исследования, можно говорить о шести различных подходах к концепции кыргызской идентичности, каждый из которых играет свою важную роль в повседневной жизни кыргызстанцев, принимавших участие в исследовании. К ним относятся наличие кыргызского гражданства, этническая принадлежность, подразумевается этническая принадлежность кыргызов к генеалогическим, региональным, языковым и религиозным идентичностям.

Далее я хотел бы сделать обзор основного содержания шести концепций кыргызской идентичности для развития самопонимания кыргызов в современном мире.

Кыргызстан является молодым государством в двояком смысле: относительно своего государственного существования и растущей численности своего молодого населения. Кыргызстан к тому же является многонациональным государством с традиционно-сильными социально-экономическими и политическими противоречиями между севером и югом страны. При этом хотелось бы отметить, что развитие самопонимания современных граждан Кыргызстана и будущее страны в целом, на наш взгляд, должно базироваться только на принципах честности, справедливости, участия и интеграции для всех кыргызстанцев.

Если в мультиэтничном Кыргызстане в качестве доминирующего кыргызского этно-национального фонда идентичности, поддерживаемого государством, будет создан соответственный политический образ страны, то это определенно приведет к фатальным нестабильным внутривнутриполитическим кризисным процессам. Этнополитическая волна насилия между узбеками и кыргызами в 1990г. в городе Ош не должна быть забыта как постоянное предупреждение о надвигающейся опасности. Незабываемым в этом контексте должны оставаться также годом раньше происшедшие тяжелые столкновения

между узбеками и турками-месхетинцами в узбекской части Ферганской долины. Следуя словам известного международного ученого-демографа Йозефа Шмида, национальная идентичность есть «арсенал обязательств, коллективного сосуществования и ориентиров на будущее, которые присутствуют в душе у каждого, где познается согласие и мотивируются личные инициативы» [28, с.35].

На наш взгляд, свое будущее Кыргызстан сможет построить только на фундаменте интегрированной кыргызской национальной идентичности и ее самопонимания любым гражданином Кыргызской республики.

- Кыргызская идентичность – модель наличия кыргызского гражданства/гражданская идентичность:

Кыргызстан входил долгое время в узкий круг стран, классифицирующих своих граждан по этническому признаку. Внутренний общегражданский кыргызский паспорт содержал статью «национальность», которая была обязательной статьей паспорта советского образца. Рациональных обоснований для сохранения данной статьи долгое время в кыргызском паспорте трудно назвать. Вслед за паспортом информацию об этнической идентификации содержали свидетельства о рождении, многочисленные справки, бланки и т.д. Вероятнее всего, это казус из разряда милицейских протоколов, когда основания в лице СССР существовать перестали, а элементы модели продолжают воспроизводиться.

На первый взгляд долгое время сохранение графы «национальность» не кажется чем-то существенно мешающим процессу обретения интегрированной кыргызской идентичности. Однако формализация принципа этнического разделения граждан, возведение его в государственный стандарт закрепляло в Кыргызстане два препятствия на пути к общей родине. Первое - это система координат, в которой этническая принадлежность является понятием осевым, сквозным, основополагающим для самоопределения человека, влияющим на его частную и общественную жизнь.

Как отмечает эксперт в области институционального развития Чолпон Ногойбаева, если гражданину Кыргызстана этническому узбеку все документы,

идентифицирующие его личность, говорят о том, что он отличается от других граждан (кыргызов, русских, дунган, корейцев) по этническому признаку, то такое разделение неминуемо ставит на повестку дня вопрос ирреденты. Идентификация по тождеству, подобию, общим признакам - самый распространенный способ самопонимания своей идентичности. [153].

Согласно опросам 2009 г., опубликованным в издании «История и идентичность: Кыргызская Республика», только 55,6% жителей страны идентифицируют себя как граждане Кыргызстана, причем среди этнических узбеков таковых на 13,4% больше, чем среди этнических кыргызов. Только треть населения КР идентифицирует себя с каким-либо этносом, 9,4% определяют общность по религиозному признаку. Показательные цифры, говорящие о серьезных проблемах с общей идентичностью и одновременно показывающие, что формирование идентичности на основе гражданства является предпочтительным [157].

Как отмечает, в своей статье «Формирование гражданской идентичности в полиэтническом кыргызском обществе» Б. М. Торогельдиева, международный опыт по формированию гражданской идентичности показывает, что во многих демократических государствах из паспортов граждан этих стран убрана графа «национальность». В целях укрепления общегражданской идентичности государственная регистрационная служба (ГРС) в 2016 г. внесла предложение при переходе Кыргызстана с 2017 г. на биометрические паспорта убрать графу «национальность» из нового паспорта гражданина КР и по международным нормам делать запись «гражданин Кыргызской Республики» [209].

Однако общественность республики неоднозначно восприняла это предложение. Часть общества восприняло эту инициативу положительно, а другая - отрицательно. В Бишкеке 7 декабря 2016 г. состоялся ход общественных и неправительственных организаций под лозунгом «Биз кыргызбыз» («Мы кыргызы»), направленный против упразднения графы «национальность» в паспортах КР [54].

17 февраля 2017 г. ГРС предложила новый вариант паспорта гражданина КР, где графы «национальность», «семейное положение», «адрес проживания» убраны - они будут оставаться только на электронном чипе. Принятие данного решения необходимо считать важным решением в формировании гражданской идентичности в республике, хотя сохранилось много его противников.

По мнению Чолпон Ногойбаевой, развитие (при пессимистическом варианте - сохранение) страны сегодня напрямую зависит от модернизации кыргызской культуры, трансформации кыргызского традиционного общества в современное. Изменения социальной структуры уже происходят, сегодняшние кыргызы расширяют зоны своего присутствия в линейке технических, управленческих и предпринимательских сфер деятельности, изменяются социальные страты и взаимодействие между ними. Следующим шагом, имеющим большой потенциал для развития, могла бы стать модернизация идентичности, переход от этнической парадигмы к гражданской, от этнических кыргызов, этнических узбеков и этнических русских к общей гражданской нации кыргызы [153].

Переход не будет быстрым и безболезненным по ряду причин. Одна из них - непривлекательность этнонима для других этносов, живущих на территории Кыргызстана. Существуют исторические, цивилизационные, идеологические и политические причины формирования негативного образа, и эта тема достойна отдельного исследования. Но, поскольку речь не идет о поиске виновных или оправдании невинных, то гораздо важнее понять явление и начать процесс формирования позитивного дискурса в отношении современных кыргызов, причем, в первую очередь в кыргызской среде.

Уже перечисленные отрицательные коннотации, связанные с кыргызами, не задевают сущностных характеристик этноса, напротив, здесь присутствуют исключительно позитивные определения, такие как доброжелательный, гостеприимный, отзывчивый, толерантный и т.д. Негативные ассоциации возникают в подавляющем большинстве при описании отношения кыргызов к

трудовой и профессиональной деятельности, а точнее, к производительности и эффективности труда.

Пресловутая «лень» кыргызов - это диссонанс между современными требованиями к труду и сохранившимся от отгонного скотоводства уровнем производительности труда.

В исследовании А.С. Кочкунова, посвященном нациестроительному процессу у кыргызского народа, были сделаны следующие выводы. Этот процесс у кыргызского народа в Новое и Новейшее время прошло три этапа: дореволюционный до 1917г., советский и постсоветский. [118].

Именно на советском этапе, произошло подлинное возрождение кыргызского и других народов республики. Накануне распада союзного государства кыргызский народ поднялся до уровня высокоорганизованной нации... Неоднозначно оценивается нациестроительство у кыргызского народа на текущем постсоветском этапе развития. Такое положение, на взгляд А.С Кочкунова, связано с тем, что в новых исторических условиях государство должно учитывать интересы не только одной нации, пусть она является государствообразующей, но и интересы всех народов, агрегировать их при разработке государственной политики. Сочетание разнонаправленных интересов составляет одну из главных проблем в современном дискурсе о стратегической перспективе Кыргызской Республики [118].

Ж. Нурдинова выделяет три уровня самоидентификации применительно к Кыргызстану. Это, во-первых, макроуровень, на котором Кыргызстан самоопределяется и самоутверждается в геополитическом и региональном плане, где существует несколько вариантов выбора: тюрко-исламская цивилизация, евразийство, западные ценности и др. Во-вторых, средний уровень самоидентификации, который заключается в самоопределении себя как государственной организованной общности и обретении национального единства. В-третьих, микроуровень, то есть самоопределение индивидов в отношении локальных идентичностей. На этом уровне в Кыргызстане представлена система субэтнических, родственных и клановых отношений [154].

По мнению Аксаны Исмаилбековой (Кыргызстан: Новая политическая роль старых родоплеменных объединений) Кыргызстан работает над формированием современной национальной идентичности, но родоплеменная идентичность – социальный институт, давно считающийся пережитком прошлого – продолжает оказывать значительное влияние на этот процесс. Данный факт необходимо признать и предпринять соответствующие шаги [95].

Принадлежность к определенным родоплеменным объединениям приобрела новую актуальность в кыргызском обществе в постсоветскую эпоху. Большинство этнических кыргызов могут проследить свою родословную до одной из 40 родовых группировок, каждая из которых имеет общее географическое происхождение, уникальную историю и генеалогию. Сейчас некоторые из них решили укрепить эти связи, создав неформальные родоплеменные объединения, которые оказывают закулисное влияние на повседневную жизнь и национальную политику.

Тот факт, что родоплеменные объединения пережили советский период, является свидетельством их глубоких исторических корней. В течение большей части XX века советские власти стремились уничтожить системы родственных связей в Кыргызстане, считая их пережитком прошлого и препятствием для прогресса. Эта попытка не удалась отчасти из-за того, что политика родства быстро проникла в советский аппарат, партийные организации и колхозы.

Важнее всего то, что родовые объединения обладают значительной мощностью в таких вопросах, как мобилизация избирателей, контроль за назначениями на определенные посты и организация акций протеста. По сути, они могут функционировать как лоббистские группы или даже рудиментарные политические партии, которые проникают глубоко в местные и региональные институты.

Одним из таких объединений является Сарыбагыш, представляющее племя, которое на протяжении многих поколений снабжало страну политическими и культурными лидерами. Летом 2014 года в неформальном собрании объединения, или курултае, приняли участие 450 делегатов, среди

которых были общественные деятели, предприниматели, депутаты, историки и старейшины родов.

- этническая идентичность:

В своей статье «География этнической идентичности Кыргызстана» Ч.Дуйшеналиев раскрывает особенности кыргызской этнической идентичности и ее роль в построении гражданского общества. На его взгляд, важное значение на формирование идентичности кыргызов оказали определяющее влияние историческая традиция, опора на интеллектуальную и религиозную толерантность как основу ментальности. Определяющая черта гетеростереотипа кыргызов – толерантность, при этом отсутствуют «Иллюзорная мечта маленькой нации видеть Спасителя в национальной одежде», «мессианская идентичность» [75].

При строительстве кыргызской идентичности, прежде всего, в КР учитывалось пять парадоксов национального самосознания кыргызов: 1) природную русскоязычность кыргызов - у 70% населения, билингвистизм; 2) устойчивость кыргызской самоидентификации; 3) формирование единой кыргызской самоидентификации при внешних негативных влияниях; миролюбие, бесконфликтность, толерантность - экзистенциальные этнические ценности, привели к тому, что национальная идея кыргызов имеет «посреднический» характер. Долгое отсутствие собственного государства привела к тому, что этноязыковая самоидентификация кыргызов «отстывает» перед государственной. 4) Кыргызы давно уже нация, весьма своеобразная; их государственность не была собственно-национальной: при СССР - характер, подчиненный унифицирующему центру, в большей степени интернациональный; 5) «положительная маргинальность»; как народ адаптивного типа, оказались в гораздо более выигрышном положении, нежели ограничивающие себя узконациональными рамками; кыргызы отказались от резкого разделения на культуры, развивая «кыргызскую полиэтническую культуру» [75].

По мнению Ч.Дуйшеналиев, в Кыргызстане недостает национализма -

особого тип территориальной идентификации, цель которого – создание этнической идентичности (одним из ее элементов являются определенные географические границы). Основой устойчивости Кыргызской нации является географическая иерархичность разноуровневой идентичности и внутринациональной территориальной дифференциации идентичности. В этом случае памятники природы Кыргызстана по праву считается одной из самых живописных и идентичных стран мира. Трудно найти на Земле место, где на сравнительно небольшой территории располагалось бы такое количество самых различных ландшафтов, чудесных уголков природы. Среди них и жемчужина Тянь-Шаня – уникальное озеро Иссык-Куль, и заповедные леса Арсланбоба, и горное озеро Сары-Челек, и словно живые скалы Джеты-Огуза. Тысячи ущелий, каждое из которых неповторимо и обладает своей собственной прелестью и притягательностью, величественные горные вершины, ледники. Все они создают столь близкий для каждого облик Кыргызстана, манят к себе всех, кто равнодушен к прекрасному, кто стремится ощутить единение с природой, проникнуться душой родного края [75].

В попытке создания психологического портрета кыргызов хотелось бы отметить, что в процессе трансформации социально-политической системы происходили определенные изменения в национальном самосознании, ментальности, национальном характере народа. Исходя из этого, Н.С. Эшимбековой были созданы три взаимосвязанных между собою портрета кыргызов: 1. Мнения российских путешественников о кыргызах. 2. Кыргызы в «семье братских советских народов». 3. Кыргызы в постсоветский период современности [248].

Итак, достоверные сведения о кыргызах оставили русские путешественники, основываясь на этих данных, попытались создать психологический портрет кыргызов конца XIX – начала XX вв. В различных источниках не раз подчеркивался свободолюбивый характер кыргызов. Так, П.И. Рычков, исследования которого относятся к первой половине XVIII в., характеризует кыргызов как сильный и «многолюдный» народ. Он пишет о том,

что «исконное свободолюбие и мужественность характера киргизов позволили им сохранить в середине XVIII в. политическую самостоятельность даже в неблагоприятном окружении более сильных соседних ханств. И хотя временно часть киргизов подпадала под власть джунгарского правителя, все же их «большая часть ни от кого не зависит», и никто из среднеазиатских ханов – тамошних владетелей – преодолеть их не могут» [248, с. 9-10].

В.И. Липский писал: «Киргизы нередко служили батраками в зажиточных и кулацких хозяйствах, исполняя все нужные работы не хуже русских, а, по мнению самих хозяев, «даже лучше» и притом имели то преимущество, что не пили» [127, с. 195].

Восприимчивость кыргызов к новым явлениям была отмечена рядом русских очевидцев и исследователей. Л.Ф. Костенко писал, что «При столкновении с просвещенными нациями, быстро усваивают себе наружный лоск и привычки, не теряя, однако, своей национальности и не гнушаясь ею» [133, с. 351]. Н.С. Лыкошин: «Присматриваясь к обстановке своих русских соседей, – сообщал другой очевидец, – туземец вообще легко перенимает то, что практично, дешево и прочно» [133, с. 16]. «Как известно, кыргызы ранее не знали спиртных напитков, употребление которых запрещалось исламом и считалось грехом. Но кыргызы, только внешне придерживающиеся мусульманской религии, поддавались различным воздействиям извне...» [133, с. 110–111].

В.И. Липский, к примеру, также описал восприимчивость кыргызов к инновациям: «Бесспорно, киргизы способное и даровитое племя, весьма склонное к европейской культуре» [127, с. 236]. «Это близкое к природе племя, способное к культуре, живое, чуждое мусульманской инертности и мертвенности» [127, с. 144].

Основным критерием таких взглядов русских путешественников, как подтверждает эпическое наследие кочевников, является знание собственного традиционного уклада жизни. Это объясняет некоторые характерные черты ментальности кочевого образа жизни, такие как интерес ко всему новому, инновациям, любознательность и толерантность. В подтверждение этому

приведем некоторые зарисовки конца XIX в. А.П. Смирнова о кыргызах: «Мрачный, угрюмый на вид киргиз недоверчиво как-то относится ко всякому постороннему человеку не из его племени. Он вообще осторожен. Но стоит заговорить с ним ласково, и он оживляется и начинает расспрашивать о том – о сем. Любопытен киргиз до крайности. Стоит узнать ему о какой-нибудь новости, – и он готов скакать за несколько верст в чужой аул, чтобы узнать подробно, что случилось. Узнав, он опять скачет назад, и на обратном пути уже побывает в других аулах, чтобы поделиться этой новостью» [53, с. 17].

«Ласковым обращением, кротостью можно сделать из киргизов лучших и преданнейших друзей. Они никогда не изменят, и если понадобится, все сделают, чтобы выручить вас из нужды» [53, с. 18]. «Киргизы очень гостеприимны. Приехал в аул какой-нибудь путешественник – и его окружает целая толпа киргизов. Наперерыв они приглашают его в свои юрты. Садят на почетное место и подносят большую деревянную чашку кумыса. Потом, если есть в юрте барашка, – ему подают отборные куски, если нет – хозяин не пожалеет зарезать барана и угостить гостя. Не пожалеет он и лучшего коня в табуне» [53, с. 17].

Толерантность и гостеприимство особенно характерны для кочевой культуры, так как, находясь высоко в горах длительное время, кочевникам не была доступна информация, потому появившемуся путнику у порога были, несомненно, рады. Здесь даже не столько вопрос стоит в отсутствии коммуникаций, сколько в том, что у кыргызов очень много обычаев и традиций связано с тем, что гость сакрален и согласно ментальной теории – дуальности мира – «свой» – «чужой», ему необходимо принести прообраз жертвы, угощение, совет, ночлег и т. п., а потому ему необходимо оказать все возможные почести. А заодно, кыргызы могли и ликвидировать свои потребности в отсутствии информации, в этом и суть их любознательности.

Исходя из этого, следует отметить, что касается гостеприимства и толерантности, то она в кочевой среде означает принятие инноваций как пространственного элемента, к которому необходимо приспособиться без изменения в ментальности за достаточно длительный промежуток времени.

Таким образом, система мировоззрения, основанная на этнической картине мира, передающаяся в процессе этносоциализации, включала в себя представления о приоритетах, нормах и моделях поведения в конкретных обстоятельствах. На основе данных представлений, среды обитания, быта формировались традиции и обычаи, психологические особенности, присущие этносу в определенный промежуток времени и отличающую одну этническую группу от другой. В основе традиций и обычаев кыргызов лежат такие качества, как гостеприимство, ценность жизни, ценность детей, уважение к старшим, заботах о младших, преемственность поколений, доброта, взаимопомощь и взаимовыручка, заботах о всех членах рода, сплоченность внутри рода и ряд других. Данные качества имеют свое отражение и в психологическом портрете кыргызской этнической группы.

Выше обозначенное позволяет Н.С. Эшимбековой отметить, что до установления советской власти, проникновению в кыргызскую этногруппу инновационных духовных идей препятствовал кочевой общинный быт, основой которого было сравнительное кочевое равенство и социальный оптимизм, а наивысшим критерием оценки была коллективная польза на благо племени и рода. Так как резкого социального деления у кыргызов еще не сложилось, поэтому основными принципами коллективизма кыргызской этногруппы являлись материальная и духовная поддержка каждого индивида. Таким образом, многие приоритеты советской власти были созвучны кыргызскому мировоззрению и достаточно быстро нашли поддержку у широких слоев населения (например, основная идея: коллективный труд на благо общества и социальная защищенность) [247].

Находясь уже в составе Советского Союза с его идеологическими воззрениями, естественно, что подверглась трансформации и психология кыргызов. Конечно, потребовалось немислимое – перевернуть самосознание кыргызов, с тем, чтобы переориентировать его с этнической идентификации на надэтническое. Вся огромная, многонациональная страна начала рассматриваться как одна единая семья и один единый советский народ.

Создавалось все с «нуля», все новое: новая страна, новый народ и новая культура. При этом русский народ был как бы «старшим братом», неким покровителем, который дал новую жизнь угнетенным и поработенным народам. Русский язык стал связующим в формировании новой идеологии, страны и советского человека в целом.

Шло формирование нового человека и это всячески подчеркивалось. В априори советский человек ставил перед собой не потребительские, а духовные ценности, на вершине которых был интернационализм. Каждая этническая группа должна была отказаться от всего национально-традиционного и остаться социальной общностью без рода, племени, культурных и этнических корней. Были созданы массы образов, с которых требовалось брать пример и к которым стремиться.

Причем данные образы были созданы для каждой возрастной группы – для октябрят, пионеров, комсомольцев, коммунистов, для разных социальных слоев и профессий были созданы свои герои, но имеющие единые черты государственного образа. Это показывает формы психологического формирования нации, высший смысл которой состоял в социальной реализации – жить и работать во благо советского общества. Политическим руководством была четко очерчена граница между старым (беспросветным, нищетой, безграмотностью, не защищенностью) и новым (светлым счастливым путем в единой семье советского народа). Такой границей послужила Октябрьская социалистическая революция 1917 г., которая и проводила четкую черту между всем старым и новым.

Все было унифицировано, подогнано под один шаблон. На основе этого и формировались четко обозначенные стереотипы. Чтобы народ не «тянул» за собой свое глубоко этническое, были внедрены общие праздники для всего советского народа, которые праздновались всенародно и в один день. К примеру, Новый год, 23 февраля (день защитников Отечества), 8 марта (день женщин), 1 мая (день солидарности трудящихся всего мира), 9 мая (День Победы), 7 октября (День Конституции СССР), 7 ноября (День Великой Октябрьской

социалистической революции) и т. д. У каждой даты была своя глубокая символизация. Определенного рода унификацию можно увидеть даже в безобидных поздравительных открытках [248].

К вышеобозначенным идеям со временем пришел и весь мир, через идеи глобализации, объединение на общих началах, без этнической идентификации, на основе принадлежности к определенному государству.

Помимо бесконечных идеологических образов был обозначен светлый путь на много лет вперед к обществу равных – коммунизму.

Исходя из вышесказанного, по мнению Н.С. Эшимбековой следует говорить не о психологическом портрете кыргызов, а о портрете советского человека. И среди многообразия черт можно выделить следующие: высокая мораль и идейность, патриотизм, чувство коллективизма, толерантность, приоритет общественного над частным, стремление к миру во всем мире, способность к самопожертвованию ради всеобщего блага и др. [248].

Далее Н.С. Эшимбекова выделяет третий этап в трансформации психологии кыргызов, который относится к периоду обретения Кыргызстаном независимости. 31 августа 1991 г. Верховный Совет страны принял Декларацию о государственной независимости» Республики Кыргызстан [248], это положило начало новому этапу в новейшей истории Кыргызстана.

В 90-х гг. XX в. в истории культуры Кыргызстана начался новый этап, характеризующийся реанимацией утраченных этнических ценностей и национального языка. Произошел всплеск интереса не только к этническим ценностям, но и к разного рода религиозным течениям, которые не раз приводили к локальным конфликтам. Смена власти, идеологии, изменение социально-политической и экономической жизни и ряд других обстоятельств привели к двум насильственным сменам власти, многим возникшим вследствие раздела властью сфер влияния и трайбализма к социально-экономическим проблемам.

Самое опасное во всем этом нам видится в том, что за 29 лет независимости не раз пересматривалась и переписывалась история страны. Отсутствие единой

концепции государственной идеологии, нестабильная социально-политическая и экономическая ситуация, отсутствие единой стратегии в развитии государства приводят к противоречиям в деле целенаправленного формирования национального самосознания, что, в целом, отражается и на психологическом образе этнической группы.

Для того, чтобы выявить психологические особенности кыргызского народа в настоящее время, Н.С. Эшимбекова провела социологическое исследование на тему: Психологический портрет кыргызов: история и эмпирика вопроса самоидентификации. Выборочная совокупность составила 400 человек, из них 200 – кыргызов, 200 – других разных национальностей (украинцы, русские, узбеки, уйгуры, дунгане, немцы, казахи, поляки, украинцы, молдоване). Критериями выборки стали – национальность, возраст, место проживания [248].

Как показали результаты исследований, только для 50% респондентов-кыргызов эпос «Манас» представляет собой ценность, а для представителей других этнических групп является сказкой. Хотя над концепцией национального образа Манаса как национального героя работали длительное время, пропаганда, которой была достаточно дорогостоящей, тем не менее, представители всех этнических групп в качестве национального героя выбрали Ч. Айтматова, хотя в этом направлении не проводилось и не проводится никакой работы.

Исходя из результатов проведенного анкетирования, был сделан вывод о том, что кыргызы, по мнению представителей других этнических групп, как и в собственных глазах, до сих пор остались гостеприимными, дружелюбными, сплоченными, добрыми и уважительными. Взаимовыручка, склонность к коллективизму и, конечно же, гостеприимство сформировались на фоне повседневной жизни кыргызов и являются неотделимой частью их существования и сегодня. Это те качества, которые были характерны еще для кыргызов-кочевников, но которые сохранились до сих пор.

Можно утверждать, что психология кыргызов основывается на внутренней самобытной культуре этноса. Сюда, прежде всего, входят гостеприимство, толерантность, духовная этническая гибкость. Выделенные черты этнической

ментальности продиктованы тем, что в историческом пространстве формирования кыргызского этноса ему приходилось выживать и достаточно долго приспособлять свое мировоззрение (сохраняя при этом самобытность) к окружающему межэтническому мировосприятию.

При этом создавалась простая идеология: для того, чтобы выжить, в собственную номадическую духовную культуру на протяжении истории приходилось включать этнические маркеры окружающих народов и политических реалий.

Анализируя результаты своего исследования, Н.С. Эшимбекова отмечает, что постоянная переориентация ценностных установок кыргызского этноса свидетельствует о еще не законченном процессе формирования единой духовной культурной концепции [248].

- генеалогическая идентичность этнических кыргызов:

Вопрос о происхождении кыргызов интересовал целую плеяду историков и этнографов-тюркологов как прошлого, так и настоящего. Но до настоящего времени историческая наука не дала ясного ответа на вопрос где зародилась кыргызская кочевая цивилизация. Загадка кыргызского этноса и его культурно-материального наследия заключается в том, что в отличие от многих народов, археологический ареал элементов культуры кыргызов вобрал в себя обширную территорию Центральной Азии, Южной Сибири, Монголии и сопредельных территорий.

Самые древнейшие археологические культуры, найденные на этих обширных территориях, такие как Афанасьевская (3-2 тысячелетие до н.э.), Андроновская (1800-1400 лет до н.э.), Карасукская (1400-800 лет до н.э.), Тагарская (800-100 лет до н.э.) и Таштыкская (100-400 гг. н.э.) были идентичны многочисленным археологическим культурам Енисейских кыргызов на территории Минусинской котловины, Тувы, Алтая, Восточного Казахстана, Красноярского края и Прибайкалья [4].

Оставив огромный след в истории человечества, кыргызская кочевая цивилизация оставила кыргызов, которые проживают в большинстве на

территории Кыргызстана. Позднее археологические и этнографические элементы кыргызского кочевого быта Тянь-Шаня и Ала-Тоо нашли свою идентичность и преемственность с культурой Енисейских кыргызов. Что породило много исторических гипотез о переселении Енисейских кыргызов на Тянь-Шань, и эта точка зрения нашла среди тюркологов очень много сторонников. Есть среди них и те, кто полагает, что предки кыргызов могли жить на территории современного Кыргызстана и в сопредельных территориях еще до Енисейских кыргызов, тому есть археологические и антропологические данные. Есть и те, которые утверждают, что у кыргызов Тянь-Шаня и Енисея нет генетической связи.

С.М. Абрамзон глубоко и разносторонне изучал этническую историю кыргызов, отмечая ее чрезвычайно сложный характер. На основе анализа этнографических материалов он описал процесс формирования кыргызской народности, который, на его взгляд, происходил преимущественно на территории Восточного Тянь-Шаня и Притяньшанья, а также Памиро-Алтая и прилегающих горных областей (Алтая, Прииртышье, Восточный Туркестан) [5].

При этом основу кыргызской народности, складывающейся по мнению ученого, в XIV-XVII вв., составили: а) местные, давно обитавшие здесь тюркоязычные племена, часть которых по своему происхождению, вероятно, восходит к племенам эпохи тюркских каганатов, уйгурского и кыргызского государств, а также караханидского государства (конец X-XII в.), в том числе карлукско-уйгурское население; б) группа пришлых, в основном тюркоязычных, племен центральноазиатского происхождения, передвинувшихся на территорию Центрального и Западного Тянь-Шаня и Памиро-Алая с северо-востока и востока; в) племена монгольского и казахско-ногайского происхождения.

Однотипность хозяйственного уклада (кочевое скотоводство, отчасти охота и земледелие), близость форм быта и культуры названных выше племен, господство среди них патриархально-феодалных отношений способствовали постепенному исчезновению обособленности, облегчили процесс ассимиляции одних племен другими и их смешения, что в сочетании с процессом социально-

политического развития и с некоторыми внешне-политическими обстоятельствами создало предпосылки для образования новой этнической общности - киргизской народности [6].

Таким образом, С.М. Абрамзон больше многих других авторов связывал процесс сложения киргизской народности с нынешней территорией его обитания и постоянно подчеркивал преимущественное участие в нем древних аборигенных племен (Табышалиев С.Т. [202]).

В целом, историческая наука, основанная на материальных и письменных данных, так и не смогла дать ясного ответа на многие вопросы становления киргизской нации.

Сегодня появилась новая отрасль в исторической науке как ДНК генеалогия, которая позволяет каждому узнать правду о своих предках и своих дальних генетических родственниках, проживающих по всему земному шару.

В своей книге «Происхождение киргизов с точки зрения генеалогических преданий (санжыра) и популяционной генетики» К. Чороев выражает на основе проведенных российским специалистом в области молекулярной генеалогии, одним из модераторов научно-популярного интернет ресурса www.molgen.org, выступающим под ником Овод, точку зрения, что киргизы есть и были единственными потомками легендарного Манаса, предки которого составляли аристократический род, из которых назначались правители союза тюркских племен. Они построили древнейшую кочевую цивилизацию, простиравшуюся от Средней Азии до Алтая и Енисея [237].

Также он приводит данные группы ученых из Лаборатории молекулярной антропологии Медицинского Института Страсбургского Университета под началом доктора Кристины Кайзер, опубликовавшие результаты исследований ДНК проб из останков древних захоронений носителей андроновской (1800-1400 гг. до н.э.), тагарской (800-100 гг. до н.э.) и таштыкской культур (100-400 гг н.э.) и др. групп ученых-генетиков [237].

К. Чороев сожалеет о том, что в Кыргызстане много людей, которые видят в санжыре источник деления киргизского народа на племена, видят элемент

трайбализма. Считает этот факт - всего лишь объяснимым недостатком знаний. На его взгляд, историки, которые пишут учебники по истории, не рассматривают генеалогические сказания кыргызов – санжыру как раздел исторической науки. В школьных программах по истории нету ни слова о санжыре. На взгляд К. Чороева было бы интересно, изучая историю, осознавать связь, причастность своих предков к истории страны, как и где они жили, чем занимались, чем известны. Известна целая плеяда кыргызских исследователей санжыра и фольклора такие как Осмонаалы Сыдык уулу, Белек Солтоноев, Сабыр Аттокуров, Сапарбек Закиров, которые оставили замечательные труды, посвященные истории кыргызов с точки зрения генеалогии [237].

В своей статье Nathan Light «Kyrgyz Genealogies and Lineages: Histories, Everyday Life and Patriarchal Institutions in Northwestern Kyrgyzstan» проанализировал ряд аспектов патрилинеальных организаций уруу среди кыргызов, проживающих в Кара-Бууре, и исследовал роль местных генеалогий и повествований в историческом развитии своей идентичности кыргызами. Генеалогии - Санджир - это собранная разнообразная информация о происхождении, прежде всего людей, а также об исторических событиях и опыте известных личностей (сохранившаяся народная генеалогия, родословная). Санджировские повествования характеризуют личную жизнь бывших членов уруу, но являются лишь небольшим подмножеством местных историй и легенд, которые рассказывают люди. Из-за преобладающего ракурса рассмотрения повествований на мужчинах и их генеалогии, женщины и их родственные связи не представлены [417].

К числу немногих женщин, которые упоминаются в опубликованных родословных о происхождении Кара-Буура (Jakіrov B. [391-392]), относятся матери некоторых известных предков, таких как Каработу-хан, а также некоторые их дочери, родившиеся в прошлом веке, но без подробностей об их жизни, браках и детях.

Тем не менее, женщины часто в быту рассказывают устные повествования, которые не считаются санджирой, их содержание в основном составляет их

личный опыт и опыт знакомых им людей. В очень немногих повествованиях - санджирах описывается жизнь женщин, например, в домашних хозяйствах, хотя именно женщины, очевидно, играют решающую роль в увековечении линии рода.

Санджира - это небольшие повествования, в которых мало упоминаний о личном опыте и семейной жизни, хотя мужчины и женщины часто рассказывают именно о своем собственном опыте и опыте своих родных. И мужчины, и женщины часто рассказывают о духовных переживаниях, но они также редко упоминаются в опубликованных санджирах. Автор говорит о том, что сверхъестественные нарративы - это один из способов, с помощью которых женщины могут добавлять свои собственные комментарии и опыт в повествования об уруу, не ограничиваясь патриархальной и патрилинейной идеологией, которую воплощают генеалогии уруу.

Тщательное изучение процессов патрилинейности (в этнографии: унилинейное правило счета родства, учитывающее из поколения в поколение связи детей только с отцом), и повествования о них представляют собой способ понять патриархат в кыргызском опыте в Кара-Бууре. Вместо того, чтобы быть всеобъемлющим и вездесущим фактором, определяющим опыт, патриархат лучше понимается с точки зрения его появления в конкретных условиях, переговорах и выборах. Д. Кандиоти [33] поднимает вопрос о «переговорной власти», которая подчеркивает конфликт более, чем кажется точным для разделения власти по признаку пола, даже в такой явно мужской сфере, как уриуских патрилинейностей и их представительства в санджире.

Некоторые устные рассказы в Кара-Бууры могут пропагандировать героическое прошлое, но чаще они говорят о сложностях жизни, не выдвигая явных претензий или не пропагандируя и не оспаривая идеологии патриархата: вместо этого они развлекают и обогащают социальную жизнь, говорят о том, что люди считают важным опытом.

Женщины критикуют гендерное и классовое неравенство в других аспектах социальной жизни Кыргызстана (Light N., [420]), а в случае

патрилиальных организаций у женщин есть возможность принятия решений, доступа к ресурсам и открытого обсуждения общества и ценностей.

Автор полагает, что до-советская практика уруу была в целом более иерархической, поэтому раньше женщины пользовались меньшим авторитетом в общественной жизни, делах уру и, возможно, в домашнем хозяйстве, но это требует дальнейшего анализа. Тем не менее, патриархальная модель уруу была также распространена на более новые контексты отношений, такие как отношения одноклассников в современной средней школе (Light N., [420]).

Современное кыргызское общество характеризуется с большим энтузиазмом относится к местным героям, памятникам и могилам, которые позволяют почтить память многих исторических и легендарных деятелей прошлого. Но популярные местные повествования о героях в Кара-Бууре свидетельствуют не об интересе к их политическим или военным достижениям, вместо этого предки и герои генеологии более интересны именно своими социальными и духовными переживаниями и их жизненной борьбой.

Возможно, это связано с преобладанием эгалитарного духа: хвастливые рассказы, созданные посредством патронажа, не повлияли на формирование представлений о прошлом в Кара-Бууре. Люди также не предъявляют в генеологии претензий на свое превосходство на оккупированную территорию или не рассказывают в легендах о основополагающей роли или значении апикальных предков.

Вместо этого рассказы о достижениях и борьбе героев генеологических линий сосредоточены на темах их духовных переживаний и способностей. Другие рассказы посвящены женщинам, сыгравшим в генеологии важную роль при выборе супруга как для левирата, так и для второй жены. Эти генеологические записи обычно привязаны только к генеологическому времени, при этом очень мало учетных записей, которые указывают абсолютную хронологию в годах или географическое местоположение, кроме случайных упоминаний о религиозных местах. Это сильно контрастирует с обычными

отчетами местных жителей о точных датах и конкретных местах в рассказах об их личной жизни.

Непрекращающиеся исследования и расширение общественных знаний о патрилинейных генеалогиях являются важным аспектом создания уникальной кыргызской национальной истории, а также создания ее этнической исключительности. На местном уровне история как в школе, так и в обществе, как правило, подчеркивает достижения кыргызов, но обычно речь идет о многонациональном участии, особенно в советский период, и доминирующая советская идеология анти-уруу продолжает оказывать влияние на многие повествования о советском периоде, в котором идентичности уруу редко упоминаются: такими местными героями советских времен являются члены общины, которые были учеными, врачами, профессиональными спортсменами или способствовали созданию коллективного сельского хозяйства. В постсоветской общественной жизни генеалогия уруу также не подчеркивается, а рассматривается скорее как вопрос местной (региональной) и частной идентичности.

Автор предполагает, что патрилинейность играет в современном кыргызском обществе гораздо менее важную роль, чем в прошлом, и на национальном уровне ее лучше всего рассматривать как категорию наследия: она широко исследована на предмет ее исторического значения, ценится как символ национальной традиции, но в настоящее время играет свою роль только среди ограниченного числа своих сторонников. В принципе есть потенциал для ее дальнейшего возрождения этого наследия кыргызской истории, но вряд ли она станет играть в современном Кыргызстане снова важную роль [420].

На местном уровне, однако, патрилинейность важна для определенных ритуальных событий и служит ключевым источником социальной идентичности, хотя она и не требует большого количества времени или ресурсных затрат от участников. Родственники и родственные связи являются важными аспектами социальной жизни Кыргызстана и включают в себя обязательства и большие объемы ресурсов по широкому кругу связей, идущих от матери и отца, братьев

и сестер и партнеров по браку, и дополняющихся связями между одноклассниками, соседями и друзьями [419].

- региональная идентичность:

Бегимай Абишов выделяет у кыргызов разные уровни самоидентификации (самоидентификация - термин, используемый автором в своем социологическом опросе 2007-2010г., включающий вопросы, касающиеся так называемой проблемы «южных и северных кыргызов», например, «Как вы думаете, зачем обычно кыргызы спрашивают о месте рождения других кыргызов?» [3]) и группового деления по следующим категориям: религия, гражданство, этническая принадлежность, «географический» регион («север-юг»), область, район, племя (уруу), род (урук), клан («Бир атанын балдары» - слово в слово «Дети одного отца», обычно 3-4 поколения) [«Кыргызы традиционно делятся на три крыла и ~ 40 племен. Например, мама Бегимай Абишова Койгельди (клан), Кыдык (род), Бугу (племя) [правое крыло]»].

По мнению Бегимай Абишова, групповая идентификация зависит от ситуации, в которой находится любой из индивидов: этническая принадлежность более важна для кыргызов, когда они находятся за рубежом или в ситуации, когда рядом находится представитель другого этноса. Когда присутствуют только кыргызы, «внутренняя» идентификация играет более важную роль [3].

Под «внутренней идентификацией» в статье Б. Абишова подразумевается (по степени важности): региональная (юг/север), областная, районная, племенная, родовая и клановая идентификация кыргызов. Деление кыргызов на «север и юг» часто объясняется исследователями и самими кыргызами как следствие (суб)культурных различий (похоронные и свадебные традиции, встреча гостей и родственников, распределение мяса и т.п.).

Исходя из этого, региональное деление кыргызов пытаются объяснить (суб)культурными различиями. Между тем вышеназванные [«(суб)культурные»] различия можно найти не только среди «северных или южных» областей, но и среди районов внутри каждой отдельной области. Такие же различия (похоронные и свадебные традиции, встреча гостей и родственников,

распределение мяса) можно найти и среди чуйских и иссыккульских кыргызов, но они не становятся почему-то фактором деления и группирования кыргызов на «чуйских» и «иссык-кульских» и не рассматриваются как (суб)культурные [3].

Таким образом, по мнению Бегимай Абишова, так называемые «субкультурные различия» не могут быть принципиальной причиной внутренней идентификации «южных» и «северных» кыргызов, несмотря на то, что такие «различия» считаются одним из важнейших факторов регионального деления кыргызов (Эти различия зафиксированы этнографами в начале XX века, например, Фиельструп Ф. А. [218]).

Одной из причин регионального деления, по мнению Бегимай Абишова, возможно, была историческая причина, связанная с колониальной советской политикой. После учреждения Кара-Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики в 1924, коллективизации и советизации киргизского общества, их традиционная структура была сознательно разрушена большевиками, которые боролись с так называемыми «пережитками прошлого». Постепенно областное и районное деление начало вытеснять племенное и родовое деление во внутренней идентификации кыргызов, особенно в вопросах взаимоотношений между обществом и правящей коммунистической номенклатурой [3].

Советская система, основанная на централизованной редистрибуции ресурсов, вынудило общество быть заинтересованным в таком лидере республики, который/ая бы был из их конкретной области и который/ая мог/ла бы помочь развитию своей «малой родины». Таким образом, областное деление становится политически и социально важным для советских людей в республиках, включая также и кыргызов и Кыргызию.

Региональное деление кыргызов началось со времен, когда нынешний «южный» регион был объединен в единую большую Ошскую область, для того чтобы более эффективно контролировать производство и сбор хлопка. Первый президент Киргизской Республики, Акаев (1990-2005) разделил Ошскую область на три части - Ошскую, Жалалабатскую (1992), Баткенскую (1999) области, но

до сих пор «северные» кыргызы называют «южных» кыргызов как «оштук», «ошские».

Таким образом, по мнению Бегимай Абишова, региональное деление кыргызов («север-юг») на самом деле является не следствием мифических «субкультурных» различий, которые присутствуют и между другими группами кыргызов, а исторически обусловленным процессом, связанным с советской системой централизованной редиистрибуции и производством хлопка в Ферганской долине, и связанное с этим учреждение большой Ошской области [3].

Региональная идентификация кыргызов («юг/север») имеет «постоянные» характеристики, но активизируется в периоды острой политической конкуренции и борьбы за власть. Постоянное использование регионального деления политическими элитами почти каждые 5 лет (президентские и парламентские выборы) создает конфликт в социальной сфере кыргызского общества и влияет на повседневную жизнь и взаимоотношения простых кыргызов - профессиональная карьера, выбор жизненного или бизнес партнера, доверие между людьми и т.п. Если не принять должные меры, постепенно кыргызское общество все более и более будет делиться по региональной характеристике.

- языковая идентичность:

Тагаев М.Дж. отмечает особую значимость для понимания национального характера киргизов культурного кода, связанного с концептом уят «совесть». В отличие от русского в национальном сознании киргизов ведущая роль принадлежит концепту *уят* «стыд», которым в значительной степени определяются внутренние мотивы поведения киргизов, особенности их национального характера. В языковом сознании киргизов концепт *уят* «стыд» представлен как объемное, рельефное и колоритное чувство, передающее тонкие переживания смыслов от возвышенно-положительного до отрицательно окрашенного, в которых нет резких переходов между полюсами [203].

Социально-экономические изменения в жизни киргизского общества последних лет в известной степени трансформировали данный концепт. Прав

был Т. Касымбеков, когда устами своих героев говорил: «*Намыс! Намыс кеткен жок! Бул эл ушунусу менен күчтүү, ушунусу менен шордуу эле*». ‘Честь! Честь еще не утрачена! В слове этом сила кочевников – и беда их’ [105].

Беда в том, что в нынешнем сознании киргизов концепт *уят* ‘стыд’ в некоторых своих проявлениях претерпел гипертрофированное уродливое перерождение, обретя характер ложной ценности, не соответствующей реалиям современной жизни. В народном сознании имелось обозначение данной стороны концепта, о которой говорил Т. Касымбеков «*Элетте көр намыс деген болот...*»[105] ‘Есть в глубинках понятие слепой чести ...’ К сожалению, не только в глубинках, но и в городах этот концепт утверждается в сознании некоторой части общества. Такая негативная сторона концепта *уят* ‘стыд’ закрепились за словосочетаниями *көр намыс* или *сокур намыс* ‘слепая честь’. За “сокур намыс”, как пишет А. Суранова, кроется «пустое тщеславие, поддельная гордость и ложный стыд..., ... правящий сознанием сотен тысяч людей, из-за которого тратятся немислимые суммы денег на проведение однодневных гуляний, тешится самолюбие, вызывается зависть окружающих, рушатся семьи, берутся кредиты в банках, запускается регресс и усиливается деградация общества...» (Суранова А. [200]).

Одной из киргизских традиций является такой лингво-культурный концепт, как *кыргызчылык*, заключающий в себе особое мироощущение, нормы поведения и оценки, характерные для киргизской ментальности. Данное слово состоит из двух морфем: корневой *кыргыз-*, обозначающей название этноса, и аффиксальной – *-чылык* со значением определенной совокупности свойств и качеств. В содержание данного концепта входят в основном следующие черты: строгий патриархат, общинность, взаимовыручка, гостеприимство, стремление поддерживать кровнородственные отношения в лице представителей своего рода (если не считать некоторые национально-эзотерические составляющие, приписываемые данному концепту). Они закреплены в киргизских пословицах и поговорках: *Тууган менен үч бөлүнсө жат болбойт. Туугандын өзү таарынса да, боору таарынбайт*. В целом этот концепт имел положительную коннотацию.

Сейчас же эта ментальная особенность киргизов, помогавшая выживать киргизскому этносу в эпоху феодально-родового строя, во время народных бедствий и страданий, стала пережитком, мешающим свободному, демократическому развитию личности. Природные условия дали возможность киргизам в историческом прошлом жить безбедно, а кочевой общинный уклад жизни, далекий от современной цивилизации, предопределил ограниченный набор потребностей. Все это в совокупности внесло в ментальность киргизов определенную степень беспечности, сопровождаемую такими чертами, как довольствоваться малым, надежда на случай, везение и помощь своих родственников (Койчуев Б.Т. [115]).

Беспечность в национальном характере киргизов мотивируется концептом *тобокел* 1) 'авось; была не была; будь что будет';

2) *перен.* беспечный, тот, который надеется на авось да небось. Сближают киргизский «тобокел» и русский «авось», а следовательно, и черты киргизского и русского национальных характеров, такие особенности, как вера в судьбу (бешенеге жазганы болот 'случится то, что предначертано на лбу'), выбор позиции пассивного субъекта в сложившейся ситуации, надежда на благоприятный исход и удачу. В отличие от русского «авось», который может осуждаться (*авось до добра не доведет, авось – дурак, с головой выдаст*), «тобокел» в языковом сознании киргизов имеет положительную коннотацию, толкая носителей языка на смелые, решительные, а то и безрассудные поступки (*тобокел – эрдин жолдошу* «риск – спутник молодца», *тобокелге бел байлап* – «решившись на все», *тартпас тобокелчи* – «смелый, решительный», *ойчул оюна жеткенче, тобокелчил барып келиптир* «пока думающий додумался, рискующий уже побывал и вернулся»).

В условиях меняющегося мира (глобализации и демократизации общества) положительные черты концепта 'кыргызчылык' стали использоваться не в лучших целях и, по мнению автора нашумевшей статьи А. Сурановой, кыргызчылык стал тем, «когда отсутствует пунктуальность, когда цветет

трайбализм, когда чиновники коррумпированы, когда присутствуют зависть, лень и нелицеприятное проявление некоторых традиций» (Суранова А., [200]).

Эксперимент показывает, что стереотипы с течением времени меняются. Как видно, у киргизов и представителей других национальностей уже нет прежнего настороженного отношения к русским. В то же время с ростом национального самосознания и революционными событиями последних десятилетий актуализируются некоторые гетеростереотипы в отношении самих киргизов, особенно из регионов, у которых отмечен рост агрессивности.

Наряду с этим становится актуальным и выдвигается на первый план такое качество, как интеллигентность, отмеченное для группы городских киргизов. Такой стереотип сложился у респондентов в той связи, что городские киргизы, как правило, двуязычны, являются носителями евразийского стиля мышления, отличаются толерантностью к представителям других национальностей, обладают достаточно широким кругозором.

Примечательно и то, что в отношении узбеков, уйгуров и сельских киргизов усилился стереотип «религиозность». Появление и актуализация этого стереотипа вполне закономерны, если иметь в виду, что за последнее время мечетей в Кыргызстане построено в десятки раз больше, чем школ.

Большее количество ответных реакций на те или другие качества некоторых этнических групп указывает на то, что с их представителями респонденты чаще вступают в контакты. Так, наиболее рельефно охарактеризованы киргизы, русские, а затем представители других национальностей.

Анализ показывает, что социально-экономические изменения в обществе, процессы глобализации, процессы внешней и внутренней миграции населения, активизация религиозных течений приводят к постепенному изменению ментальных стереотипов. Под влиянием этих обстоятельств в обществе формируются разные типы языковых личностей, тяготеющие, с одной стороны, к евразийской культуре и образу мира, не утратив при этом связей с родным языком и культурой, а с другой – избравшие религиозность и национальную

культуру основой своей ментальности и поведения. Процесс поляризации языковых личностей в группы с разными взглядами на мироустройство может привести к дисбалансу в обществе и стать угрозой для безопасности страны.

- религиозная идентичность:

Ч. Дж. Чотаева отмечает, что для кыргызов всегда было характерно отождествление этнического и религиозного начал. Очень часто в общественном сознании кыргызов этнические традиции воспринимались как мусульманские, а мусульманские как этнические. Даже те, кто не относил себя к истинным мусульманам, считали своим долгом соблюдать мусульманские праздники и обряды [239].

В постсоветский период значение ислама среди кыргызов возросло. Ислам стал фактором легитимации почти всех социальных форм и действий. Причина этого заключалась в том, что кыргызское общество всегда оставалось традиционным обществом, где традиции и обычаи были регуляторами общественного мнения и поведения людей.

Можно выделить два уровня влияния ислама на кыргызов: личностный и коллективистский. На личностном уровне речь идет о вере отдельного индивида во всевышнего, об изменении в мировоззрении индивида. Этому уровню свойственны проявления собственного религиозного сознания. Второй уровень - коллективистский. Здесь степень приобщенности к исламу определяется регулярностью совершения обрядов, соблюдением исламских ритуалов, в том числе разного рода запретов. Именно на этом уровне реализуется влияние ислама на этническую идентичность. На этом уровне актуализируется так называемая секуляризованная религиозность, которая играет роль этнокультурного идентификатора. В Кыргызстане преобладает второй тип религиозности и верующих, не связанный с регулярной культовой практикой [238].

В своей статье Ч. Дж. Чотаева анализирует влияние ислама на формирование этнической идентичности кыргызов и его роль в качестве этнокультурного идентификатора.

Первое знакомство кыргызов с исламом произошло на рубеже X-XI веков,

о чем сообщает арабский историк ал-Марвази XII века: «У кыргызов в обычае сжигать своих умерших; они утверждают, что огонь очищает и делает их чистыми. Это было их обычаем с древних времен, но когда они оказались соседями мусульман, то стали хоронить мертвых» (Ал-Марвази [17]).

Дальнейшее укрепление ислама произошло в период правления Тоглук-Тимура, основателя государства Моголистан, который в XIV веке принял ислам и объявил его государственной религией. Большинство кыргызов Моголистана оставались язычниками. Это отмечает османский историк XVI века Сейфи Челеби: «Они не кафиры (неверные) и не мусульмане. Умерших они не зарывают в землю, а кладут в гроб, который подвешивают на растущие у них деревья: кости их остаются там, пока не сгниют и не рассеются» (Сейфи Челебиб [185]).

Интенсивное проникновение ислама в среду кыргызов можно отнести приблизительно ко второй половине XVII-XVIII веков. Наиболее значительным событием, оказавшим свое влияние на приобщение кыргызов к исламу, считают переселение значительной массы кыргызов в пределы Ферганы в XVII веке в результате захвата кыргызских земель калмаками. В Фергане кыргызы попали в сферу деятельности узбекского мусульманского духовенства, которое начало интенсивно обращать кочевников в ислам. Большую роль в распространении ислама сыграла кыргызская феодальная знать (манапы, бии), которая стремилась использовать ислам в качестве идеологического воздействия на простых кочевников. С этой целью манапы приглашали к себе узбекских и татарских мулл, которые обучали кыргызов основным обрядам и молитвам, необходимым для совершения намаза.

После присоединения кыргызских территорий к Российской империи позиции ислама среди кыргызов еще больше упрочились. Пытаясь заручиться поддержкой кыргызской родовой знати, российские власти толерантно относились к исламу: они не вмешивались в частную жизнь кочевого народа, базирующуюся на комплексном использовании мусульманского (шариат) и обычного права (адат).

Таким образом, обращение кыргызов в ислам растянулось на несколько

столетий. Несмотря на то, что ислам проник на территорию современной Центральной Азии и Кыргызстана еще в VIII веке, а в X веке стал государственной религией тюркской династии Караханидов, кыргызы обратились в ислам лишь в XVIII веке. Более того, процесс исламизации кыргызов был обусловлен целым рядом факторов [238].

Во-первых, ислам столкнулся с различными культурно- идеологическими системами, среди которых наибольшее место занимали местные древние тюркские верования, в основе которых лежало поклонение природе и почитание предков, магия, обожествление неба (тенгрианство), а также зороастризм, христианство и буддизм. Взаимодействие разных культурных традиций породило синкретизм - сращивание традиционных верований с исламом.

Во-вторых, специфика ислама среди кыргызов была обусловлена особенностями кочевого образа жизни. Отсутствие у кочевников стационарных поселений и постоянные сезонные переезды не благоприятствовали строительству многочисленных культовых сооружений и соблюдению религиозных обрядов. Кыргызы оставались кочевниками вплоть до завоевания Центральной Азии Российской империей. Сначала на оседлость перешли южные кыргызы, тогда как северные племена стали оседлыми только в 30-годы XX столетия.

В-третьих, процесс исламизации среди кыргызов носил вторичный характер, поскольку первыми проповедниками среди кыргызов были не арабы и персы, а узбеки и татары [238].

В результате, ислам кыргызов приобрел специфические черты, которые отличают его от ислама арабского мира и других народов. Даже в колыбели ислама - Аравии - к середине XVIII века исламские представления и нормы шариата были незначительно распространены среди кочевых арабских племен, а доисламские обычаи и верования оказывали большое влияние на духовную жизнь кочевников.

Ислам в Кыргызстане, как и других регионах Центральной Азии, главным образом, сконцентрирован в семейно-бытовой сфере. Несмотря на высокий

уровень грамотности и образованности, большинство мусульман Центральной Азии не знает основных пяти столпов ислама: шахада (произнесение основной формулы ислама и вера в ее истинность), совершение пятикратной молитвы каждый день, пост в месяц Рамадан, закят (пожертвование в пользу бедных), хадж (паломничество). Знание пяти столпов ислама отражает религиозность мусульманина на индивидуальном уровне и люди, исправно выполняющие их, составляют лишь небольшую часть взрослого населения Центральной Азии, то есть гораздо меньше общего числа тех, кто считает себя мусульманами. Основное же население Центральной Азии придерживается его обрядовой формы, в которой собственно исламские традиции сплетаются с доисламскими. «Народный ислам» включает в себя обычаи и нормы поведения, предписанные шариатом и адатом с рождения человека до его смерти. По мнению большинства, правоверный мусульманин тот, кто живет согласно этому сценарию [239].

Кыргызские обряды можно разделить на календарные и семейные. Семейные обряды обычно включают в себя три больших цикла: детский, свадебный и похоронно-поминальный. Циклы сменяют друг друга, фиксируя наиболее важные события в жизни каждого человека. Однако ритуалы не сводятся только к празднованию событий. Эти обряды имеют гораздо более широкий социальный смысл, обращенный не столько к инициатору торжества, сколько ко всей общине. Исполнение обрядов – своеобразный долг каждого перед общиной. С точки зрения кыргызов, подобные обряды публично демонстрируют и определяют положение семьи в обществе, укрепляют социальные взаимоотношения между родственниками, друзьями, соседями. Свой новый социальный статус члены семьи обязаны продемонстрировать всему кругу людей, с которым происходит их постоянное общение. Не совершить обряд и не предложить угощения – позор, и члены семьи предпочитают влезть в долги, но соблюсти обычай. Сила традиций такова, что никто не может уклониться от них, не рискуя своим добрым именем [238].

Другая отличительная черта кыргызов при проведении подобных мероприятий – их небывалая щедрость, которая обычно объясняется

следованием мусульманским традициям. Для этих целей забивается много скота, расходуются большие денежные средства. Но, говоря о больших затратах, которые несет с собой проведение таких мероприятий, исследователи часто забывают упомянуть и о компенсации. Как правило, гости приносят определенные суммы денег или ценные подарки, чтобы компенсировать расходы семьи. Позже, когда друзья и родственники пригласят их на собственное торжество, семья должна вернуть им деньги или преподнести подарки соответствующей стоимости.

К календарным обрядам можно отнести соблюдение мусульманских религиозных праздников Орозо айт и Курман айт, объявленных официальными праздниками в Кыргызстане. Тем не менее, в народной среде эти праздники ассоциируются с языческими представлениями. Религиозный пост орозо связывается с культом предков. Окончание поста, Орозо айт, отмечается как поминание умерших предков. Пища, съедаемая в этот день, считается посвященной духам предков. Мужчины едут на кладбище умерших родственников и читают там молитву. Мусульманский праздник Курман айт, праздник жертвоприношения, традиционно считается праздником живых. Семья забивает жертвенное животное и приглашает на угощение своих соседей и родственников [238].

В отличие от других мусульман, народы Центральной Азии празднуют доисламский фестиваль Нооруз. С получением независимости республик Центральной Азии этот день был провозглашен официальным праздником и выходным. Нооруз, день весеннего равноденствия, приветствует приход весны и начало нового года. В этот день кыргызы варят особое блюдо из пшеницы - сёмёлёк, окуривают дома дымом горящей арчи. Нооруз – свидетельство влияния доисламской иранской культуры на культуру народов Центральной Азии.

Таким образом, ислам в Кыргызстане был и остается частью системы духовных ценностей, регулятором общественных отношений. Ислам оказывает значительное влияние на формирование этнической идентичности кыргызов. Приверженность исламским традициям и обрядам является своего рода

показателем этнической принадлежности. Ислам был и остается одним из важнейших элементов кыргызской этнической идентичности, наряду с кыргызским языком, культурой, общей историей и территорией.

2.2. Организация и ход проведения исследования самопонимания личной и социальной идентичности в этнокультурных условиях Кыргызстана (на примере представителей кыргызского, русского, казахского и узбекского этносов)

С 2018 по 2022 гг. осуществлена серия теоретических и эмпирических исследований (в основном организационным методом поперечных срезов и комплексным методом; основным методом сбора данных был опрос), в процессе которых была проведена модификация и адаптация на русскоязычной выборке опросника «Личной и социальной идентичности» У. Шмидт-Дентера ОЛСИ (FPSI-K), в которых приняли участие более 120 человек. В исследовании особенностей самопонимания личной и социальной идентичности приняли участие 472 человека Кыргызской Республики.

В первой части нашего исследования изучалась в целом структурная модель самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана. Основная часть исследования проводилось в Кыргызстане, в городах Бишкеке, Оше, Нарыне, селах в январе-июле 2019г. Всего в исследовании приняли участие 315 представителей титульного этноса Кыргызстана, средний возраст участников исследования составил 39 лет и 1 месяц, в исследовании приняли участие кыргызы от 17 до 81 лет (в последующем выборка исследования была разделена на три возрастные группы: 1 группа: 109 человек от 17 - до 25 лет, 2 группа: 106 человек от 30 – до 49 лет, 3 группа: 100 человек от 50 лет и старше. Экспериментальную выборку исследования составили по критерию пола: мужчины – 104 человека (33,02%), женщины – 211 человек (66,98%).

Вторая часть исследования также проводилось в Кыргызстане, в городах Бишкеке, Оше, Нарыне, селах, основная часть исследования была проведена в январе-июле 2019г. Всего в исследовании приняли участие 157 представителей

не титульного этноса Кыргызстана (узбеков, русских и казахов, проживающих в современном Кыргызстане), средний возраст участников контрольной выборки исследования составил 35 лет и 8 месяцев, в исследовании приняли участие узбеки, русские, казахи от 18 до 67 лет (в последующем выборка исследования была разделена на две возрастные группы: 1 группа: 66 человек до 30 лет, 2 группа: 91 человек от 30 лет и старше).

Контрольную группу выборки исследования составили по возрасту: 30 человек узбеков, 26 человек русских, 10 человек казахов до 30 лет, 37 человек узбеков, 19 человек русских и 35 человек казахов от 30 лет и старше. Контрольную выборку исследования составили по критерию пола: мужчины – 73 человека (46,5%), женщины – 84 человек (53,5%). Выборка исследования была поделена на группы, так как в исследовании изучалась также возрастная и гендерная специфика личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана и не титульных больших этнических групп (узбеки, русские, казахи), проживающих в Кыргызстане.

Перейдем к подробному рассмотрению структурной модели изучения личной и социальной идентичности У. Шмидт-Дентера как основы изучения самопонимания личной и социальной идентичности в современном кыргызском обществе.

Вопрос «кто я?», поиск идентичности, так же стар, как и само человечество. Многочисленные науки, такие как психология, философия, социальные науки и культурология занимаются этим вопросом. В результате глобализации и в результате многочисленных миграционных движений, «поиск социальной локализации стал широко обсуждаемой темой» в дополнении к поиску и поддержке своей идентичности (Кеурр, с.30). Например, в странах Европейского союза в последнее время усилилась тенденция к национальному размежеванию, которое также проявляется в форме ксенофобии, насилия в отношении иностранцев и антисемитизме.

Именно эта проблема идентичности между поиском открытости для неизвестного/чужого, с одной стороны, и основополагающей потребностью в

близости/осведомленности и социальной принадлежности, с другой, являлась предметом исследовательского проекта проф. др. У. Шмидт-Дентер (психологический институт университета г. Кельна, Германия) (Schmidt-Denter U. и др. соавторы, [479-486]). Для эмпирической реализации этого проекта был разработан специальный опросник («Личной и социальной идентичности» ОЛСИ (FPSI-K)), который был нами модифицирован для целей нашего исследования. Также теоретическая модель самопонимания личной и социальной идентичности, разработанная в нашей работе, основана на структурной модели проф. др. У. Шмидт-Дентер, которая рассматривает дифференцированно личную и социальную идентичность, а также их взаимоотношения (Schmidt-Denter U. и др. соавторы, [479-486]).

Принципиально важным для нас с точки зрения комплексного раскрытия самопонимания личности является, с одной стороны, разностороннее изучение личной идентичности, с другой стороны – изучение социальной идентичности, а также их взаимосвязи, так как, именно эта взаимосвязь, на наш взгляд, позволяет прийти к «пониманию другого» как относящегося к своей или чужой группе и в конечном итоге к возможности самопонимания, «собственного самопонимания» по Г. Кёхлеру ([404] см. подраздел 1.1. главы 1).

Личная идентичность по Э. Эриксону описывает непосредственное восприятие тождественности и непрерывности во времени, то есть явление, при котором, несмотря на индивидуальное развитие, человек воспринимает самого себя всегда одинаково во времени и в разных ситуациях (см. Erikson E. [337]). Теоретическая рамочная модель У. Шмидт-Дентера основана, с одной стороны, на критическом персонализме W. Stern [507], с другой - на результатах исследования развития личности в подростковом возрасте, проведенных Н. Fend [344].

Непосредственно в исследовании У. Шмидт-Дентера идентичность рассматривается как «unitas multiplex», состоящая из компонентов «Я-Рефлексивное», «Я - Реальное», «Я - Действующее» и «Я – Идеальное» [486].

Процессные аспекты идентичности также могут быть интегрированы между собой, например, такие как стили идентичности M.D.Berzonsky [276] и модель К. Науßer [377], рассматривающие идентичность как реляционную структуру ситуационных самооценок, Я-концепции и контроля убеждений.

В то время как личная идентичность возникает в результате отношений с другими людьми, социальная идентичность возникает в результате осознания принадлежности к определенным социальным группам и субъективной оценки этой групповой принадлежности (Tajfel H. [518]).

Согласно Н. Tajfel [518], каждый человек имеет несколько социальных идентичностей, возникающих в результате принадлежности к разным группам на разных микро- или макроуровнях (например, семья, круг друзей, место жительства, государство, нация, Еврoзона). Кроме того, каждый человек всегда стремится к положительной идентичности. Для этой цели используются определенные стратегии, такие как оценка внутри группы и девальвация внешней группы. В форме ксенофобии или преувеличенной национальной гордости, а также в качестве противоположной модели девальвации внутри группы и идентификации с внешней группой - эти стратегии могут принимать крайние выражения (также Süllwold [518]).

Исследования миграционных процессов показали, что эти механизмы связаны с риском развития идентичности, например, опыт миграции особенно важен по отношению к возможной девальвации своей собственной национальной идентичности (например, Wölfing-Kast). Кроме того, критические жизненные события, такие как рождение первого ребенка, вызывают изменения идентичности (Gauda). Наконец, ускоренные социальные изменения, чувство коллективной вины или разделение страны могут также сделать связь между сохранением себя и принятием неизвестного/нового особенно трудной задачей развития [485].

В модели У. Шмидт-Дентера различают личную и социальную идентичность (рис. 5, см. также Witte E.H. [561]). Личная идентичность подразделяется на структурные компоненты «Я- Рефлексивное», «Я - Реальное»,

«Я - Действующее» и «Я - Идеальное» (см. Fend Н. [344]). «Я-рефлексивное» включает в себя параметры: «само-внимание», «самокритика» и «стиль идентичности». «Я - Реальное» основано на концепции Hauber, выделявшем «самооценивание», «Я-концепцию» и «контроль убеждений».

Эти три параметра описываются несколькими показателями. «Самооценивание» включало в себя показатели: «самооценка», «удовлетворенность собой», «самоотчуждение» и «удовлетворенность партнерством»; различные аспекты «Я-концепции» включали показатели: «амбиции», «внешность», «психосоматические жалобы», «депрессивность» «интерес к принятию на себя разных ролей/позиций», «потребность в независимости» и «потребность в безопасности»; в то время как «контроль убеждений» включал в себя: «преодоление будущего», «контроль эмоций», «способность настоять на своем», «социальные способности» и «родительские компетентности». «Я - действующее» включало в себя следующие параметры: «поведение в свободное время», «девиантное поведение», «политическое поведение», «религиозное поведение» и «ролевое поведение». «Я-идеальное» включало такие параметры как: «общие ценности», «ценности работы», «ценности детей», «ролевые установки» и «цели воспитания».

Основываясь на теории Н. Tajfel, социальная идентичность подразделяется на оценки внутренней и внешней группы. Взятые показатели для изучения «чувства принадлежности к группе» являлись «значимость других близких», «согласованность мнений со значимыми другими», «идентификация с местом, страной и т. д.», «национальная гордость», «отношение к своей нации» и «отношение к европейскому союзу». «Установки в отношении внешних/чужих групп» были такие показатели как: «симпатия к другим странам», «толерантность», «ксенофобия/филия» и «антисемитизм» [521].

В качестве основы для развития идентичности модель У. Шмидт-Дентера учитывает параметр «время», как одну из осей развития идентичности, «семейную социализацию», а также «культуру», принимая во внимание

международный характер исследования (Schmidt-Denter U. и др. соавторы, [479-486]).

Перейдем к подробному описанию модифицированного варианта опросника «Личной и социальной идентичности» ОЛСИ (FPSI-K – краткая форма) для изучения самопонимания личной и социальной идентичности в современном кыргызском обществе.

Все подразделы опросника «Личная и социальная идентичность» (ОЛСИ) описаны и приведены ниже. Все описания лаконичны и сконцентрированы на целях самого опросника с точки зрения диагностики самопонимания личной и социальной идентичности.

Большинство шкал опросника FPSI-K – краткая форма были взяты из ранее опубликованных тестов У. Шмидт-Дентера. В большинстве случаев инструкции по отдельным шкалам У. Шмидт-Дентером были удалены и заменены предварительной общей инструкцией в начале работы с опросником, в нашей работе мы придерживались такого же подхода к модификации опросника. В некоторых местах опросника была написана отдельная инструкция, когда изменялась тема опроса или существенно изменялись варианты ответов. Исходные варианты ответов были в значительной степени У. Шмидт-Дентером изменены и теперь доступны в классической пятибалльной оценочной шкале согласия. Полюса ответов отрицательные или положительные отмечены в исходных вариантах ответов (Schmidt-Denter U. и др. соавторы, [479-486]).

Представим шкалы в соответствии со структурой модели самопонимания личной и социальной идентичности, которая является основополагающей в нашей работе по раскрытию самопонимания личной и социальной идентичности в современном кыргызском обществе. В опроснике использовалась чаще всего шкала согласия с утверждением.

3.1.1.а. Личная идентичность

а.1. Я-Рефлексивное

а.1.1. Самовнимание/самоосознание

Самовнимание понимается как способность фокусировать внимание на собственных чувствах, мотивах, действиях и собственной личности (Вем; А. Wicklund [485]). Любые крайности самовнимания считаются проблематичными. Слишком большое внимание к себе может препятствовать активным действиям (Schwarzer et al. [327], цитируется по Fend H. & Prester H.G. [346]) и приводить к депрессивным тенденциям в случае преобладания негативного восприятия себя. Напротив, при очень низком внимании к себе, к собственной личности, низкий уровень восприятия себя препятствует адекватной саморефлексии.

Умеренно выраженное внимание к себе позволяет реалистично воспринимать и оценивать свои способности, собственные требования и требования окружающего мира. Эта оценка необходима для координирования этих областей и активных действий.

За основу этого параметра опросника был выбран «опросник для изучения диспозиционного самоконтроля (вопросник SAM)» Filipp und Freudenberg. На основе полученных результатов исходный опросник был сокращен с 10 до 6 утверждений. Кроме того, варианты ответов были изменены (1 = очень редко, 2 = редко, 3 = время от времени, 4 = часто, 5 = очень часто). В трех первых высказываниях изучалось – личное самовнимание, в последних трех высказываниях – общественное внимание.

В нашей модификации опросника по данному параметру предлагается также ответить на шесть утверждений.

Утверждения по параметру: Самовнимание/самоосознание
Я пытаюсь понять что-то о самом себе.
Я задумываюсь о себе.
Я внимательно прислушиваюсь к своим сокровенным чувствам.
Я думаю о том, как я влияю на других людей.
Оглядываясь назад, я думаю о том, какое впечатление я произвел на других.
Я думаю о том, какое выражение лица у меня сейчас.

а.1.2. Самокритика

Самокритика описывает, в какой степени сильные и слабые стороны воспринимаются как таковые в собственной личности. Адекватное

самовосприятие является предпосылкой самокритики. Предшественником самокритики является способность распознавать слабые и сильные стороны людей в целом, а не оценивать их в форме черно-белой схемы (см. также Discoll, Richter [485]). «Шкала самокритики (ВСК)» Sponset [485] была изменена с учетом вариантов ответов и сокращена до пятибальной шкалы согласия (1 = не согласен, 2 = скорее нет, 3 = частично, 4 = скорее да, 5 = согласен). В нашей модификации опросника по данному параметру предлагается также ответить на пять утверждений.

Утверждения по параметру: Самокритика
В своей жизни я уже совершил несколько ошибок.
Я иногда лгал, чтобы избежать неприятностей.
Иногда я завидовал другим, тому, что у них есть или что они могут.
Я не всегда поступаю разумно и правильно.
Я радуюсь, когда мой противник терпит неудачу.

а.1.3. Стиль идентичности

Стиль идентичности как параметр возник в ходе рассмотрения понятия статуса идентичности (Marcia J.E. [428]). В то время как состояние идентичности является описанием состояния, стиль идентификации указывает, как это состояние достигается или изменяется. M.D. Verzonsky [276] использует социально-когнитивную модель, «которая подчеркивает различия в способах, которыми индивиды располагают или управляют при решении задачи построения и восстановления своей самоидентификации». Следовательно, это переменная процесса, которая описывает переработку информации, относящейся к человеку.

Для определения стиля идентичности использовался первоначально перевод «Опросника стиля идентичности» M.D. Verzonsky [276]. Итоговые стили идентичности М.Берзонски характеризуются следующим образом.

1. Информационный стиль идентичности (Informational Style Identity). Люди с таким стилем идентичности стремятся получить максимум информации в случае ситуации выбора, прежде чем принять решение о важности цели для себя, значимости той или иной позиции и ценности, того или иного направления своего развития.

2. Нормативный стиль идентичности (Normative Identity Style). В случае, если человек имеет нормативный стиль идентичности, он не склонен искать информацию сам, но предпочитает следовать семейным традициям, социальными/ или групповым нормам, то есть следует уже готовым и социально желательным решениям.

3. Диффузный стиль идентичности (Diffused/Avoidant Identity Style). Имея диффузный стиль идентичности, человек живет без сформированной позиции (идентичности) и принимает решения, формулирует ответы прямо по ходу развития конкретной ситуации социального взаимодействия или же отсрочивает принятие решений на неопределенное время.

В итоге был выбран новый пересмотренный вариант вопросника White, Wampler and Wim в переводе Rademacher, Wolfradt and Schönplflug [485]. Варианты ответа от 1 = «не согласен» до 6 = «полностью согласен» были сохранены. Стили идентичности: диффузный, информационный, ориентированный на нормы.

В нашей модификации опросника по данному параметру предлагается также ответить на двадцатьдва утверждения.

Утверждения по параметру: Стиль идентичности	№
Я потратил много времени на чтение или разговор об идеологических идеях.	2
Когда я обсуждаю с кем-то проблему, то я пытаюсь понять его точку зрения.	2
Я не задумываюсь о будущем, я принимаю решение спонтанно, сиюминутно.	1
Я так воспитан, что знаю, для чего я работаю.	3
Когда я не беспокоюсь о своих проблемах, то они обычно сами по себе проходят.	1
Я потратил много времени на чтение или понимание политических новостей.	2
Я не часто задумываюсь о моем будущем.	1
Я потратил много времени на разговоры с людьми, для того, чтобы прийти к ряду нужных для меня убеждений.	2
Еще когда я был молодым, я знал, кем я хочу быть.	3
Лучше иметь определенные взгляды, чем быть открытым для всех возможных идей.	3
Когда у меня проблема, я много размышляю о ней, для того чтобы ее понять.	2
Для меня лучше всего при решении одной важной проблемы получить также совет и узнать мнение специалистов.	2
Я не воспринимаю жизнь слишком серьезно, я просто пробую ее наслаждаться.	1
Лучше иметь собственные ценности, чем быть открытым для всех возможных ценностей.	3

Чем размышлять над проблемами или беспокоиться о них, пробую я так долго как это возможно отодвинуть их.	1
Мои проблемы могут быть интересным вызовом/задачами для преодоления.	2
Я пытаюсь избегать проблем, которые меня вынуждают к размышлениям.	1
Для принятия решения мне нужно много времени, чтобы подумать о моих возможностях решения.	2
Мне нравится вести себя так, как научили меня мои родители.	3
Когда я должен принять важное решение, я хочу знать об этом как можно больше.	2
Когда я знаю, что над какой-то проблемой придется ломать голову, я пытаюсь ее избежать.	1
Когда у меня проблема, лучше всего для меня, положиться на мнение моей семьи или друзей.	3

Примечание. Диффузный стиль – 1, информационный стиль - 2, ориентированный на нормы стиль - 3.

а.2. Я-реальное

а.2.1. Самооценивание

а.2.1.1. Самооценка

Самооценка включает в себя принятие себя и позитивную установку по отношению к самому себе, основанную на личной системе ценностей (Coopersmith, Fend & Prester; Kopman, Fend & Prester; Rosenberg M.D. [485]). Человек воспринимает себя равным по отношению к другим людям. Тем не менее, слабости могут быть признаны как таковые, без отвержения собственной личности. Таким образом, самооценка понимается как оценочная переменная (Schütz [485]). Самооценка измеряется с помощью «Шкалы самоуважения/самооценки» Розенберга в переводе на немецкий Rademacher [479-486]. Шкала ответов была модифицирована (1 = не согласен, 2 = скорее нет, 3 = частично, 4 = скорее да, 5 = согласен).

В нашей модификации опросника по данному параметру предлагается также ответить на шесть утверждений.

Утверждения по показателю: Самооценка параметра «Самооценивание»	
Иногда я чувствую себя никчемным человеком.	
Я думаю, что у меня есть целый ряд хороших качеств.	
Я могу справляться с делами также хорошо, как и большинство других людей.	
Я чувствую себя ценным человеком, находящемся с другими как минимум на одном уровне.	
Я хотел бы больше уважать себя.	
Конечно, бывают моменты, когда я чувствую себя бесполезным.	

а.2.1.2. Удовлетворенность собой

Шкала измеряет эмоциональное и рациональное удовлетворение (Normuth, Normuth & Lalli [479-486]). Это следует из сравнения результатов действий, а также из сравнения между «Я-реальным» и «Я-идеальным». Удовлетворение может быть достигнуто тремя способами: 1) результаты собственных действий соответствуют «Я-Идеальному», преследуемым целям и желаниям, 2) отказ от целей по причинам, которые важны для самой личности, или 3) достижение целей было предотвращено по обстоятельствам, независимым от человека, хотя со стороны человека и было приложено достаточно усилий. Удовлетворение выражается в благополучии и гордости за свои достижения. Если цели и желания не воплощены в жизнь и причины этого в самом человеке, у человека возникает недовольство в виде неблагополучия и самообвинений. Эффекты удовлетворенности и неудовлетворенности должны быть дифференцированы, аналогично эффектам самовосприятия.

Самоудовлетворенность была в предварительном исследовании рассмотрена с использованием двух шкал. Это были, с одной стороны, шкала самоудовлетворенности Mittag и, с другой стороны, подшкала «самоудовлетворенности» шкалы самоинтеграции Satow. Шкалы показали высокую корреляцию. После предварительного исследования, только шкала Satow была использована повторно. Варианты ответов были по обычной пятибальной шкале (1 = не верно, 2 = скорее нет, 3 = частично, 4 = скорее да, 5 = верно) скорректированы.

В дальнейшем под руководством У. Шмидт-Дентера [484] разработал сокращенный вариант опросника (смотри приложение 5).

В параметре «самооценивание» структурного компонента «Я-Реальное» и показатель «самооценка» и показатель «самоудовлетворенность» были одинаково уместны. Однако, по соображениям сокращения времени проведения исследования нужно было сохранить только один показатель. Был выбран показатель «самооценка», так как для него характерна лучшую внутреннюю согласованность и он более важен с точки зрения салютогенеза.

В исследованиях, проведенных по полному варианту опросника, были получены по ряду показателей результаты, которые выявляли эффекты только в единичных случаях, что свидетельствовало о необходимости сокращения числа таких показателей.

В области личной идентичности это были, в частности, показатели «удовлетворенность собой» и «самоотчуждение».

В нашем исследовании показатель «удовлетворенность собой» также не использовался как показатель «Я-Реального», как и в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера [479-486].

а.2.1.3. Самоотчуждение

Шкала самоотчуждения отражает степень, в которой человеку трудно понять себя как личность и быть когерентным в течение времени. Конструкция очень близка к концепции идентичности по Erikson. Согласно Satow, самоинтеграция - это личный ресурс, и в то же время самоинтеграцию также можно понимать как цель работы с идентичностью, не предполагая существования декларируемой, неизменной идентичности. Шкала, используемая в методике, является подшкалой шкалы «самоинтеграции» Satow. Она была адаптирована также как и подшкала самоудовлетворенности Satow [479-486].

Использовалась шкала оценивания (1 = не верно, 2 = скорее нет, 3 = частично, 4 = скорее да, 5 = верно).

В исследованиях, проведенных по полному варианту опросника, были получены по ряду показателей результаты, которые выявляли эффекты только в единичных случаях, что свидетельствовало о необходимости сокращения числа таких показателей.

В области личной идентичности это были, в частности, показатели «удовлетворенность собой» и «самоотчуждение».

В нашем исследовании показатель «Самоотчуждение» также не использовался как показатель «Я-реального», как и в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера [479-486].

а.2.1.4. Удовлетворенность партнерством/супружескими отношениями

Удовлетворенность партнера - это все чувства, мысли и оценки, касающиеся интимных отношений, обязательств между двумя людьми (брак/партнерство). Удовлетворенность партнеров измеряется только у взрослых по шкале Hendrick. Немецкий перевод Schneewind et al.. На вопросы предполагается ранговый ответ, у каждого вопроса свои особые полярные полюса [479-486] .

В нашем исследовании показатель «Удовлетворенность партнерством/супружескими отношениями» также не использовался как показатель «Я-реального», как и в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера.

а.2.2. Я – концепция

а.2.2.1. Профессиональные амбиции

Показатель содержит те «добродетели», которые обещают успех в ориентированном на успех обществе: мотивация достижения, концентрация, высокие стандарты, надежда на успех, избегание неудачи, выносливость и эффективность работы. Категория аналогична мотивации производительности (см. Neckhausen [479-486]). Стремление к производительности измеряется с помощью подшкалы «Профессиональные амбиции» по «Вюрцбургской шкале для диагностики самооценки и социальной референции» Bottenberg, Wehner и Greis [479-486].

После предварительного исследования, шкала была сокращена до семи пунктов. Первоначальная инструкция была изменена, как и варианты ответов (1 = согласен, 2 = скорее да, 3 = частично, 4 = скорее нет, 5 = не согласен).

В нашей модификации опросника по данному параметру предлагается также ответить на шесть утверждений.

Утверждения по показателю: Профессиональные амбиции параметра «Я-концепция»
Я всегда изо всех сил пытался получить лучшие оценки, которые мог получить.
Я известен как сильный и выносливый работник.
Любой, кто много работает, может изменить ситуацию.

Я работаю быстрее и оперативнее, чем другие.
Я предъявляю к себе высокие требования и ожидаю того же от других.
Я всегда стараюсь сделать немного лучше, чем от меня ожидалось.

а.2.2.2. Внешность

Собственная внешность измеряется «идеалом красоты», который создается социальной средой и средствами массовой информации. На высоком уровне абстракции показатель отражает отношение человека к своему внешнему виду по сравнению с другими и, таким образом, соответствует предметной самооценке (Epstein, Fend, Fend & Prester, Filipp [479-486]). Однако остается неясным, хочет ли человек соответствовать «идеалу красоты» или внешность не играет для него особой роли. В дополнение к субъективной оценке внешнего вида, также регистрируются события, тесно связанные с внешним видом (например, когда дразнят из-за внешности). Я-концепция внешнего вида измеряется с помощью одноименной шкалы Fend и Prester [479-486]. Вариант ответов был скорректирован (1 = не верно, 2 = скорее нет, 3 = частично - частично, 4 = скорее да, 5 = верно).

В нашем исследовании показатель «Внешность» также не использовался как показатель «Я-реального», как и в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера.

а.2.2.3. Психосоматические жалобы

Показатель охватывает соматические жалобы человека, которые понимаются как выражение психических проблем, напряжения и / или стресса человека. Особую роль играют аллергии, в отношении которых сегодня отсутствует определенное мнение, что этот компонент является психосоматическим. Соматический стресс является формой внутренней переработки проблем (Achenbach, см. также учебники по психосоматической медицине [479-486]), который можно рассматривать в качестве риска развития в подростковом возрасте (также Fend, Fend & Prester [479-486]). Психосоматические жалобы оцениваются с использованием шкалы «Соматические показатели» Fend и Prester [479-486], где шкала ответов

варьируется от 1 = никогда, 2 = несколько раз в год, 3 = несколько раз в месяц, 4 = несколько раз в неделю до 5 = чаще.

В нашей модификации опросника по данному параметру предлагалась следующая инструкция:

Инструкция: Речь пойдет о Вашем здоровье. Примерно как часто у Вас бывают следующие жалобы?

Психосоматические жалобы параметра «Я-концепция»						
Утверждения по показателю:	по	никогда	много раз в году	много раз в месяц	много раз в неделю	ежедневно
		1	2	3	4	5
Головные боли		1	2	3	4	5
Боли желудка, боли живота		1	2	3	4	5
Нарушения пищеварения		1	2	3	4	5
Нарушения сна		1	2	3	4	5
Нарушения кровообращения		1	2	3	4	5

а.2.2.4. Депрессивность

Депрессия определяется тенденцией индивидов интерпретировать события преимущественно негативно или дисфункционально. Объяснения связанных расстройств и значения когнитивной триады можно найти у U. Beck [267]. Achenbach считает, что депрессивная тенденция является группой симптомов интернальной обработки проблемы, которая представляет риск для развития и по разным причинам часто встречается в подростковом возрасте (H. Fend [346]). Депрессия измеряется у подростков и взрослых с помощью Beck Depression Inventory (BDI) по Beck, Ward, Mendelson and Erbaugh, представленной в немецкой короткой версии Schmitt and Maes [479-486]. В вопроснике для подростков был удален вопрос «Секс не важен для меня». Шкала оценки включает в себя варианты 1 = никогда, 2 = редко, 3 = иногда, 4 = часто, 5 = почти всегда.

В нашей модификации опросника по данному параметру предлагается ответить на 16-ть утверждений и дается следующая инструкция:

Какое у Вас сейчас настроение? Отметьте, пожалуйста, крестиком как часто Вы переживаете то или иное настроение.

Утверждения по показателю: Депрессивность параметра «Я-концепция»
Я расстроен.
Я смотрю в будущее без надежды
Я чувствую себя неудачником.
Мне трудно чем-то наслаждаться.
Я чувствую себя виноватым.
Я чувствую себя наказанным.
Я разочарован в себе.
Я критикую себя за ошибки и слабости.
Ко мне приходят мысли покончить с собой.
Я плачу.
Я чувствую себя раздраженным и разозленным.
Я утратил интерес к другим людям.
Я откладываю принятие решений.
Меня тревожит, как я выгляжу.
Я с трудом заставляю себя делать что-либо.
Я усталый и обесиленный.

а.2.2.5. Интерес к усвоению значимой ролевой позиции

Этот показатель является «компонентом социально-аффективного опыта» (Fend Н. & Prester Н.G. [346, 113]), который не идентичен с социально-когнитивным изменением перспективы. Эмоции и мысли противопоставляются друг другу. Оценивается, насколько хорошо содержание мышления другого человека (Fend Н. & Prester Н.G. [346]) прочувствовано/сопережито (см. Damon, Selman [321]).

Шкала ролей Н. Fend и Н.G. Prester [346] была изменена с точки зрения вариантов ответов и включена в общую анкету. Для родителей вопросы были сформулированы, с одной стороны, для профессиональной сферы, а с другой - для частной сферы. Вопросы не были изменены для подростков. Варианты ответа: 1 = не верно, 2 = скорее нет, 3 = частично, 4 = скорее да, 5 = верно.

В нашем исследовании показатель «Интерес к усвоению значимой ролевой позиции» также не использовался как показатель «Я-реального», как и в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера.

а.2.2.6. Потребность в вольности/свободе

Понятие потребности в независимости подразумевает, какую степень свободы ищут партнеры в отношениях для своих собственных интересов и

действий и в какой степени определенные ограничения в этих областях со стороны партнера принимаются (Fend H. & Prester H.G. [346]).

Первоначальная версия шкалы была проведена с подростками и взрослыми в предварительном исследовании, авторами являются H.Fend & H.G. Prester [346] (шкала «Гетеросексуальная дружба и потребность в независимости») После предварительного исследования данные были сокращены до трех вопросов для обеих групп испытуемых.

Варианты ответов: 1 = не важно, 2 = скорее не важно, 3 = более важно, 4 = важно и 5 = очень важно.

В нашем исследовании показатель «Потребность в вольности/свободе» также не использовался как показатель «Я-реального», как и в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера.

а.2.2.7. Потребность в безопасности

Потребность в независимости отвечает потребности в защищенности. Эта потребность может быть выражением близости и в некоторой степени преувеличенной близости, а также выражением стремления к симбиозу. Это контрпродуктивно для задачи развития «обретения автономии» (см. Fend H. [345], (Fend H. & Prester H.G. [346])). Для взрослых это показывает, в какой степени эта задача развития была решена, или как эти два аспекта были пережиты к зрелому возрасту.

Эта шкала была сокращена также до трех пунктов, так же как и шкала потребности в независимости после предварительного исследования. Она также разработана под авторством H. Fend и H.G. Prester (шкала «Гетеросексуальная дружба и потребность в защищенности») [346]. Варианты ответов и инструкция такие же как по шкале «потребность в независимости».

В нашем исследовании показатель «Потребность в безопасности» также не использовался как показатель «Я-реального», как и в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера.

а.2.3. Контроль убеждений

а.2.3.1. Преодоление будущего

Показатель характеризуется небольшими отличиями у взрослых и подростков. Общим является аспект оценки собственных способностей, связанных с будущими проблемами. Для молодых людей будущий аспект явно приоритетен, без указания конкретных целей (Fend H. & Prester H.G. [346]). Для взрослых рассматривается более фундаментальное отношение к решению проблем (Deusinger). Не выраженность результатов по этой шкале может свидетельствовать о чувстве беспомощности (см. Селигманн М. [490]).

Комплексные шкалы используются для взрослых и подростков, когда речь идет об оценке компетентности в будущем. Для родителей использовалась Франкфуртская шкалы самооценки «Решение общих проблем» Deusinger [479-486]. Ответы были изменены (1 = не верно, 2 = скорее нет, 3 = частично, 4 = больше да и 5 = верно).

Для подростков используется шкала «Осведомленность о преодолении будущих проблем» (Fend H. & Prester H.G. [346]). Варианты ответа такие же, как во взрослой версии.

В нашем исследовании показатель «Преодоление будущего» также не использовался как показатель «Я-реального», как и в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера.

а.2.3.2. Контроль эмоций

Эмоциональный контроль определяет степень, в которой можно управлять и контролировать свои чувства ((Fend H. & Prester H.G. [346]), Kappas & Hess [479-486]). Не умение совладать с эмоциями проявляется в неконтролируемой злости/ вспышках гнева или в низком пороге раздражения. Особенно во взаимодействии с другими людьми со своими точками зрения, контроль эмоций приобретает особое значение, если он нацелен на диалог и на принятие.

Используемая шкала взята из проекта «Развитие в подростковом возрасте» (Fend H. & Prester H.G. [346]) и была изменена только с точки зрения вариантов ответов, а именно: 1 = не верно, 2 = скорее нет, 3 = частично - частично, 4 = скорее да и 5 = верно.

В нашей модификации опросника по данному параметру предлагается ответить на три утверждения:

Утверждения по показателю: Контроль эмоций параметра «Контроль убеждений»
Иногда я расстраиваюсь из-за каждой мелочи.
Иногда я с трудом справляюсь со своим настроением.
Я один из тех, кто иногда не может контролировать свой гнев.

а.2.3.3. Способность настоять на своем

Показатель измеряет способность выразить свое мнения и свою собственную позицию в конфликтах в социальных группах или с авторитетными людьми (Deusinger [479-486]; ((Fend H. & Prester H.G. [346]); Kaiser; Wortmann [479-486]). Кроме того, задаются вопросы в отношении, связанных с этим чувств и мыслей. Хотя для подростков и взрослых это отражено в разных шкалах, это один и тот же показатель.

Показатель самоутверждения измерялся для взрослых посредством шкалы «стабильность/стойкость в отношении какой-либо группы и значимых других» Франкфуртской шкалы самооценки Deusinger [479-486]. После предварительной проверки первоначальная шкала была сокращена до шести пунктов. Это дало удовлетворительное качество шкалы. Варианты ответа уже были изменены при первом применении (1 = не согласен, 2 = скорее не согласен, 3 = частично, 4 = скорее согласен 5 = согласен).

В нашей модификации опросника по данному параметру предлагается ответить на три утверждения:

Утверждения по показателю: Способность настоять на своем параметра «Контроль убеждений»
Когда я в группе, я не смею что-либо говорить.
Я испытываю трудности высказать свое мнение в группе, даже если мне нужно что-то важное сказать.
Мне тяжело высказать противоположное мнение группе.

а.2.3.4. Социальные способности

Показатель «социальные навыки/способности» характеризуется многими определениями и операционализированными обоснованиями в литературе. Исходя из этого разнообразия, уверенность в общении с другими людьми «в смысле начала ведения или продолжения дискуссий», «установление знакомств» Deusinger [479-486], а также исследуется уверенность «в правилах отношений,

взаимодействия и общительности в социальной среде». Точно так же как показатель Н. Fend и Н.G. Prester определяется как «самооценка способности устанавливать контакт с другими» (Fend Н. & Prester Н.G. [346, с-85]). Поэтому, несмотря на разные шкалы для взрослых и подростков, рассматривается одна и та же составляющая этого широкого понятия.

Этот показатель измеряется у взрослых с помощью шкалы «способность к контакту и управляемости» по франкфуртской шкале самооценки Deusinger [479-486]. Помимо адаптации вариантов ответов, шкала не претерпела никаких изменений (1 = не верно, 2 = скорее нет, 3 = частично - частично, 4 = больше да и 5 = верно).

В нашей модификации опросника по данному параметру предлагается ответить на четыре утверждения:

Утверждения по показателю: Социальные способности параметра «Контроль убеждений»
У меня хорошо получается общаться с другими.
Я стесняюсь заходить один в комнату, в которой другие люди уже сидят и разговаривают.
Я должен быть более вежлив с другими.
Меня пугают встречи с незнакомыми людьми.

а.2.3.5. Родительство

Понимание компетентности в отношении воспитания детей должно рассматриваться как часть родительской идентичности. Это включает в себя успешную интеграцию самостоятельного распределения ролей как матери или отца (когнитивный компонент) и позитивное отношение к этой группе (эмоциональный компонент). Это также включает в себя знание и практику поведения, связанного с ролью матери или отца, а также веру в то, что можно соответствовать требованиям и задачам, предъявляемым к родителям (Quaiser-Pohl С. [466-467]). Эта шкала основана на собственных формулировках вопросов и предлагается только взрослым. Ответы: 1 = не верно, 2 = скорее нет, 3 = частично - частично, 4 = скорее да и 5 = верно.

В нашем исследовании показатель «Родительство» также не использовался как показатель «Я-реального», как и в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера.

а.3. Я-действующее

а.3.1. Поведение в свободное время

Досуг является одним из главных приоритетов в нашем обществе и все чаще понимается как предмет потребления. Это относится к очень широкому спектру разнообразных форм проведения свободного времени (Fritzsche [479-486]), от сбора марок до парашютного спорта в тандеме. Чтобы существенно снизить это разнообразие, рекреационное поведение рассматривается в двух измерениях. Первое измерение отражает степень желаемой/ переживаемой общественности, что означает любит ли человек в большей степени проводить свободное время в компании или в одиночестве. Второе измерение представляет степень активности в рекреационной деятельности, то есть является ли личная активность и физическая активность центральной или человек остается пассивным, выступая как «потребитель».

Этот анализ позволил выделить четыре вопроса, каждый из которых описывает различные виды досуга (см. Fend H., [346]).

Рекреационное поведение оценивалось в предварительных исследованиях с помощью «шкалы фиксации рекреационного поведения», примененной Lukesch в исследовании молодежных СМИ для взрослых и подростков [479-486]. Но в целом шкала была только низкого качества. Таким образом, были сформулированы четыре вопроса, которые измеряют показатели «общественность» и «активность» в свободное время. Они были проверены в ходе дальнейшего предварительного исследования. С помощью кластерного анализа могли быть изучены различные виды досуга. Варианты ответа 1 = не верно, 2 = скорее нет, 3 = частично - частично, 4 = скорее да и 5 = верно.

В нашем исследовании показатель «Поведение в свободное время» также не использовался как показатель «Я-действующего», в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера параметр «Я-действующее» был полностью сокращен.

а.3.1.2. Девиантное поведение

В дополнение к проблеме интернальной обработки существует экстернализация, которая, согласно Achenbach, включает агрессивное и противоправное поведение, а также употребление наркотиков. Табакокурение и алкоголь другими авторами относятся также к этим проблемам (Fend H., [346], см. также Marx). Хотя употребление алкоголя на некоторых праздниках для молодежи «для хорошего настроения» (например, в канун Нового года) приемлемо, то регулярное употребление и привычное курение не являются социально желательными типами поведения. Что касается отклонений в форме преступного поведения, то исследуются имущественный ущерб, кража, вымогательство, угрозы другим лицам с оружием и нападения. В предварительном исследовании был задан вопрос о девиантном поведении в форме употребления алкоголя и никотина. В поздних исследованиях эти вопросы были исключены, и были сформулированы другие вопросы, чтобы охватить более широкий спектр форм отклоняющегося поведения. Девиантное поведение изучалось только у подростков. Варианты ответа: 1 = никогда, 2 = редко, 3 = иногда, 4 = часто и 5 = очень часто.

В нашем исследовании показатель «Девиантное поведение» не использовался как показатель «Я-действующего», в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера параметр «Я-действующее» был полностью сокращен.

а.3.1.3. Информационно-политическое поведение

Fend показывает исторический ход формирования политической идентичности и важность политики для молодежи. Без информации о положении дел невозможно формирование мнений и рефлексия соответствующих ситуаций. Изучалось, в какой степени подростки и взрослые осведомлены о политических вопросах и участвуют в их анализе (Fischer, Fritzsche [479-486]). Помимо активной дискуссии в разговоре с «экспертами» также спрашивалось об использовании разнообразных источников информации и просмотре газет. Шкала «Информационно-политическое поведение» также принадлежит H.Fend. & H.G Prester [346]. Варианты ответов были немного изменены: 5 = ежедневно,

4 = несколько раз в неделю, 3 = один раз в неделю, 2 = реже одного раза в неделю и 1 = никогда. Был также добавлен «Вопрос о выборах в воскресенье».

В нашей модификации опросника, с учетом активных политических партий Кыргызстана, по данному параметру предлагается ответить на шесть вопросов:

Вопросы по показателю: Информационно-политическое поведение параметра «Я-действующее»
Как часто Вы смотрите политические новости по телевизору?
Как часто Вы читаете политический раздел газеты?
Как часто обсуждаете Вы с другими людьми вещи тем или иным образом, связанные с политикой?
Как часто Вы обсуждаете какие-либо политические вопросы с людьми, активно занимающимися политикой?
Как часто Вы читаете тот раздел газеты, где речь идет о том месте или области, где Вы проживаете?
Если бы завтра был день выборов (воскресенье). Какую партию Вы бы выбрали? ☐ СДПК ☐ РАЖ ☐ «Кыргызстан» ☐ «Өнүгүү-Прогресс» ☐ «Бир Бол» ☐ «Ата-Мекен» ☐ другое

В нашем исследовании показатель «Информационно-политическое поведение» был использован как обязательный показатель «Я-действующего», хотя в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера параметр «Я-действующее» был полностью сокращен. Для целей нашего исследования изучение информационно-политического поведения имеет особое значение в контексте изучения самопонимания в современном кыргызском обществе, так как в течение всего Советского периода истории на тот момент Кыргызской Республики, входящей в состав РСФСР (СССР), политическое поведение было сильно ограничено однопартийностью и возможностью выбора только коммунистической партии. В современном Кыргызстане после распада СССР появилась многопартийная система, которая как мы предполагаем оказывает существенное влияние на самопонимание личности в современном Кыргызстане.

а.3.1.4. Религиозное поведение

Вопрос заключается в значении религии и степени выраженности религиозного поведения. Последнее вычисляется как сумма «собственной»

религиозной практики и активных действий для религиозной общины (Köcher & Schild [479-486]).

С точки зрения религии и религиозного поведения были сформулированы два вопроса. Первый спрашивает об общей важности религии, а второй отражает активность религиозной деятельности. В этом случае деятельность может быть связана с другими людьми или может касаться только своей личности. Предоставляется возможность выбрать сразу несколько вариантов ответов.

В нашей модификации опросника по данному параметру предлагается семь утверждений и дается следующая инструкция:

Для некоторых людей религия очень важна. Как важна религия для Вас?

очень важна скорее важна частично важна скорее не важна не важна

Утверждения по показателю: Религиозное поведение параметра «Я-действующее»
Насколько Вы активны в своей религиозности? (возможно выбрать несколько вариантов ответов одновременно)
☐ Я член одной религиозной группы.
☐ Я регулярно посещаю религиозную службу.
☐ По большим праздникам я посещаю религиозную службу.
☐ Я постоянно молюсь.
☐ Я беру на себя обязанности в своей религиозной группе.
☐ другое _____
☐ ничего из этого

В нашем исследовании показатель «Религиозное поведение» был использован как обязательный показатель «Я-действующего», хотя в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера параметр «Я-действующее» был полностью сокращен. Для целей нашего исследования изучение религиозного поведения также имеет особое значение в контексте изучения самопонимания в современном кыргызском обществе, так как в течение всего Советского периода истории Кыргызской Республики, входящей в состав РСФСР (СССР), любое религиозное поведение подавлялось и преследовалось советской властью. В современном Кыргызстане после распада СССР появилась возможность открыто выражать свои религиозные взгляды, и мы предполагаем, что эта возможность также оказывает существенное влияние на самопонимание личности в современном Кыргызстане.

а.3.1.5. Ролевое поведение

Ролевое поведение понимается как поведение, которое проявляется в соответствии с ожиданиями в отношении социальной гендерной роли людей определенного пола. Они различаются в разных сферах жизни (работа, семья). В контексте перехода к родительству, ориентация поведения на роль матери или отца выходит на передний план, включая в себя распределение задач в разных сферах домашнего хозяйства.

В рамках исследовательского проекта «Молодые родители в рамках кросс-культурного сравнения» применялась и апробировалась шкала «распределение домашних обязанностей» опросника о родительских правах Nickel, Grant and Vetter [479-486]. Он подразделялся на подшкалы «женской» деятельности (например, приготовление пищи, стирка, уборка) и «мужской» деятельности (например, ремонт, финансы, посещение госучреждений); включал равномерное распределение (оба партнера в равной степени этим занимаются), которое сравнивалось с традиционным распределением ролей (всегда/преимущественно партнер действует в соответствии со стереотипом своей социальной роли).

Варианты ответов: 5 = всегда я, 4 = в основном я, 3 = оба в равной степени, 2 = редко я, 1 = никогда и 0 = не приемлемо.

В нашем исследовании показатель «Ролевое поведение» не использовался как показатель «Я-действующего», в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера параметр «Я-действующее» был полностью сокращен.

а.4.1. Я – Идеальное

а.4.1.1. Я Общие ценности

Ценности представляют собой внутреннюю систему отсчета, согласно которой обычно появляются желания и формируются идеалы (см., например, Dickmeis, Krebs, Meulemann, Neuenschwander [479-486], Schwartz & Bilsky [488]). Показатель измеряется на основе списка ценностей Schwartz und Bilsky. Список ценностей был сокращен после оценки результатов предварительных исследований.

Варианты ответа: 0 = это противоположно моим принципам, 1 = не важная, 2 = скорее не важная, 3 = скорее важная, 4 = важная, 5 = очень важная.

В нашей модификации опросника по данному параметру предлагается девятнадцать утверждений:

Утверждения по показателю: Общие ценности параметра «Я-идеальное»
ВНУТРЕННЯЯ ГАРМОНИЯ (быть в мире с самим собой)
УДОВОЛЬСТВИЕ (удовлетворение желаний)
СВОБОДА (свобода мыслей и действий)
СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК (стабильность общества)
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ (защищенность своей нации от врагов)
САМОУВАЖЕНИЕ (вера в собственную ценность)
МИР ВО ВСЕМ МИРЕ (свобода от войны и конфликтов)
УВАЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ (сохранение признанных традиций, обычаев)
ЗРЕЛАЯ ЛЮБОВЬ (глубокая эмоциональная и духовная близость)
СОЦИАЛЬНОЕ ПРИЗНАНИЕ (одобрение, уважение других)
ИЗМЕНЧИВАЯ ЖИЗНЬ (жизнь, наполненная проблемами, новизной и изменениями)
АВТОРИТЕТ (право быть лидером или командовать)
ИСТИННАЯ ДРУЖБА (близкие друзья)
СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ (исправление несправедливости, забота о слабых)
ОСНОВАНИЕ СЕМЬИ (иметь свою семью и детей)
БОГАТСТВО (материальная собственность, деньги)
СТИМУЛИРОВАНИЕ СОВМЕСТНОГО РАЗВИТИЯ С СОСЕДНИМИ СТРАНАМИ
РАВЕНСТВО (равные возможности для всех)
ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ (акцент на духовных, а не материальных вопросах)

В нашем исследовании показатель «Общие ценности» был использован как обязательный показатель «Я-идеального», хотя в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера параметр «Я-идеальное» был полностью сокращен. Для целей нашего исследования изучение общих ценностей также имеет особое значение в контексте изучения самопонимания в современном кыргызском обществе, так как в течение всего Советского периода истории Кыргызской Республики, входящей в состав РСФСР (СССР), ценности во многом определялись социалистическим строем и общественными/коллективистскими ценностями социализма. В современном Кыргызстане после распада СССР появилась возможность открыто выражать свое отношение к тем или иным ценностям, выражать свои индивидуальные ценности, и мы предполагаем, что эта возможность также оказывает существенное влияние на самопонимание личности в современном Кыргызстане.

а.4.1.2. Ценность работы

Смысл работы варьируется очень сильно и не только индивидуально, но и по-разному представлен/передается от поколения к поколению в культуре. Поэтому субъективное значение/ценность работы для собственной жизни является важной переменной, особенно по сравнению с другими странами (Köcher & Schild [479-486]). Различают внешнюю и внутреннюю мотивацию работы. Из приведенных семи утверждений, которые были сформулированы на основе опросника Köcher und Schild, только один может быть выбран в качестве ответа [479-486].

В нашей модификации опросника по данному параметру предлагается семь утверждений:

Утверждения по показателю: Ценность работы параметра «Я-идеальное»
Здесь выражены разные взгляды в отношении работы и почему нужно работать. Независимо от того, работаете Вы сейчас или нет: Какое высказывание наиболее Вам близко, близко к тому, как Вы об этом думаете? (пожалуйста, выберите <u>только один вариант ответа</u>)
☐ Я смотрю на работу как на бизнес, чем лучше мне платят, тем больше я делаю, чем хуже мне платят, тем меньше я делаю.
☐ Я всегда хочу сделать всё возможное, так хорошо как я могу, вне зависимости от того сколько я зарабатываю.
☐ Для того, чтобы жить необходимо работать. Если бы я не должен был, я бы не работал вообще.
☐ Я охотно работаю, но я не позволяю этому заходить так далеко, чтобы работа мешала моей остальной жизни.
☐ Я работаю с удовольствием, работа самое важное для меня в жизни.
☐ У меня еще никогда не было оплачиваемой работы.
☐ не определился с ответом

В нашем исследовании показатель «Ценность работы» был использован как обязательный показатель «Я-идеального», хотя в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера параметр «Я-идеальное» был полностью сокращен. Для целей нашего исследования изучение ценности работы также имеет особое значение в контексте изучения самопонимания в современном кыргызском обществе, так как в течение всего Советского периода истории Кыргызской Республики, входящей в состав РСФСР (СССР), отношение к работе

носило также ярко выраженный социалистический характер. В современном Кыргызстане после распада СССР появилась возможность отношение к работе по разному, в соответствии со своей системой ценностей и идеальных представлений, и мы предполагаем, что эта новое изменившееся во многом отношение к работе также оказывает существенное влияние на самопонимание личности в современном Кыргызстане.

а.4.1.3. Ценность детей

Ценность детей изучается по двум шкалам: «дети как ценность» и «дети как бремя». Эти шкалы основаны на так называемом подходе «Ценность детей» (VOC), который рассматривал важность определенных ценностей для желания иметь детей, и проводился в рамках межкультурного исследовательском проекта по всему миру (Callan, Fawcett [479-486]).

Теоретически, этот подход относится к категориальной схеме Н. Hoffmann [384], которая оценивает ценность детей в соответствии с различными потребностями, которые они удовлетворяют для своих родителей, и требованиями, которые родители предъявляют к детям. Эти вопросы касаются социальных, психологических и экономических преимуществ и недостатков детей и представляют собой две шкалы: 1. «ценность детей» (позитивные аспекты наличия детей и родительских прав) и 2. «бремя детей» (негативные аспекты наличия детей и воспитания детей) (Nickel, Grant & Vetter [479-486]).

Формулировка вопросов и шкал была выполнена в рамках исследовательского проекта «Молодые родители в рамках крос-культурного сравнения» (см. также Nickel & Quaiser-Pohl [466-467]). Ответы были изменены и звучали следующим образом: 1 = не знаю, 2 = совсем не согласен, 3 = склонен не согласиться, 4 = согласен и 5 = полностью согласен.

В нашем исследовании показатель «Ценность детей» не был использован как показатель «Я-идеального», в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера параметр «Я-идеальное» был полностью сокращен.

а.4.1.4. Ролевые установки

Ролевые отношения, как и отношения, обычно рассматриваются как отношение к человеку, идее или вещи, которые связаны с личными оценками и ожиданиями. В частности, отношение к гендерной роли и отношение к родительской роли относятся к более или менее обязательным ожиданиям лиц определенного пола вести себя в соответствии с типологией ролей мужчина/ отец и женщина/ мать. Они включают в себя общие ролевые установки, специальные действия и ожидания, связанные с деятельностью. Здесь, прежде всего, интерес представляют поведенческие ожидания в отношении роли матери или отца. Их изучают по шкале отношения к занятости матери на работе. Это одномерная шкала с полюсами традиционной-эгалитарной установки к распределению ролей. Высокий уровень соответствует преобладанию традиционной установки. Низкий уровень - эгалитарной установке, согласно которой материнство и работа хорошо совместимы.

Ролевые установки были изучены у взрослых и подростков с применением разных шкал. Во взрослой группе применялась шкала материнской занятости на работе Nickel, Grant und Vetter [479-486]. Она предлагается вслед за шкалой «ценность детей» и имеет одинаковые инструкции и варианты ответа.

Для подростков была предложена краткая форма шкалы для измерения нормативной гендерно-ролевой ориентации Krampen [479-486]. Инструкция и варианты ответов соответствуют взрослому варианту шкалы.

В нашем исследовании показатель «Ролевые установки» не был использован как показатель «Я-идеального», в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера параметр «Я-идеальное» был полностью сокращен.

а.4.1.5. Цели воспитания

Цели воспитания представляют собой желаемый эффект воспитания, то есть это установки родителей относительно желаемого состояния ребенка/подростка (Filipp & Schneewind; Schneewind; Schneewind, Beckmann & Necht-Jackl [479-486]).

В отличие от поведения и отношения родителей, они не могут быть рассмотрены на уровне действий, а только ранжируются по значимости.

Шкала «Цели воспитания» изучается только у взрослых и представляет собой набор утверждений из списка целей воспитания Петцольда, а также отдельных утверждений. Список был сокращен после предварительного исследования [479-486].

В нашем исследовании показатель «Цели воспитания» не был использован как показатель «Я-идеального», в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера параметр «Я-идеальное» был полностью сокращен.

3.1.1.в. Социальная идентичность

Область социальной идентичности, как правило, представлена внутренними спроектированными показателями. Они делятся на «Чувство принадлежности к группам» и «Установки в отношении чужих/внешних групп». Это разделение основано на теории социальной идентичности и соответствует переменным для внутренних и внешних групп (Tafjel H. [517]). Большинство шкал имеют ранговую систему ответов (пятибалльную) с определенными полюсами ответов. Промежуточные варианты ответов не названы, но графическое изображение в виде треугольника визуально иллюстрирует усиление интенсивности выраженности ответа.

в.1. Чувство принадлежности к группам

в.1.1. Значение релевантных других

Этот показатель изучает эмоциональную связь с другими людьми. Он свидетельствует о субъективном значении определенных групп людей и не может быть приравнен к термину привязанность (см. Oerter, [479-486]). В центре внимания находится интеграция человека в социальную сеть и ее важность. Обзор по этой теме можно найти у Palmonari, Kirchler и Pombeni. Эмоциональную связь изучает опросник Palmonari, Kirchler и Pombeni [479-486]. Оригинал опросника был переведен, сокращен и адаптирован в редакции. Вопросы для родителей и подростков отличались незначительно. Для родителей назывались группы «клика друзей», «семья», «коллеги по работе» и «соседи», для подростков «клика друзья», «семья», «спортивный клуб/ молодежный клуб»

и «школа/ одноклассники», варианты ответа – пятибалльная шкала оценивания (1 = «не согласен» с 5 = «полностью согласен»).

В нашем исследовании показатель «Значение релевантных других» не был использован как показатель «Чувство принадлежности к группам», в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера показатель «Значение релевантных других» также не использовался.

в.1.2. Совпадение мнений со значимыми другими

Этот показатель изучает мысленное соединение/ принадлежность к значимым другим, которое выявляется через согласованность во мнении между подростками и их родителями по заданным темам/ значимым областям. Родителей и детей спрашивают о согласованности в их семье, и поэтому различия и сходства в системе ценностей рассматриваются на абстрактном уровне (Köcher & Schild [479-486]).

Рейтинг ответов включает в себя уровни 1 = «не верно», 2 = «скорее нет», 3 = «частично», 4 = «скорее да» и 5 = «верно».

В нашем исследовании показатель «Совпадение мнений со значимыми другими» не был использован как параметр «Чувство принадлежности к группам», в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера показатель «Значение релевантных других» также не использовался.

в.1.3. Идентификация с местом, страной итд.

Основываясь на экопсихологическом подходе (см., например, Fuhrer & Josephs, Normuth [479-486]), исследуется значение окружающей среды для человека. Показатель изучает связанность/соединенность человека со следующими основными показателями окружающей среды: место жительства, регион/ федеральная земля, Германия, Европа и/ или другая нация, а также все человечество. Предполагается, что люди обычно идентифицируют себя с разной степенью интенсивности с различными показателями окружающей среды (Schmitt-Eger [479-486]). Это шкала Schmitt et al. (Schmitt et al. [479-486]). Ответы представлены в виде пятибалльной оценочной шкалы с полюсами от 1 = «абсолютно нет» до 5 = «очень сильно». В сокращенном варианте опросника У.

Шмидт-Дентера показатель «Идентификация с местом, страной итд.» не используется.

В нашем исследовании в соответствии с заявленной темой этот показатель был модифицирован в большей степени по сравнению с ранее представленными. В утверждениях идет речь не о Европе, а об Азии, страной возможной идентификации выступает Кыргызия, а не Германия. Всего представлено шесть утверждений.

С чем идентифицируете Вы себя чаще всего? Я чувствую связь...	 Абсолютно нет Очень сильно
Утверждения по показателю: Идентификация с местом, страной итд. параметра «Чувство принадлежности к группам»	
С моим городом/моей областью	
С моим регионом/моей страной	
С Киргизией как нацией	
С другой страной, а именно с _____	
С Азией	
Со всем человечеством	

в.1.4. Национальная гордость

Результатом оценки является, прежде всего, выявление чувства гордости или чувства стыда. Чтобы выявить особенности национальной гордости, были взяты различные области, которые характеризуют страну, которые должны быть оценены по шкале с противоположными полюсами «гордость» - «стыд». В дополнение к национальной гордости можно сделать выводы о степени дифференциации в восприятии своей страны происхождения (Blank & Schmidt [282], Bornewasser [289], Noelle-Neumann, Schmitt et al., Wakenhut [549]).

Шкала «национальная гордость» была основана на работе Schmitt et al. (Schmitt et al. [479-486]). При составлении утверждений были приняты меры к тому, чтобы большинство утверждений также можно было использовать для других стран. Ранжирование ответов включает в себя полюс -2 = «Мне очень стыдно» и 2 = «Я очень горд». Промежуточные ответы -1, 0 и 1 не названы, но график в значении 0 имеет значение «ни то и ни другое».

В нашем исследовании в соответствии с заявленной темой этот показатель был также модифицирован в большей степени по сравнению с ранее

представленными в показателях личной идентичности. В утверждениях идет речь не о Германии, а о Кыргызстане, его истории, ярких представителях кыргызского народа, кыргызской нации, культуре, национальных ценностях и достижениях кыргызов в спорте, политике итд. Всего представлено 15-ть утверждений. В сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера показатель «Национальная гордость» также использовался.

<p>Как Вам Кыргызстан? Вы гордитесь или стыдитесь ...</p>	<p>мне очень стыдно я очень горд</p>
<p>Утверждения по показателю: Национальная гордость параметра «Чувство принадлежности к группам»</p>	
<p>Кыргызской культурой/литературой</p>	
<p>Кыргызской историей</p>	
<p>Красивыми ландшафтами</p>	
<p>Восстановлением после второй мировой войны</p>	
<p>Стойкостью кыргызских солдат во время войны</p>	
<p>Кыргызским сопротивлением в годы второй мировой войны</p>	
<p>Курманжан Датка, Шабдан баатыр, Исхак Раззаков и другими важными государственными деятелями</p>	
<p>Достижениями кыргызских спортсменов на международной арене</p>	
<p>Демократией и конституцией в Кыргызстане</p>	
<p>Положением кыргызской экономики в мире</p>	
<p>Кыргызскими основными качествами такими как: гостеприимство, уважение к старшим, преемственность поколений, взаимопомощь и взаимовыручка, сплоченность</p>	
<p>Быть кыргызом/кыргызкой</p>	
<p>Кыргызской парламентской системой</p>	
<p>Апрельской революцией/Временем перестройки в Кыргызстане</p>	
<p>Военной политике Кыргызстана для обеспечения безопасности в мире</p>	

в.1.5. Отношение к своей нации

В отличие от национальной гордости, отношение к собственной нации является не столько вопросом суждения, сколько глобальным эмоциональным отношением к своей нации, вне зависимости от отдельных областей или отождествления с национальными символами (Blank [282], Eisenstadt [335], Schäfer & Schlöder [427]). Показатель представляет собой шкалу из восьми утверждений, автор Schmitt et al. (см. также Schmitt et al. [479-486]). Шкала была изменена, одно утверждение было заменено новым. Поля ранжирования: 1 = «абсолютно не верно» и 5 = «абсолютно верно».

В нашем исследовании в соответствии с заявленной темой этот показатель был также модифицирован в большей степени по сравнению с ранее представленными в показателях личной идентичности. В утверждениях идет речь не об отношении к Германии, а об отношении к Кыргызстану, его символике, отношении к национальным достижениям и нации в целом. Всего представлено семь утверждений. В сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера показатель «Отношение к собственной нации» также использовался.

Как Вы относитесь к Кыргызстану?	 <p>абсолютно не верно абсолютно верно</p>
Утверждения по показателю: Отношение к своей нации параметра «Чувство принадлежности к группам»	
Я радуюсь, когда слышу кыргызский национальный гимн.	
Я радуюсь, когда вижу кыргызский национальный флаг.	
Я считаю важным, заботиться об обычаях своей Родины.	
Я работаю охотнее с кыргызом, чем с иностранцем вместе.	
Я могу чувствовать себя дома только в Кыргызстане.	
Если кыргызские спортсмены на международном турнире выступают, то я сильно переживанию за них.	
С людьми других национальностей у меня часто больше общего, чем с другими кыргызами.	

в.1.6. Национальные чувства

Хотя показатели «национальная гордость» и «отношение к своей нации» отражали специфическое отношение к Германии, но теперь концепция национального чувства отделена для изучения от конкретной нации (Gallenmüller & Wankenhut [358]). Для немецкой выборки также обсуждались вопросы особых немецких отношений.

Шкала «национальное чувство» была основана на работе Schmitt et al. (см. также Schmitt et al [479-486]). Поля ранжирования: 1 = «абсолютно не верно» и 5 = «полностью верно». Шкала отражает позитивное отношение к «национальному чувству».

В нашем исследовании показатель «Национальные чувства» не был использован как параметр «Чувство принадлежности к группам», в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера показатель «Национальные чувства» также не использовался.

в.1.7. Отношение к Евросоюзу/ отношение к ЕАЭС

Показатель изучает эмоциональную оценку Европейского Союза (см. Bornewasser & Wakenhut [288], Hettlage, Pfetsch, Weidenfeld [479-486]) и сравнима с «Отношением к своей нации». Шкала «Отношение к Европейскому Союзу» была разработана внутри проекта и сокращена на одно утверждение после предварительного исследования, еще одно утверждение было переформулировано. Теперь опросник включает в себя четыре утверждения, на которые дан ответ с использованием пятибалльной шкалы оценивания (1 = «абсолютно не верно» и 5 = «абсолютно верно»).

В нашем исследовании в соответствии с заявленной темой этот показатель был также модифицирован в большей степени по сравнению с ранее представленными в показателях личной идентичности. В утверждениях идет речь не об отношении к Евросоюзу, а об отношении к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС). В сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера показатель «Отношение к Евросоюзу» также использовался.

Как Вы относитесь к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС)?	абсолютно не верно абсолютно верно
Утверждения по показателю: Отношение к ЕАЭС параметра «Чувство принадлежности к группам»	
Я рад, когда вижу эмблему Евразийского экономического союза.	
В пользу евразийских идей кыргызстанские интересы должны быть отложены в сторону.	
Целью евразийского союза является создание совместных условий стабильного развития национальных экономик государств-членов.	
Распаду ЕАЭС я был бы рад.	

в.1.8. Бикультурная идентичность

Идентичность развивается в культурных рамках общества, но также и в самой семье. Если два базовых условия различны, человек находится в особом положении, поскольку и общество, и семья предъявляют требования к культурной идентичности. Понятие «бикультурная идентичность» не однозначно в литературе. Однако результаты предварительного исследования, проведенного в проекте, позволяют предположить, что существуют не только

разные культурные идентичности и диффузную идентичность, но и идентичность интеграции различных влияний (Kutlu-Petersen [479-486]). Поэтому цель состоит также в том, чтобы опросить людей, которые живут, с одной стороны, в условиях главенствующего большинства определенной нации, и они хотят разделить свое будущее в первую очередь с ними, но, с другой стороны, связаны со своими родителями или своим фактом рождением с другой нацией (мигрантами 2-го или 3-го поколений).

Бикультурная идентичность выявляется методом, основанным Orth et al. и Polat, но и частично самостоятельно открытым [479-486]. Шкала «бикультурная идентичность» вообще не включена в опросник, а используется только для субъектов с миграционным прошлым.

в.2. Установки в отношении к чужим группам

в.2.1. Симпатия к другим странам

Другие страны могут быть определены как иностранные (чужие) группы в соответствии с Н. Tajfel [520]. Чтобы изучить глобальную оценку этих стран, выраженность симпатии к каждой из наций. Этот метод позволяет проводить прямое социальное сравнение и, таким образом, отражает относительное положение своей нации по отношению к другим странам. Предпочтения и отклонения внутри группы и отобранных внешних групп становятся ясными. Детальная оценка стран на основе категорий (экономика, ландшафт, культура и т. д.) оказалась неосуществимой в ходе предварительного исследования. В том виде, в котором эта шкала используется в настоящее время, задается вопрос о симпатиях к предполагаемым странам-участницам исследования, которые перечислены в алфавитном порядке. Кроме того, был включен «Израиль» (Süllwold [479-486]). Полюса шкалы: 1 = «не симпатичный» и 5 = «очень симпатичный».

В нашем исследовании в соответствии с заявленной темой этот показатель был также модифицирован в большей степени по сравнению с ранее представленными в показателях личной идентичности. В утверждениях идет речь об отношении к странам, с которыми Кыргызстан в большей степени по

сравнению с другими странами взаимосвязан, общее число стран сохранено как в изначальном варианте опросника. В сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера показатель «Симпатия к другим странам» не использовался.

Утверждения по показателю: Симпатия к другим странам параметра «Установки в отношении к чужим группам»					
Насколько нравятся Вам следующие страны?	не симпатичны очень симпатичны				
	1	2	3	4	5
Афганистан	1	2	3	4	5
Белоруссия	1	2	3	4	5
Казахстан	1	2	3	4	5
Кыргызстан	1	2	3	4	5
Китай	1	2	3	4	5
Россия	1	2	3	4	5
США	1	2	3	4	5
Таджикистан	1	2	3	4	5
Турция	1	2	3	4	5
Узбекистан	1	2	3	4	5
Украина	1	2	3	4	5
Южная Корея	1	2	3	4	5

в.2.2. Толерантность

Базовое отношение к людям без предрассудков, которые отклоняются в важных областях жизни от других своими собственными ориентациями, является основной предпосылкой для уважительного совместного сосуществования/проживания (Fritzsche [479-486]). В то же время, это базовое отношение показывает, воспринимается ли инаковость как обогащение общества и собственной жизненной среды или как что-то представляющее угрозу.

Шкала «Толерантность» является биполярной шкалой с полюсами -2 = «Я предпочитаю уходить от них в сторону» и +2 = «Я хотел бы ближе с ними познакомиться». Это также вызывает возможный отказ от встречи с другими людьми. Утверждения для взрослых и подростков идентичны и были рассмотрены по Schmitt et al. (см. также Schmitt et al. [479-486]) и сокращены на одно утверждение.

В нашем исследовании изучался показатель «Толерантность», в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера показатель «Толерантность» также использовался.

<p>Как Вы относитесь к людям, которые от Вас сильно отличаются?</p>	<p>я предпочитаю уходить в сторону от них</p> <p>я хотел бы ближе с ними познакомиться</p>
<p>Утверждения по показателю: Толерантность параметра «Установки в отношении к чужим группам»</p>	
<p>Люди с другой политической точкой зрения.</p>	
<p>Люди другой религии.</p>	
<p>Люди с другим мировоззрением.</p>	
<p>Люди из других культур.</p>	
<p>Люди из других стран.</p>	

в.2.3. Ксенофобия/ксенофилия

Ксенофобия или ксенофобия (Frindte, Frindte, Jacob & Neumann, Heitmeyer, Landua, Falling Cup & Welskopf [479-486], Westle [553]) представляет собой базовое эмоциональное отношение к людям других национальностей по сравнению со своей национальностью.

Основное внимание уделяется вопросу о том, были ли и если да, то в какой степени лица других национальностей отвергнуты, или наоборот предпочтительны контакты с этой группой лиц.

Шкала «ксенофобия / филия» охватывает неприятие лиц, воспринимаемых как чужих, как правило, иностранцев, или предпочтение именно этой группы лиц. Вопросы одинаковы для подростков и взрослых. После предварительного исследования шкала, разработанная в рамках проекта, была сокращена на несколько утверждений. Полюса называются 1 = «абсолютно не верно» и 5 = «абсолютно верно».

В нашем исследовании показатель «Ксенофобия/ксенофилия» был использован как параметр «Установки в отношении к чужим группам», в сокращенном варианте опросника У. Шмидт-Дентера показатель «Ксенофобия/ксенофилия» также использовался. Четыре утверждения направлены на изучение ксенофобии, восемь высказываний – ксенофилии.

Каково ваше мнение?	абсолютно не верно абсолютно верно
Утверждения по показателю: Ксенофобия/ксенофилия параметра «Установки в отношении к чужим группам»	
Я чувствую себя часто среди иностранцев лучше, чем среди кыргызов.	
Я хотел бы долгое время жить за границей, а именно предпочтительнее в _____	
Я бы предпочел эмигрировать.	
Каждый, кто хочет из-за рубежа приехать в Кыргызстан, должен обладать правом, иммигрировать.	
Через определенные промежутки времени у меня возникает потребность, чтобы отдохнуть за границей от кыргызов.	
Это заходит слишком далеко, когда иностранцы пристают к кыргызским девушкам и женщинам.	
Иностранцы часто сами провоцируют своим поведением враждебное отношение к иностранцам.	
Большинство политиков в Кыргызстане заботятся больше об иностранцах, а не «коренных жителей – нормальных кыргызах».	
Иностранцы обладают многими позитивными качествами, которые отсутствуют у кыргызов.	
В отношении кыргызов или Кыргызстан я охотно говорю «Мы».	
Я восторгаюсь одним городом или страной, а именно _____	
Кыргызы должны больше жертв взять к себе, для того чтобы преследуемым людям дать новую Родину.	
Я буду радоваться, если Кыргызстан станет мультикультурной страной.	
В нашем переполненном мире лучше, когда иностранцы всё больше прибывают в нашу страну, чем кыргызы снова заводят больше детей.	

б.2.4. Антисемитизм

Исследование антисемитизма предполагает (Bergmann & Erb, Frindte [479-486]), что отвержение людей еврейской веры не основано на их собственном опыте, но представляет собой не отрефлексированные перенятые чужие предубеждения. Все вопросы сформулированы в соответствии с этим предположением. Концепция скрытого антисемитизма также учтена.

Таким образом, на основе полной и сокращенной форм опросника разработанных в рамках проекта «Личная и социальная идентичность в контексте глобализации и национального разграничения» проф. др. У. Шмидт-Дентер нами был разработан модифицированный вариант опросника.

На рис. 7 (смотри приложение 6) представлена модифицированная нами структурная модель У. Шмидт-Дентера, которую мы использовали в рамках нашего исследования самопонимания личной и социальной идентичности в современном кыргызском обществе.

ГЛАВА 3. АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ САМОПОНИМАНИЯ ЛИЧНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ СУВЕРЕННОГО ГОСУДАРСТВА КЫРГЫЗСТАНА

3.1. Психологический анализ самопонимания личной и социальной идентичности представителей кыргызского этноса в зависимости от социально-демографического статуса (пола, возраста, образования, семейного и социального положения, религии, дохода семьи) и места проживания респондентов

3.1.1. Общая характеристика самопонимания личной и социальной идентичности представителей кыргызского этноса в зависимости от социально-демографического статуса (пола, образования, семейного и социального положения, религии, дохода семьи) и места проживания респондентов

В первой части нашего исследования изучалась в целом структурная модель самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана. Исследование проводилось в Кыргызстане, в городах Бишкеке, Нарыне, селах в январе-июле 2019г. Всего в исследовании приняли участие 315 представителей титульного этноса Кыргызстана, средний возраст участников исследования составил 39 лет и 1 месяц, в исследовании приняли участие кыргызы от 17 до 81 лет (в последующем выборка исследования была разделена на три возрастные группы: 1 группа: 109 человек от 17 - до 25 лет, 2 группа: 106 человек от 30 – до 49 лет, 3 группа: 100 человек от 50 лет и старше.

Охарактеризуем более подробно выборку исследования: мужчин – 104 человека (33,02%), женщин – 211 человек (66,98%). Наличие братьев/сестер: 280 человек (88,9%) имеют братьев или сестер, 35 человек (11,1%) не имеют братьев/сестер. По уровню полученного образования: у 228 (72,4%) респондентов – высшее образование, у 42 (13,3%) - среднее профессиональное образование, у 45 (14,3%) – полная средняя школа.

По семейному положению: не женат/не замужем – 118 (37,5%), женат/замужем/совместное проживание – 171 (54,3%), раздельное проживание – 1 (0,3%), разведен/разведена – 10 (3,2%), вдовец/вдова – 15 (4,7%). По наличию

детей: 116 (36,9%) – нет детей, 199 (63,1%) – есть дети, из них детей, проживающих вместе с родителями – 56,6%, проживающих отдельно – 43,4%.

По месту проживания: 100 (31,7%) респондентов проживает в сельской местности, 104 (33,0%) – в городе, 111 (35,2%) – в большом городе. По доходу семьи: менее 5000 кыргызским сом – 5,1%, от 5000 до 10000 - 32,5%, от 10000 до 22000 – 27,3%, от 22000 до 28000 – 14,1%, от 28000 до 33000 – 9,3%, от 33000 и выше – 11,6%.

По социальному положению: обучающийся – 28,3%, государственный служащий – 53,5%, предприниматель – 11,8%, безработный – 6,4%. По принадлежности к религии: ислам – 93,0%, православие – 1,0%, другая религия – 1,0%, никакая – 5,0%. Религия детей: ислам – 90,9%, православие – 8,6%, никакая – 0,4%. При этом совпадение с религией родителей: у 87,9% респондентов - совпадает, у 12,1% - не совпадает.

В исследовании использовался адаптированный и модифицированный на русский язык в рамках диссертационного исследования опросник «Личной и социальной идентичности» ОЛСИ (FPSI-K). Автор и разработчик опросника FPSI-K (Fragebogen zur Personalen und Sozialen Identität – Kurzform für Erwachsene, 2004): проф. др. У. Шмидт-Дентер (Психологический институт университета г. Кельна, Германия):

Структурные компоненты **самопонимания личной идентичности**: «Я-Рефлексивное» (самовнимание, самокритика), «Я - Реальное» (самооценивание, Я-концепция, контроль убеждений), «Я - Действующее» (политическое поведение и религиозное поведение) и «Я - Идеальное» (общие ценности и ценность работы).

Структурные компоненты **самопонимания социальной идентичности** подразделяются на «чувство принадлежности к группам»: «идентификация с местом, страной и т. д.», «национальная гордость», «отношение к своей нации» и «отношение к ЕАЭС»; «Установки в отношении чужих групп»: «симпатия к другим странам», «толерантность», «ксенофобия/филия».

Перейдем к результатам проведенного исследования. Охарактеризуем в начале результаты диагностики самопонимания личной идентичности у представителей кыргызского этноса по четырем его структурным показателям: «Я - Рефлексивное», «Я - Реальное», «Я - Действующее» и «Я - Идеальное».

Таблица 6 - Результаты диагностики «Я-Рефлексивное» титульного этноса Кыргызстана по опроснику ОЛСИ (средние значения)

Показатели «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности	Среднее значение
Личное самовнимание	9,95
Общественное самовнимание	9,35
Самовнимание (сумма)	19,31
Самокритика	15,97
Диффузный стиль идентичности	21,29
Информационный стиль идентичности	34,51
Ориентированный на нормы стиль идентичности	24,52

Как видно по средним значениям из таблицы 6, как личное, так и общественное самовнимание (максимальный балл по каждому показателю 15) выражен на среднем уровне. Самокритика выражена также на среднем уровне (15,97 баллов среднее значение из возможных 25 баллов). Из стилей идентичности преобладает информационный стиль, затем следует ориентированный на нормы стиль идентичности, диффузный стиль идентичности выражен по сравнению с другими менее всего.

В таблице 7 представлены результаты диагностики «Я-Реального» кыргызской выборки исследования.

Таблица 7 - Результаты диагностики «Я-Реальное» титульного этноса Кыргызстана по опроснику ОЛСИ (средние значения)

Показатели «Я-реальное» самопонимания личной идентичности	Среднее значение
Самооценка	20,16
Я-концепция:	
Профессиональные амбиции	22,26
Психосоматические жалобы	12,60
Депрессивность	35,89
Контроль убеждений:	

Контроль эмоций	9,79
Умение настоять на своем	11,38
Социальные способности	11,77

Как видно из таблицы 7, для самооценки характерен средний уровень выраженности, с тенденцией к ниже среднего уровня самооценке (30 баллов максимально возможный результат). Я-концепция: по показателю профессиональные амбиции – средний уровень выраженности (max=30 баллов), по показателю психосоматические жалобы – средний уровень, с тенденцией к ниже среднего (max=25 баллов), то есть большинство респондентов испытывает психосоматические жалобы не часто (несколько раз в году или несколько раз в месяц). Депрессивность – также выражена на уровне ниже среднего (max=80 баллов). Контроль убеждений: контроль эмоций выражен на среднем уровне (max=15 баллов), умение настоять на своем – выражен на среднем уровне с тенденцией к уровню выше среднего (max=15 баллов), социальные способности – на среднем уровне (max=20 баллов).

В таблице 8 (смотри приложение 7) представлены результаты диагностики «Я-Действующее» кыргызской выборки исследования.

Как видно из таблицы 8, политическая информированность выражена на среднем уровне (max=25 баллов). Политическое поведение по предпочтению в выборе действующей политической партии: предпочтение из названных партий отдается политической партии СДПК (19,2%), при этом интересен тот факт, что 48,6% представителей выборки кыргызского этноса не предпочитают ни одну из действующих политических партий на сегодняшний день в Кыргызстане и хотели бы, чтобы их интересы выражала другая новая политическая партия будущего.

Большинство представителей выборки кыргызского этноса считают религию (прежде всего, ислам см. выше) важной для себя, при этом 19,4% выборки респондентов не считают религию важной для себя.

Интересен также описательный анализ ответов на вопрос об активности религиозного поведения респондентов. Постоянно молятся 34,5% опрошенных,

при этом для 41,3% опрошенных характерны нетипичные формы религиозного поведения или возможна низкая активность в религиозном поведении. Всего 5,4% опрошенных посещают религиозную службу по большим праздникам, что также возможно свидетельствует о низкой активности религиозного поведения.

В таблице 9 (смотри приложение 8) представлены результаты диагностики «Я-Идеальное» кыргызской выборки исследования.

Как видно из таблицы 9, среднее значение общих ценностей соответствует среднему уровню ($M=75$ баллов). При этом проранжировав средние значения общих ценностей было выявлено 5 наиболее важных общих ценностей: основание семьи, мир во всем мире, самоуважение, национальная безопасность и истинная дружба.

Из этнических ценностей выделяется ценность «Равенство» (равные возможности для всех) по значимости. Возможно, в советский период развития Кыргызской Республики эта ценность была в недостаточной степени учтена и удовлетворена.

Ценность качества работы превалирует как ответ у 30,5% респондентов кыргызской выборки исследования. При этом работу рассматривают как самое главное в жизни 16,2% респондентов. Никогда не имели оплачиваемой работы 3,2% опрошенных. Работу рассматривают как вынужденную необходимость 10,2%, что является довольно неблагоприятным показателем, так как одна десятая опрошенных работают вынужденно.

Таким образом, мы рассмотрели сначала в целом выборку кыргызского этноса по самопониманию личной идентичности по четырем структурным компонентам: «Я-Рефлексивному», «Я-Реальному», «Я-Действующему» и «Я-Идеальному». Для выборки исследования кыргызского этноса характерно самопонимание личной идентичности, в котором «Я-рефлексивное» в основном характеризуется средним уровнем его выраженности, как по общественному, так и личному самовниманию, по самокритике, преобладает информационный стиль идентичности, то есть кыргызы склонны серьезно относиться к мнению других людей, советам других людей, в целом к сбору информации для принятия того

или иного решения. Менее всего для кыргызов характерен диффузный стиль идентичности, когда присутствует определенная легкомысленность в восприятии проблем, нежелание задумываться о будущем и последствиях своих действия, что свидетельствует о том, что для кыргызского этноса выборки исследования в целом характерна сформированность «Я-Рефлексивного» самопонимания личной идентичности.

Говоря о «Я-реальном» кыргызского этноса выборки исследования следует отметить, для самооценки характерен средний уровень выраженности, с тенденцией к ниже среднего уровня самооценке. По показателю профессиональные амбиции Я-концепции характерен также средний уровень выраженности, как и по показателю психосоматические жалобы, с тенденцией к ниже среднего уровню, то есть большинство респондентов испытывает психосоматические жалобы только несколько раз в году или несколько раз в месяц. Депрессивность также выражена на уровне ниже среднего, что является, безусловно, хорошим результатом. По контролю убеждений: контроль эмоций и социальные способности выражены на среднем уровне, умение настоять на своем выражено на среднем уровне с тенденцией к уровню выше среднего. В целом, можно сделать вывод о том, что «Я-реальное» выборки исследования кыргызского этноса сформировано в целом на среднем уровне с тенденцией к ниже среднего уровня самооценки, но с выраженным умением настоять на своем, небольшим числом психосоматических жалоб и невыраженностью депрессивной симптоматики. Профессиональные амбиции выражены, как и контроль эмоций с социальными способностями.

Для «Я-Действующее» самопонимания личной идентичности политическая информированность выражена на среднем уровне. В целом, предпочтение отдается политической партии СДПК, при этом интересен тот факт, что почти половина представителей выборки кыргызского этноса не предпочитают ни одну из действующих политических партий на сегодняшний день в Кыргызстане и хотели бы, чтобы их интересы выражала другая какая-то совершенно новая политическая партия.

Большинство представителей выборки кыргызского этноса считают религию (ислам) важной для себя, при этом почти одна пятая выборки респондентов не считают религию важной для себя. При этом уровень религиозной активности опрошенных не высок. Небольшой процент респондентов посещает религиозную службу только по большим праздникам, постоянно молятся чуть больше одной трети респондентов, членство в религиозной группе не распространено, как и регулярное посещение религиозных служб.

Для «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности среднее значение общих ценностей соответствует среднему уровню. Ранжирование средних значений общих ценностей позволило выявить пять наиболее важных общих ценностей: основание семьи, мир во всем мире, самоуважение, национальная безопасность и истинная дружба. Изменчивая жизнь (жизнь, наполненная проблемами, новизной, изменениями) как общая ценность получила при ранжировании самый последний ранг. Возможно, это свидетельствует о том, что в последние два десятилетия в Кыргызстане уже произошло много изменений и кыргызстанцам хочется стабильности и, прежде всего, безопасности, как для своей семьи, так и для своей страны. В любом случае семья (своя семья и дети) являются самой важной ценностью выборки исследования кыргызского этноса. Из этнических ценностей выделяется ценность «Равенство» (равные возможности для всех) по значимости. Возможно, в советский период в Кыргызстане эта ценность была в недостаточной степени учтена и удовлетворена.

Ценность качества работы превалирует почти у одной трети респондентов кыргызской выборки исследования. При этом работу рассматривают как самое главное в жизни чуть больше одной десятой выборки респондентов, тогда как работу как вынужденную необходимость рассматривает также одна десятая опрошенных.

В целом, самопонимание личной идентичности выборки исследования кыргызского этноса говорит о сформированности всех четырех структурных

компонентов «Я-Рефлексивное», «Я-Реальное», «Я-Действующее» и «Я-Идеальное».

При этом «Я-Действующее» как структурный компонент самопонимания личной идентичности наименее по сравнению с другими компонентами сформирован, возможно из-за того, что политическое (многопартийность, выборность) и религиозное поведение (членство в религиозной группе, религиозные службы) являются относительно новыми структурными компонентами самопонимания личной идентичности кыргызского этноса, так как в советский период РК формирование этого компонента была либо крайне затруднено, либо запрещено.

Теперь перейдем к описанию результатов диагностики самопонимания социальной идентичности у представителей кыргызского этноса по двум его структурным показателям: «Чувство принадлежности к группе» и «Установки в отношении чужих групп».

Таблица 10 - Результаты диагностики «Чувство принадлежности к группе» титульного этноса Кыргызстана по опроснику ОЛСИ (средние значения)

Показатели «Чувство принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности	Среднее значение
Идентификация с местом/страной и тд.	20,86/30
Национальная гордость	15,23/30
Отношение к своей нации	28,45/35
Отношение к ЕАЭС	12,32/20

Как видно из таблицы 10, идентификация с местом/страной выражена у кыргызского этноса выборки исследования на среднем уровне (max=30 баллов). Национальная гордость как показатель «Чувства принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности выражен также на среднем уровне, с тенденцией к ниже среднего уровню (max=30 баллов). При этом отношение к своей нации выражено на среднем уровне, с тенденцией к выше среднего уровню (max=35 баллов). Отношение к ЕАЭС также характеризуется средним уровнем выраженности (max=20 баллов). По видимому Евразийский Экономический Союз только постепенно в самопонимании социальной идентичности начинает занимать важные позиции. Принадлежность к этому экономическому союзу как

части самопонимания своей социальной идентичности у кыргызов пока не сильно выражена.

Перейдем к рассмотрению результатов диагностики установок в отношении чужих групп кыргызского этноса выборки исследования.

Как видно из таблицы 11 (смотри приложение 9), симпатия к другим странам выражена на среднем уровне ($\max=60$ баллов). Ранжирование 12 стран по степени симпатии показало, что Кыргызстан является самой нравящейся страной для кыргызского этноса выборки исследования, что является, безусловно, положительным результатом. При этом самый большой уровень симпатии Кыргызстана как страны для кыргызского этноса выражен у 72,1% опрошенных и только у 1,6% опрошенных отсутствует симпатия к Кыргызстану как к стране. На втором месте по уровню симпатии находится Франция как страна, на третьем – Россия, четвертое и пятое места заняли в рейтинге стран – Англия и США соответственно. Узбекистан, Китай и Таджикистан являются по данным опроса самыми несимпатичными странами. Интересен тот факт, что именно с этими странами непосредственно граничит Кыргызстан. Франция, Россия, Англия и США не имеют общих границ с Кыргызстаном, но именно в отношении этих стран высок уровень симпатии представителей кыргызского этноса выборки исследования.

При этом уровень толерантности в отношении чужих, других групп ниже среднего ($\max=10$ баллов). Низкий уровень толерантности выявлен у 17,8% опрошенных, если речь идет о людях с другой политической точкой зрения, другой религией, другим мировоззрением, другой культурой, из другой страны. 25,1% опрошенных наоборот демонстрируют высокий уровень толерантности в отношении чужих (других) групп.

Уровень ксенофобии выражен на среднем уровне, с тенденцией к его повышению ($\max=20$ баллов). Уровень ксенофилии по выборке исследования кыргызского этноса ($\max=40$ баллов) ниже среднего, то есть иностранное не часто воспринимается лучше, чем свое собственное.

Таким образом, мы рассмотрели в целом выборку кыргызского этноса по самопониманию социальной идентичности по двум структурным компонентам: «Чувство принадлежности к группе» и «Установки в отношении чужих групп». Для выборки исследования кыргызского этноса характерно самопонимание социальной идентичности, которое выражается в чувстве принадлежности к своей группе в среднем уровне идентификации со своей страной, местом итд. Национальная гордость (гордость за достижения кыргызского народа, за его природу, экономику, великих людей кыргызского этноса, политические достижения, гражданство Кыргызстана) выражена также на среднем уровне, с тенденцией к снижению, что является неблагоприятным показателем самопонимания социальной идентичности кыргызского этноса выборки исследования.

При этом в целом отношение к своей нации, выражающееся в национальном гимне, заботе о традициях, ощущении себя в Кыргызстане как дома, чувстве единения с кыргызским народом выражено на среднем уровне, с тенденцией к повышению этого уровня. Отношение к ЕАЭС также характеризуется средним уровнем выраженности. Принадлежность к этому экономическому союзу как части самопонимания своей социальной идентичности у кыргызов пока не сильно выражена.

В отношении установок к чужим (другим) группам как показателю самопонимания социальной идентичности кыргызского этноса выборки исследования следует отметить, что симпатия к другим странам выражена на среднем уровне. Кыргызстан является самой нравящейся страной для кыргызского этноса выборки исследования, что является, безусловно, положительным результатом. Большинство представителей кыргызского этноса из числа опрошенных с большой симпатией к своей стране проживания и только у очень небольшой части опрошенных (1,6%) отсутствует симпатия к Кыргызстану как к стране. В рейтинге симпатии из чужих стран Франция как страна находится на втором месте, Россия - на третьем, затем следуют Англия и США соответственно. Узбекистан, Китай и Таджикистан являются по данным

опроса самыми несимпатичными чужими странами. Интересен тот факт, что именно с этими странами непосредственно граничит Кыргызстан. Франция, Россия, Англия и США не имеют общих границ с Кыргызстаном, но именно в отношении этих стран высок уровень симпатии представителей кыргызского этноса выборки исследования.

При этом уровень толерантности в отношении чужих, других групп ниже среднего. Низкий уровень толерантности к чужой (другой) культуре, религии, политической точке зрения, мировоззрению. Одна четвертая часть опрошенных наоборот демонстрируют высокий уровень толерантности в отношении чужих (других) групп. Уровень ксенофобии выражен на среднем уровне, с тенденцией к его повышению. Уровень ксенофилии по выборке исследования кыргызского этноса ниже среднего, иностранное не часто воспринимается лучше своего собственного.

В целом, самопонимание социальной идентичности выборки исследования кыргызского этноса говорит о сформированности выделенных двух структурных компонентов «Чувство принадлежности к группе» и «Установки в отношении чужих групп».

Чувство принадлежности к группе как показатель самопонимания социальной идентичности у представителей кыргызского этноса выборки исследования несомненно сформировано. Об этом говорит и идентификация со страной, и отношение к своей нации в целом. Менее это отражается в проявлении национальной гордости (за достижения кыргызского этноса в науке, культуре, экономике, политике итд.) и в отношении к Евразийскому Экономическому Союзу, который пока не играет ключевой роли в самопонимании социальной идентичности кыргызов.

При этом «Установки в отношении чужих групп» как структурный компонент самопонимания социальной идентичности менее сформирован по сравнению с другими компонентом самопонимания социальной идентичности, возможно, из-за того, что в советский период Кыргызской республики любое проявление чужого, другого беспощадно подавлялось, искоренялось, что нашло

сейчас свое проявление в неготовности быть толерантным к «другому», в чувстве боязни перед иным, другим.

Таким образом, первая гипотеза нашего исследования подтвердилась, советский период развития Кыргызстана оказал существенное влияние на самопонимание как личной, так и социальной идентичности кыргызского этноса, что выразилось, прежде всего, в политическом и религиозном поведении и отношении к другим (чужим) этническим группам.

3.1.2. Сравнительный анализ и интерпретация самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана в зависимости от возраста

Перейдем к рассмотрению второй гипотезы нашего исследования, а именно, что структурные компоненты самопонимания личной и социальной идентичности кыргызского этноса отличаются между собой в зависимости от опыта проживания в советский период в Республике Кыргызстан.

В теме нашего диссертационного исследования была заявлена тематика развития самопонимания в современном кыргызском обществе. Именно вторая гипотеза диссертационного исследования должна помочь нам увидеть динамику развития самопонимания личной и социальной идентичности кыргызов в зависимости от опыта (времени) проживания в советский период в Кыргызстане.

Для выявления этой динамики развития самопонимания личной и социальной идентичности нами кыргызская выборки исследования была поделена на три группы. В первую группу вошли кыргызы от 17 – до 25 лет (109 человек), вторую группу составили 106 человек от 30 – до 49 лет, третью группу составили 100 человек от 50 лет и старше. 31 августа 1991 года внеочередная сессия Верховного Совета Кыргызстана приняла постановление о «Декларации о государственной независимости Республики Кыргызстан». Согласно этому историческому акту Кыргызстан стал независимым, суверенным, демократическим государством.

То есть на момент проведения исследования январь-июль 2019г., опыт проживания при советском режиме в Кыргызстане у респондентов 1 группы

исследования равен 0 лет, у второй группы респондентов - примерно от 2-х до 20 лет, у третьей группы респондентов – от 22 лет и больше.

Перейдем к проверке второй гипотезы исследования, о том, что опыт проживания в КССР оказывает значимое влияние на самопонимание как личной, так и социальной идентичности современного кыргызского общества.

Для статистической проверки был использован Н-критерий Крускала-Уоллиса (критерий «суммы рангов») [349], предназначенный для оценки различий одновременно между тремя и более выборками (в нашем случае выборок было три выборки, выделенных по возрасту у кыргызского этноса выборки исследования) по уровню какого-либо признака (в нашем случае по показателям самопонимания личной и социальной идентичности, измеренных с помощью опросника ОЛСИ). Н-критерий Крускала-Уоллиса позволяет установить, что уровень признака изменяется при переходе от группы к группе, но не указывает на направление этих изменений.

Были выдвинуты следующие гипотезы: нулевая

H_0 : - между тремя экспериментальными группами, выделенными по возрасту, существуют лишь случайные различия по показателям самопонимания личной и социальной идентичности

и конкурирующая с ней гипотеза

H_1 : - между тремя экспериментальными группами, выделенными по возрасту, существуют неслучайные различия по исследуемым признакам.

Критическое значение критерия $H_{кр.} = 5,991$ (при $p \leq 0.05$), $H_{кр.} = 9,210$ (при $p \leq 0.01$), число степеней свободы равно двум.

В ходе проверки гипотез H_0 и H_1 были получены результаты, отраженные в таблицах №12- №17.

Перейдем к рассмотрению результатов статистического анализа данных по критерию Крускала-Уоллиса по «Я-Рефлексивному» (см. табл. 12).

Таблица 12 - Результаты статистического анализа по Н-критерию Крускала-Уоллиса по «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности титульного этноса Кыргызстана по опроснику ОЛСИ

Показатели	СЛ	СО	СС	СК	ДИ	ИИ	НИ
X^2	4,47	5,14	8,80	12,61	6,76	2,33	6,36
ст.св.	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00
ρ	0,11	0,08	0,01	0,01	0,03	0,31	0,04

Примечание. СЛ - Личное самовнимание, СО - Общественное самовнимание, СС - Самовнимание (сумма), СК – Самокритика, ДИ - Диффузный стиль идентичности, ИИ - Информационный стиль идентичности, НИ - Ориентированный на нормы стиль идентичности

В результате анализа данных по Н-критерию Крускала - Уоллиса были выявлены значимые различия (на уровне значимости $\rho \leq 0.05$ или $\rho \leq 0.01$) по четырем показателям «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности - «Самовнимание (сумма)», «Самокритика», «Диффузный стиль идентичности» и «Ориентированный на нормы стиль идентичности», что позволило по этим показателям опровергнуть H_0 , то есть три данные группы различаются по этим показателям «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности.

Нулевая гипотеза принимается по показателям «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности: личное и общественное самовнимание и информационный стиль идентичности.

Анализируя таблицу рангов, можно сказать, что наибольший средний ранг по показателю «Самовнимание (сумма)» получен в 1 группе, во 2 и 3 группе этот ранг существенно ниже.

Это свидетельствует о том, что для титульного этноса Кыргызстана молодого поколения, не имеющего опыт проживания в СССР в Кыргызской Республике, самовнимание как показатель Я-рефлексивного самопонимания личной идентичности более характерно по сравнению с более старшим поколением, с опытом проживания в СССР. Самовнимание является очень важным показателем самопонимания личной идентичности, так как оно свидетельствует об определенном уровне личной рефлексии, которое возможно из-за советского периода развития Кыргызстана менее свойственно более старшему поколению.

По показателю «Самокритика» наибольший средний ранг также получен в 1 группе, а наименьший в группе 3 (респондентов от 50 лет и старше). Это

означает, что для титульного этноса Кыргызстана более юного поколения более характерно самокритичное отношение к себе по сравнению с кыргызами, много лет проживавших в Кыргызстане при советском режиме.

Возможно, это связано с тем, что речь идет о кыргызской культуре нового поколения, когда в новом современном обществе Кыргызстана большее значение преобладает самокритика по сравнению с внешней критикой со стороны коллектива более характерной для советского этапа развития Кыргызстана.

По показателям «Диффузный и ориентированный на нормы стиль идентичности» наибольший средний ранг получен в 3 группе, а наименьший в группе 1 (респондентов от 17 до 25 лет), по ориентированному на нормы стилю идентичности наибольший средний ранг получен в 2 и 3 группах, наименьший в 1 группе соответственно.

Это означает, что для титульного этноса молодого поколения Кыргызстана не характерен диффузный стиль идентичности по сравнению с кыргызами, много лет проживавших в Кыргызстане при советском режиме, что вероятно свидетельствует о большей сформированности «Я-рефлексивного» именно у молодого поколения титульного этноса Кыргызстана.

Для более старшего поколения кыргызского этноса более характерен стиль идентичности, ориентированный на нормы, по сравнению с молодым поколением, что при советском периоде с большой вероятностью активно поощрялось. Возможно, именно влияние советского строя оказало столь значительное влияние на сформированность «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности кыргызов, так как по 4 из семи показателей выявлены значимые различия «Я-Рефлексивного».

Перейдем к рассмотрению результатов статистического анализа данных по критерию Крускала-Уоллиса по «Я-Реальному» (см. табл. 13).

Таблица 13 - Результаты статистического анализа по Н-критерию Крускала-Уоллиса по «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности титульного этноса Кыргызстана по опроснику ОЛСИ

Показатели	СА	ПО	ПЖ	ДЕ	КЭ	УН	СС
X ²	23,65	0,31	0,39	7,62	16,47	1,77	10,46
ст.св.	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00
ρ	0,01	0,86	0,82	0,02	0,01	0,41	0,01

Примечание. СА - Самооценка, Я-Концепция: ПО – Профессиональные амбиции, ПЖ – психосоматические жалобы, ДЕ – Депрессивность, Контроль убеждений: КЭ – Контроль эмоций, УН – Умение настоять на своем, СС – Социальные способности

В результате анализа данных по H-критерию Крускала - Уоллиса были выявлены значимые различия (на уровне значимости $\rho \leq 0.05$ или $\rho \leq 0.01$) по четырем показателям «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности - «Самооценка», «Депрессивность», «Контроль эмоций» и «Социальные способности», что позволило по этим показателям опровергнуть H_0 , то есть три данные группы различаются по этим показателям «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности.

Нулевая гипотеза принимается по показателям «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности: профессиональные амбиции, психосоматические жалобы и умение настоять на своем.

Анализируя таблицу рангов, можно сказать, что наибольший средний ранг по показателю «Самооценка» получен в 3 группе, в 1 и 2 группах этот ранг существенно ниже (особенно в первой группе).

Это свидетельствует о том, что в группе кыргызов от 50 лет и старше самооценка выше, по сравнению с представителями кыргызского этноса более младшего возраста. Возможно, возраст и опыт способствуют повышению самооценки кыргызов, но, прежде всего, именно традиции и этнические ценности кыргызов по уважительному отношению к людям старшего и пожилого возраста, скорее всего, способствуют повышению самооценки.

По показателю «Депрессивность» наибольший средний ранг получен в 1 и 2 группе, а наименьший в группе 3 (респондентов от 50 лет и старше). Это означает, что для титульного этноса Кыргызстана более юного поколения в большей степени характерна депрессивная симптоматика по сравнению с кыргызами, много лет проживавших в Кыргызстане при советском режиме.

По показателю «Контроль эмоций» наибольший средний ранг получен в 3 группе, а наименьший в группах 1 и 2 (респондентов младше 50 лет). Это означает, что для титульного этноса Кыргызстана более старшего поколения более характерно умение контролировать свои эмоции по сравнению с кыргызами более молодого поколения, проживавших в Кыргызстане при советском режиме меньшее число лет.

По показателю «Социальные способности» наибольший средний ранг получен в 1 и 3 группах, а наименьший в группе 2 (респондентов младше 50 лет). Это означает, что титульный этнос Кыргызстана в возрасте от 30 до 49 лет оценивает свои социальные способности ниже по сравнению с кыргызами более молодого поколения или более старшего поколения.

Анализируя сформированность «Я-Реальное» трех представленных возрастных групп кыргызского этноса следует отметить тот факт, что у 3-ей группы респондентов (от 50 лет и выше) этот показатель в большей степени выражен по сравнению с двумя другими группами более младшего возраста кыргызов. Именно старшее поколение, генерация кыргызского этноса, имеющая самой большой опыт проживания в условиях СССР, характеризуется более высокой самооценкой, отсутствием склонности к депрессивной симптоматике, высоким уровнем контроля эмоций и социальных способностей по сравнению с представителями титульного этноса кыргызов более младшего возраста. Для молодого поколения кыргызов по показателю «Я-Реальное» свойственна тенденция к заниженной самооценке, для среднего поколения кыргызов характерна тенденция к заниженной оценке своих социальных способностей. Возможно, опыт проживания в СССР оказывал более позитивный, чем негативный опыт на формирование «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности.

Результаты статистического анализа данных по критерию Крускала-Уоллиса по «Я-Действующее» (см. табл. 14).

Таблица 14 - Результаты статистического анализа по Н-критерию Крускала-Уоллиса по «Я-Действующее» самопонимания личной идентичности титульного этноса Кыргызстана по опроснику ОЛСИ

Показатели	ПИ	ВР	РА
χ^2	14,62	4,01	2,12
ст.св.	2,00	2,00	2,00
ρ	0,01	0,13	0,35

Примечание. Политическое поведение: ПИ – политическая информированность, Религиозное поведение: ВР – Важность религии, РА – активность религиозного поведения

Анализируя таблицу рангов, можно сказать, что наибольший средний ранг по показателю «Политическая информированность» получен во 2 и 3 группах, в 1 группе этот ранг существенно ниже.

Нулевая гипотеза принимается по показателям «Я-Действующее» самопонимания личной идентичности: религиозное поведение: важность религии и активность религиозного поведения.

Полученный результат свидетельствует о том, что более старшее поколение титульного этноса Кыргызстана стремиться в большей степени получать политическую информация из разных источников, и в целом стремиться быть более политически информированными по сравнению с представителями молодого поколения кыргызов.

Возможно, это связано с определенным недоверием молодого поколения кыргызов к предоставляемой политической информации, или разочарованностью в политической силе существующих на данный момент в Кыргызстане политических партий, что особенно ясно видно при анализе ответов по выбору партии, за которую готовы проголосовать молодые кыргызы.

В основном, у молодого поколения титульного этноса Кыргызстана при ответе на вопрос об отдаче своего голоса любой из существующих на сегодняшний день партий – присутствует ответ, что ни одной из названных партий молодое поколение свой голос отдать не готово, и ждет появления на политической арене Кыргызстана новых политических сил (новых политических партий).

С другой стороны, речь в опроснике ОЛСИ шла не только о политической информации, касающейся только Республики Кыргызстан, но и в целом политической информации во всем международном пространстве. Поэтому

полученный результат является в какой-то степени настораживающим, так как невысокое доверие и интерес к политике в Кыргызстане оказало негативное влияние на интерес и доверие к политическим новостям во всем мире у молодого поколения кыргызов.

У поколения титульного этноса Кыргызстана от 30 лет и старше политическая информированность выражена в значительно большей степени. Возможно, с возрастом сформированность интереса к политической информации у молодых представителей кыргызского этноса возрастет из-за повышения интереса к международной политической информации или образованию в Кыргызстане партии, отвечающей насущным интересам молодежи, играющей заметную роль в политической жизни Кыргызстана.

Религиозное поведение значимо не различается ни по религиозной активности, ни по важности религии у всех трех разновозрастных групп титульного этноса Кыргызстана между собой.

Возможно, на этот показатель «Я-Действующее» самопонимания личной идентичности существенное влияние оказал советский период Кыргызстана, когда религиозное поведение и все возможные его проявления всячески запрещались. Молодое и среднее поколение кыргызов постсоветского периода развития Кыргызстана начинает вникать в важность ислама для своего народа и личного развития, постепенно приобретая навыки религиозного поведения.

«Я-Действующее» самопонимания личной идентичности сформировано в целом у всех трех возрастных групп в определенной степени односторонне, и выражено в большей степени у людей старшего и пожилого возраста по политической информированности. Членство как в политических партиях, так и в религиозных группах как показатель «Я-Действующего» у всех трех групп выражен незначительно, то есть недостаточно сформирована личная идентификация себя как сторонника/представителя той или иной политической или религиозной группы

Результаты статистического анализа данных по критерию Крускала-Уоллиса по «Я-Идеальное» (табл. 15 смотри приложение 10).

Нулевая гипотеза принимается по большинству показателей общих и этнических ценностей «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности, кроме общих ценностей: «Свобода», «Уважение традиций», «Истинная дружба», этнической ценности: «Равенство».

Анализируя таблицу рангов, можно сказать, что наибольший средний ранг по показателю «Свобода» получен в 1 группе, в 3 группе этот ранг существенно ниже.

Это свидетельствует о том, что ценность «Свобода» для молодого поколения Кыргызстана более важна по сравнению со старшим поколением кыргызов. Возможно, это связано с тем, что важность ценности свободы активно пропагандировалась в период независимости Кыргызстана и, наоборот, подвергалась сомнению как ценность в советский период развития Кыргызстана.

По показателю «Уважение традиций» наибольший средний ранг получен во 2 группе, а наименьший в группе 1 (респондентов младше 25 лет).

Это означает, что для молодого поколения кыргызов важность ценности «Уважение традиций» менее значима в контексте других общих ценностей по сравнению со средним поколением титульного этноса Кыргызстана, для которых эта ценность очень важна. Полученный результат можно проинтерпретировать с точки зрения общих ценностей, которым должно уделяться внимание еще в раннем возрасте человека. Возможно, стремление к независимости, тенденции к европеизации, американизации Кыргызстана привели к недостаточному обращению внимания при воспитании молодого поколения к собственным культурным традициям, что негативно повлияло на значимость ценности «Уважение традиций» у молодого поколения кыргызов до 25 лет.

По показателю «Истинная дружба» наибольший средний ранг получен в 1 группе, а наименьший в группе 3 (респондентов старше 50 лет).

Полученный результат свидетельствует о том, что ценность «Истинная дружба» преобладает по степени своей важности у молодого поколения кыргызов и в меньшей степени свойственна старшему поколению Кыргызстана.

Возможно, молодому возрасту присуще в большей степени идеализация ценности истинной дружбы, чем для старшего возраста, когда у многих друзей уже есть серьезные проблемы со здоровьем, или многих друзей больше нет рядом, с чем трудно смириться. Но с понижением ценности истинной дружбы в более старшем возрасте боль утраты друзей притупляется, что позволяет сохранить свое «Я-Идеальное» в равновесии.

По показателю «Равенство» наибольший средний ранг получен в 1 группе, а наименьший в группе 2 (респондентов от 30 до 49 лет).

Это означает, что выделенная нами этническая ценность «Равенство» наиболее важна для молодого поколения кыргызов и наименее важна для среднего поколения титульного этноса Кыргызстана.

Равенство как ценность означает в опроснике ОЛСИ равные возможности для всех. Возможно, у среднего поколения кыргызов опыт такого равноправия небольшой, что связано с тем, что именно среднее поколение кыргызов переживало в своем молодом возрасте период становления Кыргызстана как независимого государства особенно остро. Равноправие как ценность воспринималось не как этническая ценность кыргызского народа, а как идеальная общечеловеческая ценность, к которой в реальности переходного периода развития Кыргызстана было трудно прийти. Поэтому молодое поколение кыргызов рассматривает эту ценность в новый период развития Кыргызстана как достижимую, что повышает значимость этой ценности.

По другим общим и этническим ценностям, общему показателю ценностей и ценности работы значимых различий между тремя возрастными группами титульного этноса Кыргызстана выявлено не было.

Таким образом, показатель «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности титульного этноса Кыргызстана в зависимости от опыта проживания в СССР не сильно отличается у выделенных нами возрастных групп.

То есть общие и этнические ценности, ценность работы объединяют представителей трех разных поколений титульного этноса Кыргызстана. «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности кыргызов характеризуется

стабильностью и своей сформированностью. Конечно, происходящие в Кыргызстане в последние десятилетия перемены не могли совсем не затронуть «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности кыргызов. Повышение общей ценности «Свободы», этнической ценности «Равенство», снижение важности ценности «Уважение традиций» характеризует «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности молодого поколения кыргызов в отличие от более старшего поколения.

В целом, «Я-идеальное» самопонимания личной идентичности тем не менее схоже у представителей разных возрастных групп кыргызского этноса, что является, на наш взгляд, очень важным и интересным показателем в новых условиях развития кыргызского общества, так как общие и этнические ценности очень важно суметь сохранить каждому этносу как один из важнейших показателей самопонимания своей личной и социальной идентичности.

Таким образом, мы проанализировали сформированность «Я-Рефлексивное», «Я-Реальное», «Я-Действующее» и «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности у представителей трех возрастных групп титульного этноса Кыргызстана.

По показателям «Я-Рефлексивное» и «Я-Реальное» было выявлено больше различий между тремя возрастными группами кыргызского этноса, чем по показателям «Я-Действующее» и «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности. То есть на сформированность «Я-Рефлексивного» и «Я-Реального» самопонимания личной идентичности, возможно, сильное влияние оказал опыт проживания среднего и старшего поколения кыргызов при советском режиме. У молодого поколения кыргызов данные показатели самопонимания личной идентичности часто отличаются от более старшего поколения.

При этом как советский период развития Кыргызстана, так и современный период развития Кыргызстана не оказали пока позитивного влияния на формирование «Я-Действующее» всех трех возрастных групп титульного этноса

Кыргызстана, для всех трех групп характерна определенная политическая пассивность поведения, пассивность религиозного поведения.

«Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности также незначительно различается у трех возрастных групп титульного этноса Кыргызстана между собой, что говорит о том, что оно константно и мало подвержено влиянию опыта проживания при том или ином политическом строе. На формирование этого показателя самопонимания личной идентичности оказывает влияние в большой степени накопленный общечеловеческий ценностный опыт.

Хотя успешный переход от «Я-Идеальное» к «Я-Действующее» самопонимания личной идентичности нуждается, по всей видимости, в поддержке политического строя, общественного устройства.

Далее рассмотрим сформированность «Чувства принадлежности к группе» и «Установки в отношении чужих групп» как основных показателей самопонимания социальной идентичности трех возрастных групп титульного этноса Кыргызстана.

Результаты статистического анализа данных по критерию Крускала-Уоллиса по «Чувство принадлежности к группе» (см. табл. 16).

Таблица 16 - Результаты статистического анализа по Н-критерию Крускала-Уоллиса по «Чувство принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана по опроснику ОЛСИ

Показатели	ИС	НГ	ОН	ОЕС
χ^2	22,20	10,37	7,32	0,95
ст.св.	2,00	2,00	2,00	2,00
p	0,01	0,01	0,03	0,62

Примечание. ИС - Идентификация с местом/страной и тд., НГ - Национальная гордость, ОН - Отношение к своей нации, ОЕС – Отношение к ЕАЭС

Нулевая гипотеза принимается только по одному показателю «Чувство принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности: «Отношение к ЕАЭС». По трем другим показателям нулевая гипотеза отклоняется.

Анализируя таблицу рангов, можно сказать, что наибольший средний ранг по показателю «Идентификация с местом/страной и тд.» получен во 2 и 3 группе, в 1 группе этот ранг существенно ниже.

Это свидетельствует о том, что представители среднего и старшего поколения кыргызов в большей степени идентифицируют себя с местом/страной итд. по сравнению с молодым поколением титульного этноса Кыргызстана.

Возможно, это связано с процессами глобализации современного мира, современного общества, когда благодаря новым медийным средствам, прежде всего, Интернету, молодое поколение идентифицирует себя со всем человечеством, в большей степени, чем со своей страной или местом проживания.

По показателю «Национальная гордость» наибольший средний ранг получен в 1 группе, а наименьший в группах 2 и 3 (респондентов старше 30 лет).

Данный результат означает, что молодое поколение склонно испытывать большую национальную гордость за свою страну Кыргызстан по сравнению с кыргызами старше 30 лет.

Полученный результат интересен тем, что, возможно, у более старшего поколения титульного этноса Кыргызстана более критичное или более дифференцированное отношение к достижениям своей страны по сравнению с молодым поколением. Для молодого поколения переживание чувства национальной гордости в большей степени связано с особенностями юношеского возраста, нежели чем со знанием реальных достижений своей страны, что находит свое отражение в следующем показателе «Чувства принадлежности к группе» - «Отношение к своей нации».

По показателю «Отношение к своей нации» наибольший средний ранг получен во 2 группе, а наименьший в группах 1 и 3.

То есть, для группы среднего возраста кыргызов характерно наиболее позитивное отношение к своей нации, по сравнению с представителями титульного этноса Кыргызстана молодого и старшего возраста.

Позитивное отношение к своей нации предполагает позитивное отношение к гимну, флагу, обычаям, кыргызским спортсменам, кыргызам как к этносу, к Кыргызстану в целом. Речь идет не только о достижениях нации, речь идет об отношении к своей нации, что, безусловно, в большей степени выражено именно у среднего поколения титульного этноса Кыргызстана.

Таким образом, были выявлены значимые различия в сформированности «Чувства принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана разных возрастных групп. То есть опыт проживания в СССР оказал существенное влияние на сформированность «Чувства принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана разных возрастных групп.

Ни одно из трех возрастных поколений титульного этноса Кыргызстана не характеризует сильно выраженное позитивное или негативное отношение к Евразийскому экономическому союзу. При этом чувство национальной гордости в большей степени присуще молодому поколению кыргызов, позитивное отношение к своей нации вне зависимости от ее достижений среднему поколению кыргызов, а идентифицирование себя со своей страной среднему и старшему поколению вместе.

Молодое поколение кыргызов воспринимает чувство принадлежности к группе, прежде всего, благодаря чувству гордости за нацию, за ее достижения, среднее и старшее поколение кыргызов переживают чувство принадлежности к группе по своему: через позитивное отношение к своей нации, через идентификацию себя со своей страной/местом проживания. Объединяющей экономической группы как показателя «Чувства принадлежности к группе», например, как в Европе – Евросоюз, не выявлено ни в одной из трех возрастных групп титульного этноса Кыргызстана.

Результаты статистического анализа данных по критерию Крускала-Уоллиса по «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности (табл. 17 смотри приложение 11).

Нулевая гипотеза принимается по таким показателям «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности как: «Симпатия к чужим странам», «Англия», «Белоруссия», «Казахстан», «Кыргызстан», «Китай», «Турция», «Южная Корея», «Ксенофобия». По показателям: «Россия», «США», «Таджикистан», «Узбекистан», «Франция», «Толерантность», «Ксенофилия» нулевая гипотеза отклоняется.

Анализируя таблицу рангов, можно сказать, что наибольший средний ранг по показателю «Россия» получен во 2 и 3 группе, в 1 группе этот ранг существенно ниже (респонденты младше 25 лет).

Это означает, что для представителей среднего и старшего поколения кыргызского этноса Россия как страна более привлекательна, чем для представителей молодого поколения титульного этноса Кыргызстана.

Возможно, новые экономические и политические тенденции постсоветского периода развития Кыргызстана отразились на выявленном различии в отношении с большей или меньшей симпатией к России как к стране у кыргызов с разным опытом проживания в СССР или без этого опыта. Кыргызы среднего и старшего поколения, возможно, чувствуют себя благодаря общему прошлому опыту проживания в СССР более связанными с Россией общей историей, общими совместными переживаниями по сравнению с молодым поколением кыргызов.

По показателю «США» наибольший средний ранг получен напротив в 1 группе, а наименьший в группах 2 и 3 (респондентов старше 30 лет).

Полученный результат свидетельствует о том, что для представителей молодого поколения кыргызского этноса США как страна более привлекательна, чем для представителей среднего и старшего поколения титульного этноса Кыргызстана.

Возможно, это связано с тем, что в советский период пропаганда и формирование с ним общественного мнения были направлены именно на видение США как главного агрессора в мире, что отразилось на отсутствии симпатии к США у среднего и старшего поколения кыргызов, по сравнению с

молодым поколением. Для молодого поколения кыргызов США, возможно, являются самой успешной моделью мировой экономики, что привлекает молодых людей к этой стране.

По показателям «Таджикистан» и «Узбекистан» наибольший средний ранг получен во 2 и 3 группах, а наименьший в группе 1.

Это означает, что для представителей среднего и старшего поколения кыргызского этноса Таджикистан и Узбекистан как страны более привлекательны и симпатичны, чем для представителей молодого поколения титульного этноса Кыргызстана.

Возможно, кыргызы среднего и старшего поколения чувствуют себя благодаря общему прошлому опыту проживания в СССР более связанными с этими странами общей историей советского периода развития, общими совместными переживаниями, например, переживанием второй мировой войны, по сравнению с молодым поколением кыргызов для которых Таджикистан и Узбекистан просто соседние страны, у которых пока низкий уровень экономического развития.

По показателю «Франция» наибольший средний ранг получен наоборот в 1 группе, а наименьший в группах 2 и 3.

Полученный результат свидетельствует о том, что для представителей молодого поколения кыргызского этноса Франция как страна более привлекательна, чем для представителей среднего и старшего поколения титульного этноса Кыргызстана.

Возможно, это связано с тем, что у представителей среднего и старшего поколения кыргызов, по сравнению с молодым поколением не было возможности посетить Францию, путешествовать по Франции и проникнуться духом этой европейской страны в советский период развития Кыргызстана. Для молодого поколения кыргызов, возможно, именно Франция, является олицетворением свободной Европы, символом красоты и свободы, надежды на лучшее будущее.

По показателям «Толерантность» и «Ксенофилия» наибольший средний ранг получен в 1 группе, а наименьший в группах 2 и 3.

То есть молодое поколение кыргызского этноса более толерантно в отношении чужих групп и с большей любовью относятся ко всему иностранному, к иностранцам, не редко воспринимая чужое (инокультурное) лучшим, чем свое собственное по сравнению с представителями среднего и старшего поколений.

Полученный результат можно интерпретировать в рамках изменений жизни современного кыргызского общества, когда после застоя и запретов советского периода развития страны, появилась возможность путешествовать не только в ближнее, но и в дальнее зарубежье, появилась возможность лично познакомиться с представителями других культур, что, безусловно, позитивно повлияло на такой важный показатель самопонимания социальной идентичности как – толерантность в отношении чужих групп.

В советский период развития Кыргызстана часто всё, что носило этнический характер, должно было восприниматься гражданами СССР чужим, инородным – в рамках политики русификации, что, безусловно, повлияло на уровень толерантности как среднего, так и старшего поколения кыргызов к чужим (другим) группам. Сами кыргызы в советский период редко испытывали чувство толерантности к ним от представителей других этносов и национальностей, что, к сожалению, подкреплялось политикой русификации, политикой 6-го параграфа.

Ксенофилия, в большей степени также присущая более молодому, чем зрелому поколению титульного этноса Кыргызстана, представляет собой интересный феномен большей любви к чужому, большей склонности к иностранному, иностранцам, чем к представителям своей этнической группы. Иногда безоценочное стремление ко всему иностранному не благоприятно сказывается на формировании самопонимания социальной идентичности группы, что приводит к желанию идентифицировать себя не со своей группой, а с чужой группой. Такой процесс очень опасен для самопонимания социальной

идентичности, так как он может разрушить идентичность этнической группы, нарушить чувство принадлежности к своей группе.

В целом, было рассмотрено самопонимание социальной идентичности тремя разновозрастными группами титульного этноса Кыргызстана.

Были выявлены значимые различия в сформированности как показателя «Чувства принадлежности к группе», так и показателя «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана разных возрастных групп. То есть опыт проживания в СССР оказал существенное влияние на сформированность «Чувства принадлежности к группе» и «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана разных возрастных групп.

Молодое поколение кыргызов воспринимает чувство принадлежности к группе, прежде всего, благодаря чувству гордости за нацию, за ее достижения. У среднего и старшего поколения кыргызов чувство принадлежности к группе сформировано по-другому: через позитивное отношение к своей нации, через идентификации себя со своей страной/местом проживания.

Анализируя сформированность «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности следует обратить внимание на выявленные ключевые различия в отношении к конкретным странам представителей молодого и старшего поколений (рассматривая среднее поколение в рамках старшего поколения).

Для представителей среднего и старшего поколения кыргызского этноса Россия, Таджикистан, Узбекистан как страны более привлекательны, чем для представителей молодого поколения титульного этноса Кыргызстана. Для представителей молодого поколения кыргызского этноса США, Франция как страны более привлекательны, чем для представителей среднего и старшего поколения титульного этноса Кыргызстана.

Возможно, новые экономические и политические тенденции постсоветского периода развития Кыргызстана отразились на выявленном различии в отношении с большей или меньшей симпатией к России,

Узбекистану, Таджикистану как к странам. Кыргызы среднего и старшего поколения, возможно, чувствуют себя благодаря общему прошлому опыту проживания в СССР более связанными с Россией, Таджикистаном и Узбекистаном общей историей, общими совместными переживаниями, например, переживанием второй мировой войны, по сравнению с молодым поколением кыргызцев.

Для молодого поколения кыргызов, возможно, именно Франция, является олицетворением свободной Европы, символом красоты и свободы, надежды на лучшее будущее, а США является символом самого успешного экономического развития в мире, что представители более старшего поколения кыргызов воспринимают более настороженно, более критично.

При этом молодое поколение кыргызского этноса более толерантно в отношении чужих групп и с большей любовью относятся ко всему иностранному. Для молодого поколения титульного этноса Кыргызстана ближнее зарубежье менее привлекательно, по сравнению с дальним, они более склонны к толерантности и ксенофилии, то есть самопонимание социальной идентичности, сформированное у молодого поколения в новых экономических, политических, социо-культурных условиях сильно отличается от самопонимания социальной идентичности среднего и старшего поколения представителей кыргызского этноса.

3.1.3. Факторная структура самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана

Перейдем к рассмотрению структуры самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана с учетом трех выделенных возрастных групп.

Из-за большого числа количественных данных для выявления структуры самопонимания личной и социальной идентичности был применен факторный анализ, смысл которого заключается в том, чтобы полученное в ходе исследования количество переменных представить меньшим числом других переменных, называемых факторами. Факторы выступают как более

фундаментальные переменные, характеризующие изучаемый предмет. При проведении факторного анализа исходные переменные объединяются в группы, каждая из которых представляет собой некий фактор.

Для статистической обработки по факторному анализу использовался пакет статистических программ SPSS 23.0 [349].

Обработка велась методом главных компонент, была выбрана процедура вращения Varimax с нормализацией по Кайзеру, рассматривались факторы с собственными значениями, большими единицы. Вращение в случае 59 переменных (7 переменных «Я-Рефлексивное», 7 переменных «Я-Реальное», 3 переменных «Я-Действующее», 22 переменных «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности и 4 переменных «Чувство принадлежности к группе», 16 переменных «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности) потребовало 25 итераций у первой группы кыргызского этноса.

В соответствии с большим количеством выявленных значимых различий самопонимания личной и социальной идентичности в зависимости от опыта проживания в Кыргызстане в советский период факторный анализ применялся к каждой возрастной группе кыргызского этноса сначала по отдельности, а затем вместе.

В результате факторного анализа первой группы кыргызского этноса было образовано девятнадцать новых факторов, которые объясняют в совокупности более 77,27% суммарной дисперсии, что является хорошим результатом. Нами анализировались первые 12 факторов, информативность которых превышала или была равна 3,04% в суммарной дисперсии.

Интерпретации полученных результатов. При анализе данных были выделены факторные нагрузки, по модулю большие, чем 0,4. В ходе интерпретации особенно выделяется по каждой переменной наибольшая по абсолютной величине факторная нагрузка (табл. 18 смотри приложение 12).

Положительный полюс фактора интерпретируется, исходя из положительных полюсов переменных, имеющих наибольшие положительные нагрузки, и отрицательных полюсов переменных, имеющих наибольшие по

модулю отрицательные нагрузки. Соответственно, отрицательному полюсу фактора соответствуют отрицательные полюса переменных с максимальными положительными нагрузками и положительные полюса переменных с наибольшими по модулю отрицательными нагрузками [349].

Подведем итоги проделанной работы и перечислим латентные факторы, обнаруженные в результате анализа опросника ОЛСИ в порядке убывания их значимости для структуры самопонимания личной и социальной идентичности молодого поколения от 17 до 25-и лет титульного этноса Кыргызстана:

1. Общие ценности (прежде всего, социальная справедливость и безопасность);
2. Симпатия к чужим странам ближнего зарубежья (пограничным с Кыргызстаном странам);
3. Позитивная самооценка;
4. Самовнимание;
5. Ценность семьи и нации более важна, чем религия;
6. Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья, прежде всего к США;
7. Богатство на основе авторитета и совместного развития;
8. Свобода;
9. Социальные способности препятствуют диффузному стилю идентичности;
10. Изменчивая жизнь;
11. Духовная жизнь;
12. Информационный стиль идентичности.

Вращение в случае 59 переменных (7 переменных «Я-Рефлексивное», 7 переменных «Я-Реальное», 3 переменных «Я-действующее», 22 переменных «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности и 4 переменных «Чувство принадлежности к группе», 16 переменных «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности) потребовало 35 итераций у второй группы кыргызского этноса.

В результате факторного анализа второй группы кыргызского этноса было образовано семнадцать новых факторов, которые объясняют в совокупности более 73,77% суммарной дисперсии, что является хорошим результатом. Нами анализировались первые 12 факторов, информативность которых превышала или была равна 3,14% в суммарной дисперсии.

Интерпретации полученных результатов. При анализе данных были выделены факторные нагрузки, по модулю большие, чем 0,4. В ходе интерпретации особенно выделяется по каждой переменной наибольшая по абсолютной величине факторная нагрузка (табл. 19 смотри приложение 13).

Подведем итоги проделанной работы и перечислим латентные факторы, обнаруженные в результате анализа опросника ОЛСИ в порядке убывания их значимости для структуры самопонимания личной и социальной идентичности среднего поколения от 30 до 49-и лет титульного этноса Кыргызстана:

1. Общие и этнические ценности (прежде всего, национальной безопасности);
2. Симпатия к чужим странам, прежде всего дальнего зарубежья;
3. Симпатия к чужим странам ближнего зарубежья, прежде всего, к Узбекистану;
4. Самовнимание к себе как гражданину Кыргызстана;
5. Умение контролировать эмоции, препятствующее возникновению депрессивной симптоматики;
6. Совместное развитие на основе зрелой любви и богатства;
7. Диффузный стиль идентичности в сочетании с профессиональными амбициями;
8. Ксенофобия;
9. Внутренняя гармония и удовольствие;
10. Авторитет и симпатия к Казахстану препятствуют заниженной самооценке;
11. Изменчивая духовная жизнь;

12. Отношение с симпатией к Кыргызстану как к стране, так и к своей нации.

Вращение в случае 59 переменных (7 переменных «Я-Рефлексивное», 7 переменных «Я-Реальное», 3 переменных «Я-Действующее», 22 переменных «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности и 4 переменных «Чувство принадлежности к группе», 16 переменных «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности) потребовало 21 итерации у третьей группы кыргызского этноса.

В результате факторного анализа второй группы кыргызского этноса было образовано семнадцать новых факторов, которые объясняют в совокупности более 75,93% суммарной дисперсии, что является хорошим результатом. Нами анализировались первые 12 факторов, информативность которых превышала или была равна 3,04% в суммарной дисперсии.

Интерпретации полученных результатов. При анализе данных были выделены факторные нагрузки, по модулю большие, чем 0,4. В ходе интерпретации особенно выделяется по каждой переменной наибольшая по абсолютной величине факторная нагрузка (табл. 20 смотри приложение 14).

Подведем итоги проделанной работы и перечислим латентные факторы, обнаруженные в результате анализа опросника ОЛСИ в порядке убывания их значимости для структуры самопонимания личной и социальной идентичности старшего поколения от 50 лет и выше (81 год) титульного этноса Кыргызстана:

1. Общие и этнические ценности (прежде всего, самоуважения, мира во всем мире, совместного развития, основания семьи и национальной безопасности);
2. Симпатия к чужим странам, прежде всего ближнего зарубежья;
3. Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья, прежде всего, к Франции;
4. Профессиональные амбиции и связанные с ними стили идентичности;
5. Общие ценности важнее религии;

6. Самовнимание;
7. Идентификация со страной на основе, прежде всего, духовной, а не социально-политической;
8. Самокритика с тенденцией к ксенофилии;
9. Национальная гордость;
10. Снижение ценности работы;
11. Социальные способности, придающие авторитет;
12. Высокая самооценка, препятствующая появлению депрессивной симптоматики.

Вращение в случае 59 переменных (7 переменных «Я-Рефлексивное», 7 переменных «Я-Реальное», 3 переменных «Я-Действующее», 22 переменных «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности и 4 переменных «Чувство принадлежности к группе», 16 переменных «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности) потребовало 17 итерации всего кыргызского этноса выборки исследования в целом.

В результате факторного анализа второй группы кыргызского этноса было образовано шестнадцать новых факторов, которые объясняют в совокупности более 64,81% суммарной дисперсии, что является хорошим результатом. Нами анализировались первые 7 факторов, информативность которых превышала или была равна 3,06% в суммарной дисперсии.

Интерпретации полученных результатов. При анализе данных были выделены факторные нагрузки, по модулю большие, чем 0,4. В ходе интерпретации особенно выделяется по каждой переменной наибольшая по абсолютной величине факторная нагрузка (табл. 21 смотри приложение 15).

Подведем итоги проделанной работы и перечислим латентные факторы, обнаруженные в результате анализа опросника ОЛСИ в порядке убывания их значимости для структуры самопонимания личной и социальной идентичности всей выборки исследования титульного этноса Кыргызстана:

1. Общие и этнические ценности (прежде всего, самоуважение и национальная безопасность);

2. Симпатия к чужим странам, прежде всего ближнего зарубежья;
3. Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья;
4. Умение настоять на своем, позитивная самооценка и умение контролировать эмоции противостоят депрессии;
5. Самовнимание;
6. Ориентированный на нормы стиль идентичности, связанный с профессиональными амбициями;
7. Изменчивая жизнь.

Представим все полученные латентные факторные структуры самопонимания личной и социальной идентичности разновозрастных представителей кыргызского этноса в обобщенной таблице 22 (смотри приложение 16).

Таким образом, результаты проведенного факторного анализа позволяют нам сделать вывод о том, что структура самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана многогранна и включает в себя все показатели как самопонимания личной самоидентичности: «Я-Рефлексивное», «Я-Реальное», «Я-Действующее», «Я-Идеальное», так и все показатели самопонимания социальной идентичности: «Чувства принадлежности к группе» и «Установки в отношении чужих групп». Первым самым информативным фактором структуры самопонимания личной и социальной идентичности кыргызского этноса вне зависимости от возраста группы является важный показатель «Я-Идеального» самопонимания личной идентичности, а именно показатель общих и этнических ценностей, среди которых ценность национальной безопасности самая важная.

Также такие ценности являются определяющими для структуры самопонимания личной и социальной идентичности кыргызского общества в целом как: самоуважение, социальная справедливость, мир во всем мире, совместное развитие, основание семьи. Это свидетельствует о том, что преобладающими являются ценности безопасности Кыргызстана, которые

позволяют, прежде всего, мирно жить, создавать семью, совместно развиваться с другими странами.

Обращает на себя внимание в структуре самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана, изученной нами в ходе проведенного исследования, вторым и третьим по важности факторами является «Симпатия к чужим странам» показателя «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности. При этом отчетливо выделяется в структуре самопонимания личной и социальной идентичности симпатия к странам ближнего и дальнего зарубежья, отличающаяся по своей важности в структуре самопонимания личной и социальной идентичности у представителей разновозрастных групп кыргызского этноса.

То есть общие и этнические ценности показателя «Я-идеальное» личной идентичности и симпатия к чужим странам показателя «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности являются наиболее значимыми для определения всей структуры самопонимания личной и социальной идентичности кыргызского этноса выборки исследования.

Этот результат крайне интересен тем, что наряду с общечеловеческими и этническими ценностями, чаще всего объединяющими людей разных этносов, национальностей, в структуре самопонимания личной и социальной идентичности кыргызского народа также большое место занимает симпатия в отношении чужих групп, чужих стран, что свидетельствует об открытости и готовности кыргызского этноса к взаимодействию с другими культурами, с представителями других этносов и наций.

Также следует, на наш взгляд, обратить внимание в структуре самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана умение настоять на своем, позитивная самооценка и умение контролировать эмоции противостоят депрессии (показатели «Я-Реального» самопонимания личной идентичности) также играют одну из ключевых ролей.

Именно советский и постсоветский период развития кыргызского общества привели к формированию у кыргызов умения отстаивать свое мнение,

проявлять настойчивость, опираясь на позитивную самооценку и умение контролировать эмоции, что позволяет избежать возникновения депрессивной симптоматики все больше и больше присущей европейским странам и странам дальнего зарубежья, например, таким как США.

Интересным результатом является также представленность в структуре самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана самовнимания «Я-Рефлексивного» с этническими ценностями «богатства» и «совместного развития» «Я-идеального». Благодаря сформированности такого важного рефлексивного показателя самопонимания личной идентичности как самовнимание, богатство оценивается как ценность ниже совместного развития.

Полученный результат еще раз подчеркивает открытость кыргызского народу к сотрудничеству, к кооперации, не теряя при этом внимательного, уважительного отношения к себе, к своим ценностям.

Кроме того, интересным результатом является также представленность в структуре самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана ориентированного на нормы стиля идентичности также «Я-Рефлексивного» с профессиональными амбициями «Я-Реального» (показатель Я-концепция). Благодаря выделению в факторной структуре такого важного рефлексивного показателя самопонимания личной идентичности как ориентированный на нормы стиль идентичности, профессиональные амбиции «Я-Реального» начинают также играть важную роль, что говорит о важности профессиональных достижений, личных успехов, работы в кыргызском обществе.

Последним фактором структуры самопонимания личной и социальной идентичности является ценность «изменчивая жизнь» показателя «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности. Кыргызстан, что свидетельствует о том, что кыргызское общество открыто для изменений, оно стремится, не теряя своих старых авторитетов изменить свою жизнь в Кыргызстане, то есть самопонимание личной и социальной идентичности кыргызов находится в

движении, в динамике, в состоянии открытости новым экономическим, политическим, социальным изменениям.

При этом «Я-Действующее» самопонимания личной идентичности и «Чувство принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности не играют пока ключевой роли в структуре самопонимания кыргызского общества. Возможно, это проявляется, в недостаточной сформированности активного политического и религиозного поведения, невыраженной идентификацией себя со своей страной, со своей нацией, следствием чего является редкость переживания чувства гордости за свою нацию.

Полученный результат можно интерпретировать с точки зрения, пережитого кыргызским обществом советского периода развития страны. Роль советского периода как видно из структуры самопонимания личной и социальной идентичности не является однозначной. С одной стороны, являясь, долгое время союзной республикой Кыргызстан на сегодняшний день готов к сотрудничеству с другими странами, к кооперации, к принятию общечеловеческих ценностей, наряду с этническими. С другой стороны, политическая пассивность, неоднозначность в отношении религии, не выраженность национальной гордости за свои достижения, за свой народ, являются, скорее всего, негативным последствием советского периода развития Кыргызстана.

Итоги сравнительного анализа особенностей самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана разных возрастных групп (молодого, среднего и старшего возраста) выборки исследования:

1. По показателям «Я-Рефлексивное» и «Я-Реальное» было выявлено больше различий между тремя возрастными группами кыргызского этноса, чем по показателям «Я-Действующее» и «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности. То есть на сформированность «Я-Рефлексивного» и «Я-Реального» самопонимания личной идентичности, возможно, сильное влияние оказал опыт проживания среднего и старшего поколения кыргызов при советском режиме. У молодого поколения кыргызов данные показатели

самопонимания личной идентичности часто отличаются от более старшего поколения.

2. Советский период развития Кыргызстана, так и современный период развития Кыргызстана не оказали пока позитивного влияния на формирование «Я-Действующее» всех трех возрастных групп титульного этноса Кыргызстана, для всех трех групп характерна определенная политическая пассивность поведения, пассивность религиозного поведения.

3. «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности также незначительно различается у трех возрастных групп титульного этноса Кыргызстана между собой, что говорит о том, что оно константно и мало подвержено влиянию опыта проживания при том или ином политическом строе. На формирование этого показателя самопонимания личной идентичности оказывает влияние в большой степени накопленный общечеловеческий ценностный, культурный опыт.

4. Были выявлены значимые различия в сформированности как показателя «Чувства принадлежности к группе», так и показателя «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана разных возрастных групп. То есть опыт проживания в СССР оказал существенное влияние на сформированность «Чувства принадлежности к группе» и «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана разных возрастных групп.

5. Молодое поколение кыргызов воспринимает чувство принадлежности к группе, прежде всего, благодаря чувству гордости за нацию, за ее достижения. У среднего и старшего поколения кыргызов чувство принадлежности к группе сформировано по-другому: через позитивное отношение к своей нации, через идентификации себя со своей страной/местом проживания.

6. Для представителей среднего и старшего поколения кыргызского этноса Россия, Таджикистан, Узбекистан как страны более привлекательны, чем для представителей молодого поколения титульного этноса Кыргызстана. Для представителей молодого поколения кыргызского этноса США, Франция как

страны более привлекательны, чем для представителей среднего и старшего поколения титульного этноса Кыргызстана.

7. Для молодого поколения кыргызов, возможно, именно Франция, является олицетворением свободной Европы, символом красоты и свободы, надежды на лучшее будущее, а США является символом самого успешного экономического развития в мире, что представители более старшего поколения кыргызов воспринимают более настороженно, более критично.

8. При этом молодое поколение кыргызского этноса более толерантно в отношении чужих групп и с большей любовью относятся ко всему иностранному, к иностранцам, не редко воспринимая чужое (инокультурное) лучшим, чем свое собственное по сравнению с представителями среднего и старшего поколений, что легко объяснимо с точки зрения выявленных различий отношения к чужим странам между представителями разных возрастных групп кыргызского этноса.

9. Для молодого поколения титульного этноса Кыргызстана ближнее зарубежье менее привлекательно, по сравнению с дальним, они более склонны к толерантности и ксенофилии, то есть самопонимание социальной идентичности, сформированное у молодого поколения в новых экономических, политических, социо-культурных условиях сильно отличается от самопонимания социальной идентичности среднего и старшего поколения представителей кыргызского этноса.

3.2. Сравнительный анализ самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса и других этнических групп проживающих в Кыргызстане

3.2.1. Сравнительный анализ самопонимания личной и социальной идентичности узбеков, русских, казахов, проживающих в Кыргызстане и титульного этноса в зависимости от социально-демографического статуса (пола, образования, семейного и социального положения, религии, дохода семьи) и места проживания респондентов

Во второй части нашего исследования изучалась в целом структурная модель самопонимания личной и социальной идентичности узбеков, русских, казахов, проживающих в Кыргызстане.

Основное население страны - 4587430 человек составляют кыргызы, проживающие на всей территории страны и преобладают в большинстве сельских районов. На втором месте по численности находятся узбеки - 918262 человека, сконцентрированы на юго-западе страны в приграничных с Узбекистаном районах. На третьем месте по численности находятся русские - 352960 человек, сосредоточены главным образом в городах и сёлах на севере республики, казахи – 35541 человек [150]. Поэтому контрольную группу выборки нашего исследования составили представители этносов и национальностей узбеков, русских и казахов, проживающих в Кыргызстане.

Исследование проводилось в Кыргызстане, в городах Бишкеке, Оше, Нарыне, селах в январе-июле 2018-2019 г.г. Всего в исследовании приняли участие 157 представителей не титульного этноса Кыргызстана (узбеков, русских и казахов, проживающих в современном Кыргызстане), средний возраст участников контрольной выборки исследования составил 35 лет, в исследовании приняли участие узбеки, русские, казахи от 18 до 67 лет (в последующем выборка исследования была разделена на две возрастные группы: 1 группа: 66 человек до 30 лет, 2 группа: 91 человек от 30 лет и старше.

Контрольную группу выборки исследования составили по возрасту: 30 человек узбеков, 26 человек русских, 10 человек казахов до 30 лет, 37 человек узбеков, 19 человек русских и 35 человек казахов от 30 лет и старше.

Охарактеризуем более подробно выборку исследования: мужчин – 73 человека (46,5%), женщин – 84 человек (53,5%). Наличие братьев/сестер: 143 человека (91,1%) имеют братьев или сестер, 14 человек (8,9%) не имеют братьев/сестер. По уровню полученного образования: у 79 (50,3%) респондентов – высшее образование, у 26 (16,6%) - среднее профессиональное образование, у 43 (27,4%) – полная средняя школа, у 9 (5,7%) – неполная средняя школа.

По семейному положению: не женат/не замужем – 55 (35%), женат/замужем/совместное проживание – 86 (54,8%), раздельное проживание – 5 (3,2%), разведен/разведена – 6 (3,8%), вдовец/вдова – 5 (3,2%). По наличию

детей: 60 (38,2%) – нет детей, 97 (61,8%) – есть дети, из них детей, проживающих вместе с родителями – 59,9%, проживающих отдельно – 40,1%.

По месту проживания: 25 (15,9%) респондентов проживает в сельской местности, 53 (33,8%) – в городе, 79 (50,3%) – в большом городе. По доходу семьи: менее 5000 кыргызским сом – 10,2%, от 5000 до 10000 – 22,9%, от 10000 до 22000 – 13,5%, от 22000 до 28000 – 19,7%, от 28000 до 33000 – 21,0%, от 33000 и выше – 12,7%.

По социальному положению: обучающийся – 31,2%, государственный служащий – 29,6%, предприниматель – 29,3%, безработный – 9,6%. По принадлежности к религии: ислам – 63,1%, православие – 28,0%, буддизм – 0,6%, католицизм – 1,3%, протестантизм – 0,6%, другая религия – 1,9%, никакая – 4,5%. Религия детей: ислам – 54,1%, православие – 41,4%, католицизм – 1,9%, другая религия – 0,6%, никакая – 0,6%. При этом совпадение с религией родителей: у 56,1% респондентов – совпадает, у 43,9% – не совпадает.

В исследовании использовался адаптированный и модифицированный на русский язык в рамках диссертационного исследования опросник «Личной и социальной идентичности» ОЛСИ (FPSI-K). Автор и разработчик опросника FPSI-K (Fragebogen zur Personalen und Sozialen Identität – Kurzform für Erwachsene, 2004): проф. др. У. Шмидт-Дентер (Психологический институт университета г. Кельна, Германия) [479-486]:

Структурные компоненты **самопонимания личной идентичности**: «Я-Рефлексивное» (самовнимание, самокритика, стиль идентичности), «Я - Реальное» (самооценивание, Я-концепция, контроль убеждений), «Я - Действующее» (политическое поведение и религиозное поведение) и «Я - Идеальное» (общие ценности и ценность работы).

Структурные компоненты **самопонимания социальной идентичности** подразделяются на «чувство принадлежности к группам»: «идентификация с местом, страной и т. д.», «национальная гордость», «отношение к своей нации» и «отношение к ЕАЭС»; «Установки в отношении чужих групп»: «симпатия к другим странам», «толерантность», «ксенофобия/филия».

Перейдем к результатам проведенного исследования. Исходя из отсутствия заметных отличий между экспериментальной (титульный этнос Кыргызстана) и контрольной группой (группа представлена узбеками, русскими и казахами, проживающими в Кыргызстане) по показателям социально-демографического статуса (пола, возраста, образования, семейного и социального положения, религии, дохода семьи) и места проживания респондентов данных групп, обратимся к анализу результатов диагностики самопонимания личной и социальной идентичности по опроснику ОЛСИ по экспериментальной (титульный этнос Кыргызстана) и контрольной группе (группа представлена узбеками, русскими и казахами, проживающими в Кыргызстане) и сравним полученные результаты по U-критерию Манна-Уитни - статистическому критерию для независимых выборок [349].

Сначала сравним по U-критерию Манна-Уитни результаты диагностики по опроснику ОЛСИ самопонимания личной и социальной идентичности экспериментальную группу (ЭГ) и контрольную группу (КГ) (см. табл. 23).

Критерий Манна – Уитни – непараметрический критерий. U – критерий Манна – Уитни применяется для оценки различий по уровню выраженности какого – либо признака для двух независимых выборок. В нашем случае $n_1=315$ и $n_2=157$, значение $U_{кр}=22110$ для $P\leq 0,05$ и $U_{кр}=21051$ для $P\leq 0,01$.

Исходя из полученных данных, можно сформулировать две гипотезы:

H_0 (первая гипотеза) – различия между экспериментальной и контрольной группы случайны, и, следовательно, данные группы не различаются между собой по показателям самопонимания личной и социальной идентичности.

H_1 (вторая гипотеза) – различия в результатах не случайны, и, следовательно, данные группы различаются между собой по показателям самопонимания личной и социальной идентичности.

Охарактеризуем сначала полученные результаты сравнения различных показателей самопонимания личной и социальной идентичности контрольной и экспериментальной групп по четырем его структурным показателям: «Я -

Рефлексивное», «Я - Реальное», «Я - Действующее» и «Я - Идеальное» (см. табл. 23).

Таблица 23 - Результаты статистического анализа по U-критерию Манна-Уитни по «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности экспериментальной и контрольной групп по опроснику ОЛСИ

Показатели	СЛ	СО	СС	СК	ДИ	ИИ	НИ
U-критерий	23460,00	21051,00	21443,00	21860,50	21096,50	18075,00	19270,50
Значимость	0,36	0,01	0,02	0,04	0,01	0,01	0,01

Примечание. СЛ - Личное самовнимание, СО - Общественное самовнимание, СС - Самовнимание (сумма), СК – Самокритика, ДИ - Диффузный стиль идентичности, ИИ - Информационный стиль идентичности, НИ - Ориентированный на нормы стиль идентичности

В результате анализа данных по U-критерию Манна - Уитни были выявлены значимые различия (на уровне значимости $p \leq 0.05$ или $p \leq 0.01$) по шести из семи показателей «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности - «Общественное самовнимание» «Самовнимание (сумма)», «Самокритика», «Диффузный стиль идентичности», «Информационный стиль идентичности» и «Ориентированный на нормы стиль идентичности», что позволило по этим показателям опровергнуть H_0 , то есть экспериментальная и контрольная группы различаются по этим показателям «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности.

Нулевая гипотеза принимается только по показателю «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности: личное самовнимание.

Анализируя таблицу рангов, можно сказать, что наибольший средний ранг по показателям «Я-Рефлексивное»: «Общественное самовнимание» «Самовнимание (сумма)», «Самокритика», «Диффузный стиль идентичности», «Информационный стиль идентичности» и «Ориентированный на нормы стиль идентичности» получен в экспериментальной группе в контрольной группе этот ранг существенно ниже.

Это свидетельствует о том, что у титульного этноса Кыргызстана самовнимание, в целом показатели Я-Рефлексивного самопонимания личной идентичности более выражены по сравнению с контрольной группой. Самовнимание является очень важным показателем самопонимания личной

идентичности, так как оно свидетельствует об определенном уровне личной и общественной рефлексии, что способствует самокритичному отношению к себе, к своей идентичности, что у контрольной группы выборки исследования также выражено, но в меньшей степени по сравнению с экспериментальной группой.

При этом анализируя результаты сравнения средне арифметических показателей стилей идентичности, следует отметить тот факт, что и в экспериментальной, и в контрольной группе преобладает информационный стиль идентичности, затем следует ориентированный на нормы стиль идентичности и менее всего распространен диффузный стиль идентичности.

Степень же выраженности каждого из стилей идентичности в экспериментальной и контрольной группах, тем не менее статистически значимо различны. В группе титульного этноса Кыргызстана каждый трех стилей идентичности более выражен по сравнению с респондентами контрольной группы.

Возможно, у представителей не титульного этноса Кыргызстана, проживающих в Кыргызстане, одной из особенностей самопонимания личной идентичности по показателю «Я-Рефлексивное» является менее критичное отношение к себе по сравнению с титульным этносом Кыргызстана, что связано у них с менее выраженным общественным самовниманием. Личное самовнимание в обеих группах не отличается по этому показателю друг от друга.

Информационный стиль идентичности преобладает как стиль идентичности в обеих группах, при большей выраженности этого стиля в группе титульного этноса Кыргызстана по сравнению с контрольной группой.

Перейдем к рассмотрению результатов статистического анализа данных по критерию Манна-Уитни по «Я-Реальному» (см. табл. 24).

Таблица 24 - Результаты статистического анализа по U-критерию Манна-Уитни по «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности экспериментальной и контрольной групп по опроснику ОЛСИ

Показатели	СА	ПО	ПЖ	ДЕ	КЭ	УН	СС
U-критерий	22165,50	20613,50	23764,50	24181,50	12434,50	13582,50	7775,00
Значимость	0,07	0,01	0,49	0,70	0,01	0,01	0,01

Примечание. СА - Самооценка, Я-Концепция: ПО – Профессиональные амбиции, ПЖ – психосоматические жалобы, ДЕ – Депрессивность, Контроль убеждений: КЭ – Контроль эмоций, УН – Умение настоять на своем, СС – Социальные способности

В результате анализа данных по U-критерию Манна-Уитни были выявлены значимые различия (на уровне значимости $p \leq 0.05$ или $p \leq 0.01$) по четырем показателям «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности - «Профессиональные амбиции», «Контроль эмоций», «Умение настоять на своем» и «Социальные способности», что позволило по этим показателям опровергнуть H_0 , то есть экспериментальная и контрольная группы различаются по этим показателям «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности.

Нулевая гипотеза принимается по показателям «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности: самооценка, психосоматические жалобы и депрессивность.

Анализируя таблицу рангов, можно сказать, что наибольший средний ранг по показателю «Профессиональные амбиции» получен в экспериментальной группе по сравнению с контрольной группой.

Это свидетельствует о том, что в группе титульного этноса Кыргызстана более выражены профессиональные амбиции, чем в контрольной группе. Возможно, находясь у себя на Родине и ориентируясь на профессиональные достижения своей семьи, у титульного этноса Кыргызстана более высокие профессиональные амбиции, по сравнению с контрольной группой.

Анализируя таблицу рангов по показателю самопонимания личной идентичности – «Контроль убеждений»: «Контроль эмоций», «Умение настоять на своем» и «Социальные способности», наибольший средний ранг по всем этим показателям получен в контрольной группе, наименьший в - экспериментальной.

То есть в контрольной группе контроль убеждений по всем показателям «Я-Реальное» выражен в большей степени по сравнению с экспериментальной группой. Возможно, это связано с тем, что контрольная группа (не титульный этнос Кыргызстана) в большей степени контролирует свои эмоции, добиваясь при этом своих целей, более высоко оценивая свои социальные способности по сравнению с титульным этносом выборки исследования Кыргызстана, которому

такая настойчивость, контроль и высокая самооценка своих социальных способностей менее свойственна и нужна.

Перейдем к рассмотрению результатов статистического анализа данных по критерию Манна-Уитни по «Я-Действующее» (см. табл. 25).

Таблица 25 - Результаты статистического анализа по U-критерию Манна-Уитни по «Я-Действующее» самопонимания личной идентичности экспериментальной и контрольной групп по опроснику ОЛСИ

Показатели	ПИ	ВР	РА
U-критерий	21582,00	23602,50	21734,50
Значимость	0,02	0,70	0,03

Примечание. Политическое поведение: ПИ – политическая информированность, Религиозное поведение: ВР – Важность религии, РА – активность религиозного поведения

Анализируя таблицу рангов, можно сказать, что наибольший средний ранг по показателям «Политическая информированность» и «Активность религиозного поведения» получен в экспериментальной группе, в контрольной группе этот ранг ниже.

Это свидетельствует о том, что по показатель «Я-Действующее» самопонимания личной идентичности в экспериментальной группе более сформирован по сравнению с контрольной группой, что проявляется в большей политической информированности и активности религиозного поведения титульного этноса Кыргызстана по сравнению с контрольной группой других национальностей, проживающих в Кыргызстане.

Возможность активного религиозного поведения затруднена у представителей русской нации выборки исследования, так как ведущей религией в Кыргызстане является мусульманство.

Нулевая гипотеза принимается по показателю «Я-Действующее» самопонимания личной идентичности: религиозное поведение: важность религии.

То есть как группа титульного этноса Кыргызстана, так и другие народы, проживающие в Кыргызстане, испытали на себе запрещение религии в годы советского строя, что, возможно, вплоть до сегодняшнего дня сказывается на

отношении к религии и ее важности. Важность религии, как в контрольной, так и в экспериментальной группе исследования на данный момент довольно высока, что, говорит о больших изменениях, которые пережил Кыргызстан после распада СССР.

Результаты статистического анализа данных по критерию Манна-Уитни по «Я-Идеальное» (табл. 26 смотри приложение 17).

Нулевая гипотеза принимается по большинству показателей общих и этнических ценностей «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности, кроме общих ценностей: «Свобода», «Социальный порядок», «Национальная безопасность», «Уважение традиций», «Социальное признание» «Социальная справедливость», «Основание семьи», этнические ценности: «Богатство», «Равенство»; «Ценность работы».

Анализируя таблицу рангов, можно сказать, что наибольший средний ранг по показателям общих ценностей: «Свобода», «Социальный порядок», «Национальная безопасность», «Социальное признание» «Социальная справедливость», «Основание семьи», этнической ценности: «Равенство»; «Ценность работы» получен в экспериментальной группе, в контрольной группе этот ранг ниже.

Это свидетельствует о том, что эти общие ценности более важны для титульного этноса Кыргызстана, чем для представителей других национальностей и этносов, проживающих в Кыргызстане. Интересным представляется нам результат, что ценности свободы и равенства более выражены у титульного этноса выборки исследования, чем у контрольной группы.

Возможно, для кыргызов вопрос независимости и признания Кыргызстана другими странами более значим, чем для представителей контрольной группы. В общих ценностях, которые более значимы для титульного этноса Кыргызстана, по сравнению с другими народами Кыргызстана отчетливо видна тематика социального порядка, социального признания, социальной справедливости. То есть социальный контекст общих ценностей более важен именно для

этнического этноса Кыргызстана по сравнению с другими народами Кыргызстана выборки исследования.

Ценность работы и основание семьи также более выражены в ценностях кыргызов по сравнению с другими народами, проживающими в Кыргызстане. Возможно, работа рассматривается не только как бизнес, как доход, но и как желание работать и делать свою работу хорошо.

Анализируя таблицу рангов наибольший средний ранг по показателю этнической ценности: «Богатство» получен в контрольной группе, в экспериментальной группе этот ранг ниже.

Это означает, что ценность богатство более выражена у контрольной группы по сравнению с экспериментальной. Богатство рассматривалось нами в работе больше как этническая, чем национальная ценность. Поэтому этот результат очень интересен тем, что данная ценность по результатам исследования не в исторической ретроспективе, а в данный момент более свойственна народам, проживающим в Кыргызстане, не относящимся к титульному этносу.

Далее рассмотрим сформированность «Чувства принадлежности к группе» и «Установки в отношении чужих групп» как основных показателей самопонимания социальной идентичности экспериментальной и контрольной групп (группы титульного этноса Кыргызстана и узбеков, русских и казахов, проживающих в Кыргызстане и имеющих кыргызское гражданство).

Результаты статистического анализа данных по критерию Манна-Уитни (см. табл. 27).

Таблица 27 - Результаты статистического анализа по U-критерию Манна-Уитни по «Чувство принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности экспериментальной и контрольной групп по опроснику ОЛСИ

Показатели	ИС	НГ	ОН	ОЕС
U-критерий	21158,50	22973,50	17997,00	23791,50
Значимость	0,01	0,21	0,01	0,50

Примечание. ИС - Идентификация с местом/страной и тд., НГ - Национальная гордость, ОН - Отношение к своей нации, ОЕС – Отношение к ЕАЭС

Нулевая гипотеза принимается по двум показателям «Чувство принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности: «Национальная гордость» и «Отношение к ЕАЭС». По двум другим показателям нулевая гипотеза отклоняется.

Анализируя таблицу рангов, можно сказать, что наибольший средний ранг по показателям «Идентификация с местом/страной и тд.» и «Отношение к своей нации» получен в экспериментальной группе, в контрольной группе этот ранг существенно ниже.

Это означает, что титульный этнос Кыргызстана более склонен идентифицировать себя с местом, страной, кыргызским этносом, по сравнению с контрольной группой. Соответственно по показателю «Чувство принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности у кыргызов это чувство более выражено по сравнению с другими народами, проживающими в Кыргызстане, что являлось для нас, в целом, ожидаемым результатом.

Результаты статистического анализа данных по критерию Манна-Уитни по «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности (табл. 28 смотри приложение 18).

Нулевая гипотеза принимается по таким показателям «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности как: «Симпатия к чужим странам», «Белоруссия», «Россия», «Гаджикистан», «Турция», «Узбекистан». По показателям: «Англия», «Казахстан», «Кыргызстан», «Китай», «США», «Франция», «Толерантность», «Ксенофобия» и «Ксенофилия» нулевая гипотеза отклоняется.

Анализируя таблицу рангов, можно сказать, что наибольший средний ранг по показателю симпатии к чужим странам по таким странам как: «Англия», «Кыргызстан», «США», «Франция» получен в экспериментальной группе, в контрольной группе этот ранг существенно ниже.

Это означает, что титульный этнос Кыргызстана более симпатизирует к Кыргызстану как к стране и части стран дальнего зарубежья, по сравнению с

другими народами, проживающими в Кыргызстане. Полученный результат в отношении симпатии к Кыргызстану титульного этноса Кыргызстана является ожидаемым, с одной стороны. С другой стороны, большая симпатия кыргызов по сравнению с другими народами, проживающими в Кыргызстане, к Англии, Франции и США интересен своей новизной, и говорит об открытости именно титульного этноса Кыргызстана к контакту с Европой и США.

При этом наибольший средний ранг по показателю симпатии к чужим странам по таким странам как: «Казахстан», «Китай» получен в контрольной группе, в экспериментальной группе этот ранг ниже.

Это свидетельствует о том, что в контрольной группе выборки исследования более выражена симпатия к таким странам как Казахстан и Китай по сравнению с экспериментальной группой.

Подобный результат, возможно, связан с предпочтением контрольной группой стран ближнего зарубежья, а также с представленностью в контрольной группе казахов, которые с высокой степенью вероятности выражали симпатию к Казахстану.

Наибольший средний ранг по показателям «Толерантность» и «Ксенофилия» получен в экспериментальной группе, в контрольной группе этот ранг существенно ниже.

То есть для титульного этноса Кыргызстана более характерны толерантность и ксенофилия по сравнению с контрольной группой. Возможно, симпатия к странам дальнего зарубежья, опыт общения с иностранцами у титульного этноса Кыргызстана более позитивны, по сравнению с другими народами, проживающими в Кыргызстане.

Наибольший средний ранг по показателю «Ксенофобия» получен в контрольной группе, в экспериментальной группе этот ранг существенно ниже.

Это свидетельствует о том, что к переживанию чувства ксенофобии более склонны другие народы, проживающие в Кыргызстане, по сравнению с титульным этносом Кыргызстана. Данный результат интересен тем, что в научной литературе, например, в европейских исследованиях У. Шмидт-Дентера

или актуальном исследовательском проекте „Leben in Deutschland“ (www.lid-studie.de), часто встречается факт переживания чувства ксенофобии, именно мигрантами по отношению к другим иностранцам, проживающим в той же стране.

1. У титульного этноса Кыргызстана самовнимание, прежде всего, общественное самопонимание как показатель «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности более выражен по сравнению с другими народами, проживающими в Кыргызстане, что свидетельствует о высоком уровне общественной рефлексии, самокритичном отношении к себе, к своей идентичности титульного этноса Кыргызстана.

2. При этом следует отметить как в экспериментальной, так и в контрольной группе преобладает информационный стиль идентичности, затем следует ориентированный на нормы стиль идентичности и менее всего распространен диффузный стиль идентичности. В группе титульного этноса Кыргызстана каждый из трех стилей идентичности более выражен по сравнению с респондентами контрольной группы.

3. Сформированность «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности также различны по ряду показателей в контрольной и экспериментальной группах. В группе титульного этноса Кыргызстана более выражены профессиональные амбиции, чем в контрольной группе. При этом в контрольной группе контроль убеждений по всем показателям «Я-Реальное» выражен в большей степени по сравнению с экспериментальной группой.

4. Показатель «Я-Действующее» самопонимания личной идентичности в экспериментальной группе более сформирован по сравнению с контрольной группой, что проявляется в большей политической информированности и активности религиозного поведения титульного этноса Кыргызстана по сравнению с контрольной группой других национальностей, проживающих в Кыргызстане.

5. Группа титульного этноса Кыргызстана, так и другие народы, проживающие в Кыргызстане, испытали на себе запрещение религии в годы

советского строя, что, возможно, вплоть до сегодняшнего дня сказывается на отношении к религии и ее важности. Важность религии, как в контрольной, так и в экспериментальной группе исследования на данный момент довольно высока, что, говорит о больших изменениях, которые пережил Кыргызстан после распада СССР.

6. Общие ценности «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности более важны для титульного этноса Кыргызстана, чем для представителей других национальностей и этносов, проживающих в Кыргызстане. Интересным представляется нам результат, что ценности свободы и равенства более выражены у титульного этноса выборки исследования, чем у контрольной группы.

7. В общих ценностях, которые более значимы для титульного этноса Кыргызстана, по сравнению с другими народами Кыргызстана отчетливо видна тематика социального порядка, социального признания, социальной справедливости. То есть социальный контекст общих ценностей более важен именно для этнического этноса Кыргызстана по сравнению с другими народами Кыргызстана выборки исследования.

8. Ценность работы и основание семьи также более выражены в ценностях кыргызов по сравнению с другими народами, проживающими в Кыргызстане. Возможно, работа рассматривается не только как бизнес, как доход, но и как желание работать и делать свою работу хорошо. При этом ценность «богатство» более выражена у контрольной группы по сравнению с экспериментальной.

Далее рассмотрим сформированность «Чувства принадлежности к группе» и «Установки в отношении чужих групп» как основных показателей самопонимания социальной идентичности экспериментальной и контрольной групп (группы титульного этноса Кыргызстана и узбеков, русских и казахов, проживающих в Кыргызстане и имеющих кыргызское гражданство).

9. Титульный этнос Кыргызстана более склонен идентифицировать себя с местом, страной, кыргызским этносом, по сравнению с контрольной группой. Соответственно по показателю «Чувство принадлежности к группе»

самопонимания социальной идентичности у кыргызов это чувство более выражено по сравнению с другими народами, проживающими в Кыргызстане, что являлось для нас, в целом, ожидаемым результатом.

10. Титульный этнос Кыргызстана более симпатизирует к Кыргызстану как к стране и части стран дальнего зарубежья, по сравнению с другими народами, проживающими в Кыргызстане. Полученный результат в отношении симпатии к Кыргызстану титульного этноса Кыргызстана является ожидаемым, с одной стороны. С другой стороны, большая симпатия кыргызов по сравнению с другими народами, проживающими в Кыргызстане, к Англии, Франции и США интересен своей новизной, и говорит об открытости именно титульного этноса Кыргызстана к контакту с Европой и США, о сформированности «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности, о положительности этой установки. Контрольная группа симпатизирует больше странам ближнего зарубежья.

11. Для титульного этноса Кыргызстана более характерны толерантность и ксенофилия по сравнению с контрольной группой. Возможно, симпатия к странам дальнего зарубежья, опыт общения с иностранцами у титульного этноса Кыргызстана более позитивны, по сравнению с другими народами, проживающими в Кыргызстане.

12. К переживанию чувства ксенофобии более склонны другие народы, проживающие в Кыргызстане, по сравнению с титульным этносом Кыргызстана.

В целом, нами были выявлены особенности самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана в сравнении с другими народами, проживающими в Кыргызстане.

По всем четырем показателям самопонимания личной идентичности и по всем двум показателям самопонимания социальной идентичности были выявлены значимые различия, что свидетельствует о том, что современное кыргызское общество очень разнообразно, разнопланово по своему пониманию личной и социальной идентичности и титульный этнос Кыргызстана имеет свои, свойственные только кыргызскому этносу особенности самопонимания личной

и социальной идентичности. Следовательно, наша гипотеза о существовании значимых различий самопонимания личной и социальной идентичности кыргызского этноса от других народов, проживающих в Кыргызстане, также нашла свое подтверждение.

3.2.2. Сравнительный анализ и интерпретация самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса и других этносов, проживающих в Кыргызстане, в зависимости от возраста

Перейдем к рассмотрению следующей гипотезы нашего исследования, а именно, что структурные компоненты самопонимания личной и социальной идентичности кыргызского этноса и других национальностей и этносов, проживающих в Кыргызстане, отличаются между собой в зависимости от опыта проживания в советский период.

В теме нашего диссертационного исследования была заявлена тематика развития самопонимания в современном кыргызском обществе. Следующая гипотеза диссертационного исследования должна помочь нам увидеть динамику развития самопонимания личной и социальной идентичности кыргызов в зависимости от опыта (времени) проживания в советский период в Кыргызстане у титульного этноса Кыргызстана и представителей других этносов и национальностей, проживающих в Кыргызстане.

Для выявления этой динамики развития самопонимания личной и социальной идентичности вся выборка исследования нами была поделена на две экспериментальные (респонденты до 30 лет титульного этноса Кыргызстана и представители других национальностей, проживающих в Кыргызстане) и две контрольные группы (респонденты старше 30 лет титульного этноса Кыргызстана и представители других национальностей, проживающих в Кыргызстане).

В первую экспериментальную группу вошли кыргызы от 17 – до 25 лет (109 человек), в первую контрольную группу вошли представители других национальностей и этносов, проживающих в Кыргызстане, - 66 человек до 30 лет; вторую экспериментальную группу кыргызов составили 206 человек от 30

лет, вторую контрольную группу, других национальностей и этносов, проживающих в Кыргызстане, составили 91 человек от 30 лет и старше.

31 августа 1991 года внеочередная сессия Верховного Совета Кыргызстана приняла постановление о «Декларации о государственной независимости Республики Кыргызстан». Согласно этому историческому акту Кыргызстан стал независимым, суверенным, демократическим государством.

То есть на момент проведения исследования январь-июль 2019г., опыт проживания при советском режиме в Кыргызстане у респондентов первой экспериментальной и первой контрольной группы исследования равен от 0 до 2-х лет, у группы респондентов второй экспериментальной и второй контрольной групп - примерно от 2-х до 22 лет и больше.

Для статистической проверки был использован U – критерий Манна – Уитни, который применяется для оценки различий по уровню выраженности какого – либо признака для двух независимых выборок. В нашем случае было четыре выборки (две экспериментальных и две контрольных группы), выделенных по возрасту у кыргызского этноса выборки исследования и других этносов и национальностей, проживающих в Кыргызстане), уровень выраженности признака - в нашем случае это показатели самопонимания личной и социальной идентичности, измеренных с помощью опросника ОЛСИ.

Были выдвинуты следующие гипотезы: нулевая

H_0 : - между первой экспериментальной и первой контрольной группами, выделенными по этническому признаку и возрасту, существуют лишь случайные различия по показателям самопонимания личной и социальной идентичности и конкурирующая с ней гипотеза

H_1 : - между первой экспериментальной и первой контрольной группами, выделенными по этническому признаку и возрасту, существуют неслучайные различия по исследуемым признакам.

Критическое значение критерия $U_{кр.} = 2987$ (при $p \leq 0.05$), $U_{кр.} = 2823$ (при $p \leq 0.01$).

В ходе проверки гипотез H_0 и H_1 были получены результаты, отраженные в таблицах №24 - №.

Охарактеризуем сначала полученные результаты сравнения различных показателей самопонимания личной и социальной идентичности первой экспериментальной и первой контрольной групп по четырем его структурным показателям: «Я - Рефлексивное», «Я - Реальное», «Я - Действующее» и «Я - Идеальное».

Результаты статистического анализа данных по критерию Манна-Уитни по «Я-Рефлексивному» (см. табл. 29).

Таблица 29 - Результаты статистического анализа по U-критерию Манна-Уитни по «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности первой экспериментальной и первой контрольной групп по опроснику ОЛСИ

Показатели	СЛ	СО	СС	СК	ДИ	ИИ	НИ
U-критерий	3099,50	2471,50	2408,00	2687,00	3346,00	2226,50	2770,00
Значимость	0,12	0,01	0,01	0,01	0,50	0,01	0,02

Примечание. СЛ - Личное самовнимание, СО - Общественное самовнимание, СС - Самовнимание (сумма), СК – Самокритика, ДИ - Диффузный стиль идентичности, ИИ - Информационный стиль идентичности, НИ - Ориентированный на нормы стиль идентичности

В результате анализа данных по U-критерию Манна - Уитни были выявлены значимые различия (на уровне значимости $p \leq 0.05$ или $p \leq 0.01$) по пяти из семи показателей «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности - «Общественное самовнимание» «Самовнимание (сумма)», «Самокритика», «Информационный стиль идентичности» и «Ориентированный на нормы стиль идентичности», что позволило по этим показателям опровергнуть H_0 , то есть первая экспериментальная и первая контрольная группы различаются по этим показателям «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности.

Нулевая гипотеза принимается только по двум показателям «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности: личное самовнимание и диффузный стиль идентичности.

Анализируя таблицу рангов, можно сказать, что наибольший средний ранг по показателям «Я-Рефлексивное»: «Общественное самовнимание»

«Самовнимание (сумма)», «Самокритика», «Информационный стиль идентичности» и «Ориентированный на нормы стиль идентичности» получен в первой экспериментальной группе, в первой контрольной группе этот ранг существенно ниже.

Это свидетельствует о том, что для титульного этноса Кыргызстана молодого поколения, не имеющего опыт проживания в СССР в Кыргызской Республике, самовнимание как показатель Я-рефлексивного самопонимания личной идентичности более характерно по сравнению с первой контрольной группой, также без опыта проживания в СССР. Самовнимание является очень важным показателем самопонимания личной идентичности, так как оно свидетельствует об определенном уровне рефлексии, которое у молодого поколения титульного этноса Кыргызстана более сформировано по сравнению с другими народами такого же возраста, проживающими в Кыргызстане.

Возможно, молодое поколение кыргызского этноса чувствует большую ответственность за происходящее в Кыргызстане, что отразилось на сформированности «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности.

По показателям стилей идентичности – информационный стиль и стиль, ориентированный на нормы, также более характерен для молодого поколения титульного этноса Кыргызстана по сравнению с молодыми людьми первой контрольной группы выборки исследования.

При этом оба стиля идентичности выражены в большей степени по сравнению с диффузным стилем идентичности как в первой экспериментальной, так и в первой контрольной группе. Полученный результат безусловно положителен, так как говорит в целом о позитивной динамике формирования «Я-Рефлексивное» у молодого поколения Кыргызстана вне зависимости от принадлежности к тому или иному этносу или нации.

Результаты статистического анализа данных по критерию Манна-Уитни по «Я-Реальному» (см. табл. 30).

Таблица 30 - Результаты статистического анализа по U-критерию Манна-Уитни по «Я-Реальному» самопонимания личной идентичности первой экспериментальной и первой контрольной групп по опроснику ОЛСИ

Показатели	СА	ПО	ПЖ	ДЕ	КЭ	УН	СС
U-критерий	2892,50	2507,50	3371,00	3129,00	1531,50	2007,00	1380,00
Значимость	0,03	0,01	0,49	0,15	0,01	0,01	0,01

Примечание. СА - Самооценка, Я-Концепция: ПО – Профессиональные амбиции, ПЖ – психосоматические жалобы, ДЕ – Депрессивность, Контроль убеждений: КЭ – Контроль эмоций, УН – Умение настоять на своем, СС – Социальные способности

В результате анализа данных по U-критерию Манна-Уитни были выявлены значимые различия (на уровне значимости $\rho \leq 0.05$ или $\rho \leq 0.01$) по пяти показателям «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности - «Самооценка», «Профессиональные амбиции», «Контроль эмоций», «Умение настоять на своем» и «Социальные способности», что позволило по этим показателям опровергнуть H_0 , то есть первая экспериментальная и первая контрольная группы различаются по этим показателям «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности.

Нулевая гипотеза принимается по показателям «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности: психосоматические жалобы и депрессивность.

Анализируя таблицу рангов, можно сказать, что наибольший средний ранг по показателю «Самооценка» получен в первой контрольной группе по сравнению с первой экспериментальной группой.

Это свидетельствует о том, что у молодого поколения титульного этноса Кыргызстана самооценка менее сильно выражена по сравнению с первой контрольной группой. Возможно, это связано с большей критичностью к себе молодого поколения титульного этноса Кыргызстан по сравнению с другими представителями молодого поколения современного Кыргызстана.

Анализируя таблицу рангов наибольший средний ранг по показателю «Профессиональные амбиции» получен в первой экспериментальной группе по сравнению с первой контрольной группой. То есть, профессиональные амбиции более сильно выражены у титульного этноса Кыргызстана по сравнению с молодежью других этносов и национальностей, проживающих в Кыргызстане.

Возможно, данный результат можно объяснить тем, что находясь в своей стране, молодые люди титульного этноса Кыргызстана, чувствуют большую поддержку в профессиональном плане со стороны государства, по сравнению с другими молодыми людьми, что способствует повышению их профессиональных амбиций.

Анализируя таблицу рангов по показателю самопонимания личной идентичности – «Контроль убеждений»: «Контроль эмоций», «Умение настоять на своем» и «Социальные способности», наибольший средний ранг по всем этим показателям получен в первой контрольной группе, наименьший в – первой экспериментальной группе.

Это означает, что контроль убеждений более свойственен не титульному этносу Кыргызстана, что, проявляется в большем контроле своих эмоций, умении настоять на своем и высокой оценке своих социальных способностей по сравнению с титульным этносом молодого поколения Кыргызстана.

Возможно, данный контроль убеждений необходим представителям молодого поколения не титульного этноса Кыргызстана для объективации своего «Я-Реального», для самопонимания личной идентичности, требующей повышенного контроля своих убеждений, чтобы добиться реальных успехов, что для молодого поколения титульного этноса Кыргызстана не нужно.

Результаты статистического анализа данных по критерию Манна-Уитни по «Я-Действующее» (см. табл. 31).

Таблица 31 - Результаты статистического анализа по U-критерию Манна-Уитни по «Я-Действующее» самопонимания личной идентичности первой экспериментальной и первой контрольной групп по опроснику ОЛСИ

Показатели	ПИ	ВР	РА
U-критерий	2977,50	3170,50	3425,00
Значимость	0,06	0,28	0,73

Примечание. Политическое поведение: ПИ – политическая информированность, Религиозное поведение: ВР – Важность религии, РА – активность религиозного поведения

Нулевая гипотеза принимается по всем трем показателям «Я-Действующее» самопонимания личной идентичности: политическое поведение:

политическая информированность и религиозное поведение: важность религии и активность религиозного поведения.

Это означает, что между молодыми людьми титульного и не титульного этносов Кыргызстана не выявлено значимых различий по показателю «Я-Действующего» самопонимания личной идентичности. Этот результат, безусловно, интересен тем, что политическое и религиозное поведение молодых людей обеих выборок исследования не отличается между собой и находится на невысоком уровне в целом, что свидетельствует о недостаточной сформированности этого показателя самопонимания личной идентичности у молодого поколения в целом современного Кыргызстана.

Результаты статистического анализа данных по критерию Манна-Уитни по «Я-Идеальное» (табл. 32 смотри приложение 19).

Нулевая гипотеза принимается по большинству показателей общих и этнических ценностей «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности, кроме общих ценностей: «Свобода», «Национальная безопасность», «Истинная дружба», этнических ценностей: «Богатство», «Равенство»; «Ценность работы».

Анализируя таблицу рангов, можно сказать, что наибольший средний ранг по показателям общих ценностей: «Свобода», «Национальная безопасность», «Истинная дружба», этнической ценности: «Равенство»; «Ценность работы» получен в первой экспериментальной группе, в первой контрольной группе этот ранг ниже.

Это свидетельствует о том, что эти ценности более важны для молодого поколения титульного этноса Кыргызстана по сравнению с первой контрольной группой. Особенно интересен результат по ценности свободы и равенства, так как именно молодое поколение титульного этноса Кыргызстана выделяет эти ценности, возможно речь идет о признании независимости, свободы и равноправия Кыргызстана как страны, что для не титульного этноса молодого поколения Кыргызстана менее важно.

Ценность работы также более важна для молодого поколения титульного этноса Кыргызстана, что, возможно, связано с высоким уровнем

профессиональных амбиций молодого поколения титульного этноса Кыргызстана.

Анализируя таблицу рангов наибольший средний ранг по показателю этнической ценности: «Богатство» получен в первой контрольной группе, в первой экспериментальной группе этот ранг ниже.

Это свидетельствует о том, что для не титульного этноса Кыргызстана ценность богатства более важна по сравнению с молодым поколением кыргызов. «Богатство» как ценность рассматривалась нами как этническая ценность, тем интереснее этот результат, когда этническая ценность более выражена у первой контрольной группы.

Богатство, возможно, ассоциируется у молодого поколения с новым для Кыргызстана капиталистическим укладом экономики, что позволяет объяснить данный результат и новыми капиталистическими ценностями, которые сильно выражены у молодого поколения не титульного этноса Кыргызстана.

Далее рассмотрим сформированность «Чувства принадлежности к группе» и «Установки в отношении чужих групп» как основных показателей самопонимания социальной идентичности первой экспериментальной и первой контрольной групп (группы титульного этноса Кыргызстана до 30 лет и узбеков, русских и казахов, проживающих в Кыргызстане и имеющих кыргызское гражданство до 30 лет).

Результаты статистического анализа данных по критерию Манна-Уитни по «Чувство принадлежности к группе» (см. табл. 33).

Таблица 33 - Результаты статистического анализа по U-критерию Манна-Уитни по «Чувство принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности первой экспериментальной и первой контрольной групп по опроснику ОЛСИ

Показатели	ИС	НГ	ОН	ОЕС
U-критерий	3577,50	3490,00	2603,50	3316,00
Значимость	0,95	0,74	0,01	0,38

Примечание. ИС - Идентификация с местом/страной и тд., НГ - Национальная гордость, ОН - Отношение к своей нации, ОЕС – Отношение к ЕАЭС

Нулевая гипотеза принимается по трем показателям «Чувство принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности: «Идентификация с местом/страной и т.д.», «Национальная гордость» и «Отношение к ЕАЭС». По одному показателю нулевая гипотеза отклоняется.

Анализируя таблицу рангов, можно сказать, что наибольший средний ранг по показателю «Отношение к своей нации» получен в первой экспериментальной группе, в первой контрольной группе этот ранг существенно ниже.

Показатель «Чувство принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности отличается только по одному параметру между первой экспериментальной и первой контрольной группами, а именно по параметру: отношение к своей нации, что является положительным результатом. У молодого поколения кыргызов и молодого поколения других народов, проживающих в Кыргызстане, чувство принадлежности к группе во многом схоже, что говорит о внутреннем чувстве принадлежности к Кыргызстану как к своей Родине.

По отношению к нации нами был получен во многом ожидаемый результат, так как, вопросы касались непосредственно Кыргызстана, его символики, выделения кыргызов как нации, поэтому в группе молодого поколения кыргызов ответы, характеризуются большей выраженностью принадлежности к Кыргызстану по сравнению с первой контрольной группой.

Результаты статистического анализа данных по критерию Манна-Уитни по «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности (табл. 34 смотри приложение 20).

Нулевая гипотеза принимается по таким показателям «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности как: «Симпатия к чужим странам», «Англия», «Белоруссия», «Казахстан», «Россия», «Таджикистан», «Турция», «Узбекистан». По показателям: «Кыргызстан», «Китай», «США», «Франция», «Южная Корея», «Толерантность», «Ксенофобия» и «Ксенофилия» нулевая гипотеза отклоняется.

Анализируя таблицу рангов, можно сказать, что наибольший средний ранг по показателю симпатии к чужим странам по таким странам как: «Кыргызстан», «США», «Франция», «Южная Корея» получен в первой экспериментальной группе, в первой контрольной группе этот ранг существенно ниже.

Это означает, что титульная группа молодого поколения Кыргызстана с большей симпатией относится к Кыргызстану и ряду стран дальнего зарубежья по сравнению с молодым поколением других народов, проживающих в Кыргызстане. Полученный результат, возможно, объясняется тем, что молодое поколение титульного этноса Кыргызстана выделяет страны уровень свободы, в которых представляется им притягательным, который они хотели бы видеть в своей стране.

При этом наибольший средний ранг по показателю симпатии к чужим странам по стране «Китай» получен в первой контрольной группе, в первой экспериментальной группе этот ранг ниже.

Для группы молодого поколения не титульного этноса Кыргызстана более симпатична как страна – страна ближнего зарубежья – Китай по сравнению с молодым поколением титульного этноса Кыргызстана.

Наибольший средний ранг по показателям «Толерантность» и «Ксенофилия» получен в первой экспериментальной группе, в первой контрольной группе этот ранг существенно ниже.

Это означает, что уровень толерантности и ксенофилии выше у молодого поколения титульного этноса Кыргызстана по сравнению с первой контрольной группой. С одной стороны, полученный результат позитивен и говорит об открытости и положительном отношении к чужим группам молодого поколения титульного этноса Кыргызстана. С другой стороны, настораживает тот факт, что у молодого поколения не титульного этноса Кыргызстана этот уровень толерантности и позитивного отношения к чужому значительно ниже.

Наибольший средний ранг по показателю «Ксенофобия» получен в первой контрольной группе, в первой экспериментальной группе этот ранг существенно ниже.

Это свидетельствует о том, что чувство ксенофобии более выражено у молодого поколения не титульного этноса Кыргызстана по сравнению с молодым поколением кыргызов. Возможно, негативное, подозрительное отношение к чужому у молодого поколения других народов, проживающих в Кыргызстане, обусловлено собственным негативным опытом, который, к сожалению, часто встречается у народов, представляющих национальное меньшинство в той или иной стране проживания.

Теперь охарактеризуем полученные результаты сравнения различных показателей самопонимания личной и социальной идентичности второй экспериментальной и второй контрольной групп (респондентов после 30 лет) по четырем его структурным показателям: «Я - Рефлексивное», «Я - Реальное», «Я - Действующее» и «Я - Идеальное».

Были выдвинуты следующие гипотезы: нулевая H_0 : - между второй экспериментальной и второй контрольной группами, выделенными по этническому признаку и возрасту, существуют лишь случайные различия по показателям самопонимания личной и социальной идентичности и конкурирующая с ней гипотеза H_1 : - между второй экспериментальной и второй контрольной группами, выделенными по этническому признаку и возрасту, существуют неслучайные различия по исследуемым признакам.

Критическое значение критерия $U_{кр.} = 8129$ (при $p \leq 0.05$), $U_{кр.} = 7703$ (при $p \leq 0.01$).

Результаты статистического анализа данных по критерию Манна-Уитни по «Я-Рефлексивному» (см. табл. 35).

Таблица 35 - Результаты статистического анализа по U-критерию Манна-Уитни по «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности второй экспериментальной и второй контрольной групп по опроснику ОЛСИ

Показатели	СЛ	СО	СС	СК	ДИ	ИИ	НИ
U-критерий	9329,50	8865,50	9157,00	8920,50	7703,00	7630,50	7483,50
Значимость	0,95	0,45	0,75	0,51	0,01	0,01	0,01

Примечание. СЛ - Личное самовнимание, СО - Общественное самовнимание, СС - Самовнимание (сумма), СК – Самокритика, ДИ - Диффузный стиль идентичности, ИИ - Информационный стиль идентичности, НИ - Ориентированный на нормы стиль идентичности

В результате анализа данных по U-критерию Манна - Уитни были выявлены значимые различия (на уровне значимости $p \leq 0.05$ или $p \leq 0.01$) по трем из семи показателей «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности - по всем стилям идентичности: «Диффузный стиль идентичности», «Информационный стиль идентичности» и «Ориентированный на нормы стиль идентичности», что позволило по этим показателям опровергнуть H_0 , то есть вторая экспериментальная и вторая контрольная группы различаются по этим показателям «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности.

Нулевая гипотеза принимается по показателям «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности: личное самовнимание, общественное самовнимание, самовнимание (сумма) и самокритика.

Анализируя таблицу рангов, можно сказать, что наибольший средний ранг по показателям «Я-Рефлексивное»: «Диффузный стиль идентичности», «Информационный стиль идентичности» и «Ориентированный на нормы стиль идентичности» получен во второй экспериментальной группе, во второй контрольной группе этот ранг существенно ниже.

1. Проанализировав дополнительно средние арифметические показатели каждого из стилей идентичности, следует отметить, что как во второй экспериментальной, так и во второй контрольной группе сильно выражен информационный стиль идентичности, при этом во второй экспериментальной группе он приближается по своему среднему значению к максимуму выраженности.

Диффузный стиль идентичности выражен на среднем уровне во второй экспериментальной группе, во второй контрольной группе этот стиль идентичности менее выражен и находится на уровне ниже среднего. Ориентированный на нормы стиль идентичности более выражен у второй

экспериментальной группы по сравнению со второй контрольной группой и соответствует уровню выше среднего.

В целом, показатель «Я-Рефлексивное» старшего поколения Кыргызстана отличается между собой только по стилям идентичности, все показатели самовнимания между собой у старшего поколения титульного и не титульного этноса Кыргызстана между собой значимо не отличаются.

Возможно, советский период развития страны отразился на сформированности «Я-рефлексивного» самопонимания личной идентичности старшего поколения, как титульного этноса Кыргызстана, так и других народов, проживающих в Кыргызстане, когда самовнимание человека, гражданина в целом не рассматривалось как важная составляющая самопонимания при проводимой при социализме политике уравнивания и нивелирования индивидуальности.

Результаты статистического анализа данных по критерию Манна-Уитни по «Я-Реальному» (см. табл. 36).

Таблица 36 - Результаты статистического анализа по U-критерию Манна-Уитни по «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности второй экспериментальной и второй контрольной групп по опроснику ОЛСИ

Показатели	СА	ПО	ПЖ	ДЕ	КЭ	УН	СС
U-критерий	8610,50	8814,00	9091,50	8765,50	5182,50	5173,50	2550,50
Значимость	0,26	0,41	0,68	0,37	0,01	0,01	0,01

Примечание. СА - Самооценка, Я-Концепция: ПО – Профессиональные амбиции, ПЖ – психосоматические жалобы, ДЕ – Депрессивность, Контроль убеждений: КЭ – Контроль эмоций, УН – Умение настоять на своем, СС – Социальные способности

В результате анализа данных по U-критерию Манна-Уитни были выявлены значимые различия (на уровне значимости $p \leq 0.05$ или $p \leq 0.01$) по трем показателям «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности - «Контроль эмоций», «Умение настоять на своем» и «Социальные способности», что позволило по этим показателям опровергнуть H_0 , то есть вторая экспериментальная и вторая контрольная группы различаются по этим показателям «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности.

Нулевая гипотеза принимается по показателям «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности: самооценка, профессиональные амбиции, психосоматические жалобы и депрессивность.

Анализируя таблицу рангов по показателю самопонимания личной идентичности – «Контроль убеждений»: «Контроль эмоций», «Умение настоять на своем» и «Социальные способности», наибольший средний ранг по всем этим показателям получен во второй контрольной группе, наименьший во – второй экспериментальной.

Это свидетельствует о том, что для других народов, проживающих в Кыргызстане более характерен контроль убеждений, чем для титульного этноса Кыргызстана. Возможно, данный результат можно объяснить тем, что для национальных меньшинств, проживающих в Кыргызстане, в целом более характерен контроль как показатель «Я-Реального» самопонимания личной идентичности по сравнению с титульным этносом Кыргызстана. В данном случае контроль касается как контроля своих эмоций, так и умения настоять на своем и оценки своих социальных способностей, что менее свойственно старшему поколению кыргызского этноса по сравнению с другими народами, проживающими в Кыргызстане.

Результаты статистического анализа данных по критерию Манна-Уитни по «Я-Действующее» (см. табл. 37).

Таблица 37 - Результаты статистического анализа по U-критерию Манна-Уитни по «Я-Действующее» самопонимания личной идентичности второй экспериментальной и второй контрольной групп по опроснику ОЛСИ

Показатели	ПИ	ВР	РА
U-критерий	8808,50	8974,50	7814,50
Значимость	0,41	0,80	0,02

Примечание. Политическое поведение: ПИ – политическая информированность, Религиозное поведение: ВР – Важность религии, РА – активность религиозного поведения

Нулевая гипотеза принимается по показателям «Я-Действующее» самопонимания личной идентичности: политическая информированность и важность религии.

Анализируя таблицу рангов, можно сказать, что наибольший средний ранг по показателям «Активность религиозного поведения» получен во второй экспериментальной группе, во второй контрольной группе этот ранг ниже.

Это свидетельствует о том, что у старшего поколения титульного этноса Кыргызстана более выражена активность религиозного поведения по сравнению с другими народами, проживающими в Кыргызстане. Возможно, это связано с тем, что мусульманство как религия, являющаяся ведущей религией в Кыргызстане, менее свойственна, прежде всего, православным русским, которые составили часть второй контрольной группы исследования.

Результаты статистического анализа данных по критерию Манна-Уитни по «Я-Идеальное» (табл. 38 смотри приложение 21).

Нулевая гипотеза принимается по большинству показателей общих и всех показателей этнических ценностей «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности, кроме общих ценностей: «Национальная безопасность» и «Социальная справедливость»; «Ценность работы».

Анализируя таблицу рангов, можно сказать, что наибольший средний ранг по показателям общих ценностей: «Национальная безопасность» и «Социальная справедливость», а также «Ценность работы» получен во второй экспериментальной группе, во второй контрольной группе этот ранг ниже.

Как видно, из проведенного сравнительного анализа по показателю «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности выявлено только две общих ценности, которые различны у представителей старшего поколения, как титульного этноса Кыргызстана, так и у старшего поколения других народов, проживающих в Кыргызстане. Национальная безопасность и социальная справедливость более важны как ценности для титульного этноса Кыргызстана по сравнению со второй контрольной группой выборки исследования.

Возможно, вопрос независимости Кыргызской Республики и прав ее граждан больше волнует старшее поколение титульного этноса Кыргызстана, так как в советский период развития страны именно эти ценности либо обеспечивались вхождением Кыргызстана в состав СССР, либо декларировались

как ценности работниками партийного аппарата в целях общественной пропаганды.

Ценность работы также более выражена у старшего поколения титульного этноса Кыргызстана по сравнению со второй контрольной группой. Возможно, это связано с большей возможностью старшего поколения кыргызского этноса занимать более хорошо оплачиваемые рабочие места, по сравнению с другими народами, проживающими в Кыргызстане.

Далее рассмотрим сформированность «Чувства принадлежности к группе» и «Установки в отношении чужих групп» как основных показателей самопонимания социальной идентичности второй экспериментальной и второй контрольной групп (группы титульного этноса Кыргызстана после 30 лет и узбеков, русских и казахов, проживающих в Кыргызстане и имеющих кыргызское гражданство после 30 лет).

Результаты статистического анализа данных по критерию Манна-Уитни по «Чувство принадлежности к группе» (см. табл. 39).

Таблица 39 - Результаты статистического анализа по U-критерию Манна-Уитни по «Чувство принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности второй экспериментальной и второй контрольной групп по опроснику ОЛСИ

Показатели	ИС	НГ	ОН	ОЕС
U-критерий	7458,00	8574,00	7029,50	9360,50
Значимость	0,01	0,24	0,01	0,99

Примечание. ИС - Идентификация с местом/страной и т.д., НГ - Национальная гордость, ОН - Отношение к своей нации, ОЕС – Отношение к ЕАЭС

Нулевая гипотеза принимается по двум показателям «Чувство принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности: «Национальная гордость» и «Отношение к ЕАЭС». По двум другим показателям нулевая гипотеза отклоняется.

Анализируя таблицу рангов, можно сказать, что наибольший средний ранг по показателям «Идентификация с местом/страной и т.д.» и «Отношение к своей нации» получен во второй экспериментальной группе, во второй контрольной группе этот ранг существенно ниже.

Это свидетельствует о том, что старшее поколение кыргызского этноса в большей степени идентифицирует себя с Кыргызстаном и более положительно относится к кыргызскому этносу по сравнению со старшим поколением других народов, проживающих в Кыргызстане. Данный результат был нами ожидаем, для старшего поколения других народов, скорее всего, склонна идентификация со страной своей нации, своего этноса.

При этом чувство национальной гордости или отношение к ЕАЭС у титульного и не титульного этноса Кыргызстана не отличается между собой, что говорит, о принадлежности к одной группе как представителей старшего поколения кыргызского этноса, так и старшего поколения других народов, проживающих в Кыргызстане.

Результаты статистического анализа данных по критерию Манна-Уитни по «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности (табл. 40 смотри приложение 22).

Нулевая гипотеза принимается по таким показателям «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности как: «Симпатия к чужим странам», «Белоруссия», «Россия», «США», «Турция», «Узбекистан», «Франция» и «Южная Корея». По показателям: «Англия», «Казахстан», «Кыргызстан», «Китай», «Таджикистан», «Толерантность», «Ксенофобия» и «Ксенофилия» нулевая гипотеза отклоняется.

Анализируя таблицу рангов, можно сказать, что наибольший средний ранг по показателю симпатии к чужим странам по таким странам как: «Англия», «Кыргызстан», «Таджикистан» получен во второй экспериментальной группе, во второй контрольной группе этот ранг существенно ниже.

Это свидетельствует о том, что для старшего поколения титульного этноса Кыргызстана свойственна большая симпатия к Кыргызстану как к стране и к Таджикистану как соседнему государству в отличие от старшего поколения других народов, проживающих в Кыргызстане. Англия как страна также более симпатизируема титульным этносом Кыргызстана по сравнению со второй контрольной группой.

При этом наибольший средний ранг по показателю симпатии к чужим странам по таким странам как: «Казахстан», «Китай» получен во второй контрольной группе, во второй экспериментальной группе этот ранг ниже.

Это означает, что Казахстан и Китай более симпатичны как страны для других народов, проживающих в Кыргызстане, по сравнению со старшим поколением титульного этноса Кыргызстана. Возможно, это связано с тем, что во второй контрольной группе выборки исследования принимали участие представители казахского этноса, которые с высокой вероятностью выразили высокую симпатию к Казахстану как к стране. Китай как соседняя страна также более симпатичен с точки зрения других народов, проживающих в Кыргызстане.

Наибольший средний ранг по показателям «Толерантность» и «Ксенофилия» получен во второй экспериментальной группе, во второй контрольной группе этот ранг существенно ниже. То есть чувство толерантности и ксенофилии более свойственно старшему поколению титульного этноса Кыргызстана по сравнению с не титульным этносом, проживающим в Кыргызстане.

Наибольший средний ранг по показателю «Ксенофобия» получен во второй контрольной группе, во второй экспериментальной группе этот ранг существенно ниже.

Полученный результат, безусловно, интересен тем, что старшее поколение титульного этноса Кыргызстана более открыто и толерантно по отношению к иностранцам или мигрантам по сравнению со старшим поколением национальных меньшинств, проживающих в Кыргызстане. Возможно, это связано с собственным негативным опытом старшего поколения других народов, проживающих в Кыргызстане, который был ими получен как в годы советского строя в Кыргызстане, так и в период после распада СССР.

Таким образом, нами был проведен сравнительный анализ самопонимания личной и социальной идентичности у молодого поколения титульного этноса Кыргызстана и молодого поколения других народов, проживающих в Кыргызстане, были получены следующие результаты:

1. Для молодого поколения титульного этноса Кыргызстана, не имеющего опыта проживания в СССР, в Кыргызской Республике, самовнимание как показатель «Я-Рефлексивного» самопонимания личной идентичности более характерен по сравнению с первой контрольной группой, также без опыта проживания в СССР. Самовнимание является очень важным показателем самопонимания личной идентичности, так как оно свидетельствует об определенном уровне рефлексии, которое у молодого поколения титульного этноса Кыргызстана более сформировано по сравнению с другими народами такого же возраста, проживающими в Кыргызстане.

2. Информационный стиль и стиль, ориентированный на нормы более характерен для молодого поколения титульного этноса Кыргызстана по сравнению с молодыми людьми первой контрольной группы выборки исследования. При этом данные стили идентичности выражены в большей степени по сравнению с диффузным стилем идентичности как в первой экспериментальной, так и в первой контрольной группе, что говорит в целом о позитивной динамике формирования «Я-Рефлексивное» у молодого поколения Кыргызстана вне зависимости от принадлежности к тому или иному этносу или нации.

3. У молодого поколения титульного этноса Кыргызстана самооценка показателя «Я-Реального» самопонимания личной идентичности менее сильно выражена по сравнению с первой контрольной группой. При этом профессиональные амбиции более сильно выражены у титульного этноса Кыргызстана по сравнению с молодежью других этносов и национальностей, проживающих в Кыргызстане. Возможно, данный результат можно объяснить тем, что находясь в своей стране, молодые люди титульного этноса Кыргызстана, чувствуют большую поддержку в профессиональном плане со стороны государства, по сравнению с другими молодыми людьми, что способствует повышению их профессиональных амбиций.

4. Контроль убеждений показателя «Я-Реального» самопонимания личной идентичности более свойственен не титульному этносу Кыргызстана, что,

проявляется в большем контроле своих эмоций, умении настоять на своем и высокой оценке своих социальных способностей по сравнению с титульным этносом молодого поколения Кыргызстана.

5. Между молодыми людьми титульного и не титульного этносов Кыргызстана не выявлено значимых различий по показателю «Я-Действующего» самопонимания личной идентичности. Этот результат, безусловно, интересен тем, что политическое и религиозное поведение молодых людей обеих выборок исследования не отличается между собой и находится на невысоком уровне в целом, что свидетельствует о недостаточной сформированности этого показателя самопонимания личной идентичности у молодого поколения в целом современного Кыргызстана.

6. Общие ценности как показатели «Я-Идеального» самопонимания личной идентичности: «Свобода», «Национальная безопасность», «Истинная дружба», этническая ценность: «Равенство» и «Ценность работы» более важны для молодого поколения титульного этноса Кыргызстана по сравнению с первой контрольной группой. Особенно интересен результат по ценности свободы и равенства, так как именно молодое поколение титульного этноса Кыргызстана выделяет эти ценности, возможно речь идет о признании независимости, свободы и равноправия Кыргызстана как страны, что для не титульного этноса молодого поколения Кыргызстана менее важно.

7. Ценность работы более важна для молодого поколения титульного этноса Кыргызстана, что, возможно, связано с высоким уровнем профессиональных амбиций молодого поколения титульного этноса Кыргызстана. Для не титульного этноса Кыргызстана ценность богатства более важна по сравнению с молодым поколением кыргызов.

8. Молодое поколение титульного этноса Кыргызстана с большей симпатией относится к Кыргызстану и ряду стран дальнего зарубежья по сравнению с молодым поколением других народов, проживающих в Кыргызстане. Для группы молодого поколения не титульного этноса Кыргызстана более симпатична как страна – страна ближнего зарубежья – Китай.

9. Уровень толерантности и ксенофилии выше у молодого поколения титульного этноса Кыргызстана по сравнению с первой контрольной группой. С одной стороны, полученный результат позитивен и говорит об открытости и положительном отношении к чужим группам молодого поколения титульного этноса Кыргызстана. С другой стороны, настораживает тот факт, что у молодого поколения не титульного этноса Кыргызстана этот уровень толерантности и позитивного отношения к чужому значительно ниже.

10. Чувство ксенофобии более выражено у молодого поколения не титульного этноса Кыргызстана по сравнению с молодым поколением кыргызов. Возможно, негативное, подозрительное отношение к чужому у молодого поколения других народов, проживающих в Кыргызстане, обусловлено собственным негативным опытом, который, к сожалению. Часто встречается у народов, представляющих национальное меньшинство в той или иной стране проживания.

Результаты по разным показателям самопонимания личной и социальной идентичности с учетом возраста респондентов (до и после 30 лет) и их этнической принадлежности:

1. Как у старшего поколения титульного этноса Кыргызстана, так и у старшего поколения не титульного этноса Кыргызстана сильно выражен информационный стиль идентичности, при этом у старшего поколения кыргызского этноса он приближается по своему среднему значению к максимуму выраженности. Диффузный стиль идентичности выражен на среднем уровне у старшего поколения титульного этноса Кыргызстана, у старшего поколения других народов, проживающих в Кыргызстане, этот стиль идентичности менее выражен и находится на уровне ниже среднего. Ориентированный на нормы стиль идентичности более выражен у старшего поколения титульного этноса Кыргызстана по сравнению со старшим поколением других народов, проживающих в Кыргызстане, и соответствует уровню выше среднего.

2. В целом, показатель «Я-Рефлексивное» старшего поколения Кыргызстана отличается между собой только по стилям идентичности, все показатели самовнимания между собой у старшего поколения титульного и не титульного этноса Кыргызстана между собой значимо не отличаются.

3. Для старшего поколения других народов, проживающих в Кыргызстане, более характерен контроль убеждений показателя «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности, чем для старшего поколения титульного этноса Кыргызстана. В данном случае контроль касается как контроля своих эмоций, так и умения настоять на своем и оценки своих социальных способностей, что менее свойственно старшему поколению кыргызского этноса по сравнению с другими народами, проживающими в Кыргызстане.

4. У старшего поколения титульного этноса Кыргызстана более выражена активность религиозного поведения «Я-Действующего» самопонимания личной идентичности по сравнению с другими народами, проживающими в Кыргызстане. Возможно, это связано с тем, что мусульманство как религия, являющаяся ведущей религией в Кыргызстане, она менее свойственна, прежде всего, православным русским, которые составили часть второй контрольной группы выборки исследования.

5. По показателю «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности выявлено только две общих ценности, которые различны у представителей старшего поколения, как титульного этноса Кыргызстана, так и у старшего поколения других народов, проживающих в Кыргызстане. Национальная безопасность и социальная справедливость более важны как ценности для титульного этноса Кыргызстана по сравнению со второй контрольной группой выборки исследования. При этом ценность работы также более выражена у старшего поколения титульного этноса Кыргызстана по сравнению со второй контрольной группой.

6. Старшее поколение кыргызского этноса в большей степени идентифицирует себя с Кыргызстаном и более положительно относится к кыргызскому этносу по сравнению со старшим поколением других народов,

проживающих в Кыргызстане. При этом чувство национальной гордости или отношение к ЕАЭС у титульного и не титульного этноса Кыргызстана не отличается между собой, что говорит, о принадлежности к одной группе как представителей старшего поколения кыргызского этноса, так и старшего поколения других народов, проживающих в Кыргызстане.

7. Для старшего поколения титульного этноса Кыргызстана свойственна большая симпатия к Кыргызстану как к стране в отличие от старшего поколения других народов, проживающих в Кыргызстане. Англия как страна также более симпатизируема титульным этносом Кыргызстана по сравнению со второй контрольной группой. Казахстан и Китай более симпатичны как страны для других народов, проживающих в Кыргызстане, по сравнению со старшим поколением титульного этноса Кыргызстана.

8. Чувство толерантности и ксенофилии более свойственно старшему поколению титульного этноса Кыргызстана по сравнению с не титульным этносом, проживающим в Кыргызстане. Чувство ксенофобии более свойственно другим народам, проживающим в Кыргызстане, по сравнению с титульным этносом Кыргызстана. То есть старшее поколение титульного этноса Кыргызстана более открыто и толерантно по отношению к иностранцам или мигрантам по сравнению со старшим поколением национальных меньшинств, проживающих в Кыргызстане.

. При сравнительном анализе полученных результатов, отчетливо видно, что у молодого поколения титульного этноса Кыргызстана намного больше различий при сравнении разных показателей самопонимания личной и социальной идентичности с молодым поколением других народов, проживающих в Кыргызстане.

Соответственно, наша гипотеза, о наличии большего числа различий в самопонимание личной и социальной идентичности молодого поколения титульного и не титульного этноса Кыргызстана по сравнению со старшим поколением титульного этноса Кыргызстана и старшего поколения других

народов, проживающих в Кыргызстане, подтвердилась, что обусловлено во многом, общим опытом проживания старшего поколения в СССР.

Соответственно новый, более разнообразный культурно-исторический контекст, в котором происходит становление и развитие самопонимания личной и социальной идентичности молодого поколения Кыргызстана, одновременно способствует появлению больших различий в самопонимание личной и социальной идентичности разных этнических групп Кыргызстана молодого возраста.

3.2.3. Сравнительный анализ факторной структуры самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса и других этносов, проживающих в Кыргызстане

Перейдем к рассмотрению структуры самопонимания личной и социальной идентичности других этносов и национальностей, проживающих в Кыргызстане (контрольная группа). Сначала рассмотрим всю контрольную выборку в целом, затем остановимся более подробно на анализе факторной структуры самопонимания личной и социальной идентичности узбеков, русских и казахов, составивших контрольную группу выборки исследования.

Из-за большого числа количественных данных для выявления структуры самопонимания личной и социальной идентичности был применен факторный анализ, смысл которого заключается в том, чтобы полученное в ходе исследования количество переменных представить меньшим числом других переменных, называемых факторами. Факторы выступают как более фундаментальные переменные, характеризующие изучаемый предмет. При проведении факторного анализа исходные переменные объединяются в группы, каждая из которых представляет собой некий фактор.

Для статистической обработки по факторному анализу использовался пакет статистических программ SPSS 23.0 [349].

Обработка велась методом главных компонент, была выбрана процедура вращения Varimax с нормализацией по Кайзеру, рассматривались факторы с собственными значениями, большими единицы. Вращение в случае 59

переменных (7 переменных «Я-Рефлексивное», 7 переменных «Я-Реальное», 3 переменных «Я-Действующее», 22 переменных «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности и 4 переменных «Чувство принадлежности к группе», 16 переменных «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности) потребовало 41 итерации у контрольной группы выборки исследования в целом.

В результате факторного анализа всей контрольной группы выборки исследования было образовано шестнадцать новых факторов, которые объясняют в совокупности более 70,38% суммарной дисперсии, что является хорошим результатом. Нами анализировались первые 11 факторов, информативность которых превышала или была равна 3,38% в суммарной дисперсии.

Интерпретации полученных результатов. При анализе данных были выделены факторные нагрузки, по модулю большие, чем 0,4. В ходе интерпретации особенно выделяется по каждой переменной наибольшая по абсолютной величине факторная нагрузка (табл. 41 смотри приложение 23).

Подведем итоги проделанной работы и перечислим латентные факторы, обнаруженные в результате анализа опросника ОЛСИ в порядке убывания их значимости для структуры самопонимания личной и социальной идентичности всей выборки исследования различных национальностей и этносов, проживающих в Кыргызстане (по всей контрольной группе выборки исследования):

1. Общие ценности (прежде всего, свобода и мир во всем мире);
2. Взаимосвязь контроля убеждений с высоким уровнем ксенофобии и низким уровнем ксенофилии;
3. Симпатия к чужим странам, прежде всего ближнего зарубежья;
4. Общая ценность – совместное развитие с учетом этнических ценностей;
5. Положительное отношение к кыргызской нации с симпатией к другим странам ближнего зарубежья, прежде всего, Казахстану;
6. Самовнимание;

7. Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья, прежде всего к Франции;
8. Депрессивность, обусловленная высоким уровнем самокритики, низкой самооценкой, диффузным стилем идентичности и психосоматическими жалобами;
9. Профессиональные амбиции;
10. Политическая информированность;
11. Симпатия к чужой стране – США.

Представим все полученные латентные факторные структуры самопонимания личной и социальной идентичности экспериментальной группы (титульного этноса Кыргызстана) и контрольной группы (национальностей и этносов, проживающих в Кыргызстане) в обобщенной таблице 42 смотри приложение 24.

Как видно из таблицы 42, в факторной структуре самопонимания личной и социальной идентичности экспериментальной и контрольной групп много общего, но выявлено и много различий практически по всем показателям самопонимания личной и социальной идентичности.

В структуре самопонимания личной и социальной идентичности как титульного, так и не титульного этносов Кыргызстана большую роль играет показатель «Я-Идеальное», отражающий общие ценности, как титульного этноса Кыргызстана, так и других народов, проживающих в Кыргызстане. При этом для титульного этноса Кыргызстана более важны ценности национальной безопасности и самоуважения, для контрольной группы более характерны такие общие ценности как: свобода и мир во всем мире, то есть речь идет, прежде всего, не о национальных ценностях, а о ценностях более общего, общественного, мирового порядка.

Симпатия к чужим странам (показатель «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности), прежде всего, ближнего зарубежья занимает также значимое место как в факторной структуре самопонимания личной и социальной титульного этноса Кыргызстана, так и

контрольной группы (соответственно 2 и 3 места). Для контрольной группы характерно выделение Казахстана как страны, к которой, ярко выражена симпатия в сочетании с симпатией к кыргызскому этносу в структуре самопонимания личной и социальной идентичности. При этом показатель симпатии к чужим странам дальнего зарубежья выражен в структуре самопонимания личной и социальной идентичности по-разному.

Так в группе титульного этноса Кыргызстана этот показатель симпатии к чужим странам дальнего зарубежья «Установки в отношении чужих групп» структуры самопонимания личной и социальной идентичности более значим по сравнению с контрольной группой (соответственно 3 и 7, 11 места). При этом Франция как страна дальнего зарубежья является латентным фактором самопонимания личной и социальной идентичности контрольной группы.

Умение настоять на своем, позитивная самооценка и умение контролировать эмоции противостоят депрессии в структуре самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана в отличие от структуры самопонимания личной и социальной идентичности не титульного этноса Кыргызстана, в которой, с одной стороны, констатирована на одном из значимых мест взаимосвязь контроля убеждений с высоким уровнем ксенофобии и низким уровнем ксенофилии, с другой стороны, выявлен латентный фактор депрессивности, обусловленный высоким уровнем самокритики, низкой самооценкой, диффузным стилем идентичности и психосоматическими жалобами (соответственно 4 и 2,8 места).

То есть в структуре самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана есть механизм, противостоящим депрессивной симптоматике «Я-Реального», который основан на позитивной самооценке, умении настоять на своем и контроле эмоций (показатели «Я-Реального»), что в контрольной группе не оказывает нужного воздействия, проявляясь в депрессивной симптоматике, взаимосвязанной с низкой самооценкой, повышенной самокритичностью, диффузным стилем идентичности и психосоматическими жалобами. Возможно, это во многом связано с тем, что

контроль убеждений «Я-Реального» самопонимания личной идентичности в контрольной группе взаимосвязан с низким уровнем ксенофилии и высоким уровнем ксенофобии «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности, что препятствует формированию позитивной установки в отношении чужих групп, способствует возникновению страхов, что ведет к проявлению депрессивной симптоматики и низкой сформированности «Я-Реального» контрольной группы.

Самовнимание «Я-Рефлексивного» самопонимания личной идентичности выражен, как в экспериментальной, так и в контрольной группах. При этом самовнимание у титульного этноса Кыргызстана взаимосвязано на уровне тенденции с профессиональными амбициями, у контрольной группы этот показатель единичен (соответственно 5 и 6 места).

Самовнимание взаимосвязано у контрольной группы на уровне тенденции не с профессиональными амбициями как в группе титульного этноса Кыргызстана, а с учетом этнических ценностей в процессе совместного развития.

Профессиональные амбиции «Я-Концепции» «Я-Реального» самопонимания личной и социальной идентичности взаимосвязаны у титульного этноса Кыргызстана с ориентированным на нормы стилем идентичности, у контрольной группы это единичный показатель отдельного фактора в структуре самопонимания личной и социальной идентичности (соответственно 6 и 9 места).

Изменчивая жизнь как ценность «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности присутствует как латентный фактор только у группы титульного этноса Кыргызстана, так же как политическая информированность «Я-Действующего» самопонимания личной идентичности присутствует как латентный фактор только у группы не титульного этноса Кыргызстана.

Таким образом, нами были выявлены две разные структуры самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана и других народов, проживающих в Кыргызстане. Выявленные структуры самопонимания имеют свое сходство и различия. Сходство касается,

прежде всего, значимости показателя «Я-Идеальное» (общие ценности) в структуре самопонимания личной идентичности и значимости показателя «Установки в отношении чужих групп» (симпатия к чужим странам) в структуре самопонимания социальной идентичности.

Прежде всего, выраженность симпатии к чужим странам ближнего зарубежья в структуре самопонимания личной и социальной идентичности титульного и не титульного этноса Кыргызстана носит похожий характер.

Наряду с этим следует отметить, что показатель «Я-действующее» (политическая информированность) в структуре самопонимания личной идентичности выявлен только у других народов, проживающих в Кыргызстане. Ценность изменчивая жизнь и открытость другим, чужим группам «Установки в отношении чужих групп» (низкий уровень ксенофобии, высокий уровень ксенофилии) в структуре самопонимания социальной идентичности характерен только для титульного этноса Кыргызстана, для других народов, проживающих в Кыргызстане характерен высокий контроль убеждений с высокой степенью дифференцированности в отношении чужих стран.

Следовательно, гипотеза нашего диссертационного исследования нашла свое подтверждение, что структура самопонимания титульного этноса Кыргызстана имеет количественные и качественные различия от структуры самопонимания личной и социальной идентичности других народов, проживающих в Кыргызстане.

Далее проанализируем результаты факторного анализа структуры самопонимания личной и социальной идентичности отдельных этносов и наций, входящих в контрольную группу выборки исследования.

Обработка велась методом главных компонент, была выбрана процедура вращения Varimax с нормализацией по Кайзеру, рассматривались факторы с собственными значениями, большими единицы. Вращение в случае 59 переменных (7 переменных «Я-Рефлексивное», 7 переменных «Я-Реальное», 3 переменных «Я-Действующее», 22 переменных «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности и 4 переменных «Чувство принадлежности к группе», 16

переменных «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности) потребовало 112 итераций у представителей узбекского этноса, входящего в контрольную группу исследования.

В результате факторного анализа самопонимания личной и социальной идентичности у узбеков контрольной группы выборки исследования, проживающих в Кыргызстане было образовано семнадцать новых факторов, которые объясняют в совокупности более 85,04% суммарной дисперсии, что является хорошим результатом. Нами анализировались первые 15 факторов, информативность которых превышала или была равна 3,32% в суммарной дисперсии.

Интерпретация полученных результатов. При анализе данных были выделены факторные нагрузки, по модулю большие, чем 0,4. В ходе интерпретации особенно выделяется по каждой переменной наибольшая по абсолютной величине факторная нагрузка (табл. 43 смотри приложение 25).

Подведем итоги проделанной работы и перечислим латентные факторы, обнаруженные в результате анализа опросника ОЛСИ в порядке убывания их значимости для структуры самопонимания личной и социальной идентичности узбеков контрольной группы выборки исследования, проживающих в Кыргызстане:

1. Общие ценности (прежде всего, самоуважения, мира во всем мире, социального порядка);
2. Симпатия к чужим странам, прежде всего ближнего зарубежья – Узбекистан и Белоруссия;
3. Взаимосвязь контроля убеждений с высоким уровнем толерантности;
4. Общие и этнические ценности (прежде всего, этническая ценность совместного развития равенства в сочетании с общей ценностью основания семьи);
5. Самовнимание во взаимосвязи с психосоматическими жалобами;
6. Позитивное отношение к кыргызской нации взаимосвязано с симпатией к чужим странам в целом, прежде всего, к Англии;

7. Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья, прежде всего к Франции на фоне невыраженного чувства национальной гордости за Кыргызстан;
8. Духовная жизнь важнее профессиональных амбиций;
9. Информация более важна по сравнению с религией для идентичности;
10. Национальная гордость за Кыргызстан взаимосвязана с низким уровнем диффузного стиля идентичности и депрессивной симптоматикой;
11. Симпатия к Кыргызстану взаимосвязана с симпатией к Казахстану и низким уровнем депрессивности;
12. Сниженная ценность работы связанная с высокой активностью религиозного поведения и позитивного отношения к ЕАЭС;
13. Ксенофилия;
14. Ориентированный на нормы стиль идентичности взаимосвязан с идентификацией с Кыргызстаном как страной при низком уровне личного самовнимания;
15. Истинная дружба как ценность взаимосвязана с ксенофобией и низкой религиозной активностью.

Далее проанализируем результаты факторного анализа структуры самопонимания личной и социальной идентичности отдельных этносов и наций, входящих в контрольную группу выборки исследования.

Обработка велась методом главных компонент, была выбрана процедура вращения Varimax с нормализацией по Кайзеру, рассматривались факторы с собственными значениями, большими единицы. Вращение в случае 59 переменных (7 переменных «Я-Рефлексивное», 7 переменных «Я-Реальное», 3 переменных «Я-Действующее», 22 переменных «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности и 4 переменных «Чувство принадлежности к группе», 16 переменных «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности) потребовало 25 итераций у представителей русской национальности, входящих в контрольную группу исследования.

В результате факторного анализа самопонимания личной и социальной идентичности у узбеков контрольной группы выборки исследования, проживающих в Кыргызстане было образовано семнадцать новых факторов, которые объясняют в совокупности более 84,24% суммарной дисперсии, что является хорошим результатом. Нами анализировались первые 16 факторов, информативность которых превышала или была равна 3,24% в суммарной дисперсии.

Интерпретация полученных результатов. При анализе данных были выделены факторные нагрузки, по модулю большие, чем 0,4. В ходе интерпретации особенно выделяется по каждой переменной наибольшая по абсолютной величине факторная нагрузка (табл. 44 смотри приложение 26).

Латентные факторы, обнаруженные в результате анализа опросника ОЛСИ в порядке убывания их значимости для структуры самопонимания личной и социальной идентичности русских контрольной группы выборки исследования, проживающих в Кыргызстане:

1. Общие ценности (прежде всего, свобода и национальная безопасность);
2. Симпатия к чужим странам взаимосвязана с идентификацией с местом проживания Кыргызстаном;
3. Взаимосвязь национальной гордости, позитивного отношения к кыргызскому этносу и чувство симпатии к Кыргызстану как к стране, наряду с Россией и Казахстаном;
4. Контроль убеждений взаимосвязан с низкой депрессивностью и низкой религиозной активностью;
5. Самовнимание во взаимосвязи с психосоматическими жалобами;
6. Информационный и ориентированный на нормы стиль идентичности;
7. Изменчивая жизнь (смена авторитета, изменение направления развития, другая духовная жизнь);
8. Самооценка связана с чувством ксенофилии;
9. Толерантность в отношении стран дальнего зарубежья;

10. Ценность работы взаимосвязана с низкой политической информированностью;
11. Профессиональные амбиции, ценность социальной справедливости и равенства противостоит формированию диффузного стиля идентичности;
12. Важность религии не для духовной жизни;
13. Симпатия к Белоруссии как к стране;
14. Богатство как ценность при меньшей ценности здоровья;
15. Симпатия к Узбекистану как к стране, при этом антисимпатия к США;
16. Ксенофобия.

Обработка велась методом главных компонент, была выбрана процедура вращения Varimax с нормализацией по Кайзеру, рассматривались факторы с собственными значениями, большими единицы. Вращение в случае 59 переменных (7 переменных «Я-Рефлексивное», 7 переменных «Я-Реальное», 3 переменных «Я-Действующее», 22 переменных «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности и 4 переменных «Чувство принадлежности к группе», 16 переменных «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности) потребовало 107 итераций у представителей казахского этноса, входящего в контрольную группу исследования.

В результате факторного анализа самопонимания личной и социальной идентичности у узбеков контрольной группы выборки исследования, проживающих в Кыргызстане было образовано семнадцать новых факторов, которые объясняют в совокупности более 80,17% суммарной дисперсии, что является хорошим результатом. Нами анализировались первые 14 факторов, информативность которых превышала или была равна 3,07% в суммарной дисперсии.

Интерпретация полученных результатов. При анализе данных были выделены факторные нагрузки, по модулю большие, чем 0,4. В ходе интерпретации особенно выделяется по каждой переменной наибольшая по абсолютной величине факторная нагрузка (табл. 45 смотри приложение 27).

Латентные факторы, обнаруженные в результате анализа опросника ОЛСИ в порядке убывания их значимости для структуры самопонимания личной и социальной идентичности казахов контрольной группы выборки исследования, проживающих в Кыргызстане:

1. Общие и этнические ценности (прежде всего, уважение традиций и мир во всем мире с истинной дружбой);

2. Симпатия к чужим странам взаимосвязана с идентификацией с местом проживания Кыргызстаном, при выраженной симпатии к Казахстану как к стране;

3. Самовнимание;

4. Контроль эмоций взаимосвязан с умением настоять на своем и самооценкой, что препятствует психосоматическим жалобам и депрессивности;

5. Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья, прежде всего, США;

6. Внутренняя гармония взаимосвязана с удовольствием, свободой и зрелой любовью;

7. Нежелание изменений в жизни, при ориентированном на нормы стиле идентичности;

8. Политическая информированность взаимосвязана с информационным стилем идентичности;

9. Самооценка и социальные способности препятствуют преобладанию диффузного стиля идентичности;

10. Низкая активность религиозного поведения взаимосвязана с неважностью религии и ксенофилией;

11. Богатство взаимосвязано с низким уровнем психосоматических жалоб и чувством национальной гордости;

12. Социальное признание взаимосвязано с чувством ксенофобии;

13. Симпатия к Таджикистану как к стране;

14. Отношение к ЕАЭС взаимосвязано с чувством ксенофилии.

Все полученные латентные факторные структуры самопонимания личной и социальной идентичности представителей разных этносов и национальностей

выборки исследования, проживающих в Кыргызстане, в таблице 46 (смотри приложение).

Как видно из таблицы 46, общие ценности «Я-Идеального» самопонимания личной идентичности являются у представителей контрольной группы (узбеков, русских и казахов) выборки исследования доминирующими в структуре самопонимания личной и социальной идентичности. При этом общие ценности, выделенные в структуре общих ценностей, самопонимания личной и социальной идентичности различаются между собой.

Так для узбеков характерны в большей степени такие ценности как самоуважение, мир во всем мире и социальный порядок, для русских свобода и национальная безопасность, для казахов уважение традиций и мир во всем мире, а также истинная дружба.

В дальнейшем в структуре самопонимания личной и социальной идентичности «общие ценности» выделены как фактор №4 у узбекской части контрольной группы выборки исследования, среди которых выделяются, прежде всего, этнические ценности совместного развития, равенства в сочетании с общей ценностью основания семьи. Затем в этой же части контрольной группы выделяется как фактор №8 также показатель общих ценностей «Я-Идеального» самопонимания личной идентичности, а именно ценность духовной жизни как более важная по сравнению с профессиональными амбициями.

Профессиональные амбиции как 11 фактор структуры самопонимания личной и социальной идентичности в русской части выборки исследования наряду с ценностью социальной справедливости и равенства противостоит формированию диффузного стиля идентичности.

Только на 15-м по значимости месте в факторной структуре самопонимания личной и социальной идентичности находится ценность истинной дружбы как ценность взаимосвязанная с ксенофобией и низкой религиозной активностью у узбекской части выборки исследования.

У русской же части контрольной группы «Я-идеальное» в структуре самопонимания личной и социальной идентичности выражен по-другому.

Общая ценность изменчивая жизнь (смена авторитета, изменение направления развития, другая духовная жизнь) «Я-Идеального» самопонимания личной и социальной идентичности занимает 7-е место по степени значимости в структуре самопонимания. При этом в казахской части выборки исследования выявлена обратная тенденция в структуре самопонимания личной и социальной идентичности – на 7-м месте по степени значимости выявлен фактор нежелания изменений в жизни, при ориентированном на нормы стиле идентичности.

На 6-м месте по значимости у казахской части выборки находится общая ценность «Я-Идеального» - внутренняя гармония, которая взаимосвязана с удовольствием, свободой и зрелой любовью.

«Богатство» как ценность «Я-Идеального» самопонимания личной и социальной идентичности взаимосвязана с низким уровнем психосоматических жалоб и чувством национальной гордости у казахской части выборки исследования, для русской же части выборки исследования богатство как ценность более важно, чем здоровье (соответственно, 11 и 14 места).

Говоря о втором по значимости факторе структуры самопонимания личной и социальной идентичности, следует отметить также его схожесть между группами узбеков, русских и казахов выборки исследования, а именно речь идет о симпатии к чужим странам «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности.

При этом у узбекской части выборки симпатия к чужим странам, выражается, прежде всего, симпатией к Узбекистану и Белоруссии, у русской части выборки исследования симпатия к чужим странам взаимосвязана с идентификацией с местом проживания Кыргызстаном, у казахской части выборки симпатия к чужим странам взаимосвязана с идентификацией с местом проживания Кыргызстаном, при выраженной симпатии к Казахстану и Таджикистану как к странам ближнего зарубежья.

Интересно, что у русской части выборки исследования не выявлена как фактор самопонимания личной и социальной идентичности симпатия к России,

в то время как у узбекской и казахской частей контрольной группы симпатия к Узбекистану и Казахстану соответственно выражена.

Симпатия к Кыргызстану как к стране выражена в структуре самопонимания личной и социальной идентичности у узбекской части выборки исследования на 11 месте по степени значимости для структуры самопонимания личной и социальной идентичности.

У русской части выборки исследования чувство национальной гордости взаимосвязано с позитивным отношением к кыргызскому этносу и чувством симпатии к Кыргызстану как к стране, наряду с Россией и Казахстаном (3 фактор структуры самопонимания личной и социальной идентичности русской части контрольной группы).

Самовнимание показателя «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности выражено довольно высоко в структуре самопонимания личной и социальной идентичности как узбекской, так и русской и казахской частей контрольной группы (соответственно, 5, 5 и 3 места).

При этом самовнимание у узбекской и русской части выборки взаимосвязано с психосоматическими жалобами, у казахской части выборки исследования такой взаимосвязи не выявлено.

Контроль убеждений «Я-Реального» также занимает значимое место в структуре самопонимания личной и социальной идентичности всех этносов и национальностей контрольной группы (соответственно, 3, 4 и 4 места).

У узбекской части выборки контроль убеждений взаимосвязан с высоким уровнем толерантности, у русской - с низкой депрессивностью и низкой религиозной активностью, у казахской - с умением настоять на своем и самооценкой, что препятствует психосоматическим жалобам и депрессивности.

Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья выделена как фактор структуры самопонимания личной и социальной идентичности у всех трех подгрупп контрольной группы. При этом для казахской части выборки исследования, это, прежде всего, США (5 место), для узбекской части выборки – Англия и Франция (6 и 7 места соответственно), для русской части выборки при

выраженности толерантности в отношении стран дальнего зарубежья (9 место) ярко выражена антисимпатия к США как к стране при симпатии к Узбекистану и Белоруссии (места 13 и 15 соответственно).

Стили идентичности «Я-Рефлексивного» самопонимания личной идентичности также характеризуются существенными отличиями между подгруппами контрольной группы. В русской части выборки исследования информационный и ориентированный на нормы стиль идентичности «Я-Рефлексивного» самопонимания личной и социальной идентичности является 6-м по значимости в изучаемой структуре самопонимания.

В казахской части выборки исследования информационный стиль идентичности «Я-Рефлексивного» взаимосвязан с политической информированностью (8 фактор). При этом самооценка и социальные способности препятствуют преобладанию диффузного стиля идентичности в структуре самопонимания личной и социальной идентичности казахского этноса (9 фактор).

У узбекской части выборки исследования ориентированный на нормы стиль идентичности взаимосвязан с идентификацией с Кыргызстаном как страной при низком уровне личного самовнимания (14 фактор). В дополнении к этому в структуре самопонимания узбекского этноса выборки исследования был выделен фактор №10, свидетельствующий о национальной гордости за Кыргызстан во взаимосвязи с низким уровнем диффузного стиля идентичности и невыраженной депрессивной симптоматикой.

Говоря о роли самооценки как показателя «Я-Реального» самопонимания личной идентичности следует обратить внимание на тот факт, что у русской части выборки исследования самооценка взаимосвязана с чувством ксенофилии (8 фактор). У других подгрупп контрольной группы данный фактор как отдельный фактор структуры самопонимания личной и социальной идентичности не выражен.

Обратимся к анализу факторов структуры самопонимания личной и социальной идентичности, касающихся религиозного и политического

поведения «Я-Действующего». Показатели «Я-Действующего» не играют на сегодняшний день большой роли в структуре контрольной группы в целом и ее подгрупп.

Для узбекской части выборки исследования информация более важна по сравнению с религией для идентичности (фактор №9) при факторе №12 - сниженная ценность работы, связанная с высокой активностью религиозного поведения и позитивным отношением к ЕАЭС.

В русской части выборки исследования на 10-м по значимости месте в факторной структуре самопонимания личной и социальной идентичности находится фактор ценности работы, который взаимосвязан с низкой политической информированностью, дополняющий эту информацию 12 фактор структуры самопонимания говорит о важности религии не для духовной жизни.

Для структуры самопонимания казахского этноса характерна низкая активность религиозного поведения, которая взаимосвязана с неважностью религии и ксенофилией (10 фактор).

Говоря о ксенофилии и ксенофобии как показателе «Установки в отношении чужих групп» самопонимания личной и социальной идентичности следует отметить, что как фактор ксенофобия выражена только в русской и казахской части выборки контрольной группы исследования (16 фактор). В казахской части выборки исследования - социальное признание взаимосвязано с чувством ксенофобии (12 фактор).

Ксенофилия выражена как фактор самопонимания личной и социальной идентичности в узбекской и казахской частях контрольной группы – как 13-ый фактор у узбекского этноса контрольной группы и как 14-ый фактор - отношения к ЕАЭС, взаимосвязанного с чувством ксенофилии у казахского этноса контрольной выборки исследования.

Таким образом, нами был проведен качественный и количественный анализ структуры самопонимания личной и социальной идентичности у представителей других народов, проживающих в Кыргызстане, на примере узбеков, русских и казахов. Также был проведен анализ, в целом, структуры

самопонимания личной и социальной идентичности контрольной группы выборки исследования, представленной представителями узбекского этноса, русской национальности и казахского этносов. Структура самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана сравнивалась со структурой самопонимания личной и социальной идентичности других народов, проживающих в Кыргызстане. Перейдем к выводам по третьей главе.

Выводы по изучению самопонимания личной и социальной идентичности в этнокультурных условиях суверенного Кыргызстана

- Самопонимание личной идентичности выборки исследования кыргызского этноса говорит о сформированности всех четырех структурных компонентов «Я-Рефлексивное», «Я-Реальное», «Я-Действующее» и «Я-Идеальное». При этом «Я-Действующее» как структурный компонент самопонимания личной идентичности наименее по сравнению с другими компонентами сформирован, возможно, из-за того, что политическое (многопартийность, выборность) и религиозное поведение (членство в религиозной группе, религиозные службы) являются относительно новыми структурными компонентами самопонимания личной идентичности кыргызского этноса, так как в советский период КР формирование этого компонента было либо крайне затруднено, либо запрещено.

- Самопонимание социальной идентичности выборки исследования кыргызского этноса говорит о сформированности выделенных двух структурных компонентов «Чувство принадлежности к группе» и «Установки в отношении чужих групп». Чувство принадлежности к группе как показатель самопонимания социальной идентичности у представителей кыргызского этноса выборки исследования несомненно сформировано. Об этом говорит и идентификация со страной, и отношение к своей нации в целом. Менее это отражается в проявлении национальной гордости (за достижения кыргызского этноса в науке, культуре, экономике, политике итд.) и в отношении к Евразийскому Экономическому Союзу, который пока не играет ключевой роли в самопонимании социальной идентичности кыргызов. При этом «Установки в отношении чужих групп» как

структурный компонент самопонимания социальной идентичности менее сформирован по сравнению с другими компонентом самопонимания социальной идентичности, возможно, из-за того, что в советский период Кыргызской республики любое проявление чужого, другого беспощадно подавлялось, искоренялось, что нашло сейчас свое проявление в неготовности быть толерантным к «другому», в чувстве боязни перед иным, другим.

- Структура самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана многогранна и включает в себя все показатели как самопонимания личной самоидентичности: «Я-Рефлексивное», «Я-Реальное», «Я-Действующее», «Я-Идеальное», так и все показатели самопонимания социальной идентичности: «Чувства принадлежности к группе» и «Установки в отношении чужих групп».

- Первым самым информативным фактором структуры самопонимания личной и социальной идентичности кыргызского этноса вне зависимости от возраста группы является важный показатель «Я-Идеального» самопонимания личной идентичности, а именно показатель общих и этнических ценностей, среди которых ценность национальной безопасности самая важная. Также такие ценности являются определяющими для структуры самопонимания личной и социальной идентичности кыргызского общества в целом как: самоуважение, социальная справедливость, мир во всем мире, совместное развитие, основание семьи. Это свидетельствует о том, что преобладающими являются ценности безопасности Кыргызстана, которые позволяют, прежде всего, мирно жить, создавать семью, совместно развиваться с другими странами.

- В структуре самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана вторым и третьим по важности факторами является «Симпатия к чужим странам» показателя «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности. При этом отчетливо выделяется в структуре самопонимания личной и социальной идентичности симпатия к странам ближнего и дальнего зарубежья, отличающаяся по своей важности в

структуре самопонимания личной и социальной идентичности у представителей разновозрастных групп кыргызского этноса.

- Общие и этнические ценности показателя «Я-идеальное» личной идентичности и симпатия к чужим странам показателя «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности являются наиболее значимыми для определения всей структуры самопонимания личной и социальной идентичности кыргызского этноса выборки исследования, что свидетельствует об открытости и готовности кыргызского этноса к взаимодействию с другими культурами, с представителями других этносов и наций.

- В структуре самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана умение настоять на своем, позитивная самооценка и умение контролировать эмоции противостоят депрессивности (показатели «Я-Реального» самопонимания личной идентичности) также играют одну из ключевых ролей.

- Последним фактором структуры самопонимания личной и социальной идентичности является ценность «изменчивая жизнь» показателя «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности, что свидетельствует о том, что кыргызское общество открыто для изменений, оно стремится, не теряя своих старых авторитетов изменить свою жизнь в Кыргызстане, то есть самопонимание личной и социальной идентичности кыргызов находится в движении, в динамике, в состоянии открытости новым экономическим, политическим, социальным изменениям.

- «Я-Действующее» самопонимания личной идентичности и «Чувство принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности не играют пока ключевой роли в структуре самопонимания кыргызского общества. Возможно, это проявляется, в недостаточной сформированности активного политического и религиозного поведения, невыраженной идентификацией себя со своей страной, со своей нацией, следствием чего является редкость переживания чувства гордости за свою нацию.

- По показателям «Я-Рефлексивное» и «Я-Реальное» было выявлено больше различий между тремя возрастными группами кыргызского этноса, чем по показателям «Я-Действующее» и «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности. То есть на сформированность «Я-Рефлексивного» и «Я-Реального» самопонимания личной идентичности, возможно, сильное влияние оказал опыт проживания среднего и старшего поколения кыргызов при советском режиме. У молодого поколения кыргызов данные показатели самопонимания личной идентичности часто отличаются от более старшего поколения.
- Советский период развития Кыргызстана, так и современный период развития Кыргызстана не оказали пока позитивного влияния на формирование «Я-Действующее» всех трех возрастных групп титульного этноса Кыргызстана, для всех трех групп характерна определенная политическая пассивность поведения, пассивность религиозного поведения.
- «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности также незначительно различается у трех возрастных групп титульного этноса Кыргызстана между собой, что говорит о том, что оно константно и мало подвержено влиянию опыта проживания при том или ином политическом строе. На формирование этого показателя самопонимания личной идентичности оказывает влияние в большой степени накопленный общечеловеческий ценностный, культурный опыт.
- Молодое поколение кыргызов воспринимает чувство принадлежности к группе, прежде всего, благодаря чувству гордости за нацию, за ее достижения. У среднего и старшего поколения кыргызов чувство принадлежности к группе сформировано по-другому: через позитивное отношение к своей нации, через идентификации себя со своей страной/местом проживания.
- Молодое поколение кыргызского этноса более толерантно в отношении чужих групп и с большей любовью относятся ко всему иностранному, к иностранцам, не редко воспринимая чужое (инокультурное) лучшим, чем свое собственное по сравнению с представителями среднего и старшего поколений.

- Для молодого поколения титульного этноса Кыргызстана ближнее зарубежье менее привлекательно, по сравнению с дальним, они более склонны к толерантности и ксенофилии, то есть самопонимание социальной идентичности, сформированное у молодого поколения в новых экономических, политических, социо-культурных условиях сильно отличается от самопонимания социальной идентичности среднего и старшего поколения представителей кыргызского этноса.

- У титульного этноса Кыргызстана самовнимание, прежде всего, общественное самопонимание как показатель «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности более выражен по сравнению с другими народами, проживающими в Кыргызстане, что свидетельствует о высоком уровне общественной рефлексии, самокритичном отношении к себе, к своей идентичности титульного этноса Кыргызстана.

- Сформированность «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности в группе титульного этноса Кыргызстана более выражены профессиональные амбиции, чем в группе других народов, проживающих в Кыргызстане, но контроль убеждений у этой группы по всем показателям «Я-Реальное» выражен в большей степени по сравнению с титульным этносом Кыргызстана выборки исследования.

- Общие ценности «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности более важны для титульного этноса Кыргызстана, чем для представителей других национальностей и этносов, проживающих в Кыргызстане. В общих ценностях, которые более значимы для титульного этноса Кыргызстана, по сравнению с другими народами Кыргызстана отчетливо видна тематика социального порядка, социального признания, социальной справедливости.

- Ценность работы и основание семьи также более выражены в ценностях кыргызов по сравнению с другими народами, проживающими в Кыргызстане. Возможно, работа рассматривается не только как бизнес, как доход, но и как желание работать и делать свою работу хорошо. При этом ценность «богатство»

более выражена у других народов, проживающих в Кыргызстане, по сравнению с титульным этносом.

- Титульный этнос Кыргызстана более склонен идентифицировать себя с местом, страной, кыргызским этносом, по сравнению с контрольной группой. Соответственно по показателю «Чувство принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности у кыргызов это чувство более выражено по сравнению с другими народами, проживающими в Кыргызстане.

- Титульный этнос Кыргызстана более симпатизирует к Кыргызстану как к стране и части стран дальнего зарубежья, по сравнению с другими народами, проживающими в Кыргызстане. Полученный результат в отношении симпатии к Кыргызстану титульного этноса Кыргызстана является ожидаемым, с одной стороны. С другой стороны, большая симпатия кыргызов по сравнению с другими народами, проживающими в Кыргызстане, к Англии, Франции и США интересен своей новизной, и говорит об открытости именно титульного этноса Кыргызстана к контакту с Европой и США, о сформированности «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности, о положительности этой установки. Контрольная группа симпатизирует больше странам ближнего зарубежья.

Глава 4. Общие положения концепции самопонимания личной и социальной идентичности в этнокультурных условиях суверенного Кыргызстана (в контексте глобализации и национального разграничения/демаркации)

Отдельно проанализируем корреляционную матрицу различных показателей самопонимания личной и социальной идентичности у представителей титульного этноса Кыргызстана, обратив при анализе внимание, прежде всего, на взаимосвязь структурных компонентов личной и социальной идентичности самопонимания для построения модели самоидентичности (Я-идентичности) кыргызского народа, формирующейся на стыке/в соотношении/в нахождении баланса взаимодействия личной и социальной идентичности самопонимания в определенный момент времени, в определенных культурных условиях.

Как видно из корреляционной матрицы в случае корреляционного анализа 59 переменных (7 переменных «Я-Рефлексивное», 7 переменных «Я-Реальное», 3 переменных «Я-Действующее», 22 переменных «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности и 4 переменных «Чувство принадлежности к группе», 16 переменных «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности) были выявлены значимые корреляционные взаимосвязи на уровне 0,05 и 0,01 значимости между различными структурными компонентами и их показателями самопонимания личной идентичности и самопонимания социальной идентичности представителей кыргызского этноса.

Интерпретации полученных результатов. Для удобства анализа в таблице были выделены жирным шрифтом значимые на уровне 0,05 и 0,01 коэффициенты корреляции, по модулю большие, чем 0,111 (выборку составили представители кыргызского этноса, всего 315 опрошенных). Все переменные самопонимания личной идентичности, кроме показателя «общественное внимание» структурного компонента «Я-рефлексивное», показателя «психосоматические жалобы» структурного компонента «Я-реальное» (только

одна значимая корреляция с показателем самопонимания социальной идентичности «ксенофилия») и показателя «партия» структурного компонента «Я-действующее» (только одна значимая корреляция с показателем самопонимания социальной идентичности «Россия»), связаны значимыми корреляциями с несколькими показателями самопонимания социальной идентичности (3-7- пятнадцать переменных, 8-10- двенадцать переменных, 11-13- восемь переменных самопонимания личной идентичности), что позволяет считать доказанной тесную значимую взаимосвязь самопонимания личной идентичности с самопониманием социальной идентичности представителей кыргызского этноса. При этом наибольшее число значимых корреляционных взаимосвязей (16) было получено между интегральным показателем структурного компонента «Я-идеальное» самопонимания личной идентичности и практически всеми показателями двух структурных компонентов самопонимания социальной идентичности (кроме показателей структурного компонента «симпатия к другим странам»: «Казахстан», «Таджикистан», «Узбекистан» и «ксенофилия»).

В ходе интерпретации особенно выделяется по каждой переменной наибольшее число значимых корреляционных взаимосвязей.

Анализируя матрицу корреляций, с точки зрения взаимосвязей структурных компонентов самопонимания социальной идентичности с показателями самопонимания личной идентичности следует отметить, что наибольшее число значимых корреляционных взаимосвязей (18 и более переменных) было выявлено по таким показателям структурного компонента «чувства принадлежности к группам» как: «идентификация со страной», «национальная гордость», «отношение к нации» и по таким показателям структурного компонента «установки в отношении чужих групп» как: «Англия», «Кыргызстан», «Китай», «Франция», «симпатия к чужим странам».

Как видно, из первоначального анализа корреляционной матрицы различных структурных компонентов и их показателей самопонимания личной идентичности и самопонимания социальной идентичности выявлено большое

число значимых корреляционных взаимосвязей, что свидетельствует о том, что самопонимание личной идентичности тесно взаимосвязано с самопониманием социальной идентичности у представителей кыргызского народа.

При этом в этой взаимосвязи одну из ключевых ролей играет структурный компонент «Я-идеальное» самопонимания личной идентичности, это касается как взаимосвязи с показателями структурных компонентов самопонимания социальной идентичности, в особенности с показателями структурного компонента «чувство принадлежности к группам» (идентификация со страной, национальная гордость и отношение к нации) и с показателями структурного компонента «установки в отношении чужих групп» («Англия», «Кыргызстан», «Китай», «Турция», «Франция», «симпатия к чужим странам», «толерантность» и «ксенофобия»).

Структурный компонент «Я-рефлексивное» менее взаимосвязан по сравнению со структурным компонентом «Я-идеальное» самопонимания личной идентичности с различными показателями самопонимания социальной идентичности.

В основном, показатели «личное самовнимание», «самокритика» и «информационный стиль идентичности» взаимосвязаны с различными показателями социальной идентичности. Интересным является тот факт, что показатель «личное самовнимание» взаимосвязан положительной корреляционной взаимосвязью с такими показателями самопонимания социальной идентичности как: «идентификация со страной», «отношение к нации» и «ксенофилия».

Показатель «самокритика» значимо взаимосвязан с такими показателями самопонимания социальной идентичности как: «идентификация со страной» (отрицательная корреляция), «симпатия к чужим странам» (Белоруссия, Казахстан, Россия, Узбекистан) (отрицательные корреляции) и положительные корреляции одновременно с показателями «ксенофилии» и «ксенофобии».

Показатель «информационный стиль идентичности» значимо взаимосвязан с такими показателями самопонимания социальной идентичности

как: «идентификация со страной», «отношение к нации» и «отношение к ЕАЭС» структурного компонента «чувство принадлежности к другим группам» и «Англия», «Кыргызстан», «Россия», «Турция» и «ксенофобия» структурного компонента «установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности.

Обратимся к структурному компоненту «Я-реальное» самопонимания личной идентичности. Выделяются по числу значимых корреляционных взаимосвязей «самооценка» и «социальные способности» с показателями самопонимания социальной идентичности: «идентификация со страной», «отношение к нации» и «национальная гордость» структурного компонента «чувство принадлежности к другим группам» и «Кыргызстан», «Россия», «ксенофобия» и «ксенофилия» (отрицательная корреляция) структурного компонента «установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности.

«Я-действующее» структурного компонента самопонимание личной идентичности также взаимосвязано с разными показателями самопонимания социальной идентичности: в особенности это относится к показателю структурного компонента «получение политической информации», который взаимосвязан с тремя из четырех показателей структурного компонента «чувство принадлежности к группам» социальной идентичности («идентификация со страной», «отношение к нации» и «национальная гордость») и большинством показателей «симпатии к другим странам» структурного компонента «установки в отношении чужих групп» (Англия, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Китай, Россия, Таджикистан, Турция, Узбекистан, в целом симпатия к чужим странам).

Анализируя корреляционную матрицу с точки зрения структурных компонентов самопонимания социальной идентичности, следует отметить, что структурный компонент «чувство принадлежности к группам» взаимосвязан со многими показателями самопонимания личной идентичности, прежде всего, по таким показателям как: идентификация со страной, национальная гордость и отношение к нации. По показателю «отношение к ЕАЭС» выявлено меньше

всего значимых корреляций с показателями самопонимания личной идентичности.

По показателям структурного компонента самопонимания социальной идентичности «установки в отношении чужих групп» также выявлено большое число значимых корреляций с различными показателями самопонимания личной идентичности. Интересным является тот факт, что симпатия к Кыргызстану связана отрицательной корреляционной взаимосвязью с показателем «депрессия» и «важность религии». «Симпатия к чужим странам взаимосвязана, прежде всего, с показателями структурного компонента «Я-идеальное» самопонимания личной идентичности. При этом показатель «самокритики» взаимосвязан отрицательной корреляционной связью с показателем «симпатия к чужим странам».

Показатель «толерантность» взаимосвязан только с показателями структурного компонента «Я-идеальное» самопонимания личной идентичности.

Показатель «ксенофобия» самопонимания социальной идентичности взаимосвязан с каждым из структурных компонентов самопонимания личной идентичности («самокритика» и «информационный стиль идентичности» Я-рефлексивного, «самооценка» Я-реального, «религиозное поведение» (важность и активность – отрицательные корреляции) Я-действующего и 10-ю общими ценностями Я-идеального).

Показатель «ксенофилия» самопонимания социальной идентичности взаимосвязан с тремя из четырех структурных компонентов самопонимания личной идентичности («личное самовнимание» и «самокритика» Я-рефлексивного, «самооценка» и «умение настоять на своем» (отрицательные корреляции), «психические жалобы», «депрессия» Я-реального (положительные корреляции), и тремя общими ценностями Я-идеального: внутренняя гармония, изменчивая жизнь и авторитет).

Таким образом, детальный анализ матрицы корреляций между показателями структурных компонентов их критериев самопонимания личной идентичности и самопонимания социальной идентичности позволили нам

дополнить результаты соответствующего факторного анализа, проведенного на титульной выборке исследования.

В результате факторного анализа были выявлены латентные факторы, объясняющие в сжатой форме матрицу корреляций. Перечислим латентные факторы, обнаруженные в результате анализа опросника ОЛСИ в порядке убывания их значимости для структуры самопонимания личной и социальной идентичности всей выборки исследования титульного этноса Кыргызстана:

1. Общие и этнические ценности (прежде всего, самоуважение и национальная безопасность);
2. Симпатия к чужим странам, прежде всего ближнего зарубежья;
3. Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья;
4. Умение настоять на своем, позитивная самооценка и умение контролировать эмоции противостоят депрессии;
5. Самовнимание;
6. Ориентированный на нормы стиль идентичности, связанный с профессиональными амбициями;
7. Изменчивая жизнь.

Проанализируем теперь выявленную факторную структуру самопонимания личной и социальной идентичности с точки зрения соотношения показателей самопонимания личной идентичности с показателями самопонимания социальной идентичности.

Как видно из таблицы «Я-Идеальное» (прежде всего, ценности национальной безопасности, самоуважения и мира во всем мире) как структурный компонент самопонимания личной идентичности является центральным как в матрице корреляций, так и в факторной структуре анализа соотношения самопонимания личной идентичности и самопонимания социальной идентичности представителей кыргызского народа. «Я-реальное» самопонимания личной идентичности (4 фактор – роль самооценки, контроля эмоций, профессиональные амбиции и умения настоять на своем), так и «Я-Рефлексивное» (5 и 6 факторы – роль самовнимания, информационный и

нормативный стили идентичности) дополняют выявленную структуру соотношения личной и социальной идентичности самопонимания кыргызского этноса. «Я-Действующее» оказывает на соотношение личной и социальной идентичности кыргызского этноса минимальное влияние (8 и 14 факторы).

Со стороны самопонимания социальной идентичности отчетливо на передний план выступает структурный компонент симпатия к чужим странам показателя «Установка в отношении чужих групп» (ближнего и дальнего зарубежья), структурный компонент чувство принадлежности к чужим группам самопонимания социальной идентичности менее информативен (занимает 10, 12 и 13 места в факторной структуре).

Показатели толерантность, ксенофобия и ксенофилия структурного компонента «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности относятся к 9 фактору и играют обособленную роль в соотношении личной и социальной идентичности самопонимания, хотя толерантность и ксенофобия связаны большим числом значимых корреляций со структурным компонентом «Я-идеальное» самопонимания личной идентичности, ксенофилия связана значимыми корреляциями, прежде всего, с показателями «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности.

Попробуем графически воспроизвести значимые взаимосвязи самопонимания личной идентичности и самопонимания социальной идентичности кыргызов (Рис. 7. Структура значимых взаимосвязей самопонимания личной и социальной идентичности кыргызов, на следующей странице).

Полученные нами результаты о соотношении самопонимания личной и социальной идентичности кыргызов и их графическое изображение позволили нам обобщить проделанную нами работу по статистическому анализу данных.

Перейдем к обобщающей интерпретации и сравнению полученных результатов с результатами других исследований. В модели соотношения личной и социальной идентичности самопонимания, следует обратить внимание, что отдельные показатели самопонимания личной идентичности перекликаются с

темой самопонимания, а именно показатель «самоуважение» Я-Идеального, показатель «самооценка» Я-Реального и показатель «самовнимание» Я-Реального. В структурном компоненте Я-Действующее самопонимания личной идентичности возможно следует в последующих исследованиях внести новый показатель, созвучный самопониманию, самости в целом, например, самопрезентация в свободное время (поведение в свободное время: хобби, виды активности) или самозанятость (в рамках трудовой деятельности) для того чтобы более корректно и целенаправленно отразить аспект самопонимания личной идентичности.

На стыке, при соотношении личной и социальной идентичности самопонимания формируется Я-идентичность, которая возможна в определенный момент времени, в момент самопонимания человеком самого соотношения в себе между личной и социальной идентичностями. В условиях глобализации общества хотелось бы подчеркнуть о необходимости учета соотношения личной и социальной идентичности для понимания своего «Я» человеком, в особенности человеком, представляющим страну относительно недавно получившую свою независимость, и во многом еще как минимум экономически зависящую от мирового сообщества в целом, и стран-ближайших соседей.

Я-идентичность может рассматриваться как интегральный продукт самопонимания человеком соотношения в самом себе личной и социальной идентичности. Этим выводом, нами констатируется необходимость ухода от механического рассмотрения этнонациональной идентичности, и подчеркивается возможность изучения самопонимания «Я» человека с учетом его личной и социальной идентичности и их соотношения в определенных культурно-исторических условиях, в которых живет конкретный человек, представитель конкретного народа.

При этом «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности в особенности влияет на соотношение личной и социальной идентичности. В многочисленных психологических исследованиях идентичности также

неоднократно подчеркивалась роль ценностей человека и его стремление быть лучше, хотя бы для того, чтобы соответствовать ожиданиям общества. В структуре самопонимания кыргызского народа «Я-Идеальное» личной идентичности также играет свою ключевую роль, что оказывает также, с одной стороны, позитивное влияние на выраженность симпатии к странам как ближнего, так и дальнего зарубежья, с другой стороны, говорит об общечеловеческих ценностях присущих кыргызскому обществу. Взаимосвязь «Я-Идеального» со всеми компонентами самопонимания как личной, так и социальной идентичности, свидетельствует о том, что кыргызское общество хочет развиваться на основе общечеловеческих ценностей, стремиться стать лучше, также вызывать взаимную симпатию у представителей других стран.

Установки в отношении других групп в плане толерантности, ксенофилии и ксенофобии самопонимания социальной идентичности в соотношении самопонимания личной и социальной идентичности не играют ключевой роли, то есть формирование Я-идентичности, развитие Я-идентичности в современном кыргызском обществе идет относительно успешно, когда толерантность проявляется и к людям предпочитающим всё иностранное, и к людям, которые опасаются проявлений всего чужого или даже негативно относятся ко всему иностранному. Здесь хотелось бы обратить внимание на возможную опасность толерантности отдельного человека как к проявлениям ксенофобии, так и к проявлениям ксенофилии, что возможно негативно скажется на развитии его Я-идентичности, так как Я-идентичность и самопонимание Я-идентичности предполагают формирование/сформированность определенной установки человека к чужим/другим группам, умению выразить свою установку приемлемым общественным поведением, умением не впадать в поведенческие крайности в отношении чужих групп (как минимум не допускать проявлений национализма и экстремизма).

Невысокая выраженность интеграции в самопонимание Я-идентичности чувства принадлежности к группам самопонимания социальной идентичности (относительно высокая идентификация со страной Кыргызстан, позитивное

отношение к своей нации, вхождение в ЕАЭС), является результатом, на который необходимо обратить особое внимание. Речь идет о национальной гордости, патриотизме, желании экономически кооперировать на паритетных основаниях со странами-соседями/ бывшими союзными республиками: РФ, Армения, Белоруссия, Казахстан. Нам бы хотелось назвать это направление развития самопонимания Я-идентичности одним из приоритетных на данный момент в Кыргызстане. В особенности национальная гордость пока недостаточно выражена как в самой структуре самопонимания личной и социальной идентичности, так и их соотношения в современном Кыргызском обществе. Я-Кыргыз – Я-представитель успешного экономического союза, Я-Кыргыз – Я горд быть частью кыргызского народа, данное отношение, в целом чувство принадлежности к кыргызскому обществу пока формируется, что на фоне не всегда успешных политических и экономических преобразований РК довольно затруднено (как следствие отток трудового капитала, национальные волнения).

Я-действующее самопонимания Я-идентичности пока не ярко проявляет себя в религиозном и политическом поведении, возможно, в Я-действующее должны войти другие показатели, более свойственные восточной культуре: совместное проведение досуга, совместное празднование, совместные традиционные формы проведения времени, связанные с этническими ритуалами, обычаями и традициями. При этом активность в религиозном поведении и политическом поведении не должна недооцениваться, так как Я-действующее самопонимания «Я-идентичности» должно выражать политические интересы человека, его политический выбор, его мнение по ключевым политическим событиям. Возможно, из-за небольшого опыта многопартийности в кыргызском обществе и недостаточном влиянии политических сил на ситуацию в стране, пока Я-действующее Я-идентичности недостаточно проявляется.

В целом, хотелось бы отметить особую актуальность как для Кыргызстана как для молодого суверенного государства, так и для всех бывших союзных республик актуальность самопонимания Я-идентичности как интегрального продукта соотношения личной и социальной идентичности в условиях

глобализации и одновременно сепарации общества. Нахождение баланса между личной и социальной идентичностью как никогда важно для самопонимания любого человека, для развития и формирования его Я-идентичности.

На сегодняшний день в 21 веке до сих пор идут локальные и региональные военные конфликты, что еще раз подчеркивает необходимость дальнейшего углубленного изучения темы самопонимания личной и социальной идентичности и возможности развития Я-идентичности как интегрального образования их соотношения. Без развития самопонимания «Я-идентичности» на основе соотношения личной и социальной идентичности мы не сумеем преодолеть и предотвратить военные конфликты, что приведет к тяжелым последствиям всё международное общество, без исключения каких-либо стран.

Этническую или этнонациональную идентичность принято чаще всего рассматривать в рамках социальной идентичности. В рамках нашего диссертационного исследования, выходя на уровень Я-Идентичности, хотелось бы отметить, что Я-Идентичность может включать в себя разные сферы Я-идентификации – «Я-Кыргыз», «Я – гражданин Кыргызстана», «Я – Кыргыз, проживающий зарубежом», «Я – Кыргыз, работающий зарубежом», «Я соблюдаю традиции кыргызской культуры». При этом не хотелось бы сужать понимание этнической или этнонациональной идентичности рамками социальной идентичности. На наш взгляд, именно Я-идентичность является определяющей в вопросе идентификации со своим этносом, со своей нацией. Возможно, в Я-идентичности при дисбалансе самопонимания личной и социальной идентичности вопрос об этнической идентичности будет кризисным вопросом, который будет человеком с трудом решаем (не прибегая к ксенофобии, национализму или ксенофилии).

В связи с вышесказанным формирование Я-Идентичности, развитие самопонимания личной и социальной идентичности гражданина современного Кыргызстана можно назвать одним из центральных вопросов современного кыргызского общества. На сегодняшний день, этот вопрос является открытым. Попытки решить этот вопрос только с позиций этнопсихологии не увенчались

успехом, что также подтверждает необходимость более широкого подхода к формированию Я-Идентичности, развитие самопонимания личной и социальной идентичности гражданина современного Кыргызстана с помощью методов социальной психологии, позволяющих выйти на новый уровень осмысления проблемы этноса, нации небольшого молодого суверенного государства Кыргызстан.

Напыщенный патриотизм или односторонняя национальная политика будут приводит только к дальнейшему нарушению самопонимания, дисбалансу самопонимания личной и социальной идентичности современного кыргызского общества. Сформированная Я-Идентичность гражданина современного Кыргызстана, сбалансированное самопонимание своей личной и социальной идентичности гражданином современного Кыргызстана позволит как внутри страны, так и за рубежом адаптироваться к условиям жизни в условиях глобализации общества, позволит с гордостью говорить о своей стране во всем мире, позволит другим странам, прежде всего, странам дальнего зарубежья узнать, что такое страна Кыргызстан, где она расположена, какие люди живут в этой стране Центральной Азии, что пока для многих европейцев остается мало известным фактом.

Кыргызстан небольшая страна, поэтому очень важен выявленный нами факт необходимости развития баланса самопонимания личной и социальной идентичности представителя современного Кыргызстана, баланса между, с одной стороны, Я-Идеального (ценности мира во всем мире, национальной безопасности и самоуважения), с другой стороны, позитивной установки в отношении чужих групп (симпатии к странам как ближнего, так и дальнего зарубежья), то есть открытости к миру, желания проявить себя с лучшей стороны, желания признания. С учетом того, что многие кыргызстанцы работают за рубежом, в Кыргызстан приезжают туристы можно целенаправленно разработать программы развития самопонимания личной и социальной идентичности для молодежи Кыргызстана, учитывающие полученные нами результаты.

Самоуважение в Я-Идеальном взаимосвязано с симпатией в отношении чужих групп (с симпатией к другим странам), то есть развитие самоуважения и уважения в отношении чужих групп должны учитываться при разработке как обще-просветительских, так и образовательных, информационно-политических программ для молодежи современного Кыргызстана. О.Р. Тучина в своем диссертационном исследовании рассматривала этнокультурную среду и этнокультурную идентичность в условиях глобализации общества как основу обретения человеком ценностных оснований своего бытия, своего самопонимания [215].

В нашем исследовании основой самопонимания является нахождение баланса между личной и социальной идентичностями, формирование на основе такого самопонимания своей Я-Идентичности, фундаментом которой является формирование Я-Идеального: самоуважения и общечеловеческих ценностей: мира во всем мире, национальной безопасности (со стороны личной идентичности) и формирование позитивных установок в отношении чужих групп (уважительного отношения к чужим группам со стороны социальной идентичности). На основе такого самопонимания личной и социальной идентичности, на наш взгляд, становится возможным формирование этнической идентичности как одного из аспектов сформированной Я-Идентичности. Формирование этнической идентичности на уровне этнокультурной среды, на уровне, прежде всего, социальной идентичности может привести к дисбалансу самопонимания личной и социальной идентичности, к одновекторному развитию Я-Идентичности по типу Я-Кыргыз, например, все остальные – кыргызофобы, нацисты, совки, не уважают и не любят кыргызов итд.

Данные эмпирических исследований показали, что чем шире социальные категории, с которыми идентифицируют себя респонденты, – россияне, европейцы, человечество, тем дальше в будущее своей страны они готовы заглядывать, тем более выражены их просоциальные установки и больше объем социального капитала. При этом определенные типы глобальной идентичности могут быть связаны с безразличным или критическим отношением к своей

Родине. Глобальная идентификация может выполнять функцию компенсаторного механизма, защищающего позитивную идентичность личности при негативной оценке собственного прошлого и неверии в возможность повлиять на происходящее в стране (Нестик Т.А. [151]).

Кыргызстан относится к развивающимся странам, поэтому глобальная идентичность будет, скорее всего, играть роль социального капитала и способствовать позитивному развитию Я-Идентичности кыргызского общества. При этом самоуважение (выявленное как одна из основных ценностей Я-Идеальной личной идентичности кыргызов как показателя позитивной личной идентичности) позволит сохранить и свой этнонациональный капитал, позволит гордиться своей нацией, своей страной, своей культурой.

В случае доминирования одной модальности социальной идентичности, например, этнонациональной идентичности формирование Я-Идентичности будет предельно затруднено, в самом неблагоприятном случае развития самопонимания личной и социальной идентичности этнонациональная идентичность полностью заменит собой формирование Я-Идентичность, что с высокой вероятностью может привести к новым военным конфликтам, разработке новых националистических концепций на уровне государства и националистическим настроениям в обществе, когда Я-Идентичность большинства будет несформирована.

Самопонимание личной и социальной идентичности является процессом, динамика которого во многом зависит от обстоятельств жизни человека: условия проживания: развитая-развивающаяся страна, переживание кризисной жизненной ситуации или стабильной жизненной ситуации, возраст человека, начиная с подросткового возраста становится возможным процесс нахождения баланса между личной и социальной идентичностями и др. факторов влияние которых может стать целью дальнейших исследований.

В любом случае самопонимание личной и социальной идентичности обостряется в критической жизненной ситуации, когда человек стоит перед выбором и ответом на вопрос: кто Я? Ответ на этот вопрос может меняться, быть

ситуативным или социально ожидаемым/одобряемым. Для того, чтобы этот ответ был осознанным и рефлексивным необходимо самопонимание своей Я-Идентичности, самопонимание баланса личной и социальной идентичности, которое не является константным результатом, динамично меняется во времени и в ситуации (например, в ситуации проживания кыргыза за границей происходит переосмысление, иное самопонимания своей Я-Идентичности).

Именно из-за этой изменчивости трудно объективировать и измерить самопонимание человека, самопонимание человеком своей Я-Идентичности, это процесс, который хотелось бы видеть в развитии и способствовать этому развитию, так как человек развиваться дальше в процессе нахождения баланса между личной и социальной идентичностями. Возможно, национальная политика развивающегося государства должна учитывать этот процесс развития самопонимания личной и социальной идентичности человека для формирования не слепого патриотизма, а человека, гордящегося своей страной и своими достижениями в ней, которые были поддержаны государством.

Таким образом, самопонимание это процесс нахождения баланса между личной и социальной идентичностями, благодаря которому формируется Я-Идентичность. В периоды проживания за границей, или в периоды экономических, политических перемен, военных конфликтов, возможно, именно самопонимание переживает новую стадию развития, когда подвергается проверке, переосмыслению соотношение личной и социальной идентичности, для дальнейшего развития Я-Идентичности, на новой основе, на новом осмыслении себя при ответе на вопрос: Кто Я.

При сравнении соотношения самопонимания личной и социальной идентичности представителя кыргызского этноса с представителями других народов, проживающих в Кыргызстане (в нашем исследовании контрольную выборку составили: казахи, русские и узбеки) следует выделить существующие различия (см. рисунок 10):

То есть для контрольной группы выборки исследования, для казахов, узбеков, русских, проживающих в современном Кыргызстане, характерно в

нахождении баланса между самопониманием личной и социальной идентичности, в формировании Я-Идентичности, со стороны личной идентичности, Я-Идеальное (ценности: свобода, мир во всем мире), как это отмечалось и в экспериментальной выборке кыргызов (ценности мира во всем мире, национальной безопасности и самоуважения), но при этом добавляется компонент Я-Реального (контроль убеждений: контроль эмоций, умение настоять на своем, социальные способности).

Также выявлены различия и со стороны социальной идентичности у представителей контрольной группы, а именно кроме симпатии к чужим странам (установки в отношении чужих групп), большую роль играют другие показатели отношения к чужим группам, а именно высокий уровень ксенофобии и низкий уровень ксенофилии. То есть проживание в Кыргызстане оказывает, с одной стороны, сходное влияние на развитие самопонимания личной и социальной идентичности как у представителей титульного этноса Кыргызстана, так и у различных народов, проживающих в современном Кыргызстане, а именно Я-Идеальное и позитивная установка в отношении чужих групп (у титульного этноса в большей степени к странам дальнего зарубежья, у контрольной группы в большей степени к странам ближнего зарубежья) проявляют себя в формировании Я-Идентичности проживающего в Кыргызстане человека.

При этом Я-Реальное (контроль убеждений) и установки в отношении чужих групп (ксенофилия-ксенофобия) играют более значимую роль в формировании Я-Идентичности у представителей контрольной группы по сравнению с представителями титульного этноса. Возможно, это говорит о важности преодоления расхождения Я-Идеального и Я-реального, нахождения между ними баланса, также как и наличие расхождения в парадигме ксенофобия-ксенофилия у представителей контрольной группы свидетельствует о необходимости его преодоления, что усложняет формирование Я-Идентичности у представителей контрольной группы. Вопросы ксенофобии-ксенофилии, контроля убеждений нужно учитывать при развитии самопонимания личной и социальной идентичности, проживающих в Кыргызстане представителей других

народов. Без нахождения баланса между Я-Идеальным и Я-Реальным, ксенофобией-ксенофилией процесс становления сбалансированной Я-Идентичности может быть крайне затруднен у проживающих в Кыргызстане представителей других народов, что неминуемо приведет к этническим конфликтам, столкновениям на национальной почве.

-

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

1. Разработанная в исследовании структура самопонимания личной и социальной идентичности кыргызского этноса и других этносов, проживающих в современном Кыргызстане, представляется важной научно-практической основой по развитию и сохранению «Я-Идентичности» гражданина КР, принятия оптимальных решений по острым проблемам культурного, духовного, экономического, политического сосуществования и динамичного развития страны в современный период развития.

2. Апробированные результаты исследования о закономерностях и специфике самопонимания личной и социальной идентичности в современном Кыргызстане, могут быть учтены при разработке и проведении социальной политики в сфере межнациональных отношений как в КР, так и за рубежом, например, в рамках работы Евразийского экономического союза (ЕАЭС),

3. Результаты исследования могут быть использованы при корректировке концепции развития национальной школы, национальных кыргызских центров, с учетом необходимости нахождения баланса между самопониманием личной и социальной идентичности как профилактики возникновения националистических настроений в обществе.

4. Материалы диссертационного исследования в своей теоретической и эмпирической частях могут использоваться в качестве научно-методической основы в учебно-образовательном процессе, в содержании учебных пособий, спецкурсов, учебно - методических разработок.

5. Научно-практические результаты исследования служат базой для работы социальных учреждений для учета психологических особенностей представителей кыргызского этноса; для организации воспитательно-образовательной работы с детьми и молодежью граждан КР, обучающихся или работающих, как в самом Кыргызстане, так и за рубежом.

6. Предложенный адаптированный и практически апробированный

инструментарий изучения самопонимания личной и социальной идентичности, может быть также использован для диагностики толерантности, ксенофобии/ксенофилии, что особенно важно для профилактики возникновения межэтнических конфликтов, которые уже возникали в КР в период ее независимости.

7. Успешно доказанная в работе важность достижения личностно-социальной сбалансированности самопонимания с учетом формирования глобальной идентичности будут способствовать патриотическому воспитанию детей и подростков.

8. Адаптированный опросник исследования самопонимания личной и социальной идентичности может быть также использован в научно-исследовательской работе,

9. Результаты работы являются важной основой для развития общей диагностической практики, а также практике индивидуального и семейного консультирования, в особенности межэтнических семей.

10. Предложенная в работе модель самопонимания личной и социальной идентичности может служить основой при создании адаптационных программ и тренингов межкультурной коммуникации, а также может быть использована в практике психологического консультирования, в практике решения межнациональных конфликтов.

11. Полученные в результате исследования данные могут использоваться при подготовке учебных курсов по общей и педагогической психологии, психологии личности, этнопсихологии, психологии общения, а также для создания научно-популярных ресурсов по проблематике глобальной идентичности.

Резюмируя, хотелось бы отметить, что формирование этнической идентичности, его структуры представляет собой длительный процесс, который, безусловно, за период начала новейшей истории Кыргызстана еще не

завершен. Результаты проведенного исследования могут использоваться для работы по формированию самопонимания личной и социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана в новейшей истории самостоятельного, независимого развития.

Для формирования Я-Идентичности важно формирование позитивного отношения к себе как в рамках аутгруппы, так и ингруппы.

Для формирования Я-Идентичности, прежде всего, с учетом этнокультурных условий нами были разработаны два варианта структурной модели самопонимания личной и социальной идентичности. В нашей работе изучалось современное кыргызское общество, которое характеризуется полиэтничностью и пока еще небольшим опытом суверенного развития. Поэтому, в разработанном варианте модели самопонимания личной и социальной идентичности с учетом этнокультурных условий Кыргызстана как молодого суверенного государства нами подчеркивается роль этнического самоопределения как одного из-dimensionalных измерений, которое важно для становления, развития и формирования Я-Идентичности. При этом в модели нами отдельно выделяются наряду с компонентами, входящими в общую модель самопонимания личной и социальной идентичности, такие компоненты как: опыт переживания своей идентичности (самопонимание личной идентичности), этнические представления и объект-субъект этнического мира (самопонимание социальной идентичности). Для становления Я-Идентичности в этнокультурных условиях, на наш взгляд, особенно важным аспектом будет аспект нахождения баланса между объектом этнического мира и субъектом этнического мира, что также будет косвенным показателем положительного развития Я-Идентичности.

В целом, во всех разработанных нами вариантах моделей самопонимания личной и социальной идентичности подчеркивается необходимость нахождения баланса между самопониманием личной и социальной идентичности, баланса между объектом-субъектом этнического и глобального мира современного общества. Разработанный нами авторский подход к анализу самопонимания Я-Идентичности как нахождения личностно-социальной сбалансированности тем

самым отвечает как этнокультурным условиям, так и глобальным условиям современного общества и несомненно может быть применен для укрепления и дальнейшего развития современного кыргызского общества.

По всем четырем показателям самопонимания личной идентичности и по всем двум показателям самопонимания социальной идентичности были выявлены значимые различия, что свидетельствует о том, что современное кыргызское общество очень разнообразно, разнопланово по своему пониманию личной и социальной идентичности и титульный этнос Кыргызстана имеет свои, свойственные только кыргызскому этносу особенности самопонимания личной и социальной идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении следует отметить, что поставленные нами в исследовании задачи решены. Проведен теоретический анализ литературы по изучению феномена самопонимания и феномена идентичности, а именно проведен детальный аналитический обзор проблемы изучения самопонимания в психологии, также проведен общий обзор проблемы изучения самопонимания в философии и социологии, рассмотрены методологические основы и теоретические подходы к изучению феномена идентичности в психологии: идентичность как конструкт, теоретические подходы к изучению феномена идентичности, большое внимание уделено обзору проблемы соотношения личной и социальной идентичности в психологической литературе. Проведен сравнительный анализ основных подходов к исследованию феномена самопонимания в психологии и обоснование авторского подхода развития личностно-социальной сбалансированности в изучении феномена самопонимания. Теоретически рассмотрено и проанализировано, а в дальнейшем и эмпирически изучена новая авторская категория «самопонимания Я-Идентичности» как результата нахождения личностно-социальной сбалансированности.

В рамках рассмотрения вопроса о самопонимании идентичности в этнокультурных условиях молодого суверенного государства Кыргызстана рассмотрены и проанализированы: этнонациональная идентичность как форма социальной идентичности, проведен обзор основных направлений исследований этнонациональной идентичности кыргызов, обращено внимание к проблеме аккультурации и интеграции кыргызского полиэтнического общества: толерантность, предрассудки и дискриминация национальных меньшинств.

В ходе анализа литературы мы придерживались, прежде всего, разработанного нами подхода к рассмотрению феноменов самопонимания и идентичности, предполагающего, их формирование и развитие в неразрывной связи с культурно-историческим процессом, с историей собственного этноса на основе взаимодействия личности с социальной средой. Одним из важнейшим

элементом социальной среды является этническая культура, складывающаяся под воздействием исторического развития этноса и обеспечивающая сохранение этнической ментальности, этнонациональной идентичности. Этнонациональная идентичность выступает одной из важнейших характеристик социальной идентичности, при этом крайне необходимо нахождение баланса между самопониманием личной и социальной идентичностей, для избегания развития/формирования компенсаторного самопонимания «Я-Идентичности», а именно Я-Неидентичности, связанного с невозможностью связного самопонимания людьми, что часто оборачивается переживанием обществом экстремистских, националистических настроений и открытых конфликтов.

На сегодняшний день самопонимание Я-Идентичности и глобальную идентичность людей можно назвать одними из ключевых категорий понимания современной цивилизации. Как нами подчеркивалось в тексте работы именно глобальная идентичность и развитие самопонимания Я-Идентичности крайне важны для представителей небольших этнических групп, в нашем исследовании такой этнической группой являются кыргызы.

Таким образом, нами был разработан авторский подход к концепции самопонимания, основывающийся, с одной стороны, на идеях социального конструктивизма и постмодернизма, в котором достижение баланса между личной и социальной идентичностью позволяет интегрировать идентичность, позволяет развивать самоидентичность, с другой стороны, на субъектном подходе к личности, в котором самопонимание личности можно представить как процесс поиска и обретения идентичности, в контексте которого личность находит ценностные основания своего бытия в социокультурном контексте.

В рамках нашего комплексного подхода (в дальнейшем подходе развития личностно-социальной сбалансированности) самопонимание личной и социальной идентичности можно представить как *процесс* нахождения баланса между личной и социальной идентичностью, в контексте которого общечеловеческие ценности «Я-Идеального» (личная идентичность) и позитивные установки в отношении чужих групп (социальная идентичность)

играют центральную роль. В *результате* процесса самопонимания личной и социальной идентичности, нахождения между ними баланса происходит формирование/дальнейшее развитие Я-Идентичности/Неидентичности. Самопонимание личной и социальной идентичности в контексте подхода развития личностно-социальной сбалансированности представляет собой *процесс*, предполагающий выход за рамки этнического самопонимания, предполагающий формирование Я-Идентичности современного человека в условиях глобализации, при этом с учетом этнокультурных традиций и условий страны его проживания.

В рамках диссертационного исследования осуществлена серия теоретических и эмпирических исследований (в основном организационным методом поперечных срезов и комплексным методом; основным методом сбора данных был опрос), в процессе которых была проведена модификация и адаптация на русскоязычной выборке опросника «Личной и социальной идентичности» У. Шмидт-Дентера ОЛСИ (FPSI-K), в которых приняли участие более 120 человек. В исследовании особенностей самопонимания личной и социальной идентичности приняли участие 472 человека Республики Кыргызстан.

В эмпирическом исследовании особенностей самопонимания личной и социальной идентичности в условиях молодого суверенного государства, на примере Республики Кыргызстан при математической обработке экспериментальных данных использовались непараметрические методы сравнения по критериям Манна-Уитни, Крускалла – Уоллиса, корреляционный анализ Стьюдента и факторный анализ методом главных компонент с нормализацией по Кайзеру.

Выбранный и модифицированный нами опросник «Личной и социальной идентичности» У. Шмидт-Дентера ОЛСИ (FPSI-K) позволил нам решить все поставленные нами задачи и проверить все поставленные нами гипотезы.

Таким образом, гипотезы нашего исследования подтвердились, то есть:

- теоретико-методологическим основанием для создания современной концепции самопонимания личности служит поход, основывающийся, с одной стороны, на идеях социального конструктивизма и постмодернизма, в котором достижение баланса между личной и социальной идентичностью позволяет интегрировать идентичность, позволяет развивать самоидентичность, с другой стороны, на субъектном подходе к личности, в котором самопонимание личности можно представить как процесс поиска и обретения идентичности, в контексте которого личность находит ценностные основания своего бытия в социокультурном контексте.

- самопонимание личной и социальной идентичности можно представить как *процесс* нахождения баланса между личной и социальной идентичностью, в контексте которого общечеловеческие ценности «Я-Идеального» (личная идентичность) и позитивные установки в отношении чужих групп (социальная идентичность) играют центральную роль. В *результате* процесса самопонимания личной и социальной идентичности, нахождения между ними баланса происходит формирование/дальнейшее развитие Я-Идентичности/Неидентичности. Самопонимание личной и социальной идентичности в контексте подхода развития личностно-социальной сбалансированности представляет собой *процесс*, предполагающий выход за рамки этнического самопонимания, предполагающий формирование Я-Идентичности современного человека в условиях глобализации, при этом с учетом этнокультурных традиций и условий страны его проживания.

- содержательные характеристики самопонимания личной и социальной идентичности определяются возрастом, условиями конкретного общества и значимо различаются в условиях титульного этноса, других больших этнических групп (нетитульных групп), наличия социального опыта проживания при социалистическом режиме и в условиях независимости.

- советский период развития Кыргызстана оказал существенное влияние на самопонимание как личной, так и социальной идентичности кыргызского этноса,

что выразилось, прежде всего, в политическом и религиозном поведении и в отношении к другим (чужим) этническим группам.

- структурные компоненты самопонимания личной и социальной идентичности современных представителей кыргызского этноса разного возраста значимо различаются между собой.

- опыт проживания в Кыргызской Советской Социалистической Республике оказал значимое влияние на самопонимание как личной, так и социальной идентичности современного кыргызского общества, как представителей титульного этноса Кыргызстана, так и представителей других этносов и национальностей, проживающих в современном Кыргызстане.

- структура самопонимания титульного этноса Кыргызстана количественно и качественно различна по сравнению со структурой самопонимания личной и социальной идентичности других народов, проживающих в современном Кыргызстане.

- существуют значимые различия структуры самопонимания своей личной и социальной идентичности между молодым и старшим поколениями, вне зависимости от принадлежности к титульному этносу или другой этнической группе, проживающей в Кыргызстане.

Апробированные результаты исследования о закономерностях и специфике самопонимания личной и социальной идентичности в современном Кыргызстане, могут быть учтены при разработке и проведении социальной политики в сфере межнациональных отношений как в Республике Кыргызстан, так и зарубежом, например, в рамках работы Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также использованы при корректировке концепции развития национальной школы, национальных кыргызских центров, с учетом необходимости нахождения баланса между самопониманием личной и социальной идентичности как профилактики возникновения националистических настроений в обществе.

Материалы диссертационного исследования в своей теоретической и эмпирической частях могут использоваться в качестве научно-методической

основы в учебно-образовательном процессе, в содержании учебных пособий, спецкурсов, методических разработок, в социальных учреждениях для учета психологических особенностей представителей кыргызского этноса; для организации воспитательно-образовательной работы с детьми и молодежью граждан Кыргызстан, обучающихся или работающих, как в самом Кыргызстане, так и зарубежом.

Предложенный адаптированный и практически апробированный инструментарий изучения самопонимания личной и социальной идентичности, может быть также использован для диагностики толерантности, ксенофобии/ксенофилии, что особенно важно для профилактики возникновения межэтнических конфликтов, которые уже возникали в РК в период ее независимости. Успешному достижению этих целей будут способствовать патриотическое воспитание детей и подростков, учитывающее необходимость формирования глобальной идентичности, о которой в нашей работе в частности идет речь.

Адаптированный опросник исследования самопонимания личной и социальной идентичности может быть также использован в научно-исследовательской работе, общей диагностической практике, а также практике индивидуального и семейного консультирования, в особенности межэтнических семей.

Предложенная в работе модель самопонимания личной и социальной идентичности может служить основой при создании адаптационных программ и тренингов межкультурной коммуникации, а также может быть использована в практике психологического консультирования, в практике решения межнациональных конфликтов.

Полученные в результате исследования данные могут использоваться при подготовке учебных курсов по социальной психологии, психологии личности, этнопсихологии, психологии общения, а также для создания научно-популярных ресурсов по проблематике глобальной идентичности.

В целом, Кыргызстан относится к развивающимся странам, поэтому именно глобальная идентичность будет, скорее всего, играть роль социального капитала и способствовать позитивному развитию Я-Идентичности кыргызского общества. При этом самоуважение (выявленное как одна из основных ценностей Я-Идеального личной идентичности кыргызов как показателя позитивной личной идентичности) позволит сохранить и свой этнонациональный капитал, позволит гордиться своей нацией, своей страной, своей культурой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абакумова И.В., Ермаков П.Н. (2003). О становлении толерантной личности в поликультурном образовании// Вопросы психологии. № 3. С. 78-83.
2. Абакумова И.В., Фоменко В.Т.. (2010). Ценностно-смысловые установки как компонент формирования антитеррористического мышления// Российский психологический журнал. Т. 7. № 5. С. 127-133.
3. Абишова Б. Электронный ресурс:
https://elbilge.ucoz.ru/publ/politicheskoe_aktivirovanie_regionalnoj_identichnosti_kirgizov/15-1-0-206.
4. Абрамзон С.М. (1946). Очерк культуры киргизского народа/ С.М. Абрамзон; Киргиз. филиал Акад. наук СССР. Ин-т языка, лит-ры и истории. Фрунзе.
5. Абрамзон С.М. (1949). Рождение и детство киргизского ребенка// Сборник МАЭ. М.
6. Абрамзон, С. М. (1990). Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. - Л., 1971 (переизд. Фрунзе). - 480 с.
7. Абросимова Е.А. Уязвимость экзистенциальной психологии. URL:
<http://hpsy.ru/public/x016.htm>.
8. Абульханова К. А., Славская А. Н. (1997). Послесловие// Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.
9. Абульханова, К.А. (2010). Субъект в философской антропологии и онтологической концепции С.Л. Рубинштейна/ К.А. Абульханова, А.Н. Славская. В сборнике: Сергей Леонидович Рубинштейн. – С. 23-76.
10. Абушенко В.Л. (2010). Проблема идентичностей// Вопросы социальной теории. Т. IV. С. 128-146.
11. Агапов В.С. (1994). Становление Я-концепции в системе духовных потребностей подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. - М. -22 с.
12. Айтматов Ч.Т. (1985). Белый пароход: повести. Рассказы. Фрунзе.
13. Айтматов Ч.Т. (1988). Статьи, выступления, диалоги, интервью. – М.: Издательство АПН, – 384 с.
14. Акмолдоева Ш.Б. (1998). Духовный мир древних кыргызов (по материалам эпоса «Манас»). Бишкек.
15. Акопян В. З. (2012). Георгий Матвеевич Дергульян и его размышления о национальной идентичности// Общероссийская и национальная идентичность. Материалы международной научно-практической конференции. Пятигорск. С. 8-25.
16. Алишаускене Р. (2016). Результаты опроса жителей Кыргызстана 2016: электронный ресурс: <http://siar-consult.com/en/news/rezultaty-oprosa-zhitelej-kyrgyzstana/>.
17. Ал-Марвази (1996). Табаи ал-хаяван (Природа животных). Материалы фонда Института литературы и искусства АН КР. Инв. №1820// Кыргызы. Источники. История. Этнография. - Бишкек. – С. 40.
18. Анарбекова В.Э. Историческая значимость пения причетов (кошек) в традициях у киргизов [Электронный ресурс]. – Режим доступа:[www.cyberleninka.ru» article > istoricheskaya-znachimost-p...](http://www.cyberleninka.ru/article/istoricheskaya-znachimost-p...)
19. Андреев А. (1996). Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства// Общественные науки и современность. № 1. С. 98-116.
20. Андреева Г.М. (2000). Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс. – 288 с.

21. Аполлонов И.А. (2011). Проблема личностной идентичности в контексте этнокультурной традиции// В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр. № 11.2. С. 704-714.
22. Аполлонов И.А., Карнаушенко Л.В., Тучина О.Р. (2009). Этнокультурные нормы и ценности в формировании самопонимания молодежи (на примере русских и адыгских студентов кубанских вузов). Краснодар: Изд-во КрУ МВД РФ. – 285 с.
23. Аполлонов И.А., Чистилина И.А. (2013). Проблема толерантности в контексте этнокультурной идентичности в условиях полиэтничного региона. Краснодар: Издво КубГТУ. – 228 с.
24. Арутюнова Е.М. (2007). Российская идентичность в представлениях московских студентов // Социологические исследования. № 8. С. 77-84.
25. Асланова И. Краткий обзор истории религии на территории Кыргызстана [Электронный ресурс]. – 08.10.2013. Доступ: [kghistory.akipress.org> news:13667](http://kghistory.akipress.org/news/13667).
26. Аствацатурова М. А. (2003). Диаспоры: этнокультурная идентичность (возможные теоретические модели)// Диаспора. №2. С.185-189.
27. Бабаков В.Г. (1993). Кризисные этносы. М. – 183с.
28. Базарбаева Р. Ш. (2003). Менталитет кыргызского народа и противоречия переходной экономики// Вестник Академии управления при Президенте КР. - №3. - С. 34-39.
29. Барский Ф.И., Кутузова Д.А. (2004). Представления об идентичности в рамках нарративного подхода// Мир психологии. №2. С. 67-77.
30. Батищев Г. С. (1989). Философское наследие С. Л. Рубинштейна и проблематика креативности// Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. К 100-летию со дня рождения. М.: Наука.
31. Бауман З. (2004). Глобализация. Последствия для человека и общества М..
32. Бахтин М.М. (2000). Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука. – 336 с.
33. Бейшенбаева А.Р. (2005). Менталитет кыргызского народа в условиях модернизации: автореф. ... дис. канд. филос. наук. - Бишкек. – 181 с.
34. Берберян А.С., Тучина О.Р. (2018). Исследование национальной идентичности и исторического опыта личности в титульном армянском этносе и сопряженной армянской диаспоре в России// Российский психологический журнал, Т. 15 №2. С. 190-214.
35. Блага К., Шебек М. (1991). Я твой ученик, ты - мой учитель: Книга для учителя: Пер. с чешек. -М.: Просвещение.
36. Блохина Т.С. (2017). Соотношение понятий «Я-концепция» и «образ я»/ Теория и эмпирия. Акмеология. №3. С. 23-28.
37. Божович Л. И. (1999). Этапы формирования личности в онтогенезе / Психология личности: В 2 т. / Под общ. ред. Д. Я. Райгородского. - Самара. - Т. 2. - С. 128-144.
38. Болпонова А.Б. (2013). История и эволюция клановой системы в политических процессах кыргызского общества (XIX-XXI в.). – Бишкек. – 284 с.
39. Больнов О.Ф. (1999). Философия экзистенциализма: Философия существования СПб.: Лань. – 222 с.
40. Бондарь Н.И. (2008). Малые этнические группы: к проблеме понятия и типологии// Малые этнические и этнографические группы. Историческая этнография. Вып. 3. СПб.. – 356 с.

41. Братченко С.Л. (1998). Экзистенциально-гуманистический подход Джеймса Бюджентала: человек в поисках самого себя// Психологические проблемы самореализации личности. Вып.2. СПб., С.56-66.
42. Братченко С.Л. (1999). Введение в гуманитарную экспертизу образования. М.: Смысл. – 137 с.
43. Братченко С.Л. (2003). Психологические основания исследования толерантности в образовании// Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление. Красноярск. С. 104-117.
44. Братченко С.Л., Миронова М.Р. (1997). Личностный рост и его критерии// Психологические проблемы самореализации личности/ под ред. А.А. Крылова, Л.А. Коростылевой. СПб.: СПбГУ, С. 143-156.
45. Брокмейер К., Харре Р. (2000). Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной теории// Вопросы философии, № 3. С. 29-43.
46. Брубейкер Р., Купер Ф. (2000). За пределами «идентичности» Brubaker R., Cooper F. beyond identity// theory A. society. - Dordrecht. - Vol. 29, n 1. - P. 1-47.
47. Брубейкер, Р. (2012). Этничность без групп [Текст] /пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. унт «Высшая школа экономики». - М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 408 с. (Социальная теория) (в пер.).
48. Брушлинский А.В. (1994). Проблемы психологии субъекта. Москва. Институт психологии РАН. – 109 с.
49. Брушлинский А.В., Воловикова М.И., Дружинин В.Н. (2000). Рубинштейновская парадигма субъекта в исследовании интерпретации // Проблема субъекта в психологической науке. М.: «Академический проект». – 320 с.
50. Бучек А.А. (2011). Полиэтническая среда и ее влияние на этническое самосознание личности// Психологические исследования: электрон. науч. журн. N 5(19).
51. Буякас Т. М. (2000). Личностное развитие в условиях работы самопонимания, опосредствованной символами, № 1 С. 96-108.
52. Буякас Т.М., Зевина О.Г. (1997). Опыт утверждения общечеловеческих ценностей культурных символов в индивидуальном сознании// Вопросы психологии, № 5. С. 44-55.
53. Быт и нравы киргизов/ Сост. А.П. Смирнов. - 2-е изд. - Санкт-Петербург: Постоян. комис. по устройству нар. чтений, 1897. - 27 с.; 18.
54. Быть или не быть национальности в новом паспорте? Электронный ресурс: URL: <http://delo.kg/index.php/health-7/10320-byt-ili-ne-byt-natsionalnosti-v-novom-pasporte>.
55. Василюк Ф.Е. (2003). Методологический анализ в психологии. М. МГППУ; Смысл. – 240 с.
56. Васютинский В. А. (2009). Человек в совместно с другими создаемом мире: социально-конструктивистские идеи С. Л. Рубинштейна// Психология человека в современном мире. М., Т.4. С. 16-24.
57. Выготский Л. С. (1984). Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. Детская психология. – М.: Педагогика. – 432 с.
58. Выготский Л.С. (2005). Психология развития человека. - М.: Изд-во Смысл; Эксмо. - 1136 с.
59. Вяткин Б.А., Хотинец В.Ю. (1996). Этническое самосознание как фактор развития индивидуальности// Психологический журнал. Т. 17. № 5. С. 69-75.

60. Гайденок П.П. (2001). Экзистенциализм. Новая философская энциклопедия/ под ред. В. С. Стёпина: в 4 тт. М.
61. Гарнцев М. А. (1987). Проблема самосознания в западноевропейской философии (от Аристотеля до Декарта). М.: МГУ, с.89-105; 17, с.10-25.
62. Гофман А.Б. (2010). Социальное, социокультурное, культурное. Историко-социологические заметки о соотношении понятий «общество» и «культура»// Социологический ежегодник 2010/ ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии ГУ ВШЭ. М.. С. 128-136.
63. Гофман И. (2004). Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН. – 751 с.
64. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России/ под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Изд-во Инта социологии РАН, 2006. – 327 с.
65. Гуревич А.Я. (2009). Индивид и социум на средневековом Западе. М.: «Александрия». – 496 стр.
66. Гусельцева М.С. (2013). Социальное пространство как основание для полипарадигмального синтеза// Психологические исследования. Т. 6, № 30.
67. ДеЧикко Т. (2007). Найти Я в психологии, духовности и религии. Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 4. С. 46-52.
68. Джеймс У. (1991). Психология. М.: Педагогика. – 368 с.
69. Джерджен К. Социальное конструирование и педагогическая практика. <http://charko.narod.ru/tekst/alm4/dg.html>.
70. Джерджен К.Дж. (2003). Социальный конструкционизм: знание и практика. Мн.: БГУ. <http://charko.narod.ru/index20.html>.
71. Дробижева Л.М. (2006). Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность// Гражданская, этническая и религиозные идентичности в современной России. М.: Изд-во Инта социологии РАН. С. 10-30.
72. Дробижева, Л.М. (2003). Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: ИС РАН. – 376 с.
73. Дробижева, Л.М. (2010). Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде// Социологические исследования. № 12. С. 49-58.
74. Дугин А. Г. (2011). Этносоциология. М., Академический Проект. – 635 с.
75. Дуйшеналиев Ч. «География этнической идентичности Кыргызстана». Электронный ресурс: Dujshenaliyev-CN.21.pdf (esa-conference.ru).
76. Дьяков А. В. (2008). Философия постструктурализма во Франции. – Нью-Йорк: Северный крест. 69-129 (Ф), 231-252 (Л), с.69-129.
77. Дюркхайм К. (1992). О двойственном происхождении человека. СПб.: Импакс. –186 с.
78. Жорняк Е.С. (2001). Нарративная терапия: от дебатов к диалогу // Московский психотерапевтический журнал. № 3. Электронный ресурс: http://psychol.ras.ru/ippp_pfr/j3p/pap.php?id=20010413.
79. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. (2007). Социально-психологическое пространство самоопределяющегося субъекта: понимание, характеристики, виды// Вестник Практической Психологии Образования. № 2(11). С. 7-14.
80. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. (2012). Психологическое и социально-психологическое пространство личности: теоретические основания исследования// Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 10-18.

81. Заковоротная М.В. (2000). Идентичность человека. Ростов-н/Д: Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 2000. – 200 с.
82. Злобин В.М. (2012). Социально-психологические условия формирования образа «Я-руководитель» младшего командира курсантского подразделения военного вуза: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. - М. - С. 12.
83. Знаков В. В. (2000). Понимание как проблема психологии человеческого бытия// Психологический журнал. - Т. 21, № 2. - С. 7-15.
84. Знаков В.В. (2005). Психология понимания: Проблемы и перспективы. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН». – 448 с.
85. Знаков В.В. (2005). Психология субъекта и психология человеческого бытия// Субъект, личность и психология человеческого бытия/ Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. М.. С. 9-44.
86. Знаков В.В. (2005). Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема. Психологический журнал. Т. 26. № 1. С. 18-28.
87. Знаков В.В. (2007). Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие. Методология и история психологии. Т. 2. Вып. 3. С. 65-74.
88. Знаков В.В. (2009). Три традиции психологических исследований - три типа понимания//Вопросы психологии. № 4. С. 14-23.
89. Знаков В.В. (2011). Понимание, постижение и экзистенциальный опыт// Вопросы психологии. № 6. С. 15-24.
90. Иванова Н.Л. (2003). Психологическая структура социальной идентичности: автореф. дисс....дра психол. наук. Ярославль: ЯрГУ. – 408 с.
91. Иванова Н.Л., Мазилова Г.Б. (2008). Изменения этнической и гражданской идентичности в новых общественных условиях. Вопросы психологии № 2, 2008. С. 83-93.
92. Иванова С.Ю. (2012). Современная российская идентичность: цивилизационное и историко-культурное измерение Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. № 2. С. 21-28.
93. Иманалиев К. (2012). Кыргызы: слово о Родине. - Бишкек. – 219 с.
94. Иманалиев К. (2016). О новом кодексе кочевников, или возможен ли ренессанс кочевой цивилизации? [Электронный ресурс]. – 19.07.2016. Доступ: <http://mnenie.akipress.org/>.
95. Исмаилбекова А. (2017). Кыргызстан: Новая политическая роль старых родоплеменных объединений. Электронный ресурс: <https://russian.eurasianet.org/node/64396>.
96. Кайгородов Б.В. (2000). Самопонимание: миф или реальность. М.: Изд-во Московского психолого-соц. института. – 194 с.
97. Камбаралиева У. Дж., Даба Э. (2018). Деонтические нормы коммуникативного поведения в концепте «конок» («гость») киргизского народа// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – № 11-2. – С. 373-377; URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=12508>.
98. Камбаралиева У. Дж., Даба Э. (2018). Этнокультурные особенности репрезентации концепта «конок» («гость») в киргизском языке// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – № 7. – С. 189-193; URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=12352>.
99. Камбаралиева У.Д. (2018). Вербальные средства речевого воздействия в киргизских фольклорных текстах (на примере народных заклинаний, заговоров и благословений)// «Язык и национальное сознание», вып.24./Науч. ред. И.А.Стернин. – Воронеж: Издательство «Ритм».

– С. 61-69.

100. Камбаралиева У.Д. (2018). Темпоральная категоризация в концептуальной картине мира (на материале русского и киргизского языков). Монография. / Под ред. И. А. Стернина. – Бишкек. – 393 с.

101. Камбаралиева У.Д., Стернин И.А. (2021). Русское и киргизское коммуникативное поведение. - Воронеж: изд-во РИТМ. - 220 с.

102. Камбаралиева У.Ж. (2018). Кыргыз жана орус коммуникациялык жүрүм-турумундагы кайрылуу формулаларынын өзгөчөлүктөрү// Вестник БГУ. - № 1 (43).– С. 200 - 203.

103. Карпов А.В., Скитяева И.М. (2004). Психология рефлексии. М. Ярославль: Аверс Пресс. – 195 с.

104. Карпов Ю.Ю. (2004). Личность и традиционные социальные институты: принципы взаимодействия// Северный Кавказ: человек в системе социокультурных связей. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 107-168.

105. Касымбеков Т. (1998). Сынган кылыч (Сломанный меч). Исторический роман. 5- изд.- Бишкек: Кыргызстан. - 712 с.

106. Кимберг А. Н. (2009). «Жизненный мир» субъекта как предмет исследования// Психология человека в современном мире. Т. 4. Матер. Всеросс. Научной конф., посвященной 120-летию С. Л. Рубинштейна, С. 26-33.

107. Кимберг А.Н. (2005). Проблема взаимодействия идентичностей и гендерные исследования // Личность как субъект экономического бытия: гендерный аспект. Гендерный анализ социальных институтов и процессов: менеджмент, социализация, образование. Материалы V Всерос. научн.-практ. семинара. Краснодар. С. 27-31.

108. Кимберг А.Н. (2005). Субъективные препятствия мультикультурализму// Моделирование социокультурных условий развития личности в мультикультурном пространстве. М. С. 32–36.

109. Кимберг А.Н., Макаревская Ю.А. (2005). Концепт идентичности как инструмент социального исследования// Человек. Сообщество. Управление. № 4. С. 4-15.

110. Кимберг А.Н., Прохоров А.О. (2010). Психология состояний и психология идентичности// Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 152, кн. 5. С. 172 - 182, с. 175.

111. Кимберг А.Н., Улько Е.В. (2011). Феномен ситуации в пространствах человеческого бытия: проблемы теории и методологии исследования// Человек. Сообщество. Управление. № 2. С. 36-48.

112. Климова Т.В. Идентичность или «десятки проблем, неотделимых друг от друга»// Государство и антропоток [Электронный ресурс]. URL [http:// www. antropotok.archipelag.ru/text/a058.htm](http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a058.htm).

113. Козлова М.С. (1996). Идея «языковых игр»// Философские идеи Людвига Витгенштейна. М.: ИФРАН, с. 525.

114. Койчуев Б. Т. (2005). Русскоязычная литература в контексте современного литературного процесса в Кыргызстане// Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Спецвыпуск. Русский язык в сообществе народов СНГ. С. 118-129.

115. Койчуев Б. Т. (2014). Литература Кыргызстана рубежа XX-XXI веков: русский дискурс// Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Спецвыпуск. Кыргызстан - Россия: вехи гуманитарного сотрудничества: материалы Международного симпозиума, посвящённого 20-летию КРСУ. С. 245-253.

116. Кон И. С. (1982). Открытие «Я» (самосознание). - Рига: Авотс. - 336 с., с. 7.
117. Корнилов Ю.К. (1979). Психологические проблемы понимания. Ярославль. – 80 с.
118. Кочкунов А.С. (2020). Игровые элементы традиционной похоронно-поминальной обрядности кыргызского народа// International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 3-1 (42).
119. Кража невест и многоженство: социальные, правовые и криминологические аспекты предупреждения / Отв. ред. Л. Ч. Сыдыкова. - Бишкек: Изд-во КРСУ им. Ельцина, 2014. - 98 с.
120. Кук-Гройтер С. (2009). Развитие Эго: девять уровней всё большего охвата; перевод с англ. Е. Пустошкина. - 42 с.
121. Кыргызстан – 2025 (2005). Стратегия и сценарии развития// Сб. статей и материалов. – Бишкек.
122. Латыпов И.В. (2011). Соотношение феномена самоотчуждения с образом Я личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. - Хабаровск. - С. 13.
123. Лебедева М.Н., Татарко А.Н. (2005). Этническая идентичность, статус группы, и тип расселения как факторы межгрупповой интолерантности// Психологический журнал. Т. 26, № 3. С. 51–64.
124. Лебедева Н.М. (1999). Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла// Психологический журнал. № 3. С. 48-57.
125. Лебедева Н.М. (2002). Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Идентичность и толерантность/ под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Изд-во Инта этнологии и антропологии РАН. С. 10-35.
126. Леонтьев Д. А. (2003). Психология смысла. М.: «Смысл». - 487 с.
127. Липский В.И. (1906). По горным областям русского Туркестана (Тянь-Шаня). СПб. 236 с.
128. Лосев А.Ф. (1991). Диалектика мифа// Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат. – 525 с.
129. Лузаков А.А. (2008). Проблема категоризации в социальном познании с позиций психологии личности// Человек. Сообщество. Управление. № 4 С. 5-17.
130. Лукьянов О.В. (2009). Самоидентичность как условие устойчивости человека в меняющемся мире: автореф. дисс. на соискание ученой степени д. психол. н. Томск. – 41 с.
131. Лурье С.В. (1994). Метаморфозы традиционного сознания. СПб.: Тип. им. Котлякова. – 288 с.
132. Лурье С.В. (2004). Историческая этнология. М.: Академический Проект: Гаудеамус. – 624 с.
133. Лыкошин Н.С. (1916). Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения-Пг., – 415 с.
134. Лэнгле А. (2005). Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности. М.: Генезис. – 235 с.
135. Лэнгле А. Значение самопознания в экзистенциальном анализе и логотерапии: сравнение подходов. Электронный ресурс: <http://hpsy.ru/authors/x179.htm>.
136. Лэндрет Г. Л. (1994). Игровая терапия: Искусство отношений. М.: Междунар. пед. академия. – 368 с.

137. Мадмарова Г.А. Значение концепта «кыргызчылык» в кыргызской лингвокультуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://readera.ru/140116009>).
138. Майков В.В., Козлов В.В. (2007). Трансперсональный проект: психология, антропология, духовные традиции. Том I. Мировой трансперсональный проект. М. – 350 с.
139. Майков В.В., Козлов В.В. (2007). Трансперсональный проект: психология, антропология, духовные традиции. Том II. Российский трансперсональный проект. М. – 424 с.
140. Марцинковская Т.Д. (2013). Социальное пространство: теоретико-эмпирический анализ// Психологические исследования. Т. 6, № 30.
141. Маслоу А. (1999). Мотивация и личность Спб. –181 с.
142. Мацумото Д. (2002). Психология и культура. СПб: Прайм-Еврознак. – 416 с.
143. Межуев В.М. (2009). Русская (национальная) идея как цивилизационный выбор России/ В.М. Межуев// Национальная идея и жизнеспособность государства. Постановка задачи. Материалы научного семинара. Вып.2. М.: Научный эксперт. С.72-91.
144. Минигалиева М. Р. (1998). Развитие самопонимания и психологическое образование личности// Развивающаяся психология – основа гуманизации образования. М. С. 139-140.
145. Молодов О.Б. (2014). «Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана»// Социум и власть № 6 (50). С. 95-102.
146. Момунбаева Н.С. Кыргызский традиционный головной убор - элечек (XIX - XX века). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kyrgyzskiy-traditsionnyu-golovnoy-ubor-elechek-xix-xx-veka>.
147. Мохаддам Ф.М. (2011). Терроризм с точки зрения террористов: что они переживают и думают и почему обращаются к насилию. - М. 288с.
148. Мусаева Н.К. Национальные традиции как фактор формирования социального характера кыргызского народа // Интерактивная наука. – 2017. – № 3 (13). – С. 101-103. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://interactive-science.media/discussion_.
149. Муха В.Н. (2012). Самосознание русского этноса на современном этапе// IV Очередной Всероссийский социологический конгресс Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Уфа, электронный ресурс: <http://www.ssrss.ru/files/File/congress2012/part16.pdf>.
150. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/naselenie/>.
151. Нестик Т.А. (2017). Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование// Социальная и экономическая психология. Том 2. №4 (8). С. 91-118.
152. Низамова Л. Р. (2008). Меньшинства, ассимиляция и мультикультурализм: опыт России и США// Учёные записки Казанского государственного университета. Т. 150, кн. 4. С. 222-233.
153. Ногойбаева Ч. (2011). Вопросы идентичности в истории изобразительного искусства Кыргызстана конца XX – начала XXI// Вопросы истории Кыргызстана. №3, с. 159-169.
154. Нурдинова, Ж. (2011). Этническая и гражданская идентификация в Кыргызстане// Адам леми–Мир человека. № 2. С. 48-56.
155. Нуркова В.В. (2004). Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности// Мир психологии. №2. С. 77-87.
156. Нуркова В.В. (2009). Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: дис. ... дра психол. наук. М.. – 661 с.

157. О Кыргызстане и кыргызской идентичности (2009). Электронный ресурс: <https://www.tuva.asia/news/asia/620-kyrgyz.html>.
158. Огурцов А. П. (2001). Понимание// Новая философская энциклопедия: в 4 тт./ под ред. В. С. Стёпина. М. / электронный ресурс: <http://iph.ras.ru/elib/2365.html>.
159. Ожигова Л.Н. (2009). Смысловые механизмы гендерной и профессиональной реализации личности в полиэтничной среде. Краснодар. КубГУ. – 192 с.
160. Особенности этноэтикета у современных кыргызов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.open.kg/about-kyrgyzstan/culture>.
161. Павленко В.Н. (2000). Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии// Вопросы психологии. №1. С. 135-141.
162. Павленко В.Н., Таглин С.А. (2005). Общая и прикладная этнопсихология. М. Товарищество науч. изд. КМК. – 483 с.
163. Пантеев С. Р., Столин В. В. (1995). Методика исследования самоотношения личности. М. Фолиум. – 56 с.
164. Плоских В.М. (2004). Наш Кыргызстан: Популярная историческая энциклопедия (с древности до конца XIX века) - Бишкек. – С.196-198.
165. Почебут, Л. Г. (2010). Социальная психология [Текст]/ Л. Г. Почебут, И. А. Мейжис. - Москва [и др.]: Питер. - 665 с. : ил., портр.; 24 см. - (Мастера психологии).
166. Почебут, Л. Г. (2018). Организационная социальная психология: учеб. пособие для академического бакалавриата/ Л. Г. Почебут, В. А. Чикер. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Издательство Юрайт. - 246 с. - (Серия : Бакалавр. Академический курс).
167. Пузырей А.А. (2005). Психология. Психотехника. Психагогика. М., Смысл. – 488 с.
168. Пузько В.И. (2003). Самопонимание и кризис личности. Владивосток. – 323 с.
169. Пузько В.И. (2008). Развитие самопонимания и способностей к поступку в ранней юности. Владивосток. –125 с.
170. Пузько В.И. (2009). Развитие самопонимания и целостности личности ребенка старшего дошкольного и младшего школьного возраста. Владивосток. – 202 с.
171. Роджерс К. (1986). К науке о личности// История зарубежной психологии (30-60е гг. XX в.). М. С. 200-230.
172. Роджерс К. Р. (1994). Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: «Дайджест». - 425с.
173. Романова И. А. (2001). Основные направления исследования самопонимания в зарубежной психологии// Психол. журнал. Т. 22. №1. С. 102-112.
174. Росс Л., Нисбетт Р. (1999). Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М.: Аспект Пресс. 429 с.
175. Рубинштейн С.Л. (1997). Человек и мир. М.: Наука. – 190 с.
176. Руткевич. А.М. (1997). «Понимающая психология» К. Ясперса. История философии. № 1. М. С. 23-33.
177. Рябикина З.И. (2003). Личность и ее бытие в быстро меняющемся мире// Личность и бытие: теория и методология. Материалы Всерос. Научн.-практ. конф. /Под ред. З.И.Рябикinou, В.В.Знакова. Краснодар. С. 5-26.
178. Рябикина З.И. (2005). Личность как субъект формирования бытийных пространств// Субъект, личность и психология человеческого бытия/ под ред. В.В.Знакова и З.И.Рябикinou. М. С. 45-57.

179. Рябикина З.И. (2005). Проблема аутентичного бытия личности в современном мире. Известия Южного федерального университета. Технические науки. Т. 51. № 7. С. 188-189.
180. Рябикина З.И. (2013). Перспективы исследований личности с теоретико-методологических позиций психологии субъекта// Человек. Сообщество. Управление. № 3. С. 6-19.
181. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. (2000). Этнология. М.: Академия. – 304 с.
182. Самошкина И.С. (2001). Социальная идентичность как понятие и объяснительный принцип социальной психологии //Материалы Международной конференции студентов и аспирантов по фундаментальным наукам «Ломоносов». Вып. 6. – М.
183. Сандлер Д., Дэр К., Холдер А. (1993). Пациент и психоаналитик. Воронеж. –176 с.
184. Сапогова Е.Е. (2005). Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии. Культурно-историческая психология. № 2. С. 63-74.
185. Сейфи Челеби. (1996). Таварих (Хроники). Материалы фонда Института литературы и искусства АН КР. Инв. №5176//Кыргызы. Источники. История. Этнография. - Бишкек. - С. 54.
186. Синергетические и холистические тенденции Я-концепции: теория и эмпирика. А.А. Байтаевич, Т.Д. Марцинковская// Психологические исследования, №3 (11), 2010, с. 10.
187. Славская А. Н. (2000). Рубинштейновская парадигма субъекта в исследовании интерпретации// Проблема субъекта в психологической науке/ Отв ред А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В.Н. Дружинин. М.: ИП РАН. С. 203-212.
188. Солдатова Г.У. (2000). Этническая идентичность // Психология самосознания / Под ред. В.А. Ядова. Самара: Изд. дом «Бахрус». С. 656-667.
189. Солдатова Г.У. (2008). Толерантность: психологическая устойчивость и нравственный императив// Психодиагностика толерантности личности/Под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М.: Смысл. С. 5-18.
190. Соловьева А.Н. (2009). Культурные различия как основа этнической идентичности в контексте глобализации// Мир психологии. № 3. С. 23-34.
191. Стёпин В.С. (2011). Философский анализ мировоззренческих универсалий культуры// Гуманитарные науки. № 1. С. 8-17.
192. Степкина Т.В. (2007). Методологические основы изучения самопонимания в современной психологии. Вестник АГТУ. № 5 (40). С. 180-184.
193. Стернин И.А. (2003). Национальное коммуникативное сознание как предмет исследования// Русский язык как иностранный. Теория. Исследования. Практика. - СПб. - С.150-170.
194. Стернин И.А. (2008). Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания / науч. ред. З.Д. Попова / И.А. Стернин. - Воронеж: Истоки. – 596 с.
195. Стернин И.А. (2015). Основные направления и перспективы развития когнитивных исследований в Кыргызской Республике / И.А. Стернин, М.Дж. Тагаев, У.Д. Камбаралиева // Вестник КРСУ. Т. 15. № 2. - С. 200-205.
196. Стефаненко Т.Г. (2003). Этнопсихология. М.: Аспект-Пресс. – 368 с.
197. Стефаненко Т.Г. (2003). Язык, этническая идентичность и межэтническое взаимодействие//Межкультурный диалог. М.: Изд-во РУДН. С. 367-404.
198. Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н. (1993). Методы этнопсихологического исследования. М.: Изд-во МГУ. – 80 с.
199. Столин В. В. (1983). Самосознание личности. М.: МГУ. – 248 с.

200. Суранова А., ч. II: электронный ресурс: URL: http://rus.azattyk.org/content/kyrgyzstan_blogs_suranova/249535274.html. 04/03/2013.
201. Сыдыкова Г.М. (2019). Исследование толерантности у киргизских студентов// Электронный научный журнал «Пензенский психологический вестник» - №1(12). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-tolerantnosti-u-kirgizskih-studentov>.
202. Табышалиев С.Т. (1969). Киргизия на завершающем этапе строительства социализма (1951-1958 гг.): (571): Автореф. дисс. на соискание учен. степени д-ра ист. наук / Ташк. гос. ун-т им. В. И. Ленина. - Ташкент. – 59 с.
203. Тагаев М.Дж. (2015). Диалог языков и культур (на материале функционирования и взаимодействия культурно-языковых пространств киргизского и русского языков). Бишкек: Изд-во КРСУ. – 240 с.
204. Таганова А.А. (2004). Личностная идентичность и понимание значимых других: автореф. канд. дис. Краснодар. – 24 с.
205. Танасов Г.Г. (2011а). Субъектно-бытийный подход к пониманию активности личности в переговорах. Краснодар, Кубанский гос. унт. – 226 с.
206. Танасов Г.Г. (2011б). Личность в переговорах: субъектно-бытийный подход: автореф. дисс. на соискание ученой степени др-а психол. н. Краснодар. – 48 с.
207. Тихомиров О.К., Знаков В.В. (1987). Актуальные проблемы психологии понимания и создание «понимающих систем»// Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. № 3. С. 17-26.
208. Тишков В.А. (2001). Этнология и политика. Научная публицистика. М., Наука. –240 с.
209. Торогельдиева Б.М. (2020). Миграция кыргызских граждан в Россию: Возможности и риски// Развитие территорий. 2020. № 4 (22). – с.67-72.
210. Трунов Д.Г. (2009). Этапы и стратегии самопознания// Развитие личности. № 1. С. 78-85.
211. Труфанова Е.О. (2008). Идентичность и Я// Вопросы философии. № 6. С.95-105.
212. Тучина О.Р. (2011). Феномен самоинтерпретации личности, типы и измерение самоинтерпретации//Научные проблемы гуманитарных исследований. № 7.
213. Тучина О.Р. (2012). Основные направления исследования феномена самопонимания в современной психологии// Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), №2(10), www.sisp.nkras.ru.
214. Тучина О.Р. (2012). Самопонимание субъекта как проблема современной психологии// Материалы Международной научно-практической конференции «Специальные и междисциплинарные исследования современной науки». Москва, «Аналитика Родис». С. 143-151.
215. Тучина О.Р. (2015). Самопонимание личностью этнокультурной идентичности в разных условиях бытия: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар. – 60 с.
216. Улановский А.М. (2007). Феноменологический метод в психологии// Методология и история психологии. Т. 2. № 1. С. 130-150.
217. Фахрутдинова Л.Р. (2008). Психология переживания человека. Казань: Изд-во Казан. гос. унта. – 676 с.
218. Фиельструп Ф.А. (2002). Из обрядовой жизни киргизов начала XX века/ Ф. А. Фиельструп; Рос. акад. наук. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. - М.: Наука. – 299, [2] с., [1] л. портр.: ил.; 22 см.

219. Флиер А.Я. (2000). Культурология для культурологов. М.: Академический Проект, 2000. – 672 с.
220. Франк С.Л. (1992). Духовные основы общества. М.: Республика. – 510 с.
221. Франкл В. (1990). Человек в поисках смысла: Сборник/ Пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйдмана. М.: Прогресс. – 368 с.
222. Фрейд, З. (1989). Психология бессознательного. М.: Просвещение. – 448 с.
223. Фрейд, З. (1991). Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука. – 456 с.
224. Фридман Х. (2007). Расширение Я как психологический конструкт для исследования религиозных феноменов без опоры на религиозные представления. Психология. Журнал Высшей Школы Экономики. Т. 4. № 4. С. 101-112.
225. Фромм Э. (1995). Человеческая ситуация. М.: Смысл. – 239 с.
226. Хабибуллин, К.Н., Скворцов, Н.Г. (1993). Испытания национального самосознания. СПб.: Петрополис. – 119 с.
227. Хайдеггер М. (1997). Бытие и время. М.: Ad Marginem. – 452 с.
228. Хамнаева А.Ю. (2007). Идентичность как социально-философская проблема: автореф. дис... к. филос. н. Улан-Удэ. – 23 с.
229. Харламенкова Н.Е. (2004). Генез самоутверждения личности в процессе взросления: дис. ... др-а психол. наук. М. – 409 с.
230. Хачатурян В.М. (2010). Человек в пространстве цивилизации: проблема цивилизационной идентичности// Вопросы социальной теории. Т. 4. С. 218-240.
231. Холодная М.А. (2002). Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб.: Питер. – 272 с.
232. Хомяков М. Б. (2006). Идентичность, толерантность и идея гражданства// Гражданская, этническая и религиозные идентичности в современной России/ Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Издво Инта социологии РАН. С. 30-57.
233. Хотинец В.Ю. (2000). Этническое самосознание. СПб. Алатайя. – 235 с.
234. Черныш М.Ф. (2006). Этнические и общегражданские ценности в самосознании россиян// Гражданская, этническая и религиозные идентичности в современной России М.: Изд-во Инта социологии РАН. С. 103-114.
235. Чернышёва Е.В. (2005). Особенности Я-концепции личности осуждённых: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. - Екатеринбург. – С. 5.
236. Чеснокова И. И. (1977). Проблема самосознания в психологии. М., Наука. – 144 с.
237. Чороев К. (2017). Происхождение кыргызов с точки зрения генеалогических преданий (санжыра) и популяционной генетики. Электронный ресурс: (PDF) Происхождение кыргызов с точки зрения генеалогических преданий и популяционной генетики | Kuban Choroev - Academia.edu.
238. Чотаев Ч. Дж. (2009). Ислам и этническая идентичность//Наука и новые технологии. №5. С. 198-200.
239. Чотаев Ч. Дж. (2012). Парламентская форма правления в Кыргызстане: проблемы и перспективы / З. Дж. Чотаев. - Бишкек. – 124 с.
240. Швецова А.В. (2018). Национальный характер как предмет культурологического осмысления // Исторические повороты культуры. - М.: Согласие. – С. 333-343.
241. Шик С.В. (2008). Концептуальные основания становления самопонимания в воспитании старших подростков//Сибирский педагогический журнал. № 5. С. 345-355.

242. Шнейдер Л.Б. (2001). Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М. – 42 с.
243. Шнейдер, Л. Б. (2019). Психология идентичности: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры/ Л. Б. Шнейдер. — 2-е изд., пер. и доп. — М.: Издательство Юрайт. - 328 с. - (Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс).
244. Шульга Н.А. (1996). Этническая самоидентификации личности. Киев: Ин-т социологии НАН Украины. – 700 с.
245. Эриксон Э. (1993). Детство и общество/ Пер. с англ. Обнинск. – 592 с.
246. Эриксон Э. (1996). Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ./ Общ. Ред. и предисловие Толстых А.В. - М.: Издательская группа «Прогресс». – 344с.
247. Эшимбекова Н.С. Мифопоэтическая традиция кыргызов. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoeticheskaya-traditsiya-kyrgyzov>.
248. Эшимбекова, Н.С. (2014). Психологический портрет кыргызов: история и эмпирика вопроса самоидентификации// Вестник КРСУ. 2014. № 6 (14). С. 76-80.
249. Ялом И. (1999). Экзистенциальная психотерапия. Москва. «Класс». – 576 с.
250. Янчук В.А. (2005). Введение в современную социальную психологию. Учебное пособие для вузов. – Мн.: АСАР. – 768 с.
251. Abdurakhimova, N. A. (2005). Tsarist Russia and Central Asia. In: Adle, C., Palat, M. K. & Tabyshalieva, A. (eds.) History of civilizations of Central Asia.
252. Abele, T. (2004). Zur Jugendpsychologie von erik Homburger Erikson. In H. Hofmann & A. Stiksrud (Hrsg.). (2004). Dem Leben Gestalt geben (S.113-126). Wien: Krammer.
253. Abramzon, Saul (1960). Etnicheskii sostav kirgizskogo naseleniia Severnoi Kirgizii. In Trudy Kirgizskoi Arkheologo-Etnograficheskoi Ekspeditsii. Edited by Georgii Frantsevich Debets. Moscow: Akademiia Nauk, vol. 4, pp. 3-137.
254. Adler, A. (1912). Über den nervösen Charakter. Göttingen: Vandenhoeck/Ruprecht.
255. Adorno, T.W., Frenkel-Brunswik, F., Levinson, D.J. & Sanford, R.N. (1950). The authoritarian personality. New York: Harper.
256. Albrow, M. (1998). Auf dem Weg zu einer globalen Gesellschaft? In U. Beck (Hrsg.), Perspektiven der Weltgesellschaft (S. 411-434). Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
257. Anderson, J. (1999). Kyrgyzstan: Central Asia's island of democracy?, Amsterdam, Harwood Acad. Publ., S. 107.
258. Antonovsky, A. (1997). Salutogenese. Zur Entmystifizierung der Gesundheit. Tübingen: dgvt.
259. APA dictionary of psychology/ Gary R. VandenBos, editor-in-chief. - Second Edition. 2015. Revised edition of APA dictionary of psychology 2007. – P. 1204.
260. Apollonov I. A., Tuchina O. R. Global, national and regional Identity in the Modern/ «Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 3(32) 313 психологические науки».
261. Appelbaum S.A. (1973). Psychological-mindedness: Word, concept and essence// International Journal of Psycho-Analysis. V. 54 (1). P. 35-46.
262. Armitage, C. J., and M. Conner (2001). Efficacy of the Theory of Planned Behaviour: A Meta-Analytic Review. British Journal of Social Psychology 40: 471-499.
263. Astrøm, A. N., and J. Rise. 2001. Young Adults' Intentions to Eat Healthy Food: Extending the Theory of Planned Behaviour. Psychology and Health 16: 223-237.
264. Averill, J. R. (1973). Personal control over aversive stimuli and its relationship to stress. Psychological Bulletin, 80, 286-303.

265. Beck U. (2009). Imagined Communities of Global Risk. Lecture for the Risk Conference in Shanghai. P. 1-18.
266. Beck, U. (1986). Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
267. Beck, U. (Hrsg.) (1998). Perspektiven der Weltgesellschaft. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
268. Bellah R. N., Madsen R., Sullivan W. M., Swidler A., Tipton S. M. (1985). Habits of the heart. Individualism and Commitment in American Life. Berkeley: University of California Press.
269. Bellah, R. N. (1975). The broken covenant. American civil religion in time of trial. New York: Free Press.
270. Bercht, A. L. & Wehrhahn, R. (2011). Urban restructuring processes in Guangzhou/China - the significance of emotion-focussed coping. *Geographische Zeitschrift*, 99, S. 50-64.
271. Bercht, A. L. (2013). Resilience in the Face of Changing Living Conditions in Ghuangzhou, China - Insights and Perspectives from Psychology. *Erdkunde*, 67, S. 63-74.
272. Berry J. W., Sam D. L. (2014). Multicultural societies// In V. BenetMartinez & Y.-Y. Hong (Eds.), *The Oxford handbook of multicultural identity*. P. 97-117.
273. Berry, J. W. & Cavalli-Sforza, L. L. (1986). Cultural and genetic influences on Inuit art. Unpublished Report.
274. Berry, J. W. (1980). Social and cultural change. In H. C. Triandis & R. W. Brislin (Eds.), *Handbook of Cross-Cultural Psychology. Social psychology*. Vol 5. (pp. 211-279). Boston: Allyn and Bacon, Inc.
275. Berry, J. W., Poortinga, Y. H., Segall, M. H. & Dasen, P. R. (1992). *Cross-cultural psychology: Research and applications*. Cambridge: University press.
276. Berzonsky, M.D. (1992). A process perspective on identity and stress management. In G. Adams, T. Gulotta & R. Montemayor (Eds.), *Adolescent identity formation. An annual book series* (Vol. 4, pp. 192-215). London: Sage.
277. Beyer, J. (2010). Ethnonationalismus in Kirgistan – Die Ereignisse im Juni 2010. *Zentralasienanalysen*, 31 – 32 (30.07.2010), S. 11-14.
278. Bhawuk D.P., Brislin R. (1992). The measurement of intercultural sensitivity using the concepts of individualism and collectivism// *International Journal of Intercultural Relations*. № 16(4). P. 413-436.
279. Biddle, B. J., B. J. Bank, and R. L. Slavings (1987). Norms, Preferences, Identities, and Retention Decisions. *Social Psychology Quarterly* 50 (4): 322-337.
280. Billig, M. (1995). *Banal nationalism*, London [u.a.], Sage, S. 200.
281. Blank, T. & Schmidt, P. (1993). Verletzte oder verletzende Nation? Empirische Befunde zum Stolz auf Deutschland. *Journal für Sozialforschung*, 33(4), 391-415.
282. Blank, T. & Schmidt, P. (1997). Konstruktiver Patriotismus im vereinigten Deutschland? Ergebnisse einer repräsentativen Studie. In A. Mummendey & B. Simon (Hrsg.), *Identität und Verschiedenheit – Zur Sozialpsychologie der Identität in komplexen Gesellschaften* (S. 127-148). Bern: Hans Huber.
283. Blank, T. & Schmidt, P. (2003). National identity in a united Germany: Nationalism or patriotism? An empirical test with representative data. *Political Psychology*, 24(2), 289-312.
284. Blank, T. (1997). Wer sind die Deutschen? Nationalismus, Patriotismus, Identität – Ergebnisse einer empirischen Längsschnittstudie. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 13, 38-46.
285. Blanz, M., Mummendey, A., Mielke, R. & Klink, A. (1998a). Responding to negative social identity: A taxonomy of identity management. *European Journal of Social Psychology*, 28, 687-729.

286. Blanz, M., Mummendey, A., Mielke, R. & Klink, A. (1998b). Wechselseitige Differenzierung zwischen sozialen Gruppen: Ein Vorhersagemodell der Theorie der sozialen Identität. *Zeitschrift für Sozialpsychologie*, 29 (3), 239-259.
287. Born, A. (2002). *Regulation persönlicher Identität im Rahmen gesellschaftlicher Transformationsbewältigung*. Münster: Waxmann.
288. Bornewasser, M. & Wakenhut, R. (1999). Nationale und regionale Identität: Zur Konstruktion und Entwicklung von Nationalbewusstsein und soziale Identität. In dies., *Ethnisches und nationales Bewusstsein. Zwischen Globalisierung und Regionalisierung* (S. 41-64). Frankfurt a. M.: Peter Lang Europäischer Verlag der Wissenschaften.
289. Bornewasser, M. (1995). Nationale Identität, Zugehörigkeit und Fremdenfeindlichkeit. In R. Wakenhut (Hrsg.), *Ethnisches und nationales Bewusstsein. 1. FIMO-Kolloquium an der Universität Florenz 1994* (S. 29-56). Frankfurt a. M.: Peter Lang Europäischer Verlag der Wissenschaften.
290. Bourdieu, Pierre & Coleman, James Manuel (1991). *Social theory for a changing society*. - N. Y.: Russell Sage foundation, cop. - 387 p.
291. Boylan M.B. (2006). Psychological mindedness as a predictor of treatment outcome with depressed adolescents// *Dissertation Abstracts International: Section B: The sciences and Engineering*. 67 (6_B). 3479. URL: <http://etd.library.pitt.edu>.
292. Bozdag, A. (1991). Konfliktregion Kirgisien: Dynamik und Eskalation der blutigen Zusammenstöße 1990. (Zusammenfassung: Region of conflict: Kirgizia: dynamics and escalation of the bloody unrest in 1990). *Orient (Opladen)*, 32, S. 365-393.
293. Brewer M. B., Gardner W. (1996). Who is this «we»? Levels of collective identity and self-representations// *Journal of Personality and Social Psychology*. №71. P. 83-93.
294. Brockner J., Chen, Y-r. (1990). The moderating roles of self-esteem and selfconstrual in reaction to a threat to the self: Evidence from the People's Republic of China and the United States // *Journal of Personality and Social Psychology*. № 71. P. 603-615.
295. Brown, D. R. (1953). Stimulus-similarity and the anchoring of subjective scales. *American Journal of Psychology*, 66, 199-214.
296. Brubaker, R. (1994). Rethinking nationhood: nation as institutionalized form, practical category, contingent event. *Contention*, 4, S. 3-14.
297. Brubaker, R. (1996). *Nationalism reframed: Nationhood and the national question in the New Europe*, Cambridge [etc.], Cambridge University Press, S. 202.
298. Brubaker, R. (2002). Ethnicity without groups. *Archives Europeennes De Sociologie*, 43, S. 163-189.
299. Brubaker, R. (2009). Ethnicity, Race, and Nationalism. *Annual Review of Sociology*, 35, S. 21-42.
300. Brubaker, R. (2010). Migration, membership, and the modern nation state: internal and external dimensions of the politics of belonging. *Journal of Interdisciplinary History*, 41, S. 61-78.
301. Brubaker, R. *Nationalism, Ethnicity, and Modernity* (2011). *Nationalism, Ethnicity, and Modernity. Multiple Modernities at the Beginning of XXI Century* [Online]. Available: <https://works.bepress.com/wrb/34/>.
302. Brubaker, R., Loveman, M. & Stamatov, P. (2004). Ethnicity as cognition. *Theory and Society*, 33, S. 31-64.
303. Bruner, J. S. & Goodman, C. C. (1947). Value and needs as organizing factors in perception. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 42, 33-44.
304. Buchanan, W. & Cantril, H. (1953). *How nations see each other*. Urbana, Illinois: University

of Illinois, Press.

305. Bugental J.F.T. (1978). *Psychotherapy and process: The fundamentals of an existential-humanistic approach*. New York.
306. Bugental J.F.T., Kleiner R. (1993). *Existential Psychotherapies// Comprehensive Handbook of Psychotherapy Intergration / Ed. by G. Stricker, L. Gold*. New York.
307. Bugental J.F.T. (1987). *The art of the psychotherapist*. New York et al, 512p.
308. Burke, P. J. (1980). The Self: Measurement Requirements from an Interactionist Perspective. *Social Psychology Quarterly* 43 (1): 18-29.
309. Callero, P. (1985). Role-Identity Saliency. *Social Psychology Quarterly* 48 (3): 203-215.
310. Charng, H. W., J. A. Piliavin, and P. L. Callero (1988). Role Identity and Reasoned Action in the Prediction of Repeated Behaviour. *Social Psychology Quarterly* 51: 303-317.
311. Codol J. P. (1981). A cognitive approach to the feeling of identity// *Social Science Information*. № 20. P. 111-136.
312. Conner, M., and B. McMillan (1999). Interaction Effects in the Theory of Planned Behaviour: Studying Cannabis Use. *British Journal of Social Psychology* 38: 195-222.
313. Conner, M., and C. J. Armitage (1998). Extending the Theory of Planned Behaviour: A Review and Avenues for Future Research. *Journal of Applied Social Psychology* 28: 1429-1464.
314. Conzen, P. (1996). Erik H. Erikson. *Leben und Werk*. Stuttgart: Kohlhammer.
315. Cook-Greuter S. R. (1994). Rare forms of self-understanding in mature adults // *Transcendence and mature thought in adulthood. The further of adult development/ eds. M. E. Miller, S. R. Cook-Greuter*. London.
316. Cooley, C. H. (1902). *Human Nature and the Social Order*. New York: Charles Scribner's Sons.
317. Cross S. E., Madson L. (1997). Models of the Self: Self-Construals and Gender // *Psychological Bulletin*. № 1. P. 5-37.
318. Cross S. E., Morris M. L. (2003). Getting to know you: the relational selfconstrual, relational cognition, and well-being// *Personality and Social Psychology Bulletin*. № 29(4). P. 512-523.
319. Cross S. E., Morris M. L., Gore J. S. (2002). Thinking about oneself and others: the relational-interdependent self-construal and social cognition// *Journal of Personality and Social Psychology*. № 82(3). P. 399-418.
320. Dahrendorf, R. (1998). Anmerkungen zur Globalisierung. In U. Beck (Hrsg.), *Perspektiven der Weltgesellschaft* (S. 41-54). Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
321. Damon W., Hart D. (1982). The development of self-understanding from infancy through adolescence// *Child development*. Vol. 53. № 4. P. 841-864.
322. DeCicco T. L., Stroink M. L. (2007). A third model of self-construal: The metapersonal self// *International Journal of Transpersonal Studies*. № 26. P. 82-104.
323. Delanty G., He B. (2008). Cosmopolitan Perspectives on European and Asian Transnationalism// *International Sociology*. V. 23. N. 3. P. 323-344.
324. Dolotkeldieva, A. (2013). Kyrgyz Migrants in Moscow: Public Policies, Migratory Strategies, and Associative Networks. In: Laruelle, M. (ed.) *Migration and Social Upheaval in the Face of Globalization in Central Asia*. Leiden [u.a.], S. 187-207.
325. Donath, K.-H. (2017). *Konflikte hinter den Kulissen* [Online]. Berlin: taz Verlags u. Vertriebs GmbH. Available: <https://www.taz.de/Syrien-Konferenz-in-Astana!/5373304/>.
326. Dörre, A. (2014). *Naturressourcennutzung im Kontext struktureller Unsicherheiten: eine politische Ökologie der Weideländer Kirgisistans in Zeiten gesellschaftlicher Umbrüche*, Stuttgart, Steiner Zugl.: Berlin, S. 392.

327. Duncker, C. (2000). Verlust der Werte: Wertewandel zwischen Meinungen und Tatsachen. Wiesbaden: DUV.
328. Durkheim, E. (1976). Soziologie und Philosophie. Frankfurt/M.: Fischer.
329. Durkheim, E. (1994). Die elementaren Formen des religiösen Lebens. Frankfurt/M. : Fischer.
330. Düsing, E. (1986). Intersubjektivität und Selbstbewusstsein. Köln: Verlag für Philosophie Dinter.
331. Düsing, W. (1983). Aspekte der Identitätsdarstellung. In G. Eifler, O. Saame & P. Schneider (Hrsg.), Identität (S. 17-36). Mainz: Moser.
332. Eagleton, T. (2001). Was ist Kultur? (2. Aufl.). (Original 2000: The Idea of Culture). München: C. H. Beck.
333. Eckensberger, L. H. (2003). Kultur und Moral. In A. Thomas (Hrsg.), Kulturvergleichende Psychologie (2., überarb. und erw. Aufl., S. 309–347). Göttingen: Hogrefe.
334. Eckert, R., Reis, C. & Wetzstein, T. A. (2000). Ich will halt anders sein wie die anderen. Abgrenzung, Gewalt und Kreativität bei Gruppen Jugendlicher. Opladen: Leske + Budrich.
335. Eisenstadt, S. N. (1998). Modernity and the Construction of Collective Identities. In M. Sasaki (Ed.), Values and Attitudes Across Nations and Time (S. 138-158). Leiden: Koninklijke Brill NV.
336. Elebayeva, A., Omuraliev, N. & Abazov, R. (2000). The shifting identities and loyalties in Kyrgyzstan: The evidence from the field. Nationalities Papers, 28, S. 343-349.
337. Erikson, E. H. (1950/68). Kindheit und Gesellschaft. Stuttgart: Klett.
338. Erikson, E. H. (1988). Der vollständige Lebenszyklus. (Original 1982: The Life Cycle Completed). Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
339. Erikson, E. H. (1994). Identität und Lebenszyklus. (Original 1959: Identity and the Life Cycle). Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
340. EUSAB [Embassy of the United States of America Bishkek] 2007: Poor Kyrgyz Oblast hit hard by growing Inflation. Электронный ресурс: https://wikileaks.org/plusd/cables/07BISHKEK1339_a.html.
341. Falk, Keck M. E., Sikkink K. (1998). Activists Beyond Borders. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
342. Farkas, J. I. & Hogan, D. P. (1995). The demography of changing intergenerational relationships. In V. L. Bengston, K. W. Schaie & L. M. Burton (Eds.), Adult intergenerational relations. Effects of societal change (pp. 1-19). New York: Springer.
343. Fekadu, Z., and P. Kraft (2001). Self-Identity in Planned Behaviour Perspective: Past Behaviour and Its Moderating Effects on Self-Identity-Intention Relations. Social Behavior and Personality 29: 671-686.
344. Fend, H. (1977). Schulklima: Soziale Einflussprozesse in der Schule. Soziologie der Schule III. 1. Weinheim: Beltz Verlag.
345. Fend, H. (1991). Entwicklungspsychologie der Adoleszenz in der Moderne. Band 2: Identitätsentwicklung in der Adoleszenz. Lebensentwürfe, Selbstfindung und Weltaneignung in beruflichen, familiären und politisch-weltanschaulichen Bereichen. Bern: Hans Huber.
346. Fend, H. (1994). Entwicklungspsychologie der Adoleszenz in der Moderne. Band 3: Die Entdeckung des Selbst und die Verarbeitung der Pubertät. Bern: Hans Huber.
347. Fenigstein A. (1997). Self-consciousness and its relation to psychological mindedness// Psychological mindedness: A contemporary understanding. Mahwah, NJ, US: Lawrence Erlbaum Associates Publishers. P. 105-131.
348. Ferrando, O. (2013). The Central Asian States and their Co-Ethnics from Abroad: Diaspora

- Policies and Repatriation Programs. In: Laruelle, M. (ed.) *Migration and Social Upheaval in the Face of Globalization in Central Asia*. Leiden [u.a.], S. 239-262.
349. Field, A. (2005). *Discovering Statistic using SPSS*. London: Sage.
350. Fincher R. (2011). Cosmopolitan or ethnically identified selves? Institutional expectations and the negotiated identities of international students// *Social & Cultural Geography* 1. V. 12. №8.
351. Finke, P., Sanders, R. & Zanca, R. (2013). *Mobility and Identity in Central Asia: An Introduction*. *Zeitschrift für Ethnologie*, 138, S. 129-137.
352. Fishbein, M., and I. Ajzen (1974). Factors Influencing Intentions and the Intention-Behaviour Relation. *Human Relations* 27 (1): 1-15.
353. Forsthofer, R., Martini, M. & Wakenhut, R. (1995). Nationalbewusstsein und Orientierungen gegenüber Europa bei italienischen und deutschen Studenten. In R. Wakenhut (Hrsg.), *Ethnisches und nationales Bewusstsein*. 1. FIMO-Kolloquium an der Universität Florenz 1994 (S. 57-75). Frankfurt a. M.: Peter Lang Europäischer Verlag der Wissenschaften.
354. Fourniau, V. & Poujol, C. (2005). The States of Central Asia (Second Half of nineteenth Century to early twentieth Century). In: Adle, C., Palat, M. K. & Tabyshalieva, A. (eds.) *History of civilizations of Central Asia*. 6. Towards the contemporary period: from the mid-nineteenth to the end of the twentieth century. Paris: UNESCO Publ., S. 29-50.
355. Frey, D., Kumpf, M., Ochsmann, R., Rost-Schaude, E. & Sauer, C. (1977). Theorie der kognitiven Kontrolle. In W. H. Tack (Hrsg.), *Bericht über den 30. Kongress der Deutschen Gesellschaft für Psychologie in Regensburg*, Bd. 1 (S. 105-107). Göttingen: Hogrefe.
356. Frey, H. P. & Haußer, K. (1987). Entwicklungslinien sozialwissenschaftlicher Identitätsforschung. In H. P. Frey & K. Haußer (Hrsg.), *Identität. Entwicklungen psychologischer und soziologischer Forschung* (S. 3-26). Stuttgart: Enke.
357. Gallenmüller, J. & Wakenhut, R. (1992). The conceptualization and development of a questionnaire for analyzing consciousness of national affiliation. *Ricerche di Psicologia*, 16, 9-28.
358. Gallenmüller, J. & Wakenhut, R. (1994). Theorie und Operationalisierung von Bewusstsein nationaler Zugehörigkeit. In A. Thomas (Hrsg.), *Psychologie und multikulturelle Gesellschaft* (S. 65-71). Göttingen: Hogrefe.
359. Geiß, P. G. (1995). *Nationenwerdung in Mittelasien*, Frankfurt am Main [u.a.], Lang, S. 221.
360. Geuter, U. (2003). Das bin ich! Oder? *Psychologie Heute*, 10, 26-29.
361. Gibson-Cline, J. & the Youth and Coping Research Team (2000). The multinational study: reports from Brazilian, Canadian, Chinese, English, Filipino, Greek, Indian, Ethiopianimmigrant-Israeli, mainstream Jewish-Israeli, Japanese, American and Venezuelan young people. In J. Gibson-Cline (Ed.), *Youth and Coping in Twelve Nations. Surveys of 18-20-year-old young people* (pp. 39-55). London: Routledge.
362. Giddens, A. (1991). *Modernity and self-identity. Self and society in the late modern age*. Cambridge: Polity Press.
363. Glukhov, A. P. (2016). Construction of national identity through a social network: a case study of ethnic networks of immigrants to Russia from Central Asia. *AI & SOCIETY*, S. 1-8.
364. Goffman, E. (1967). *Stigma. Über Techniken der Bewältigung beschädigter Identität*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp. (Original 1963: *Stigma. Notes on the Management of Spoiled Identity*. Englewood Cliffs, N.Y.: Prentice-Hall).
365. Göschel, A. (1999). *Kontrast und Parallele – kulturelle und politische Identitätsbildung ostdeutscher Generationen*. Stuttgart: Kohlhammer – Deutscher Gemeindeverlag.
366. Granberg, D., and S. Holmberg (1990). *The Intention-Behavior Relationship Among U.S. and*

- Swedish Voters. *Social Psychology Quarterly* 53 (1): 44-54.
367. Grant A.M. (2001). Rethinking psychological mindedness: Metacognition, selfreflection, and insight// *Behaviour Change*. № 18(1). P. 8-17.
368. Gudykunst W. B., Matsumoto Y, Ting-Toomey S., Nishida T., Kim K., Heyman S. (1996). The Influence of Cultural Individualism-Collectivism, Self Construals, and Individual Values on Communication Styles Across Cultures// *Human Communication Research*. Vol. 22. № 4. P. 510-543.
369. Habermas, J. (1968). *Thesen zur Theorie der Sozialisation. Stichworte und Literatur zur Vorlesung im Sommersemester 1968*. Frankfurt a. M.: Universität.
370. Habermas, J. (1990). Zur Stellung der Sozial- und Geisteswissenschaften. Ein Blick auf ihre Nachkriegsentwicklung. In *American Institute for Contemporary German Studies (Hrsg.), Der deutsche Geist der Gegenwart* (S. 13-23). Bonn: Author.
371. Hanks, R. R. (2011). Crisis in Kyrgyzstan: conundrums of ethnic conflict, national identity and state cohesion. *Journal of Balkan & Near Eastern Studies*, 13, S. 177-187.
372. Hannover B., Birkner N., Pohlmann C. (2006). Ideal selves and self-esteem in people with independent and interdependent self-construal// *European Journal of Social Psychology*. № 36. P. 119-133.
373. Hannover, B. (1997). *Das dynamische Selbst. Zur Kontextabhängigkeit selbstbezogenen Wissens*. Bern: Hans Huber.
374. Hannover, B. (2000). Das kontextabhängige Selbst oder warum sich unser Selbst mit dem sozialen Kontext verändert. In W. Greve (Hrsg.), *Psychologie des Selbst* (S. 227-238). Weinheim: PVU.
375. Hart D., Fegley S. (1995). Prosocial behavior and caring in adolescence: Relations to self-understanding and social judgment// *Child-Development*. Vol 66(5). P. 1346-1359.
376. Haußer, K. (1983). *Identitätsentwicklung*. New York: Harper & Row.
377. Haußer, K. (1995). *Identitätspsychologie*. Berlin: Springer.
378. He B. (2004). Transnational Civil Society and the National Identity Question in East Asia // *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. V. 10 N. 2. P. 227-246.
379. Helfrich, H. (2003). Methodologie kulturvergleichender psychologischer Forschung. In A. Thomas (Hrsg.), *Kulturvergleichende Psychologie* (2., überarb. und erw. Aufl.), (S. 111-138). Göttingen: Hogrefe.
380. Heyder, A. & Schmidt, P. (2002). Deutscher Stolz. Patriotismus wäre besser. In W. Heitmeyer (Hrsg.), *Deutsche Zustände, Folge 1* (S. 71-82). Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
381. Hillmann, K.-H. (1994). *Wörterbuch der Soziologie* (4. Auflage). Stuttgart: Klett.
382. Hoelter, Jon W. (1983). The Effects of Role Evaluation and Commitment on Identity Salience. *Social Psychology Quarterly* 46 (2): 140-147.
383. Höfer, R. (2000). *Jugend. Gesundheit und Identität*. Opladen: Leske+Budrich.
384. Hofmann, H. & Stiksrud, A. (Hrsg.). (2004). *Dem Leben Gestalt geben. Erik H. Erikson aus interdisziplinärer Sicht*. Wien: Krammer.
385. Hogg, M. A. & Abrams, D. (1992). *Social identifications. A social psychology of intergroup relations and group processes*. London: Routledge.
386. Hogg, M. A., D. J. Terry, and K. M. White (1995). A Tale of Two Theories: A Critical Comparison of Identity Theory with Social Identity Theory. *Social Psychology Quarterly* 48: 203-215.

387. Hurrelmann, K. (1989). Einführung in die Sozialisationstheorie. Über den Zusammenhang von Sozialstruktur und Persönlichkeit. Weinheim: Beltz Verlag.
388. Ich-Identität. (1992). In Tewes, U. & Wildgrube, K. (Hrsg.), Psychologie-Lexikon (S. 156). München: R. Oldenbourg Verlag.
389. Identität. (1984). In Brockhaus Die Enzyklopädie (Bd. 3, S. 703). Leipzig: F.A. Brockhaus. Identität. (2005-06). In Brockhaus Die Enzyklopädie: in 30 Bänden. (21., neu bearbeitete Aufl.). Leipzig: F.A. Brockhaus.
390. Isaacs, R. & Polese, A. (2015). Between «imagined» and «real» nation-building: identities and nationhood in post-Soviet Central Asia. Nationalities Papers, 43, S. 371-382.
391. Jakipov, Bazarkul (2006a). Kutay Sanjirası. Talas: Talas Basmakanası. Электронный ресурс: Kyrgyz_Genealogies_and_Lineages_Histories_Everyday.pdf.
392. Jakipov, Bazarkul (2006b). Bagış, Kushchu Sanjirası. Talas: Talas Basmakanası. Электронный ресурс: Kyrgyz_Genealogies_and_Lineages_Histories_Everyday.pdf.
393. James, W. (1909). Psychologie. (Original 1890: Psychology). Leipzig: Verlag von Quelle & Meyer.
394. Kanagawa C, Cross S. E., Markus H. R. (2001). «Who am I?». The cultural psychology of the conceptual self// Personality and Social Psychology Bulletin. № 27. P. 90-103.
395. Keller, H. (2003). Persönlichkeit und Kultur. In A. Thomas (Hrsg.), Kulturvergleichende Psychologie (2., überarb. und erw. Aufl.). (S. 181-205). Göttingen: Hogrefe.
396. Keupp, H. & Höfer, R. (Hrsg.) (1997/98). Identitätsarbeit heute. Klassische und aktuelle Perspektiven der Identitätsforschung. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
397. Keupp, H. & Hohl, J. (Hrsg.) (2006). Subjektdiskurse im gesellschaftlichen Wandel. Zur Theorie des Subjekts in der Spätmoderne. Bielefeld: transcript Verlag.
398. Keupp, H. (1988). Auf dem Weg zur Patschwork-Identität? Verhaltenstherapie und psychosoziale Praxis, 4, 425-438.
399. Keupp, H. (1999). Identitätsarbeit in einer multiphrenen Gesellschaft. Sozialpsychiatrische Informationen, 1, 7-15.
400. Keupp, H. (2004). Fragment oder Einheit? Wie heute Identität geschaffen wird. Unter http://www.ipp-muenchen.de/texte/fragmente_oder_einheit.pdf.
401. Keupp, H., Ahbe, T., Gmür, W., Höfer, R., Mitzscherlich, B., Kraus, W. & Straus, F. (1999/2002). Identitätskonstruktionen. Das Patchwork der Identitäten in der Spätmoderne. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag.
402. Klüfers, P. (2013). Internationale Sicherheit: Neuere Ansätze. In: Enskat, S. & Masala, C. (eds.) Internationale Sicherheit: Eine Einführung. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, S. 159-210.
403. Koch, N. & Paasi, A. (2016). Banal Nationalism 20 years on: Re-thinking, re-formulating and re-contextualizing the concept. Political Geography, 54, S. 1-6.
404. Köchler, H. (1972/1973). Kulturelles Selbstverständnis und Koexistenz. Voraussetzungen für einen fundamentalen Dialog, Innsbruck: Arbeitsgemeinschaft für Wissenschaft und Politik, S. 75-78.
405. Kohlberg, L. (1996). Moralische Entwicklung. In W. Althof, G. Noam & F. Oser (Hrsg.), Die Psychologie der Moralentwicklung. (Original 1968: Moral Development.) Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
406. Korf, B. & Rothfuss, E. (2016). Nach der Entwicklungsgeographie. In: Freytag, T., Gebhardt T, H., Gerhard, U. & Wastl-Walter, D. (eds.) Humangeographie kompakt. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, S. 163-183.

407. Krappmann, L. (1969/2000). *Soziologische Dimensionen der Identität. Strukturelle Bedingungen für die Teilnahme an Interaktionsprozessen.* Stuttgart: Klett-Cotta.
408. Kraus, W. & Mitzscherlich, B. (1995). Identitätsdiffusion als kulturelle Anpassungsleistung. *Psychologie, Erziehung, Unterricht*, 42. Jg., S. 65-72.
409. Kreutzmann, H. (2004). *Mittelasien: politische Entwicklung, Grenzkonflikte und Ausbau der Verkehrsinfrastruktur.* *Geographische Rundschau*, 56, S. 4-9.
410. Kreutzmann, H. (2015). Pamirian crossroads: Kirghiz and Wakhi of High Asia, Wiesbaden Harrassowitz, S. 559.
411. Kreutzmann, H. (2016). From Upscaling to Rescaling: Transforming the Fergana Basin from Tsarist Irrigation to Water Management for an Independent Uzbekistan. In: Hüttl, F. R., Bens, O., Bismuth, C. & HOECHSTETTER, S. (eds.) *Society - Water - Technology: A Critical Appraisal of Major Water Engineering Projects.* Cham: Springer International Publishing, S. 113-127.
412. Laruelle, M. (2007). Wiedergeburt per Dekret: Nationsbildung in Zentralasien. *Osteuropa*, Jg.57, S. 139-154.
413. Laruelle, M. (2012). The paradigm of nationalism in Kyrgyzstan. Evolving narrative, the sovereignty issue, and political agenda. *Communist and Post-Communist Studies*, 45, S. 39-49.
414. Lepsius, M. R. (1990). Nation und Nationalismus in Deutschland. In ders. (Hrsg.), *Interessen, Ideen und Institutionen* (S. 232–246). Opladen: Westdeutscher Verlag.
415. Levita, D. J. de (1971). *Der Begriff der Identität.* (Original 1965: *The Concept of Identity.*) Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
416. Lewin, K. (1951). *Field theory in social science: Selected theoretical papers.* New York: Harper.
417. Light Nathan (2018). *Kyrgyz Genealogies and Lineages: Histories, Everyday Life and Patriarchal Institutions in Northwestern Kyrgyzstan.* *Genealogy*, 2, 53; doi:10.3390/genealogy2040053. Электронный ресурс: [Kyrgyz_Genealogies_and_Lineages_Histories_Everyday.pdf](#).
418. Light, Nathan (2011). Genealogy, history, nation. *Nationalities Papers* 39: 33-53.
419. Light, Nathan (2015a). Animals in the Kyrgyz Ritual Economy: Symbolic and Moral Dimensions of Economic Embedding. In *Economy and Ritual; Studies of Postsocialist Transformations.* Edited by Stephen Gudeman and Chris Hann. Oxford: Berghahn Books, pp. 52-78.
420. Light, Nathan (2015b). Self-Sufficiency is not enough: Ritual Intensification and Household Economies in a Kyrgyz Village. In *Oikos and Market: Explorations in Self-Sufficiency after Socialism.* Edited by Stephen Gudeman and Chris Hann. Oxford: Berghahn Books, pp. 101-136.
421. Light, Nathan (2016). Being Specific About Generalization: Kyrgyz Habitual Narratives in Ethnographic Interviews. In *Language Change in Central Asia.* Edited by Elise Ahn and Juldiz Smagulova. Berlin: De Gruyter Mouton, pp. 33-58.
422. Light, Nathan (2016). History, experience and narration: novel accounts and multiplex stories. In *History Making in Central and Northern Eurasia: Contemporary Actors and Practices.* Edited by Svetlana Jacquesson. Wiesbaden: Ludwig Reichert Verlag, pp. 139-161.
423. Lippman, W. (1922). *Public opinion.* New York: Academic Press.
424. Lohauß, P. (1995). *Moderne Identität und Gesellschaft. Theorien und Konzepte.* Opladen: Leske + Budrich.
425. Lowe, R. (2003). Nation Building and Identity in the Kyrgyz Republic. In: EVERETT-HEATH, T. (ed.) *Central Asia - Aspects of Transition.* London: Routledge, S. 106-131.
426. Marat, E. (2008a). *Imagined Past, Uncertain Future: The Creation of National Ideologies in*

- Kyrgyzstan and Tajikistan. *Problems of Post-Communism*, 55, S. 12-24.
427. Marat, E. (2008b). *National Ideology and Statebuilding in Kyrgyzstan and Tajikistan*, Stockholm, Washington D.C., S. 97.
428. Marcia, J. E. (1980). Identity in adolescence. In J. Adelson (Hrsg.), *Handbook of adolescent psychology* (S. 159-187). New York: Wiley & Sons.
429. Marcia, J. E. (1989). Identity diffusion differentiated. In M. A. Luszcz & T. Nettelbeck (Hrsg.), *Psychological development: Perspectives across the life-span* (S. 289-295). North Holland: Elsevier Science Publishers.
430. Marcia, J. E., Waterman, A. S., Matteson, D. R., Archer, S. L. & Orlofsky, J. L. (1993). *Ego identity. A Handbook for Psychological Research*. New York: Springer-Verlag.
431. Markus H. R., Kitayama S. A collective fear of the collective: Implications for selves and theories of selves// *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1994. № 20. P. 568-579.
432. Markus H., Cross, S. E. (1990). The interpersonal self// *Handbook of personality: Theory and research*. New York: Guilford. 235 p.
433. Marquard, O. (1979). Identität: Schwundtelos und Mini-Essenz – Bemerkungen zur Genealogie einer aktuellen Diskussion. In O. Marquard & K. Stierle (Hrsg.), *Identität* (S. 347-370). München: Fink.
434. Marsal, E. (2004). Identität und Selbst bei Erik H. Erikson. In H. Hofmann & A. Stiksrud (Hrsg.). (2004). *Dem Leben Gestalt geben* (S.79-93). Wien: Krammer.
435. Maslow, A. H. (1954). *Motivation and personality*. New York: Harper & Row.
436. McGuire W. J., McGuire C. V. (1982). Significant others in self-space: Sex differences and developmental trends in the social self// *Psychological Perspectives on the Self*, Erlbaum: Hillsdale, N.J., P. 71-96.
437. Mead, G. (1934). *Mind, Self, and Society*. Chicago: Chicago University Press. Mead, G. H. (1934/78). *Geist, Identität und Gesellschaft*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
438. Meeus, W. (1992). Toward a Psychological Analysis of Adolescent Identity; An Evaluation of the Epigenetic Theory (Erikson) and the Identity Status Model (Marcia). In W. Meeus, M. de Goede, W. Kox & K. Hurrelmann (Eds.), *Adolescence, Careers, and Cultures* (pp. 55-76). Berlin: Walter de Gruyter.
439. Merriman, P. & Jones, R. (2016). Nations, materialities and affects. *Progress in Human Geography*, S. 1-18.
440. Meulemann, H. (1996a). *Werte und Wertewandel. Zur Identität einer geteilten und wieder vereinten Nation*. Weinheim: Juventa.
441. Meulemann, H. (1996b). Wertewandel in modernen Gesellschaften. Erwartungen und Entwicklungen am Beispiel der Bundesrepublik Deutschland vor 1990. In E. Janssen, U. & H. D. Ölschleger (Hrsg.), *Gesellschaften im Umbruch? Aspekte des Wertewandels in Deutschland, Japan und Osteuropa* (S. 41-63). München: Iudicium Verlag.
442. Meulemann, H. (Hrsg.) (1998). *Werte und nationale Identität im vereinten Deutschland*. Opladen: Leske + Budrich.
443. Militz, E. & Schurr, C. (2016). Affective nationalism: Banalities of belonging in Azerbaijan. *Political Geography*, 54, S. 54-63.
444. Morris, B. (1994). *Anthropology of the self. The individual in cultural perspective*. London: Pluto Press.
445. Mummendey, A. & Simon, B. (1997). Nationale Identifikation und die Abwertung von

- Fremdgruppen. In dies. (Hrsg.), *Identität und Verschiedenheit. Zur Sozialpsychologie der Identität in komplexen Gesellschaften* (S. 175-194). Bern: Hans Huber.
446. Mummendey, A., Kessler, T., Klink, A. & Mielke, R. (1999). Strategies to cope with negative social identity: predictions by social identity theory and relative deprivation theory. *Journal of Personal and Social Psychology*, 76 (2), 229-245.
447. Nick, P. (2002). *Ohne Angst verschieden sein. Differenzerfahrungen und Identitätskonstruktionen in der multikulturellen Gesellschaft*. Frankfurt a. M.: Campus Verlag.
448. Noland, C. M. Auto-photography as research practice: Identity and self-esteem research. 2006: Auto-photography as research practice: Identity and self-esteem research. *Journal of Research Practice* 2 (1), Article M1 [Online]. Электронный ресурс: <http://jrp.icaap.org/index.php/jrp/article/view/19/65>.
449. Paasi, A. (2016). Dancing on the graves: Independence, hot/banal nationalism and the mobilization of memory. *Political Geography*, 54, S. 21-31.
450. Palat, M. K. (2005). The Evolution of Nation-States. In: Aale, C., Palat, M. K. & TABYSHALIEVA, A. (eds.) *History of civilizations of Central Asia. 6. Towards the contemporary period: from the mid-nineteenth to the end of the twentieth century*. Paris: UNESCO Publ., S. 213-224.
451. Palmer, N. (2007). Ethnic Equality, National Identity and Selective Cultural Representation in Tourism Promotion: Kyrgyzstan, Central Asia. *Journal of Sustainable Tourism*, 15, S. 645-662.
452. Parsons, T. (1968). The Position of Identity in the General Theory of Action. In C. Gordon & K. J. Gergen (Eds.), *The Self in Social Interaction* (pp. 11-24). New York: John Wiley & Sons, Inc.
453. Phinney, J. & Rosenthal, D. (1992). Ethnic identity in adolescence. Prozess, context and outcome. In G. Adams, T. Gulotta & R. Montemayor (Eds.), *Adolescent identity formation* (pp. 145-172). Newbury Park, CA: Sage.
454. Phinney, J. & Rotheram, M. (Eds.) (1990). *Children's ethnic socialisation: Pluralism and development*. Newbury Park, CA: Sage.
455. Phinney, J. (1990). Ethnic identity in adolescence and adults: A review of reseach. *Psychological Bulletin*, 180, 499-514.
456. Phoenix, C. (2010). Auto-photography in aging studies: Exploring issues of identity construction in mature bodybuilders. *Journal of Aging Studies*, 24, S. 167-180.
457. Piaget, J. (1932/1983). *Meine Theorie der geistigen Entwicklung*. Frankfurt a. M.: Fischer. Piaget, J. (1974). *Der Aufbau der Wirklichkeit beim Kind*. Stuttgart: Klett.
458. Piaget, J. (1976). *Die Äquilibration der kognitiven Strukturen*. Stuttgart: Klett. Piaget, J. & Inhelder, B. (1973). *Die Psychologie des Kindes*. Olten: Walter.
459. Pichler F. (2012). Cosmopolitanism in a global perspective: An international comparison of open-minded orientations and identity in relation to globalization// *International Sociology*. V. 27. N. 1. P. 21-50.
460. Pissulla-Wälti, D. (2006). *Personale und soziale Identität ost- und westdeutscher Jugendlicher im Vergleich*. Unveröffentlichte Diplomarbeit, Universität zu Köln.
461. Platta, H. (2002). Wer bin ich denn? *Psychologie Heute*, 06, 50-53.
462. Plaut V. C., Thomas K. M., Goren M. J. (2009). Is multiculturalism or color blindness better for minorities? // *Psychological Science*. Vol. 20 (4). P. 444-446.
463. Polster-Kasische, T. (2017). Nationale Identität und Nationalismus im Prozess. Eine Auto-Photographiestudie in Naryn, Kirgistan. *Berliner Geographische Blätter* Nr. 9. – BGB, Hrsg. Hermann Kreutzmann, Freie Universität Berlin, s. 94.

464. Pörnbacher, U. (1999). *Ambivalenzen der Moderne – Chancen und Risiken der Identitätsarbeit von Jugendlichen*. Opladen: Leske + Budrich.
465. Public Opinion Survey Residents of Kyrgyzstan (2016). IRI Presentation. P. 77// SIAR research and consulting/ SIAR. URL: <http://siar-consult.com/en/news/rezultaty-oprosa-zhitelej-kyrgyzstana/>.
466. Quaiser-Pohl, C., Schmidt-Denter, U. & Schöngen, D. (2005). *Untersuchungen zur personalen und sozialen Identität von Jugendlichen und ihren Eltern in Ostdeutschland*. Forschungsbericht Nr. 7 zum Projekt «Personale und soziale Identität im Kontext von Globalisierung und nationaler Abgrenzung». Köln: Psychologisches Institut der Universität.
467. Quaiser-Pohl, C., Trautewig, N., Schick, H. & Schmidt-Denter, U. (2005). *Vergleich der personalen und sozialen Identität von Jugendlichen und ihren Eltern in West- und Ostdeutschland*. Forschungsbericht Nr. 13 zum Projekt «Personale und soziale Identität im Kontext von Globalisierung und nationaler Abgrenzung». Köln: Psychologisches Institut der Universität.
468. Reeves, M. (2014). *The Time of the Border - Contingency, Conflict, and Popular Statism at the Kyrgyzstan-Uzbekistan Boundary*. *Ethnographies of the State in Central Asia*. Indiana University Press, S. 198-220.
469. Rokeach, M. (Hrsg.) (1979). *Understanding human values: Individual and societal*. New York: Free Press.
470. Rotter, J. B. (1990). Internal versus external locus of control of reinforcement. *American Psychologist*, 45, 489-493.
471. Roy, O. (2000). *The new Central Asia: the creation of nations. La nouvelle Asie Centrale ou la fabrication des nations*, London [u.a.], Tauris, S. 222.
472. Schäfer, B. & Schlöder, B. (1990). Nationalbewusstsein als Aspekt sozialer Identität. In P. Leidinger & D. Metzler (Hrsg.), *Geschichte und Geschichtsbewusstsein*. Festschrift für Karl-Ernst Jeismann (S. 309-348). Münster: Schnell Buch & Druck.
473. Schlenker, B. R. (1989). *Impression management: The self-concept, social identity, and interpersonal relations*. Belmont: Brooks/Cole.
474. Schmidt, M. (2006). 15 Jahre Unabhängigkeit der kirgisischen Republik - Entwicklungshemmnisse der postsowjetischen Transformation. *Geographische Rundschau*, 58, S. 48-56.
475. Schmidt, M. (2007). Die Erfindung Kirgistans und der unvollendete Prozess der Nationenbildung. *Europa Regional*. DEU, S. 209-223.
476. Schmidt, P. & Heyder, A. (2000). Wer neigt eher zu autoritärer Einstellung und Ethnozentrismus, die Ost- oder die Westdeutschen? - Eine Analyse mit Strukturgleichungsmodellen. In R. Alba, P. Schmidt & M. Wasmer (Hrsg.), *Deutsche und Ausländer: Freude, Fremde oder Feinde? Theoretische Erklärungen und empirische Befunde*. *Blickpunkt Gesellschaft*. Band 5. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag.
477. Schmidt, P. (1998). Nationale Identität, Nationalismus und Patriotismus in einer Panelstudie 1993, 1995 und 1996. In H. Meulemann (Hrsg.), *Werte und nationale Identität im vereinten Deutschland* (S. 269-281). Opladen: Leske + Budrich.
478. Schmidt, P. (1998). Nationale Identität, Nationalismus und Patriotismus in einer Panelstudie 1993, 1995 und 1996. In H. Meulemann (Hrsg.), *Werte und nationale Identität im vereinten Deutschland* (S. 269-281). Opladen: Leske + Budrich.
479. Schmidt-Denter, U. & Schick, H. (2007). Nationalismus und Patriotismus im europäischen Vergleich. Forschungsbericht Nr. 25 zum Projekt «Personale und soziale Identität im Kontext von

- Globalisierung und nationaler Abgrenzung». Köln: Psychologisches Institut der Universität.
480. Schmidt-Denter, U. & Schöngen, D. (2003). Untersuchungen zur personalen und sozialen Identität von Jugendlichen und ihren Eltern in Westdeutschland. Forschungsbericht Nr. 2 zum Projekt «Personale und soziale Identität im Kontext von Globalisierung und nationaler Abgrenzung». Köln: Psychologisches Institut der Universität.
481. Schmidt-Denter, U. & Wachten, A. (2009). Beziehungen zwischen personaler und sozialer Identität. (Forschungsbericht Nr. 33 zum Projekt «Personale und soziale Identität im Kontext von Globalisierung und nationaler Abgrenzung»). Köln: Universität.
482. Schmidt-Denter, U. & Zurawska, W. & Schöngen, D. (2004). Untersuchungen zur personalen und sozialen Identität von Jugendlichen und ihren Eltern in Polen. Forschungsbericht Nr. 5 zum Projekt «Personale und soziale Identität im Kontext von Globalisierung und nationaler Abgrenzung». Köln: Psychologisches Institut der Universität.
483. Schmidt-Denter, U. & Zurawska, W. & Schöngen, D. (2005). Vergleich der personalen und sozialen Identität von Jugendlichen und ihren Eltern in Deutschland und Polen. Forschungsbericht Nr. 9 zum Projekt «Personale und soziale Identität im Kontext von Globalisierung und nationaler Abgrenzung». Köln: Psychologisches Institut der Universität.
484. Schmidt-Denter, U. (2005). Soziale Beziehungen im Lebenslauf. Lehrbuch der sozialen Entwicklung. (4., vollständig überarb. Aufl.). Weinheim: Beltz Verlag.
485. Schmidt-Denter, U. (2011). Die Deutschen und ihre Migranten. Ergebnisse der europäischen Identitätsstudie. Beltz Juventa. Weinheim und Basel.
486. Schmidt-Denter, U. Quaiser-Pohl, C. & Schöngen, D. (2002/05). Ein Verfahren zur Erfassung der personalen und sozialen Identität von Jugendlichen und Erwachsenen. Forschungsbericht Nr. 1 zum Projekt «Personale und soziale Identität im Kontext von Globalisierung und nationaler Abgrenzung». (2. Aufl.). Köln: Psychologisches Institut der Universität.
487. Schöngen, D. (2006). Die Entwicklung der jugendlichen Identität in Abhängigkeit von der elterlichen Identität unter Berücksichtigung der elterlichen Erziehung als Einflussvariable. (Dissertation). Online veröffentlicht unter urn:nbn:de:hbz:38-17733 und URL: <http://kups.ub.uni-koeln.de/volltexte/2006/1773/>.
488. Schwartz, S. J. (2002). Convergent validity in objective measures of identity status: Implications for identity status theory. *Adolescence*, 37, 609-626.
489. Segall, M. H., Dasen, P. R., Berry, J. W. & Poortinga, Y. H. (1990). Human behaviour in global perspective: An introduction to cross-cultural psychology. New York: Pergamon.
490. Seligmann, M. E. P. (1979). Erlernte Hilflosigkeit. (Original 1975: Helplessness. On depression, development, and death. San Francisco: Freeman). München: Urban & Schwarzenberg.
491. Sherif, M. (1966). Group conflict and cooperation: Their social psychology. London: Routledge and Kegan Paul.
492. Shigaeva, J., Hagerman, S., Zerriffi, H., Hergarten, C., Isaeva, A., Mamadalieva, Z. & Foggin, M. (2016). Decentralizing Governance of Agropastoral Systems in Kyrgyzstan: An Assessment of Recent Pasture Reforms. *Mountain Research and Development*, 36, S. 91-101.
493. Shill M.A., Lumley M.A. (2002). The Psychological Mindedness Scale: factor structure, convergent validity and gender in a non-psychiatric sample// *Psychology and psychotherapy*. № 75. Pt 2. P. 131-150.
494. Simon, B. & Mummendey, A. (1997). Selbst, Identität und Gruppe: Eine sozialpsychologische Analyse des Verhältnisses von Individuum und Gruppe. In A. Mummendey & B. Simon (Hrsg.), *Identität und Verschiedenheit. Zur Sozialpsychologie der Identität in komplexen*

- Gesellschaften (S. 11-38). Bern: Huber.
495. Simon, R. W. (1992). Parental Role Strains, Salience of Parental Identity, and Gender Differences in Psychological Distress. *Journal of Health and Social Behavior* 33: 25-35.
496. Singelis T. M. (1994). The measurement of independent and interdependent selfconstruals// *Personality and Social Psychological Bulletin*. № 20. P. 580-591.
497. Sparks, P. (2000). Subjective Expected Utility-Based Attitude-Behavior Models: The Utility of Self-Identity. In *Attitudes, Behaviour, and Social Context: The Role of Norms and Group Membership*, eds. D. J. Terry and M. A. Hogg, 31-46. Mahwah, NJ: Laurence Erlbaum.
498. Sparks, P., and R. Shepherd (1992). Self-Identity and the Theory of Planned Behaviour: Assessing the Role of Identification with Green Consumerism. *Social Psychology Quarterly* 55 (4): 388-399.
499. Stalin, J. W. (1913). *Marxismus und nationale Frage*. In: KPDSU (ed.) *J. W. Stalin Werke - 1907-1913, Band 2*. Berlin: Dietz Verlag, S. 266-333.
500. STAT.KG [National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic] (2015a). 3.1. Численность постоянного населения по национальностям [Online]. Bishkek: National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. Available: <http://www.stat.kg/media/files/9cd9d7ee-78f0-413e-885d-80f914049ebf.pdf>.
501. STAT.KG [National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic] (2015b). 5.01.00.03 Total population by nationality [Online]. Bishkek: National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. Available: <http://www.stat.kg/en/statistics/naselenie/>.
502. STAT.KG [National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic] (2015c). 5.01.00.17 The number of resident population [Online]. Bishkek: National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. Available: <http://www.stat.kg/en/statistics/naselenie/>.
503. Steins, G. & Rudolph, U. (1994). Fremdenfeindlichkeit aus sozialpsychologischer Sicht: Vorauslaufende Bedingungen, Folgen, Interventionen. In H. Knortz (Hrsg.), *Fremdenfeindlichkeit in Deutschland* (S. 101–118). Frankfurt a. M.: Peter Lang Europäischer Verlag.
504. Stern, W. (1914). *Psychologie der frühen Kindheit*. Leipzig: Barth.
505. Stern, W. (1918a). *Die menschliche Persönlichkeit*. (Bd.2). Leipzig: Barth.
506. Stern, W. (1918b). Grundgedanken der personalistischen Philosophie. In A. Liebert (Hrsg.), *Philosophische Vorträge der Kantgesellschaft* (Nr. 20). Berlin: Reuther & Reichard.
507. Stern, W. (1923). *Person und Sache. System des kritischen Personalismus*. Bd. 1: Ableitung und Grundlehre des kritischen Personalismus. Leipzig: Barth.
508. Straub, J. & Thomas, A. (2003). In A. Thomas (Hrsg.), *Kulturvergleichende Psychologie* (2., überarb. und erw. Aufl.), (S. 543-565). Göttingen: Hogrefe.
509. Straub, J. (1998). Personale und kollektive Identität. Zur Analyse eines theoretischen Begriffs. In A. Assmann & H. Friese (Hrsg.), *Identitäten. Erinnerung, Geschichte, Identität* 3. (S. 73-104). a. M.: Suhrkamp.
510. Straub, J. (2003). Psychologie und die Kulturen in einer globalisierten Welt. In A. Thomas (Hrsg.), *Kulturvergleichende Psychologie* (2., überarb. und erw. Aufl.), (S. 543-565). Göttingen: Hogrefe.
511. Stryker, S. (1968). Identity Salience and Role Performance: The Relevance of Symbolic Interaction Theory for Family Research. *Journal of Marriage and the Family* 30: 558-564.
512. Stryker, S. (1980). *Symbolic Interactionism: A Social Structural Version*. Menlo Park, CA: Benjamin/Cummings.
513. Stryker, S., and R. T. Serpe (1982). Commitment, Identity Salience, and Role Behaviour:

- Theory and Research Example. In *Personality, Roles, and Social Behaviour*, eds. W. Ickes and E. S. Knowles, 199-218. New York: Springer-Verlag.
514. Tabyshalieva, A. (2005). Kyrgyzstan. In: Adle, C., Palat, M. K. & Tabyshalieva, A. (eds.) *History of civilizations of Central Asia. 6. Towards the contemporary period: from the mid-nineteenth to the end of the twentieth century*. Paris: UNESCO Publ., S. 263-287.
515. Tajfel, H. & Turner, J. C. (1979). An integrative theory of intergroup conflict. In W. G. Austin & S. Worchel (Eds.), *The social psychology of intergroup relations* (S. 33-47). Monterey: Brooks/Cole Publ.
516. Tajfel, H. & Turner, J. C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel & W. G. Austin (Eds.), *Psychology of intergroup relations* (pp. 7-24). Chicago: Nelson-Hall.
517. Tajfel, H. & Turner, J.C. (2004). The social identity theory of intergroup behavior. In J. Jost & J. Sidanius (Eds.), *Political psychology: Key readings* (S. 276-293). New York: Psychology Press.
518. Tajfel, H. (1974). Social identity and intergroup behaviour. *Social Science Information/sur les sciences sociales*. 13(2), 65-93.
519. Tajfel, H. (1978a). Intergroup behaviour: I. Individualistic perspectives. In H. Tajfel & C. Fraser (Eds.), *Introducing social psychology: An analysis of individual reaction and response* (pp. 401-422). New York: Penguin Press.
520. Tajfel, H. (1978b). Intergroup behaviour: II. Group perspectives. In H. Tajfel & C. Fraser (Eds.), *Introducing social psychology: An analysis of individual reaction and response* (pp. 423-446). New York: Penguin Press.
521. Tajfel, H. (1982/92). *Gruppenkonflikt und Vorurteil. Entstehung und Funktion sozialer Stereotypen*. (Original: *Human groups and social categories*. Cambridge University Press). Bern: Huber.
522. Tchorev, T. (2002). Historiography of Post-Soviet Kyrgyzstan. *International Journal of Middle East Studies*, 34, S. 351-374.
523. Teney C., Lacewell O. P., De Wilde P. (2013). Winners and losers of globalization in Europe: attitudes and ideologies// *European Political Science Review*, November. P. 1-21.
524. Terry D. J. и Smith J. R. (2018). The interplay Between Self-Identity and Past Behavior
электронный ресурс: <https://www.encyclopedia.com/social-sciences/applied-and-social-sciences-magazines/self-identity>.
525. Terry, D. J., M. A. Hogg, and K. M. White (1999). The Theory of Planned Behaviour: Self-Identity, Social Identity, and Group Norms. *British Journal of Social Psychology* 38: 225-244.
526. Theodorakis, Y. (1994). Planned Behaviour, Attitude Strength, Role Identity, and the Prediction of Exercise Behaviour. *Sports Psychologist* 8: 149-165.
527. Thoits, P. A. (1991). On Merging Identity Theory and Stress Research. *Social Psychology Quarterly* 54 (2): 101-112.
528. Thoits, P. A., and L. K. Virshup (1997). Me's and We's: Forms and Functions of Social Identities. In *Self and Identity: Fundamental Issues*, eds. R. D. Ashmore and L. Jussim, 1:106-133. Oxford: Oxford University Press.
529. Thomas, A. (Hrsg.). (2003). *Kulturvergleichende Psychologie*. (2., überarb. und erw. Aufl.). Göttingen: Hogrefe.
530. Thomas, M. E. (2009). Auto-Photography. In: KITCHIN, R. & THRIFT, N. (eds.) *International Encyclopedia of Human Geography*. Oxford: Elsevier, S. 244-251.
531. Thumann, M. 2016. Kirgisistan: Merkels abseitige Reise [Online]. Hamburg: ZEIT ONLINE.

Электронный ресурс: <http://www.zeit.de/politik/ausland/2016-07/kirgisistan-angela-merkel-aussenpolitik>.

532. Todd A. R., Galinsky A. D. (2012). The reciprocal link between multiculturalism and perspective-taking: How ideological and self-regulatory approaches to managing diversity reinforce each other // *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 48 (6). P. 1394-1398.
533. Trafimow D., Silverman E. S., Fan R. M., Law J. S. F. (1997). The effects of language and priming on the relative accessibility of the private self and the collective self // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. № 28. P. 107-123.
534. Trafimow D., Triandis, H. C, Goto, S.G. Some tests of the distinction between the private self and the collective self// *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. № 60. P. 649–655.
535. Triandis H. C. The self and social behavior in differing cultural contexts// *Psychological Review*. 1989. № 96. P. 506-520.
536. Triandis H. C., McClusker C., Hui, H. C. (1990). Multimethod probes of individualism and collectivism// *Journal of Personality and Social Psychology*. № 59. P. 1006-1020.
537. Triandis, H. C. (1995). *Individualism & collectivism*. Boulder: Westview Press.
538. Trommsdorff (2003). Kulturvergleichende Entwicklungspsychologie. In A. Thomas (Hrsg.), *Kulturvergleichende Psychologie* (2., überarb. und erw. Aufl.). (S. 139-179). Göttingen: Hogrefe.
539. Turner, J. (1984). Social Identification and psychological group formation. In H. Tajfel (Ed.), *The social dimension*. Bd. 2 (pp. 518-538). Cambridge: Cambridge University Press.
540. Turner, J. C. (1991). *Social influence*. Buckingham: Open University Press.
541. Turner, J., Hogg, M., Oakes, P. J., Reicher, S. D. & Wetherell, M.S. (1987). *Rediscovering the social group. A self-categorisation theory*. Oxford: Basil Blackwell.
542. Tyrell, H. (1978). Anfragen an die Theorie der gesellschaftlichen Differenzierung. *ZfS*, 7, 175-193.
543. UCA [University of Central Asia] (2014): *Quality of Life in Naryn Oblast Kyrgyz Republic, 2011 - Overview Report Revised March 2014*. Available: <http://mri.scnatweb.ch/en/resources/publications/newsflashes/global-flash-from-mri/flash-documents-1/2438-naryn-baseline-survey-2014/file>.
544. Utz S. (2004). Self-construal and cooperation: is the interdependent self more cooperative than the independent self?// *Self and identity*. № 3. P. 177-190.
545. Vinken, H. & Ester, P. (1992). Modernisation and Value Shifts: A Cross-cultural and Longitudinal Analysis of Adolescents' Basic Values. In W. Meeus, M. de Goede, W. Kox & K. Hurrelmann (Eds.), *Adolescence, Careers, and Cultures* (pp. 409-427). Berlin: Walter de Gruyter.
546. Vinokurov, E. (2013). *The Art of Survival: Kyrgyz Labor Migration, Human Capital, and Social Networks*. Central Asia Economic Paper, S. 1-9.
547. Volkan, V. (2000) *Das Versagen der Diplomatie. Zur Psychoanalyse nationaler, ethnischer und religiöser Konflikte*. Gießen: Psychosozial-Verlag.
548. Wächter, J.D. (2004). Identität als bildungsideal? In H. Hofmann & A. Stiksrud (Hrsg.). *Dem Leben Gestalt geben* (S.253-267). Wien: Krammer.
549. Wakenhut, R. (1995). Die deutsche Nation im Bewusstsein junger Bundesbürger. Begriffliche Klärungen und empirische Befunde zum Bewusstsein nationaler Zugehörigkeit in Deutschland. In R. Wakenhut (Hrsg.), *Ethnisches und nationales Bewusstsein*. 1. FIMO-Kolloquium an der Universität Florenz 1994 (S. 9–28). Frankfurt a. M.: Peter Lang Europäischer Verlag.
550. Weber, M. (2001). *Wirtschaft und Gesellschaft: Die Wirtschaft und die gesellschaftlichen Ordnungen und Mächte - Nachlass Teilband 1: Gemeinschaften*. In: Baier, H., Lepsius, M. R.,

- Mommsen, W. J., Schluchter, W. & Winckelmann, J. (eds.) Max Weber Gesamtausgabe - Im Auftrag der Kommission für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Tübingen: J. C. B. Mohr, S. 401.
551. Westjohn S. A., Arnold M. J., Magnusson P., Zdravkovic S., Zhou J. X. (2009). Technology readiness and usage: a global-identity perspective// *Journal of the Academy of Marketing Science*. V. 37. N. 3. P. 250-265.
552. Westle, B. (1992). Strukturen nationaler Identität in Ost- und Westdeutschland. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 44, 3, 461-488.
553. Westle, B. (1995). Nationale Identität und Nationalismus. In U. Hoffmann-Lange (Hrsg.), *Jugend und Demokratie in Deutschland. DJI-Jugendsurvey 1* (S. 195-243). Opladen: Leske + Budrich.
554. Westle, B. (1999). Collective Identification in Western and Eastern Germany. In H. Kriesi, K., Armingeon, H., Siegrist & A., Wimmer (Eds.), *Nation and National Identity. The European Experience in Perspective* (pp. 175-198). Zürich: Rüegger.
555. Whitbourne, S. K. & Weinstock, C. S. (1986). *Adult development* (Vol. 2). New York: Praeger.
556. White, C. L., and P. J. Burke (1987). Ethnic Role Identity among Black and White College Students: An Interactionist Perspective. *Sociological Perspectives* 30: 310-331.
557. Wiewiorka, M. (2003). *Kulturelle Differenzen und kollektive Identitäten*. (Original 2001: *La différence*, Paris: Editions Balland). Hamburg: Hamburger Edition HIS Verlags.
558. Wilberg, S. (1995). *Nationale Identität: Empirisch untersucht bei 14-Jährigen in Polen und in Deutschland*. Münster: Waxmann.
559. Wiley, M. G. (1991). Gender, Work, and Stress: The Potential Impact of Role-Identity Salience and Commitment. *Social Psychology Quarterly* 32: 495-510.
560. Wippermann, C. (1998). *Religion, Identität und Lebensführung. Typische Konfigurationen in der fortgeschrittenen Moderne. Mit einer empirischen Analyse zu Jugendlichen und jungen Erwachsenen*. Opladen: Leske + Budrich.
561. Witte, E. H. (1993). Einleitung: Die Selbstkonzeptforschung auf der Suche nach Ihrer Identität: Eine gemeinsame Betrachtung der publizierten Arbeiten. In B. Pörzgen & E.H. Witte (Hrsg.), *Selbstkonzept und Identität*. Braunschweig: Schmidt.
562. Yogeewaran K., Davies T., Sibley C. G. (2016). Janusfaced nature of color blindness: Social dominance orientation moderates the relationship between colorblindness and outgroup attitudes // *European Journal of Social Psychology*.
563. Zavalloni, M. (1980). Values. In H. C. Triandis & R. W. Brislin (Eds.), *Handbook of Cross-Cultural Psychology. Socialpsychology*. Vol 5. (pp. 73-120). Boston: Allyn and Bacon, Inc.
564. Zeugner-Roth K.P., Žabkar V., Diamantopoulos A. (2015). Consumer Ethnocentrism, National Identity, and Consumer Cosmopolitanism as Drivers of Consumer Behavior: A Social Identity Theory Perspective// *Journal of International Marketing*, V. 23. N. 2. P. 25-54.
565. Ziai, A. (2001). *Globalisierung als Chance für Entwicklungsländer?: ein Einstieg in die Problematik der Entwicklung in der Weltgesellschaft*, Münster u.a., Lit, S. 161 S.
566. Ziai, A. (2013). The discourse of «development» and why the concept should be abandoned. *Development in Practice*, 23, S. 123-136.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Таблица 1. Основные направления исследования феномена самопонимания в мировой психологии

в психологии развития	в психологии познания	в консультативной психологии и психотерапии	в нарративной психологии
- основной акцент сделан на изучении самопонимания в детском и подростковом возрасте; - отождествление самопонимания с самосознанием и его продуктами, а именно «образом Я»	- феномен самопонимания в контексте исследования собственно проблемы понимания; - традиции исследования понимания: когнитивное, нарративное и экзистенциальное	- В гуманистической терапии психологические проблемы клиентов трактуются как результат незнания себя, поэтому терапевтический процесс рассматривается как поиск самопонимания; - поиск самопонимания лежит в основе экзистенциальной психотерапии	- проводится аналогия между пониманием текста и пониманием человеком самого себя, собственного поведения и событий своей жизни; - рассмотрение «я» как продукта совместного со-конструирования в сообществе (community)
самопонимание как функция социального познания у детей в процессе социализации, ключевое понятие личностного развития «понятие о Я» (Деймон В. и Харт Д.)	отождествление понимания и самопонимания, подчеркивается взаимозаменяемость данных понятий: «Понимая мир, человек должен понять себя» (Знаков В.В.)	Суть субъективного познания в том, что новое знание человек приобретает, обращаясь к собственной внутренней «индивидуальной системе координат» (Роджерс К.)	создание «текста» о самом себе, непрерывная самоинтерпретация (Джерджен К.Дж., Макадамс Д.П., Херманс, Г., Левин Х., Сарбин Т.)
самопонимание и образ себя рассматриваются как основные составляющие «Я-познаваемого» (Благ К.и Шебек М.)	зависимость понимания себя от развития мышления, развивается в подростковом возрасте (Выготский Л.С.)	самопонимание как одно из ключевых понятий в игровой терапии, основанной на клиент-центрированном подходе К. Роджерса (Лэндрет Г. Л.)	нарративная терапия сфокусирована на том, как люди выражают свой опыт, посредством чего люди придают смысл своему опыту и делают его понятным для себя и для других (Уайт М.)
стадии самопонимания, в основе которых лежат стадии развития личности (автономная, самосознания и универсальная), для каждой такой стадии характерны своя	самопонимание может быть определено как «постижение человеком смысла своего существования, в результате которого происходит когнитивное и эмоциональное	у каждого человека есть потенциал осознать свою жизнь, понять ее и предпринять конструктивные шаги на пути к тому, чтобы жить более аутентично, больше	феномен автобиографической памяти (высшей мнемической функции), оперирующей с личностно-отнесенным опытом, обеспечивающим

структура и способы самопонимания (Кук-Грейтер С.)	согласование продуктов самосознания и реальности» (Кайгородов Б.В.)	стать самим собой (Бюдженталь)	формирование субъективной истории личного прошлого и переживание себя как уникального протяженного во времени субъекта жизненного пути (Нуркова В.В.)
--	---	--------------------------------	---

Приложение 2

Таблица 2. Основные подходы к исследованию феномена самопонимания в российской психологии

когнитивный	нарративный	экзистенциально-герменевтический	субъектно-бытийный
- самопонимание - представляет собой систему представлений человека о своих индивидуально-психологических особенностях, своем типе отношения к другим людям, рефлексивного отношения других к себе, своих мотивах, своего места в мире, интроспективные представления человека о своих индивидуальных интеллектуальных ресурсах. Основная задача самопонимания состоит в создании комплексного, непротиворечивого и объективного представления о себе - - самопонимание как осмысленный результат наблюдения и объяснения человеком своих мыслей и чувств, мотивов поведения	- самопонимание рассматривается как непрерывная самоинтерпретация, происходящая в определенном социальном и культурном контексте - самопонимание как конструирование субъективного опыта, порождения и развития индивидуального смысла событий в жизни человека - подход в изучении самопонимания «ориентирован на выявление целостных ситуаций человеческого бытия: субъект задает себе и другим смыслопорождающие вопросы, направленные на развитие историй»	- самопонимание рассматривается как опосредованная возможность понимания себя, выявление личностного смысла в символически выраженном проекте – произведении, поступках. - самопонимание рассматривается как способ изменения смысловой сферы субъекта, нахождения личностного смысла посредством целенаправленной работы с символами, основным механизмом самопонимания является при этом переживание	- самопонимание личности как процесс поиска и обретения идентичности, в контексте которого личность находит ценностные основания своего бытия в социокультурном контексте; - самопонимание как результат данного процесса представляет собой ценностно-смысловой конструкт, выражающий понимание, объяснение и принятие субъектом мира и самого себя
Кайгородов Б.В.	Нуркова В.В.	Пузько В.И., Буякас Т.М., Пузырей А.А.	Тучина О. Р., Стефаненко Т.В.

Таблица 4. Подходы к анализу категории самости по J. Bruner в модификации В.А. Янчука [250]

Биологический	Экзистенциально-феноменологический	Социально-конструктивистский	Когнитивно-опытный	Психоаналитический
Я как физиологический и генетический процесс	Я как субъективные переживания	Я как социальный конструкт	Я как непрерывная концентрация на формировании значений	Я как детерминированное бессознательным
Blum Singer Alexander	Chikzchent michalyi James Rogers	Rosaldo Kondo McDonald	Abramson Weiner Davis	Фрейд Хорни Эриксон Фромм

Схема 1. Многообразие подходов к самости по В.А. Янчуку

Многообразие теорий организации и функционирования самости

Теория самоподтверждения	Теория самодетерминации	Теория самосоответствия	Теория саморасширения	Теория самовосприимчивости	Теория самокатегоризации	Теория социальной идентичности
Мотив к поддержанию самоинтегрированности	Удовлетворение трех базовых потребностей: компетентности, связанности с окружающими и самодетерминированности	Связь экзистенциальных событий с жизненными целями или планами. Рассогласование актуального	Подчеркивается роль близких отношений с окружающими и в расширении идентичности, ресурсов и перспектив	Понимание собственных установок и интересов через анализ собственного поведения	Самоопределение в той или иной ситуации представляет собой своеобразное движение между индивидуальным и групповым	Наличие репертуара восприятия себя, различными идентичностями, классифицируемым как личностные или социальные
		стами.				
Claude Steele	Edward L. Deci, Richard M. Ryan	E. Tory Higgins	Sara Konrath	Daryl Bem	John C. Turner	Henri Tajfel, John Turner

Схема 2. Многообразие теорий организации и функционирования самости по В.А. Янчуку

Приложение 4

Таблица 5. Варианты операционализации для национально-обусловленных ориентаций

Национально-обусловленная ориентация	Объяснение
Националистические ориентации	Превосходство, сила (Wakenhut R., [353]); гордость в отношении своей истории и нации (Blank T. & Schmidt P., [281]); достижения в спорте, первенство в Европе (Blank T. & Schmidt P., [282])
Патриотические ориентации	Сообщество, солидарность в обществе, традиции (Wakenhut R., [353]); гордость за спортивные, экономические и технические успехи, политическое влияние и собственную культуру (Blank T. & Schmidt P., [281])
Конституционно-патриотические ориентации	Демократия, свобода, основные права и другие универсальные принципы (Wakenhut R., [353]); гордость за политическую систему и предоставляемые социальные услуги (Blank T. & Schmidt P., [281]); гордость за возможность участия в политической жизни (Blank T. & Schmidt P., [282])

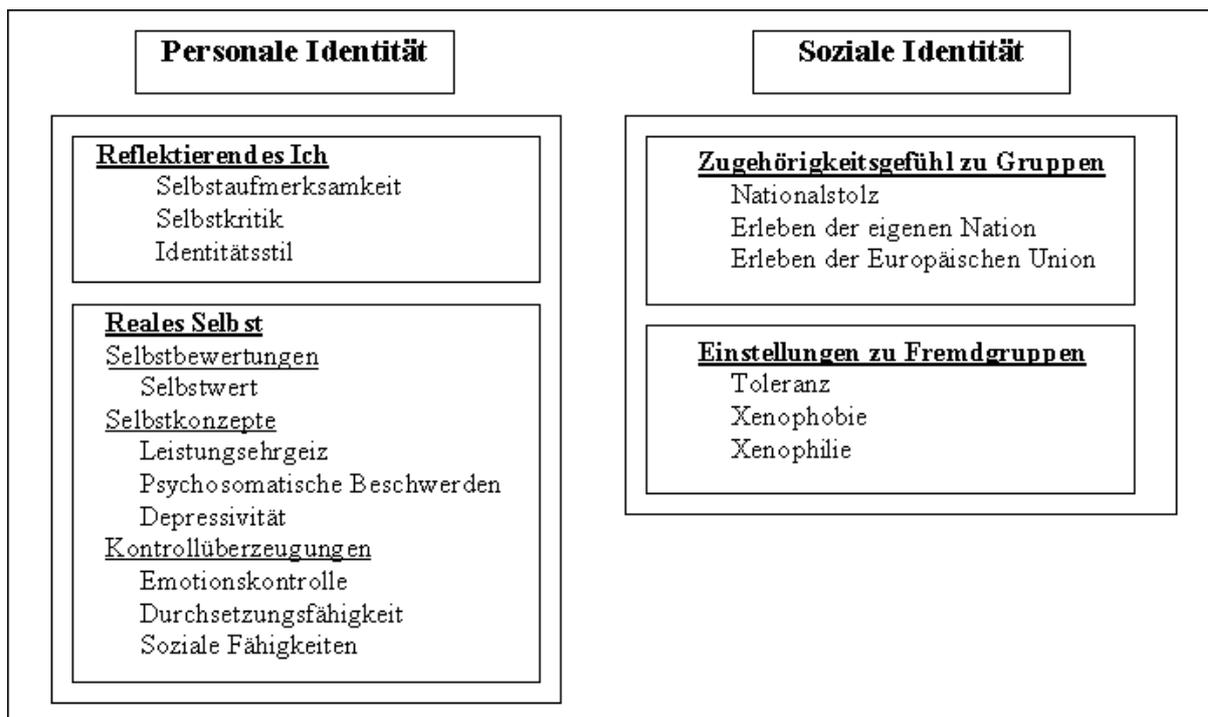

Рис 6. Показатели краткой формы опросника У. Шмидт-Дентера

Рис 7. Структурная модель самопонимания личной и социальной идентичности

Таблица 8 - Результаты диагностики «Я-Действующее» титульного этноса Кыргызстана по опроснику ОЛСИ (средние значения и %)

Показатели «Я-Действующее» самопонимания личной идентичности	Среднее значение
Политическое поведение (получение информации)	13,38
Политическое поведение (выбор партии) (в %)	
СДПК	19,2%
РАЖ	9,6%
Кыргызстан	4,8%
Өнүгүү-Прогресс	3,5%
Бир Бол	3,5%
Ата-Мекен	10,6%
Другая	48,6%
Религиозное поведение (важность религии) (в %)	
Очень важна	38,5%
Скорее важна	23,0%
Частично важна	19,1%

Скорее не важна	6,8%
Не важна	12,6%
Религиозное поведение (активность) (в %)	
Я член религиозной группы	1,6%
Я регулярно посещаю религиозную службу	2,2%
По большим праздникам я посещаю религиозную службу	5,4%
Я постоянно молюсь	34,5%
Я беру на себя обязанности в своей религиозной группе	4,8%
Другое	10,2%
Ничего из этого	41,3%

Приложение 8

Таблица 9 - Результаты диагностики «Я-Идеальное» титульного этноса Кыргызстана по опроснику ОЛСИ (средние значения)

Показатели «Я-идеальное» самопонимания личной идентичности	Среднее значение	Ранг
Общие ценности	60,13	
Внутренняя гармония	3,67	13
Удовольствие	3,89	11
Свобода	4,31	6
Социальный порядок	4,16	8
Национальная безопасность	4,38	4,5
Самоуважение	4,40	3
Мир во всем мире	4,42	2
Уважение традиций	3,95	10
Зрелая любовь	3,71	12
Социальное признание	3,97	9
Изменчивая жизнь	2,79	15
Авторитет	3,31	14
Истинная дружба	4,38	4,5
Социальная справедливость	4,22	7
Основание семьи	4,59	1
Этнические ценности		
Богатство	3,90	2
Стимулирование совместного развития с соседними странами	3,86	4
Равенство	4,21	1
Духовная жизнь	3,89	3
Ценность работы (в %)		
Работа как бизнес	11,7%	
Зарплата не важна, важно качество работы	30,5%	
Работа как вынужденная необходимость	10,2%	
Охотно работаю, но ценю и другие сферы жизни	20,6%	
Работа самое главное в жизни	16,2%	
Нет оплачиваемой работы	3,2%	
Не определился с ответом	7,6%	

Приложение 9

Таблица 11 - Результаты диагностики «Установки в отношении чужих групп» титульного этноса Кыргызстана по опроснику ОЛСИ (средние значения/%)

Показатели «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности	Среднее значение	Ранг	Наибольший/наименьший процент симпатии (1/5)
Симпатия к чужим странам	42,99/60		
Англия	3,90	4	5,4%/41,9%
Белоруссия	3,08	9	12,4%/16,8%
Казахстан	3,46	8	7,9%/21,9%
Кыргызстан	4,54	1	1,6%/72,1%
Китай	2,93	11	19,7%/16,5%
Россия	3,92	3	1,9%/36,2%
США	3,79	5	8,3%/39,9%
Таджикистан	2,78	12	17,8%/12,4%
Турция	3,73	6,5	6,3%/32,1%
Узбекистан	3,00	10	15,9%/16,9%
Франция	4,20	2	1,9%/47,5%
Южная Корея	3,73	6,5	8,6%/36,2%
Толерантность	4,09/10		
Низкий/высокий уровень толерантности	17,8%/25,1%		
Ксенофобия	13,64/20		
Ксенофилия	27,83/40		

Таблица 15 - Результаты статистического анализа по Н-критерию Крускала-Уоллиса по «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности титульного этноса Кыргызстана по опроснику ОЛСИ

Показатели «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности	χ^2	ρ
Общие ценности	0,41	0,81
Внутренняя гармония	2,32	0,31
Удовольствие	5,12	0,08
Свобода	8,57	0,01
Социальный порядок	0,15	0,93
Национальная безопасность	0,74	0,69
Самоуважение	1,55	0,46
Мир во всем мире	1,96	0,37
Уважение традиций	14,28	0,01
Зрелая любовь	2,20	0,33
Социальное признание	3,42	0,18
Изменчивая жизнь	0,26	0,88
Авторитет	0,16	0,92
Истинная дружба	12,54	0,01
Социальная справедливость	0,71	0,70
Основание семьи	1,20	0,55
Этнические ценности		
Богатство	0,35	0,84
Стимулирование совместного развития с соседними странами	1,60	0,45
Равенство	6,75	0,03
Духовная жизнь	0,87	0,65
Ценность работы	4,09	0,13

Таблица 17 - Результаты статистического анализа по Н-критерию Крускала-Уоллиса по «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности титульного этноса Кыргызстана по опроснику ОЛСИ

Показатели «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности	X ²	ρ
Симпатия к чужим странам	2,51	0,29
Англия	2,13	0,35
Белоруссия	4,79	0,09
Казахстан	4,19	0,12
Кыргызстан	0,37	0,83
Китай	2,53	0,28
Россия	18,76	0,01
США	6,55	0,04
Таджикистан	13,56	0,01
Турция	2,73	0,26
Узбекистан	10,92	0,01
Франция	9,47	0,01
Южная Корея	3,32	0,19
Толерантность	9,30	0,01
Ксенофобия	1,92	0,38
Ксенофилия	13,42	0,01

Приложение 12

Таблица 18 - Факторный анализ самопонимания личной и социальной идентичности у кыргызов от 17 до 25 лет (12 выделенных факторов после вращения)

Факторы	Показатели	Факторная нагрузка	Показатель самопонимания личной и социальной идентичности
1. Общие ценности (прежде социальная справедливость и безопасность) Информативность 11,037%	Удовольствие	,486	Общие ценности показателя «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Социальный порядок	,523	
	Национальная безопасность	,791	
	Самоуважение	,668	
	Мир во всем мире	,797	
	Уважение традиций	,568	
	Зрелая любовь	,462	
	Истинная дружба	,620	
	Социальная справедливость	,849	
	Основание семьи	,540	
	Общие ценности	,798	
	Равенство	,463	
Франция	,401		
2. Симпатия к чужим странам ближнего зарубежья (пограничным странам) Информативность 8,557%	Белоруссия	,717	Симпатия к чужим странам показателя «Установка в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Казахстан	,504	
	Китай	,570	
	Россия	,769	
	Таджикистан	,831	
	Турция	,479	
	Узбекистан	,801	
	Симпатия к чужим странам	,842	
3. Позитивная самооценка Информативность 6,786%	Самооценка	,736	Показатели «Я-Реальное» с одним показателем «Я-Действующего» самопонимания личной идентичности и одним показателем «Чувства принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности
	Профессиональные амбиции	,419	
	Депрессия	-,769	
	Контроль эмоций	,593	
	Умение настоять на своем	,574	
	Социальные способности	,500	
	Политическая информированность	,643	
	Национальная гордость	,581	
4. Самовнимание Информативность 4,937%	Личное самовнимание	,795	Самовнимание как показатель «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности
	Общественное самовнимание	,815	
	Самовнимание сумма	,962	
5. Ценность семьи и нации более важна, чем религия Информативность 4,497%	Важность религии	-,783	Показатели «Я-Действующее» в отношении религии самопонимания
	Активность религиозного поведения	-,494	
	Основание семьи	,515	
	Отношение к нации	,431	

			личной идентичности
6. Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья, прежде всего к США Информативность – 3,809%	Англия	,425	Симпатия к чужим странам показателя «Установка в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Казахстан	,424	
	США	,657	
	Франция	,440	
	Симпатия к чужим странам	,423	
7. Богатство на основе авторитета и совместного развития Информативность – 3,514%	Авторитет	,547	Общие и этнические ценности показателя «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Богатство	,731	
	Совместное развитие	,584	
	Китай	,466	
8. Свобода Информативность – 3,393%	Удовольствие	,559	Общие ценности показателя «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности и симпатия к Кыргызстану
	Свобода	,786	
	Социальный порядок	,414	
	Кыргызстан	,442	
9. Социальные способности препятствуют диффузному стилю идентичности Информативность – 3,245%	Диффузный стиль идентичности	,818	Диффузный стиль идентичности как показатель «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности
	Социальные способности	-,428	
10. Изменчивая жизнь Информативность – 3,229%	Социальное признание	,580	Общие ценности показателя «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Изменчивая жизнь	,781	
11. Духовная жизнь Информативность – 3,046%	Духовная жизнь	,738	Этническая ценность показателя «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
12. Информационный стиль идентичности Информативность – 3,040%	Информационный стиль идентичности	,843	Информационный стиль идентичности как показатель «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности

Приложение 13

Таблица 19 - Факторный анализ самопонимания личной и социальной идентичности у кыргызов от 30 до 49 лет (12 выделенных факторов после вращения)

Факторы	Показатели	Факторная нагрузка	Показатель самопонимания личной и социальной идентичности
1. Общие и этнические ценности (прежде всего, национальной безопасности) Информативность - 12,058%	Свобода	,532	Общие и этнические ценности показателя «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Социальный порядок	,682	
	Национальная безопасность	,868	
	Самоуважение	,756	
	Мир во всем мире	,772	
	Уважение традиций	,648	
	Зрелая любовь	,456	
	Социальное признание	,670	
	Социальная справедливость	,618	
	Основание семьи	,795	
	Общие ценности	,881	
	Богатство	,400	
Равенство	,506		
Духовная жизнь	,434		
2. Симпатия к чужим странам, прежде всего дальнего зарубежья Информативность - 7,919%	Англия	,761	Симпатия к чужим странам показателя «Установка в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Белоруссия	,440	
	Россия	,503	
	США	,745	
	Турция	,746	
	Франция	,824	
	Южная Корея	,480	
	Симпатия к чужим странам	,745	
3. Симпатия к чужим странам ближнего зарубежья, прежде всего, к Узбекистану Информативность – 5,765%	Белоруссия	,492	Симпатия к чужим странам показателя «Установка в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Китай	,563	
	Таджикистан	,807	
	Узбекистан	,840	
	Южная Корея	,500	
	Симпатия к чужим странам	,587	
4. Самовнимание к себе как гражданину Кыргызстана Информативность – 5,600%	Личное самовнимание	,774	Самовнимание как показатель «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности
	Общественное самовнимание	,865	
	Самовнимание сумма	,935	
	Идентификация со своей страной	,434	
5. Умение контролировать эмоции, препятствующее возникновению депрессивной симптоматики Информативность – 5,381%	Самокритика	,643	Показатели «Я-Реальное» с одним показателем «Я-Рефлексивного» самопонимания личной идентичности
	Психосоматические жалобы	,415	
	Депрессия	,843	
	Контроль эмоций	-,801	
	Умение настоять на своем	-,555	
	Социальные способности	-,428	

6. Совместное развитие на основе зрелой любви и богатства Информативность – 3,684%	Зрелая любовь	,595	Общие и этнические ценности показателя «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Богатство	,584	
	Совместное развитие	,722	
7. Диффузный стиль идентичности в сочетании с профессиональными амбициями Информативность – 3,536%	Диффузный стиль идентичности	,758	Диффузный стиль идентичности как показатель «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности
	Ориентированный на нормы идентичности	,621	
	Профессиональные амбиции	,521	
8. Ксенофобия Информативность – 3,386%	Толерантность	,637	Установки в отношении чужих групп самопонимания социальной идентичности
	Ксенофобия	,553	
	Ксенофилия	,724	
9. Внутренняя гармония и удовольствие Информативность – 3,354%	Внутренняя гармония	,686	Общие ценности показателя «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Удовольствие	,698	
	Свобода	,421	
10. Авторитет и симпатия к Казахстану препятствуют заниженной самооценке Информативность – 3,352%	Самооценка	-,408	Показатель «Я-Реальное» с одним показателем «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности и двумя показателями «Чувства принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности
	Авторитет	,662	
	Национальная гордость	,406	
	Казахстан	,654	
11. Изменчивая духовная жизнь Информативность – 3,334%	Изменчивая жизнь	,831	Общая и этническая ценность показателя «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Духовная жизнь	,405	
12. Отношение с симпатией к Кыргызстану как к стране, так и к своей нации Информативность – 3,135%	Отношение к нации	,691	Два показателя самопонимания социальной идентичности показателей «Чувство принадлежности к группе» и «Установка в отношении чужих групп»
	Кыргызстан	,651	

Приложение 14

Таблица 20 - Факторный анализ самопонимания личной и социальной идентичности у кыргызов от 50 лет и старше (до 81 года) (12 выделенных факторов после вращения)

Факторы	Показатели	Факторная нагрузка	Показатель самопонимания личной и социальной идентичности
1. Общие и этнические ценности (прежде всего, самоуважения, мира во всем мире, совместного развития, основания семьи и национальной безопасности) Информативность - 16,458%	Удовольствие	,563	Общие и этнические ценности показателя «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Свобода	,781	
	Социальный порядок	,743	
	Национальная безопасность	,808	
	Самоуважение	,872	
	Мир во всем мире	,842	
	Уважение традиций	,453	
	Зрелая любовь	,573	
	Социальное признание	,589	
	Авторитет	,404	
	Истинная дружба	,529	
	Социальная справедливость	,727	
	Основание семьи	,818	
	Общие ценности	,921	
	Богатство	,429	
	Совместное развитие	,819	
	Равенство	,727	
Духовная жизнь	,462		
2. Симпатия к чужим странам, прежде всего ближнего зарубежья Информативность - 7,185%	Белоруссия	,766	Симпатия к чужим странам показателя «Установка в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Казахстан	,540	
	Китай	,526	
	Таджикистан	,753	
	Турция	,424	
	Узбекистан	,857	
	Южная Корея	,474	
	Симпатия к чужим странам	,753	
3. Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья, прежде всего, к Франции Информативность - 4,822%	Англия	,748	Симпатия к чужим странам показателя «Установка в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	США	,739	
	Франция	,781	
	Симпатия к чужим странам	,517	
4. Профессиональные амбиции и связанные с ними стили идентичности Информативность - 4,815%	Информационный стиль идентичности	,632	Стили идентичности как показатель «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности с показателем «Чувства принадлежности к группе» и показателем «Установки в
	Ориентированный на нормы стиль идентичности	,668	
	Профессиональные амбиции	,759	
	Отношение к нации	,468	
	Россия	,483	

			отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
5. Общие ценности важнее религии Информативность – 4,741%	Важность религии	-,733	Показатель «Я- Действующее» с показателями общих ценностей «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности и показатель симпатии к чужим странам
	Внутренняя гармония	,402	
	Уважение традиций	,592	
	Истинная дружба	,651	
	Россия	,401	
Турция	,506		
6. Самовнимание Информативность – 4,585%	Личное самовнимание	,646	Самовнимание как показатель «Я- Рефлексивное» самопонимания личной идентичности
	Общественное самовнимание	,734	
	Самовнимание сумма	,887	
7. Идентификация со страной на основе прежде всего духовной, а не социально- политической Информативность – 3,745%	Политическая информированность	,436	Показатель «Я- Действующее», с показателями «Я- Идеальное» самопонимания личной идентичности и показатель Чувства принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности
	Социальное признание	,409	
	Духовная жизнь	,603	
	Идентификация со страной	,806	
8. Самокритика с тенденцией к ксенофилии Информативность – 3,737%	Самокритика	,790	Показатели «Я- Рефлексивное» самопонимания личной идентичности с установками в отношении чужих групп самопонимания социальной идентичности
	Диффузный стиль идентичности	,416	
	Ксенофобия	,460	
	Ксенофилия	,617	
9. Национальная гордость Информативность – 3,201%	Национальная гордость	,788	Показатели «Чувства принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности
	Отношение к нации	,506	
10. Снижение ценности работы Информативность – 3,119%	Ценность работы	-,852	Показатель «Я- Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Социальные способности	,780	

11. Социальные способности, придающие авторитет Информативность – 3,093%	Авторитет	,427	Показатель «Я-Реальное» с показателем «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
12. Высокая самооценка, препятствующая появлению депрессивной симптоматики Информативность – 3,038%	Самооценка	,780	Два показателя «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности
	Депрессия	-,719	

Приложение 15

Таблица 21 - Факторный анализ самопонимания личной и социальной идентичности у кыргызов всей выборки исследования (7 выделенных факторов после вращения)

Факторы	Показатели	Факторная нагрузка	Показатель самопонимания личной и социальной идентичности
1. Общие и этнические ценности (прежде всего, самоуважение и национальная безопасность) Информативность – 13,387%	Удовольствие	,572	Общие и этнические ценности показателя «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Свобода	,660	
	Социальный порядок	,739	
	Национальная безопасность	,807	
	Самоуважение	,804	
	Мир во всем мире	,761	
	Уважение традиций	,536	
	Зрелая любовь	,541	
	Социальное признание	,598	
	Истинная дружба	,504	
	Социальная справедливость	,729	
	Основание семьи	,646	
	Общие ценности	,926	
	Совместное развитие	,518	
Равенство	,559		
2. Симпатия к чужим странам, прежде всего ближнего зарубежья Информативность – 7,495%	Белоруссия	,731	Симпатия к чужим странам показателя «Установка в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Казахстан	,620	
	Китай	,615	
	Россия	,453	
	Таджикистан	,804	
	Узбекистан	,845	
	Южная Корея	,501	
	Симпатия к чужим странам	,797	
3. Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья Информативность – 5,276%	Англия	,745	Симпатия к чужим странам показателя «Установка в отношении чужих групп» самопонимания
	США	,707	
	Турция	,602	
	Франция	,753	
	Симпатия к чужим странам	,565	

			социальной идентичности
4. Умение настоять на своем, позитивная самооценка и умение контролировать эмоции противостоят депрессии Информативность – 4,882%	Самооценка	,599	Показатели «Я-Реального» самопонимания личной идентичности
	Депрессия	-,783	
	Контроль эмоций	,580	
	Умение настоять на своем	,627	
	Социальные способности	,534	
5. Самовнимание Информативность – 4,452%	Личное самовнимание	,766	Показатели «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности
	Общественное самовнимание	,827	
	Самовнимание сумма	,955	
6. Ориентированный на нормы идентичности, связанный с профессиональными амбициями Информативность – 3,696%	Информационный стиль идентичности	,598	Стили идентичности как показатели «Я-Рефлексивное» и показателем «Я-Реальное» и «Я-действующее» самопонимания личной идентичности
	Ориентированный на нормы стиль идентичности	,677	
	Профессиональные амбиции	,635	
	Политическая информированность	,408	
7. Изменчивая жизнь Информативность – 3,058%	Изменчивая жизнь	,679	Общие ценности показателя «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Авторитет	,595	

Приложение 16

Таблица 22 - Латентные факторы структуры самопонимания личной и социальной идентичности разновозрастных представителей кыргызского этноса

Общие латентные факторы выборки в целом	1 группа	2 группа	3 группа
Общие и этнические ценности (прежде всего, самоуважение и национальная безопасность)	Общие ценности (прежде всего, социальная справедливость и безопасность)	Общие и этнические ценности (прежде всего, национальной безопасности)	Общие и этнические ценности (прежде всего, самоуважения, мира во всем мире, совместного развития, основания семьи и национальной безопасности)
Симпатия к чужим странам, прежде всего ближнего зарубежья	Симпатия к чужим странам ближнего зарубежья (пограничным с Кыргызстаном странам)	Симпатия к чужим странам, прежде всего дальнего зарубежья	Симпатия к чужим странам, прежде всего ближнего зарубежья

Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья	Позитивная самооценка	Симпатия к чужим странам ближнего зарубежья, прежде всего, к Узбекистану	Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья, прежде всего, к Франции
Умение настоять на своем, позитивная самооценка и умение контролировать эмоции противостоят депрессии	Самовнимание	Самовнимание к себе как гражданину Кыргызстана	Профессиональные амбиции и связанные с ними стили идентичности
Самовнимание	Ценность семьи и нации более важна, чем религия	Умение контролировать эмоции, препятствующее возникновению депрессивной симптоматики	Общие ценности важнее религии
Ориентированный на нормы стиль идентичности, связанный с профессиональными амбициями	Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья, прежде всего к США	Совместное развитие на основе зрелой любви и богатства	Самовнимание
Изменчивая жизнь	Богатство на основе авторитета и совместного развития	Диффузный стиль идентичности в сочетании с профессиональными амбициями	Идентификация со страной на основе, прежде всего, духовной, а не социально-политической
	Свобода	Ксенофобия	Самокритика с тенденцией к ксенофилии
	Социальные способности препятствуют диффузному стилю идентичности	Внутренняя гармония и удовольствие	Национальная гордость
	Изменчивая жизнь	Авторитет и симпатия к Казахстану препятствуют заниженной самооценке	Снижение ценности работы
	Духовная жизнь	Изменчивая духовная жизнь	Социальные способности, придающие авторитет
	Информационный стиль идентичности	Отношение с симпатией к Кыргызстану как к стране, так и к своей нации	Высокая самооценка, препятствующая появлению депрессивной симптоматики

Приложение 17

Таблица 26 - Результаты статистического анализа по U-критерию Манна-Уитни по «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности экспериментальной и контрольной групп по опроснику ОЛСИ

Показатели «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности	U-критерий	Значимость
Общие ценности	22175,50	0,16
Внутренняя гармония	22748,50	0,14
Удовольствие	24365,50	0,97
Свобода	21417,00	0,01
Социальный порядок	21862,50	0,03
Национальная безопасность	21080,50	0,01
Самоуважение	22359,00	0,06
Мир во всем мире	22908,50	0,12
Уважение традиций	24254,00	0,86
Зрелая любовь	23517,50	0,37
Социальное признание	21475,50	0,01
Изменчивая жизнь	24174,50	0,69
Авторитет	24671,00	0,97
Истинная дружба	23554,50	0,34
Социальная справедливость	21049,50	0,01
Основание семьи	22317,00	0,04
Этнические ценности		
Богатство	21190,50	0,01
Стимулирование совместного развития с соседними странами	22521,00	0,10
Равенство	21965,00	0,03
Духовная жизнь	22866,00	0,16
Ценность работы	20000,00	0,01

Приложение 18

Таблица 28 - Результаты статистического анализа по U -критерию Манна-Уитни по «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности экспериментальной и контрольной групп по опроснику ОЛСИ

Показатели «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности	U-критерий	Значимость
Симпатия к чужим странам	22906,00	0,19
Англия	21200,00	0,01
Белоруссия	24295,50	0,75
Казахстан	20617,00	0,01
Кыргызстан	19956,00	0,01
Китай	21492,00	0,02
Россия	24621,00	0,94
США	20778,50	0,01
Таджикистан	23272,00	0,31
Турция	23217,50	0,31
Узбекистан	23000,50	0,27
Франция	21197,50	0,01
Южная Корея	22517,00	0,10
Толерантность	20029,00	0,01
Ксенофобия	14946,00	0,01
Ксенофилия	12684,00	0,01

Приложение 19

Таблица 32 - Результаты статистического анализа по U-критерию Манна-Уитни по «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности первой экспериментальной и первой контрольной групп по опроснику ОЛСИ

Показатели «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности	U-критерий	Значимость
Общие ценности	3084,00	0,20
Внутренняя гармония	3398,50	0,52
Удовольствие	3466,00	0,80
Свобода	2900,50	0,01
Социальный порядок	3044,50	0,07
Национальная безопасность	2996,00	0,04
Самоуважение	3395,50	0,48
Мир во всем мире	3375,50	0,42
Уважение традиций	3258,50	0,28
Зрелая любовь	3259,50	0,28
Социальное признание	3043,50	0,07
Изменчивая жизнь	3558,00	0,90
Авторитет	3522,50	0,81

Истинная дружба	2969,00	0,02
Социальная справедливость	3116,50	0,14
Основание семьи	3226,50	0,20
Этнические ценности		
Богатство	2736,50	0,01
Стимулирование совместного развития с соседними странами	3282,50	0,31
Равенство	2823,00	0,01
Духовная жизнь	3133,50	0,14
Ценность работы	2645,50	0,01

Приложение 20

Таблица 34 - Результаты статистического анализа по U -критерию Манна-Уитни по «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности первой экспериментальной и первой контрольной групп по опроснику ОЛСИ

Показатели «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности	U-критерий	Значимость
Симпатия к чужим странам	3272,00	0,32
Англия	3026,00	0,06
Белоруссия	3527,00	0,82
Казахстан	3054,50	0,12
Кыргызстан	2544,50	0,01
Китай	3230,00	0,25
Россия	3024,50	0,07
США	2709,50	0,01
Таджикистан	3032,00	0,09
Турция	3147,50	0,15
Узбекистан	3037,50	0,08
Франция	2643,00	0,01
Южная Корея	2925,50	0,03
Толерантность	2690,00	0,01
Ксенофобия	2260,00	0,01
Ксенофилия	1477,50	0,01

Таблица 38 - Результаты статистического анализа по U-критерию Манна-Уитни по «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности второй экспериментальной и второй контрольной групп по опроснику ОЛСИ

Показатели «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности	U-критерий	Значимость
Общие ценности	8715,00	0,50
Внутренняя гармония	8522,00	0,19
Удовольствие	9208,50	0,92
Свобода	8308,50	0,09
Социальный порядок	8573,50	0,23
Национальная безопасность	8170,50	0,04
Самоуважение	8224,50	0,07
Мир во всем мире	8645,00	0,20
Уважение традиций	9099,50	0,84
Зрелая любовь	9164,00	0,75
Социальное признание	8292,00	0,10
Изменчивая жизнь	8924,50	0,50
Авторитет	9164,50	0,75
Истинная дружба	9199,00	0,78
Социальная справедливость	7922,50	0,02
Основание семьи	8568,00	0,17
Этнические ценности		
Богатство	8644,00	0,26
Стимулирование совместного развития с соседними странами	8466,00	0,16
Равенство	8945,00	0,50
Духовная жизнь	9042,00	0,61
Ценность работы	8033,00	0,04

Таблица 40 - Результаты статистического анализа по U -критерию Манна-Уитни по «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности второй экспериментальной и второй контрольной групп по опроснику ОЛСИ

Показатели «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности	U-критерий	Значимость
Симпатия к чужим странам	8835,00	0,43
Англия	8022,00	0,04
Белоруссия	9053,00	0,63
Казахстан	7500,50	0,01
Кыргызстан	8223,00	0,04
Китай	7931,50	0,03
Россия	8724,50	0,31
США	8230,50	0,11
Таджикистан	7919,00	0,03
Турция	9183,50	0,89
Узбекистан	9156,00	0,92
Франция	8640,00	0,26
Южная Корея	9112,00	0,69
Толерантность	7776,00	0,03
Ксенофобия	5455,00	0,01
Ксенофилия	5287,00	0,01

Таблица 41 - Факторный анализ самопонимания личной и социальной идентичности у контрольной группы всей выборки исследования (всего 11 выделенных факторов после вращения)

Факторы	Показатели	Факторная нагрузка	Показатель самопонимания личной и социальной идентичности
1. Общие ценности (прежде всего, свобода и мир во всем мире) Информативность 10,007%	Внутренняя гармония	,572	Общие ценности показателя «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Удовольствие	,691	
	Свобода	,794	
	Социальный порядок	,739	
	Национальная безопасность	,714	
	Самоуважение	,735	
	Мир во всем мире	,757	
	Уважение традиций	,600	
	Истинная дружба	,442	
	Общие ценности	,779	
2. Взаимосвязь контроля убеждений с	Контроль эмоций	,806	Показатели «Я-Реального»
	Умение настоять на своем	,876	

высоким уровнем ксенофобии и низким уровнем ксенофилии Информативность - 6,33%	Социальные способности	,938	самопонимания личной идентичности и показатели «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Ксенофобия	,578	
	Ксенофилия	-,689	
3. Симпатия к чужим странам, прежде всего ближнего зарубежья Информативность - 5,97%	Белоруссия	,644	Симпатия к чужим странам показателя «Установка в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Китай	,458	
	Таджикистан	,792	
	Турция	,611	
	Узбекистан	,743	
	Симпатия к чужим странам	,695	
4. Общая ценность – совместное развитие с учетом этнических ценностей Информативность – 5, 58%	Изменчивая жизнь	,511	Общие и этнические ценности показателя «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Авторитет	,474	
	Общие ценности	,423	
	Богатство	,623	
	Совместное развитие	,706	
	Равенство	,633	
	Духовная жизнь	,653	
5. Положительное отношение к кыргызской нации с симпатией к другим странам ближнего зарубежья, прежде всего, Казахстану Информативность – 5, 35%	Национальная гордость	,518	Чувство принадлежности к группе и Симпатия к чужим странам показателя «Установка в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Отношение к нации	,699	
	Казахстан	,716	
	Кыргызстан	,763	
	Россия	,446	
6. Самовнимание Информативность – 5,03%	Личное самовнимание	,775	Показатели «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности
	Общественное самовнимание	,792	
	Самовнимание сумма	,935	
7. Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья, прежде всего к Франции Информативность – 4,19%	Англия	,447	Симпатия к чужим странам показателя «Установка в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Франция	,832	
	Южная Корея	,772	
	Симпатия к чужим странам	,483	
8. Депрессивность, обусловленная высоким уровнем самокритики, низкой самооценкой, диффузным стилем идентичности и психосоматическими жалобами	Самокритика	,606	Показатели «Я-рефлексивного» и «Я-Реального» самопонимания личной идентичности
	Диффузный стиль идентичности	,435	
	Самооценка	-,518	
	Психосоматические жалобы	,515	
	Депрессивность	,628	

Информативность – 4,07%			
9. Профессиональные амбиции Информативность – 3, 52%	Информационный стиль идентичности	,428	Показатели «Я-Рефлексивное», показатель «Я-Реальное» и показатель «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Ориентированный на нормы идентичности	,449	
	Профессиональные амбиции	,797	
	Социальная справедливость	,402	
10. Политическая информированность Информативность – 3, 50%	Информационный стиль идентичности	,468	Показатель «Я-Рефлексивное», показатель «Я-Действующее» и показатель «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности и показатель «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Политическая информированность	,684	
	Изменчивая жизнь	,420	
	Ксенофобия	,460	
11. Симпатия к чужой стране - США Информативность – 3, 38%	Китай	,453	Симпатия к чужим странам показателя «Установка в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	США	,775	

Приложение 24

Таблица 42 - Латентные факторы структуры самопонимания личной и социальной идентичности экспериментальной и контрольной групп

Общие латентные факторы выборки в целом ЭГ	Общие латентные факторы выборки в целом КГ
1. Общие и этнические ценности (прежде всего, самоуважение и национальная безопасность)	1. Общие ценности (прежде всего, свобода и мир во всем мире)
2. Симпатия к чужим странам, прежде всего ближнего зарубежья	2. Взаимосвязь контроля убеждений с высоким уровнем ксенофобии и низким уровнем ксенофилии
3. Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья	3. Симпатия к чужим странам, прежде всего ближнего зарубежья
4. Умение настоять на своем, позитивная самооценка и умение контролировать эмоции противостоят депрессии	4. Общая ценность – совместное развитие с учетом этнических ценностей

5.Самовнимание	5.Положительное отношение к кыргызской нации с симпатией к другим странам ближнего зарубежья, прежде всего, Казахстану
6.Ориентированный на нормы стиль идентичности, связанный с профессиональными амбициями	6.Самовнимание
7.Изменчивая жизнь	7.Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья, прежде всего к Франции
	8.Депрессивность, обусловленная высоким уровнем самокритики, низкой самооценкой, диффузным стилем идентичности и психосоматическими жалобами
	9.Профессиональные амбиции
	10.Политическая информированность
	11.Симпатия к чужой стране – США

Приложение 25

Таблица 43 - Факторный анализ самопонимания личной и социальной идентичности у узбеков контрольной группы выборки исследования, проживающих в Кыргызстане (15 выделенных факторов после вращения)

Факторы	Показатели	Факторная нагрузка	Показатель самопонимания личной и социальной идентичности
1. Общие ценности (прежде всего, самоуважения, мира во всем мире, социального порядка) Информативность - 11,46%	Внутренняя гармония	,757	Общие ценности показателя «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Удовольствие	,747	
	Свобода	,747	
	Социальный порядок	,839	
	Национальная безопасность	,671	
	Самоуважение	,874	
	Мир во всем мире	,833	
	Уважение традиций	,752	
	Общие ценности	,728	
2. Симпатия к чужим странам, прежде всего ближнего зарубежья – Узбекистан и Белоруссия Информативность - 8,95%	Белоруссия	,808	Симпатия к чужим странам показателя «Установка в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Китай	,465	
	Россия	,420	
	Таджикистан	,768	
	Турция	,725	
	Узбекистан	,833	
	Южная Корея	,405	
	Симпатия к чужим странам	,840	
3. Взаимосвязь контроля убеждений с высоким уровнем толерантности Информативность – 7,16%	Контроль эмоций	,795	Показатели «Я-Реального» самопонимания личной идентичности и показатели «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Умение настоять на своем	,695	
	Социальные способности	,898	
	Толерантность	,580	
	Зрелая любовь	,579	

4. Общие и этнические ценности (прежде всего, этническая ценность совместного развития равенства в сочетании с общей ценностью основания семьи) Информативность – 6,80%	Социальное признание	,406	Общие и этнические ценности показателя «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Социальная справедливость	,681	
	Основание семьи	,708	
	Общие ценности	,445	
	Совместное развитие	,821	
	Равенство	,779	
5. Самовнимание во взаимосвязи с психосоматическими жалобами Информативность – 5,72%	Личное самовнимание	,503	Самовнимание как показатель «Я-Рефлексивное» с показателями «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности
	Общественное самовнимание	,818	
	Самовнимание сумма	,891	
	Самокритика	,656	
	Психосоматические жалобы	,429	
6. Позитивное отношение к кыргызской нации взаимосвязано с симпатией к чужим странам в целом, прежде всего, к Англии Информативность – 4,49%	Психосоматические жалобы	,452	показатель «Я-Реальное» с показателем «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности с показателем «Чувства принадлежности к группе» и «Установка в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Социальное признание	-,495	
	Отношение к нации	,691	
	Англия	,708	
	Казахстан	,482	
7. Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья, прежде всего к Франции на фоне невыраженного чувства национальной гордости за Кыргызстан Информативность – 4,42%	Национальная гордость	-,455	Показатель «Чувства принадлежности к группе» и показатели «Установка в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Россия	-,467	
	Франция	,821	
	Южная Корея	,660	
8. Духовная жизнь важнее профессиональных амбиций Информативность – 4,31%	Профессиональные амбиции	-,649	Показатель «Я-Реальное» с показателем этнической ценности «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Духовная жизнь	,494	
9. Информация более важна по сравнению с религией для идентичности	Информационный стиль	,747	Показатель «Я-Рефлексивное» с показателями «Я-Действующее» и «Я-Идеальное» самопонимания
	Важность религии	-,720	
	Уважение традиций	,475	

Информативность – 4,22%			личной идентичности
10. Национальная гордость за Кыргызстан взаимосвязана с низким уровнем диффузного стиля идентичности и депрессивной симптоматикой	Диффузный стиль идентичности	-,852	Показатель «Я- Рефлексивное» с показателями «Я- Реальное» самопонимания личной идентичности и показателем «Чувство принадлежности к группе»
	Депрессивность	,569	
	Национальная гордость	,535	
Информативность – 4,08%			
11. Симпатия к Кыргызстану взаимосвязана с симпатией к Казахстану и низким уровнем депрессивности	Депрессивность	-,409	Показатель «Я- Реальное» самопонимания личной идентичности с показателями «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Казахстан	,444	
	Кыргызстан	,797	
Информативность – 3,66%			
12. Сниженная ценность работы связанная с высокой активностью религиозного поведения и позитивного отношения к ЕАЭС	Активность религиозного поведения	-,476	Показатель «Я- Действующее» с показателем «Я- Идеальное» самопонимания личной идентичности и показателем «Чувство принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности
	Ценность работы	-,842	
	Отношение к ЕАЭС	,477	
Информативность – 3,64%			
13. Ксенофилия	Психосоматические жалобы	-,422	Показатели «Я- Реальное» самопонимания личной идентичности и показатель «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Желание настоять на своем	-,435	
	Ксенофилия	,854	
Информативность – 3,59%			
14. Ориентированный на нормы стиль идентичности взаимосвязан с идентификацией с Кыргызстаном как страной при низком уровне личного самовнимания	Личное самовнимание	-,425	Показатели «Я- Рефлексивное» самопонимания личной идентичности и показатель «Установки в отношении чужих групп» самопонимания
	Ориентированный на нормы стиль идентичности	,714	
	Идентификация со страной/местом	,664	

Информативность – 3,54%			социальной идентичности
15. Истинная дружба как ценность взаимосвязана с ксенофобией и низкой религиозной активностью	Религиозная активность	-,513	Показатели «Я-Действующее» с показателем «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности и показатель «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Истинная дружба	,690	
	Ксенофобия	,639	
Информативность – 3,32%			

Приложение 26

Таблица 44 - Факторный анализ самопонимания личной и социальной идентичности у русских контрольной группы выборки исследования, проживающих в Кыргызстане (16 выделенных факторов после вращения)

Факторы	Показатели	Факторная нагрузка	Показатель самопонимания личной и социальной идентичности
1. Общие ценности (прежде всего, свобода и национальная безопасность) Информативность - 9,38%	Удовольствие	,594	Общие ценности показателя «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Свобода	,806	
	Социальный порядок	,754	
	Национальная безопасность	,809	
	Самоуважение	,542	
	Мир во всем мире	,627	
	Уважение традиций	,551	
	Зрелая любовь	,526	
	Социальное признание	,596	
	Истинная дружба	,463	
	Социальная справедливость	,511	
Общие ценности	,766		
2. Симпатия к чужим странам взаимосвязана с идентификацией с местом проживания Кыргызстаном Информативность - 9,20%	Идентификация со страной/местом	,568	Симпатия к чужим странам показателя «Установка в отношении чужих групп» с показателем «Чувство принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности
	Англия	,590	
	Казахстан	,467	
	Китай	,650	
	США	,726	
	Таджикистан	,787	
	Турция	,710	
	Франция	,565	
	Южная Корея	,532	
Симпатия к чужим странам	,812		
3. Взаимосвязь национальной гордости, позитивного отношения к кыргызскому этносу и чувство симпатии к	Основание семьи	,505	Показатели «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности и
	Национальная гордость	,805	
	Отношение к нации	,785	
	Казахстан	,559	
	Кыргызстан	,836	

Кыргызстану как к стране, наряду с Россией и Казахстаном Информативность – 7,30 %	Россия	,577	показатели «Чувства принадлежности к группе» и «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
4. Контроль убеждений взаимосвязан с низкой депрессивностью и низкой религиозной активностью Информативность – 6,08 %	Депрессивность	-,454	Показатели «Я-Реальное» с показателем «Я-Действующее» самопонимания личной идентичности
	Контроль эмоций	,858	
	Умение настоять на своем	,732	
	Социальные способности	,940	
	Активность религиозного поведения	-,529	
5. Самовнимание во взаимосвязи с психосоматическими жалобами Информативность – 5,90 %	Личное самовнимание	,789	Самовнимание как показатель «Я-Рефлексивное» с показателями «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности
	Общественное самовнимание	,795	
	Самовнимание сумма	,970	
	Психосоматические жалобы	,452	
6. Информационный и ориентированный на нормы стиль идентичности Информативность – 5,21 %	Информационный стиль идентичности	,704	Показатель «Я-Рефлексивное» с показателем «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Ориентированный на нормы стиль идентичности	,848	
	Удовольствие	-,475	
7. Изменчивая жизнь (смена авторитета, изменение направления развития, другая духовная жизнь) Информативность – 4,52%	Изменчивая жизнь	,865	Общие и этнические ценности показателя «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Авторитет	,598	
	Совместное развитие	,463	
	Духовная жизнь	,495	
8. Самооценка связана с чувством ксенофилии Информативность – 4,51 %	Самооценка	,756	Показатель «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности с показателем «Чувство принадлежности к группе» и «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Отношение к ЕАЭС	,484	
	Ксенофилия	,745	
9. Толерантность в отношении стран дальнего зарубежья Информативность – 4,45	Депрессивность	,440	Показатель «Я-Реальное» самопонимания личной
	Франция	,498	
	Южная Корея	,577	
	Толерантность	,866	

%			идентичности с показателями «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
10. Ценность работы взаимосвязана с низкой политической информированностью	Политическая информированность	-,535	Показатель «Я-Действующее» с показателями «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Ценность работы	,752	
Информативность – 3,94%			
11. Профессиональные амбиции, ценность социальной справедливости и равенства противостоит формированию диффузного стиля идентичности	Диффузный стиль идентичности	-,691	Показатель «Я-Рефлективное» с показателями «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Профессиональные амбиции	,448	
	Социальная справедливость	,431	
	Равенство	,509	
Информативность – 3,81%			
12. Важность религии не для духовной жизни	Важность религии	,911	Показатель «Я-Действующее» с показателем «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Духовная жизнь	-,413	
Информативность – 3,35%			
13. Симпатия к Белоруссии как к стране	Самоуважение	-,422	Показатель «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности и показатель «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Белоруссия	,892	
Информативность – 3,59%			
14. Богатство как ценность при меньшей ценности здоровья	Психосоматические жалобы	,480	Показатели «Я-Реальное» с показателем «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Богатство	,748	
Информативность – 3,31%			
15. Симпатия к Узбекистану как к стране, при этом антисимпатия к США	США	-,404	Показатели «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Узбекистан	,821	
Информативность – 3,26%			
16. Ксенофобия	Ксенофобия	,497	Показатель «Установки в

Информативность – 3,24%			отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
-------------------------	--	--	--

Приложение 27

Таблица 45 - Факторный анализ самопонимания личной и социальной идентичности у казахского этноса контрольной группы выборки исследования, проживающих в Кыргызстане (14 выделенных факторов после вращения)

Факторы	Показатели	Факторная нагрузка	Показатель самопонимания личной и социальной идентичности
1. Общие и этнические ценности (прежде всего, уважение традиций и мир во всем мире с истинной дружбой) Информативность - 12,64%	Удовольствие	,444	Общие и этнические ценности показателя «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Свобода	,577	
	Социальный порядок	,588	
	Национальная безопасность	,623	
	Самоуважение	,736	
	Мир во всем мире	,798	
	Уважение традиций	,800	
	Авторитет	,472	
	Истинная дружба	,785	
	Социальная справедливость	,436	
	Основание семьи	,681	
	Общие ценности	,815	
	Богатство	,411	
	Совместное развитие	,448	
	Равенство	,618	
Духовная жизнь	,416		
Национальная гордость	,433		
2. Симпатия к чужим странам взаимосвязана с идентификацией с местом проживания Кыргызстаном, при выраженной симпатии к Казахстану как к стране Информативность - 9,67 %	Идентификация страной/местом	,421	Симпатия к чужим странам показателя «Установка в отношении чужих групп» с показателем «Чувство принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности
	Национальная гордость	,464	
	Отношение к нации	,608	
	Англия	,490	
	Белоруссия	,766	
	Казахстан	,837	
	Кыргызстан	,624	
	Россия	,604	
	Турция	,440	
	Узбекистан	,702	
	Франция	,427	
Симпатия к чужим странам	,785		
3. Самовнимание Информативность – 5,93 %	Личное самовнимание	,888	Самовнимание как показатель «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности
	Общественное самовнимание	,785	
	Самовнимание сумма	,951	
4. Контроль эмоций взаимосвязан с умением настоять на своем и	Самокритика	-,480	Показатели «Я-Реальное» с показателем «Я-
	Самооценка	,461	
	Психосоматические жалобы	-,435	

самооценкой, что препятствует психосоматическим жалобам и депрессивности	Депрессивность	-,754	Рефлексивное» самопонимания личной идентичности
	Контроль эмоций	,881	
	Умение настоять на своем	,409	
Информативность – 5,44%			
5. Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья, прежде всего, США	Китай	,617	Показатели «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	США	,876	
	Турция	,611	
	Симпатия к чужим странам	,470	
Информативность – 4,89%			
6. Внутренняя гармония взаимосвязана с удовольствием, свободой и зрелой любовью	Внутренняя гармония	,746	Общие ценности показателя «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности
	Удовольствие	,645	
	Свобода	,626	
	Зрелая любовь	,675	
	Общие ценности	,424	
Информативность – 4,50%			
7. Нежелание изменений в жизни, при ориентированном на нормы стиле идентичности	Ориентированный на нормы стиль идентичности	,565	Общие ценности показателя «Я-Идеальное» и показатель «Я-Рефлексивное» самопонимания личной идентичности
	Изменчивая жизнь	-,698	
	Духовная жизнь	-,420	
Информативность – 4,23%			
8. Политическая информированность взаимосвязана с информационным стилем идентичности	Информационный стиль идентичности	,588	Показатель «Я-Реальное» с показателем «Я-Рефлексивное» с показателем «Я-Действующее» самопонимания личной идентичности с показателем «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Профессиональные амбиции	,404	
	Политическая информированность	,813	
	Южная Корея	-,407	
Информативность – 3,84%			
9. Самооценка и социальные способности препятствуют преобладанию диффузного стиля идентичности	Диффузный стиль идентичности	-,806	Показатель «Я-Рефлексивное» с показателями «Я-Реальное» самопонимания личной идентичности
	Самооценка	,441	
	Социальные способности	,541	
Информативность – 3,69%			
10. Низкая активность религиозного поведения взаимосвязана с неважностью религии и ксенофилией	Важность религии	-,684	Показатели «Я-Действующее» самопонимания личной идентичности с
	Активность религиозного поведения	-,760	
	Ксенофилия	,408	

Информативность – 3,65 %			показателем «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
11. Богатство взаимосвязано с низким уровнем психосоматических жалоб и чувством национальной гордости Информативность – 3,64 %	Психосоматические жалобы	-,533	Показатель «Я-Реальное» с показателями «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности и показателем «Чувство принадлежности к группе» самопонимания социальной идентичности
	Богатство	,611	
	Духовная жизнь	,435	
	Национальная гордость	,463	
12. Социальное признание взаимосвязано с чувством ксенофобии Информативность – 3,30%	Социальное признание	,753	Показатель «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности с показателем «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Ксенофобия	,489	
13. Симпатия к Таджикистану как к стране Информативность – 3,24 %	Авторитет	,414	Показатель «Я-Идеальное» самопонимания личной идентичности и показатель «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Таджикистан	,776	
14. Отношение к ЕАЭС взаимосвязано с чувством ксенофилии Информативность – 3,07%	Отношение к ЕАЭС	,813	Показатель «Чувство принадлежности к группе» с показателем «Установки в отношении чужих групп» самопонимания социальной идентичности
	Ксенофилия	,407	

Таблица 46 - Латентные факторы структуры самопонимания личной и социальной идентичности представителей разных этносов и национальностей выборки исследования, проживающих в Кыргызстане

Общие латентные факторы выборки Контрольной группы в целом	1 группа (узбеки)	2 группа (русские)	3 группа (казахи)
1. Общие ценности (прежде всего, свобода и мир во всем мире)	1. Общие ценности (прежде всего, самоуважения, мира во всем мире, социального порядка)	1. Общие ценности (прежде всего, свобода и национальная безопасность)	1. Общие и этнические ценности (прежде всего, уважение традиций и мир во всем мире с истинной дружбой)
2. Взаимосвязь контроля убеждений с высоким уровнем ксенофобии и низким уровнем ксенофилии	2. Симпатия к чужим странам, прежде всего ближнего зарубежья – Узбекистан и Белоруссия	2. Симпатия к чужим странам взаимосвязана с идентификацией с местом проживания Кыргызстаном	2. Симпатия к чужим странам взаимосвязана с идентификацией с местом проживания Кыргызстаном, при выраженной симпатии к Казахстану как к стране
3. Симпатия к чужим странам, прежде всего ближнего зарубежья	3. Взаимосвязь контроля убеждений с высоким уровнем толерантности	3. Взаимосвязь национальной гордости, позитивного отношения к кыргызскому этносу и чувство симпатии к Кыргызстану как к стране, наряду с Россией и Казахстаном	3. Самовнимание
4. Общая ценность – совместное развитие с учетом этнических ценностей	4. Общие и этнические ценности (прежде всего, этническая ценность совместного развития равенства в сочетании с общей ценностью основания семьи)	4. Контроль убеждений взаимосвязан с низкой депрессивностью и низкой религиозной активностью	4. Контроль эмоций взаимосвязан с умением настоять на своем и самооценкой, что препятствует психосоматическим жалобам и депрессивности
5. Положительное отношение к кыргызской нации с симпатией к другим странам ближнего зарубежья, прежде всего, Казахстану	5. Самовнимание во взаимосвязи с психосоматическими жалобами	5. Самовнимание во взаимосвязи с психосоматическими жалобами	5. Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья, прежде всего, США
6. Самовнимание	6. Позитивное отношение к кыргызской нации	6. Информационный и ориентированный	6. Внутренняя гармония взаимосвязана с

	взаимосвязано с симпатией к чужим странам в целом, прежде всего, к Англии	на нормы стиль идентичности	удовольствием, свободой и зрелой любовью
7.Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья, прежде всего к Франции	7.Симпатия к чужим странам дальнего зарубежья, прежде всего к Франции на фоне невыраженного чувства национальной гордости за Кыргызстан	7. Изменчивая жизнь (смена авторитета, изменение направления развития, другая духовная жизнь)	7. Нежелание изменений в жизни, при ориентированном на нормы стиле идентичности
8.Депрессивность, обусловленная высоким уровнем самокритики, низкой самооценкой, диффузным стилем идентичности и психосоматическими жалобами	8.Духовная жизнь важнее профессиональных амбиций	8. Самооценка связана с чувством ксенофилии	8. Политическая информированность взаимосвязана с информационным стилем идентичности
	9.Информация более важна по сравнению с религией для идентичности	9. Толерантность в отношении стран дальнего зарубежья	9. Самооценка и социальные способности препятствуют преобладанию диффузного стиля идентичности
9.Профессиональные амбиции	10.Национальная гордость за Кыргызстан взаимосвязана с низким уровнем диффузного стиля идентичности и депрессивной симптоматикой	10. Ценность работы взаимосвязана с низкой политической информированностью	10. Низкая активность религиозного поведения взаимосвязана с неважностью религии и ксенофилией
10.Политическая информированность	11.Симпатия к Кыргызстану взаимосвязана с симпатией к Казахстану и низким уровнем депрессивности	11.Профессиональные амбиции, ценность социальной справедливости и равенства противостоит формированию диффузного стиля идентичности	11. Богатство взаимосвязано с низким уровнем психосоматических жалоб и чувством национальной гордости
11.Симпатия к чужой стране – США	12.Сниженная ценность работы связанная с высокой активностью религиозного поведения и позитивного отношения к ЕАЭС	12. Важность религии не для духовной жизни	12. Социальное признание взаимосвязано с чувством ксенофобии
	13.Ксенофилия	13. Симпатия к Белоруссии как к стране	13. Симпатия к Таджикистану как к стране

	14.Ориентированный на нормы стиль идентичности взаимосвязан с идентификацией с Кыргызстаном как страной при низком уровне личного самовнимания	14. Богатство как ценность при меньшей ценности здоровья	14. Отношение к ЕАЭС взаимосвязано с чувством ксенофобии
	15.Истинная дружба как ценность взаимосвязана с ксенофобией и низкой религиозной активностью	15. Симпатия к Узбекистану как к стране, при этом антисимпатия к США	
		16. Ксенофобия	

Strukturmodell der personalen und sozialen Identität

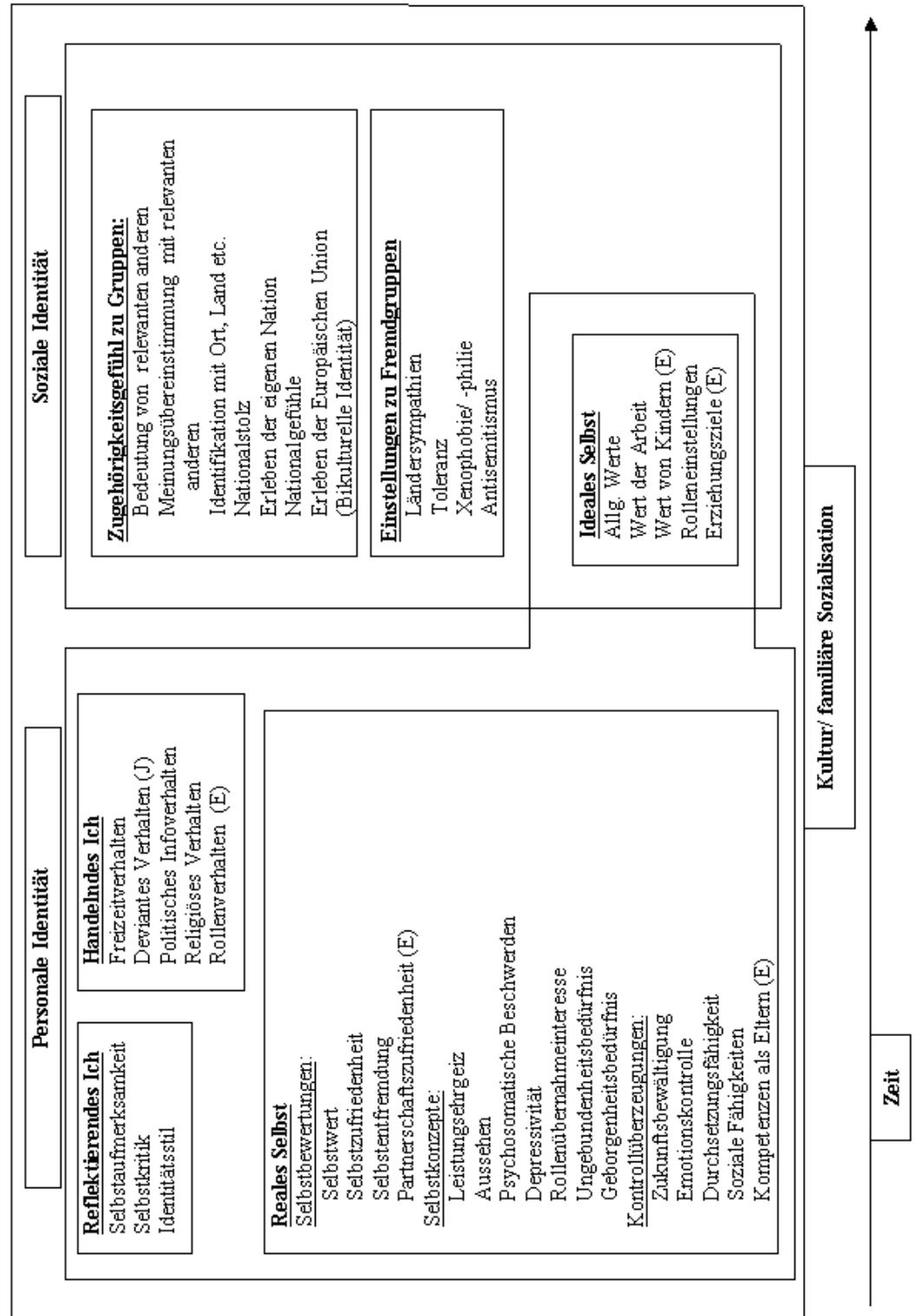

Рис. 5. Структурная модель личной и социальной идентичности У. Шмидт-Дентера

к.псх.н., директор института социально-гуманитарных наук
Камчыбек уулу Мырзабек
Институт социально-гуманитарных наук
Кыргызский национальный университет
имени Жусупа Баласагына (КНУ)
720033, г. Бишкек, ул. Фрунзе 101
Рабочий телефон: +996 312 34 02 32
E-Mail:myrza.kamchybekov@mail.ru

Опросник ОЛСИ (FPSI-K) адаптирован и модифицирован на русский язык в рамках диссертационного исследования.
Автор и разработчик опросника FPSI-K (Fragebogen zur Personalen und Sozialen Identität – Kurzform für Erwachsene, 2004):
Проф. Др. У. Шмидт-Дентер
(Психологический институт университета г. Кельна, Германия)

ОПРОСНИК САМОПОНИМАНИЯ

(личной и социальной идентичности)

форма опросника для взрослого (ОЛСИ)

Инструкция по заполнению опросника

- В последующем Вы найдете вопросы, которые возникают, если мы задумываемся сами о себе. Нам интересно, возникают ли и если возникают, то, как часто эти вопросы у Вас.
- При этом Вы встретите высказывания, в которых описывается человек, личность человека. Здесь мы хотели бы узнать, насколько эти высказывания относятся к Вам.
- Отдельные вопросы и утверждения предполагают иногда одинаковые возможности ответа на них, но иногда эти возможности ответа различны. Поэтому, пожалуйста, прочтите внимательно все вопросы, утверждения и возможные ответы на них!
- Попробуйте, пожалуйста, давать ответы спонтанно.
- Здесь нет правильных и неправильных ответов, отвечайте, пожалуйста, так, как Вы сами думаете!
- Опрос проводится анонимно. Пожалуйста, отвечайте честно!
- Пожалуйста, ответьте на **все** вопросы!

Большое спасибо!

Для сохранения анонимности мы просим Вас создать свой персональный код. Этот персональный код состоит из комбинации букв и цифр, которые, кроме Вас, неизвестны никому.

Персональный код состоит из следующих **восьми букв и цифр**:

1	2	3	4

1-ая ячейка: Пожалуйста, напишите первую и последнюю буквы имени Вашей матери (например, Айджи=**АИ**);

2-ая ячейка: Пожалуйста, напишите первую и последнюю буквы имени Вашего отца (например, Ажыбек=**АК**);

3-ая ячейка: Пожалуйста, напишите первую и последнюю буквы своего имени (например, Каныбек=**КК**);

4-ая ячейка: Пожалуйста, напишите день рождения Вашей матери (например, 17 сентября 1965=**17**). Код-пример:

АИ	АК	КК	17
----	----	----	----

	очень редко 1	редко 2	время от времени 3	часто 4	очень часто 5
Я пытаюсь понять что-то о самом себе.	1	2	3	4	5
Я задумываюсь о себе.	1	2	3	4	5
Я внимательно прислушиваюсь к своим сокровенным чувствам.	1	2	3	4	5
Я думаю о том, как я влияю на других людей.	1	2	3	4	5
Оглядываясь назад, я думаю о том, какое впечатление я произвел на других.	1	2	3	4	5
Я думаю о том, какое выражение лица у меня сейчас.	1	2	3	4	5

	не согласен 1	скорее нет 2	частично 3	скорее да 4	согласен 5
В своей жизни я уже совершил несколько ошибок.	1	2	3	4	5
Я иногда лгал, чтобы избежать неприятностей.	1	2	3	4	5
Иногда я завидовал другим, тому, что у них есть или что они могут.	1	2	3	4	5
Я не всегда поступаю разумно и правильно.	1	2	3	4	5
Я радуюсь, когда мой противник терпит неудачу.	1	2	3	4	5

	абсолютно не согласен			абсолютно согласен		
	1	2	3	4	5	6
Я потратил много времени на чтение или разговор об идеологических идеях.	1	2	3	4	5	6
Когда я обсуждаю с кем-то проблему, то я пытаюсь понять его точку зрения.	1	2	3	4	5	6
Я не задумываюсь о будущем, я принимаю решение спонтанно, сиюминутно.	1	2	3	4	5	6
Я так воспитан, что знаю, для чего я работаю.	1	2	3	4	5	6
Когда я не беспокоюсь о своих проблемах, то они обычно сами по себе проходят.	1	2	3	4	5	6
Я потратил много времени на чтение или понимание политических новостей.	1	2	3	4	5	6
Я не часто задумываюсь о моем будущем.	1	2	3	4	5	6
Я потратил много времени на разговоры с людьми, для того, чтобы прийти к ряду нужных для меня убеждений.	1	2	3	4	5	6
Еще когда я был молодым, я знал, кем я хочу быть.	1	2	3	4	5	6
Лучше иметь определенные взгляды, чем быть открытым для всех возможных идей.	1	2	3	4	5	6
Когда у меня проблема, я много размышляю о ней, для того чтобы ее понять.	1	2	3	4	5	6
Для меня лучше всего при решении одной важной проблемы получить также совет и узнать мнение специалистов.	1	2	3	4	5	6
Я не воспринимаю жизнь слишком серьезно, я просто пробую ее наслаждаться.	1	2	3	4	5	6
Лучше иметь собственные ценности, чем быть открытым для всех возможных ценностей.	1	2	3	4	5	6
Чем размышлять над проблемами или беспокоиться о них, пробую я так долго как это возможно отодвинуть их.	1	2	3	4	5	6
Мои проблемы могут быть интересным вызовом/задачами для преодоления.	1	2	3	4	5	6
Я пытаюсь избегать проблем, которые меня вынуждают к размышлениям.	1	2	3	4	5	6
Для принятия решения мне нужно много времени, чтобы подумать о моих возможностях решения.	1	2	3	4	5	6
Мне нравится вести себя так, как научили меня мои родители.	1	2	3	4	5	6
Когда я должен принять важное решение, я хочу знать об этом как можно больше.	1	2	3	4	5	6
Когда я знаю, что над какой-то проблемой придется ломать голову, я пытаюсь ее избежать.	1	2	3	4	5	6
Когда у меня проблема, лучше всего для меня, положиться на мнение моей семьи или друзей.	1	2	3	4	5	6

	не согласен 1	скорее нет 2	частично 3	скорее да 4	согласен 5
Иногда я чувствую себя никчемным человеком.	1	2	3	4	5
Я думаю, что у меня есть целый ряд хороших качеств.	1	2	3	4	5
Я могу справляться с делами также хорошо, как и большинство других людей.	1	2	3	4	5
Я чувствую себя ценным человеком, находящемся с другими как минимум на одном уровне.	1	2	3	4	5
Я хотел бы больше уважать себя.	1	2	3	4	5
Конечно, бывают моменты, когда я чувствую себя бесполезным.	1	2	3	4	5

	не согласен 1	скорее нет 2	частично 3	скорее да 4	согласен 5
Я всегда изо всех сил пытался получить лучшие оценки, которые мог получить.	1	2	3	4	5
Я известен как сильный и выносливый работник.	1	2	3	4	5
Любой, кто много работает, может изменить ситуацию.	1	2	3	4	5
Я работаю быстрее и оперативнее, чем другие.	1	2	3	4	5
Я предъявляю к себе высокие требования и ожидаю того же от других.	1	2	3	4	5
Я всегда стараюсь сделать немного лучше, чем от меня ожидалось.	1	2	3	4	5

Речь пойдет о Вашем здоровье. Примерно как часто у Вас бывают следующие жалобы? В Вашем распоряжении следующие возможные варианты ответов:

	никогда 1	много раз в году 2	много раз в месяц 3	много раз в неделю 4	ежедневн о 5
Головные боли	1	2	3	4	5
Боли желудка, боли живота	1	2	3	4	5
Нарушения пищеварения	1	2	3	4	5
Нарушения сна	1	2	3	4	5
Нарушения кровообращения	1	2	3	4	5

Какое у Вас сейчас настроение? Отметьте, пожалуйста, крестиком как часто Вы переживаете то или иное настроение. В Вашем распоряжении следующие возможные варианты ответов:

	никогда	редко	иногда	часто	почти всегда
	1	2	3	4	5
Я расстроен.	1	2	3	4	5
Я смотрю в будущее без надежды	1	2	3	4	5
Я чувствую себя неудачником.	1	2	3	4	5
Мне трудно чем-то наслаждаться.	1	2	3	4	5
Я чувствую себя виноватым.	1	2	3	4	5
Я чувствую себя наказанным.	1	2	3	4	5
Я разочарован в себе.	1	2	3	4	5
Я критикую себя за ошибки и слабости.	1	2	3	4	5
Ко мне приходят мысли покончить с собой.	1	2	3	4	5
Я плачу	1	2	3	4	5
Я чувствую себя раздраженным и разозленным.	1	2	3	4	5
Я утратил интерес к другим людям.	1	2	3	4	5
Я откладываю принятие решений.	1	2	3	4	5
Меня тревожит, как я выгляжу.	1	2	3	4	5
Я с трудом заставляю себя делать что-либо.	1	2	3	4	5
Я усталый и обессиленный.	1	2	3	4	5

Речь пойдет снова про Ваши личностные особенности.

	не согласен 1	скорее нет 2	частично 3	скорее да 4	согласен 5
Иногда я расстраиваюсь из-за каждой мелочи.	1	2	3	4	5
Иногда я с трудом справляюсь со своим настроением.	1	2	3	4	5
Я один из тех, кто иногда не может контролировать свой гнев.	1	2	3	4	5
Когда я в группе, я не смею что-либо говорить.	1	2	3	4	5
Я испытываю трудности высказать свое мнение в группе, даже если мне нужно что-то важное сказать.	1	2	3	4	5
Мне тяжело высказать противоположное мнение группе.	1	2	3	4	5
У меня хорошо получается общаться с другими.	1	2	3	4	5
Я стесняюсь заходить один в комнату, в которой другие люди уже сидят и разговаривают.	1	2	3	4	5
Я должен быть более вежлив с другими.	1	2	3	4	5
Меня пугают встречи с незнакомыми людьми.	1	2	3	4	5

В последующем речь идет о том, как Вы узнаете что-либо о политике. Пожалуйста, ответьте, как Вы получаете политическую информацию. Для этого в Вашем распоряжении следующие возможные варианты ответов:

	никогда 1	реже, чем один раз в неделю 2	один раз в неделю 3	много раз в неделю 4	ежеднев- но 5
Как часто Вы смотрите политические новости по телевизору?	1	2	3	4	5
Как часто Вы читаете политический раздел газеты?	1	2	3	4	5
Как часто обсуждаете Вы с другими людьми вещи тем или иным образом, связанные с политикой?	1	2	3	4	5
Как часто Вы обсуждаете какие-либо политические вопросы с людьми, активно занимающимися политикой?	1	2	3	4	5
Как часто Вы читаете тот раздел газеты, где речь идет о том месте или области, где Вы проживаете?	1	2	3	4	5
Если бы завтра был день выборов (воскресенье). Какую партию Вы бы выбрали? ☐ СДПК ☐ РАЖ ☐ «Кыргызстан» ☐ «Өнүгүү-Прогресс» ☐ «Бир Бол» ☐ «Ата-Мекен» ☐ другое					

Для некоторых людей религия очень важна. Как важна религия для Вас?
 очень важна скорее важна частично важна скорее не важна не важна

Насколько Вы активны в своей религиозности? (возможно выбрать несколько вариантов ответов одновременно)
☐ Я член одной религиозной группы.
☐ Я регулярно посещаю религиозную службу.
☐ По большим праздникам я посещаю религиозную службу.
☐ Я постоянно молюсь.
☐ Я беру на себя обязанности в своей религиозной группе.
☐ другое _____
☐ ничего из этого

В последующем ряде ценностей, оцените насколько важна для Вас каждая ценность в качестве руководящего принципа в Вашей жизни. В Вашем распоряжении следующие возможные варианты ответов:

	это противопо- жно моим принципам 0	не важная 1	скорее не важная 2	скорее важная 3	важная 4	очень важная 5
ВНУТРЕННЯЯ ГАРМОНИЯ (быть в мире с самим собой)	0	1	2	3	4	5
УДОВОЛЬСТВИЕ (удовлетворение желаний)	0	1	2	3	4	5
СВОБОДА (свобода мыслей и действий)	0	1	2	3	4	5
СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК (стабильность общества)	0	1	2	3	4	5
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ (защищенность своей нации от врагов)	0	1	2	3	4	5
САМОУВАЖЕНИЕ (вера в собственную ценность)	0	1	2	3	4	5
МИР ВО ВСЕМ МИРЕ (свобода от войны и конфликтов)	0	1	2	3	4	5
УВАЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ (сохранение признанных традиций, обычаев)	0	1	2	3	4	5
ЗРЕЛАЯ ЛЮБОВЬ (глубокая эмоциональная и духовная близость)	0	1	2	3	4	5
СОЦИАЛЬНОЕ ПРИЗНАНИЕ (одобрение, уважение других)	0	1	2	3	4	5
ИЗМЕНЧИВАЯ ЖИЗНЬ (жизнь, наполненная проблемами, новизной и изменениями)	0	1	2	3	4	5
АВТОРИТЕТ (право быть лидером или командовать)	0	1	2	3	4	5
ИСТИННАЯ ДРУЖБА (близкие друзья)	0	1	2	3	4	5
СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ (исправление)	0	1	2	3	4	5

несправедливости, забота о слабых)						
ОСНОВАНИЕ СЕМЬИ (иметь свою семью и детей)	0	1	2	3	4	5
БОГАТСТВО (материальная собственность, деньги)	0	1	2	3	4	5
СТИМУЛИРОВАНИЕ СОВМЕСТНОГО РАЗВИТИЯ СОСЕДНИМИ СТРАНАМИ С	0	1	2	3	4	5
РАВЕНСТВО (равные возможности для всех)	0	1	2	3	4	5
ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ (акцент на духовных, а не материальных вопросах)	0	1	2	3	4	5

Здесь выражены разные взгляды в отношении работы и почему нужно работать. Независимо от того, работаете Вы сейчас или нет: Какое высказывание наиболее Вам близко, близко к тому, как Вы об этом думаете? (пожалуйста, выберите только один вариант ответа)

- Я смотрю на работу как на бизнес, чем лучше мне платят, тем больше я делаю, чем хуже мне платят, тем меньше я делаю.
- Я всегда хочу сделать всё возможное, так хорошо как я могу, вне зависимости от того сколько я зарабатываю.
- Для того, чтобы жить необходимо работать. Если бы я не должен был, я бы не работал вообще.
- Я охотно работаю, но я не позволяю этому заходить так далеко, чтобы работа мешала моей остальной жизни.
- Я работаю с удовольствием, работа самое важное для меня в жизни.
- У меня еще никогда не было оплачиваемой работы.
- не определился с ответом

С чем идентифицируете Вы себя чаще всего? Я чувствую связь...	Абсолютно нет Очень сильно				
С моим городом/моей областью	1	2	3	4	5
С моим регионом/моей страной	1	2	3	4	5
С Киргизией как нацией	1	2	3	4	5
С другой страной, а именно с _____	1	2	3	4	5
С Азией	1	2	3	4	5
Со всем человечеством	1	2	3	4	5

Как Вам Кыргызстан? Вы гордитесь или стыдитесь ...	мне очень стыдно я очень горд				
Кыргызской культурой/литературой	-2	-1	0	1	2
Кыргызской историей	-2	-1	0	1	2
Красивыми ландшафтами	-2	-1	0	1	2
Восстановлением после второй мировой войны	-2	-1	0	1	2
Стойкостью кыргызских солдат во время войны	-2	-1	0	1	2
Кыргызским сопротивлением в годы второй мировой войны					
Курманжан Датка, Шабдан баатыр, Исхак Раззаков и другими важными государственными деятелями	-2	-1	0	1	2
Достижениями кыргызских спортсменов на международной арене	-2	-1	0	1	2
Демократией и конституцией в Кыргызстане	-2	-1	0	1	2
Положением кыргызской экономики в мире	-2	-1	0	1	2
Кыргызскими основными качествами такими как: гостеприимство, уважение к старшим, преемственность поколений, взаимопомощь и взаимовыручка, сплоченность	-2	-1	0	1	2
Быть кыргызом/кыргызкой	-2	-1	0	1	2
Кыргызской парламентской системой	-2	-1	0	1	2
Апрельской революцией/Временем перестройки в Кыргызстане	-2	-1	0	1	2

Военной политике Кыргызстана для обеспечения безопасности в мире	-2	-1	0	1	2
--	----	----	---	---	---

Как Вы относитесь к Кыргызстану?	абсолютно не верно абсолютно верно				
Я радуюсь, когда слышу кыргызский национальный гимн.	1	2	3	4	5
Я радуюсь, когда вижу кыргызский национальный флаг.	1	2	3	4	5
Я считаю важным, заботиться об обычаях своей Родины.	1	2	3	4	5
Я работаю охотнее с кыргызом, чем с иностранцем вместе.	1	2	3	4	5
Я могу чувствовать себя дома только в Кыргызстане.	1	2	3	4	5
Если кыргызские спортсмены на международном турнире выступают, то я сильно переживанию за них.	1	2	3	4	5
С людьми других национальностей у меня часто больше общего, чем с другими кыргызами.	1	2	3	4	5

Как Вы относитесь к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС)?	абсолютно не верно абсолютно верно				
Я рад, когда вижу эмблему Евразийского экономического союза.	1	2	3	4	5
В пользу евразийских идей кыргызстанские интересы должны быть отложены в сторону.	1	2	3	4	5
Целью евразийского союза является создание совместных условий стабильного развития национальных экономик государств-членов.	1	2	3	4	5
Распаду ЕАЭС я был бы рад.	1	2	3	4	5

Насколько нравятся Вам следующие страны?					
	не симпатичны очень симпатичны				
Афганистан	1	2	3	4	5
Белоруссия	1	2	3	4	5
Казахстан	1	2	3	4	5
Кыргызстан	1	2	3	4	5
Китай	1	2	3	4	5
Россия	1	2	3	4	5
США	1	2	3	4	5
Таджикистан	1	2	3	4	5
Турция	1	2	3	4	5
Узбекистан	1	2	3	4	5
Украина	1	2	3	4	5
Южная Корея	1	2	3	4	5

Как Вы относитесь к людям, которые от Вас сильно отличаются?					
	я предпочитаю уходить в сторону от них от я хотел бы ближе с ними познакомиться				
Люди с другой политической точкой зрения.	-2	-1	0	1	2
Люди другой религии.	-2	-1	0	1	2
Люди с другим мировоззрением.	-2	-1	0	1	2
Люди из других культур.	-2	-1	0	1	2
Люди из других стран.	-2	-1	0	1	2

Каково ваше мнение?					
	абсолютно не верно абсолютно верно				
Я чувствую себя часто среди иностранцев лучше, чем среди кыргызов.	1	2	3	4	5
Я хотел бы долгое время жить за границей, а именно предпочтительнее в _____	1	2	3	4	5
Я бы предпочел эмигрировать.	1	2	3	4	5
Каждый, кто хочет из-за рубежа приехать в Кыргызстан, должен	1	2	3	4	5

обладать правом, иммигрировать.					
Через определенные промежутки времени у меня возникает потребность, чтобы отдохнуть за границей от кыргызов.	1	2	3	4	5
Это заходит слишком далеко, когда иностранцы пристают к кыргызским девушкам и женщинам.	1	2	3	4	5
Иностранцы часто сами провоцируют своим поведением враждебное отношение к иностранцам.	1	2	3	4	5
Большинство политиков в Кыргызстане заботятся больше об иностранцах, а не «коренных жителях – нормальных кыргызах».	1	2	3	4	5
Иностранцы обладают многими позитивными качествами, которые отсутствуют у кыргызов.	1	2	3	4	5
В отношении кыргызов или Кыргызстан я охотно говорю «Мы».	1	2	3	4	5
Я восторгаюсь одним городом или страной, а именно	1	2	3	4	5
Кыргызы должны больше жертв взять к себе, для того чтобы преследуемым людям дать новую Родину.	1	2	3	4	5
Я буду радоваться, если Кыргызстан станет мультикультурной страной.	1	2	3	4	5
В нашем переполненном мире лучше, когда иностранцы всё больше прибывают в нашу страну, чем кыргызы снова заводят больше детей.	1	2	3	4	5

Пожалуйста, ответьте в завершении работы на несколько вопросов о себе:

Возраст: _____ лет	Пол ☐ женский ☐ мужской
Есть ли у Вас братья и сестры? ☐ нет ☐ да, число _____	
Образование ☐ неполная средняя школа ☐ гимназия/проф. училище ☐ средняя школа ☐ университет/высшая школа	
Семейное положение: ☐ не женат/не замужем ☐ разведен/а ☐ женат/замужем/ совместное проживание ☐ вдовец/вдова ☐ раздельное проживание	
Есть ли у Вас свои дети? ☐ нет ☐ да число _____	
Сколько детей живут с Вами? ☐ нисколько ☐ да число _____ возраст _____	
Место проживания ☐ сельская местность/небольшой город (до 10тыс. жителей) ☐ город (от 10 тыс. до 100тыс. жителей) ☐ большой город (больше 100тыс. жителей)	
Профессиональная деятельность лично: ☐ нет ☐ да профессия/социальный статус _____ партнер/ша: ☐ нет ☐ да профессия/социальный статус _____	
Доход семьи ☐ меньше 5000 сомов ☐ от 22000 до 28000 сомов ☐ от 5000 до 10000 сомов ☐ от 28000 до 33000 сомов ☐ от 10000 до 22000 сомов ☐ от 33000 сомов и больше	
Каких религиозных взглядов Вы придерживаетесь? ☐ ислам ☐ католицизм ☐ иудаизм ☐ православие ☐ протестантизм ☐ другая _____ ☐ буддизм ☐ индуизм ☐ никакая	
Ваши дети придерживаются той же религии? ☐ да ☐ нет, другое _____	
В каком городе Вы родились? _____	
В каком городе Вы сейчас живете? _____	
Какая у Вас национальность? _____	

Большое спасибо за Вашу совместную работу!

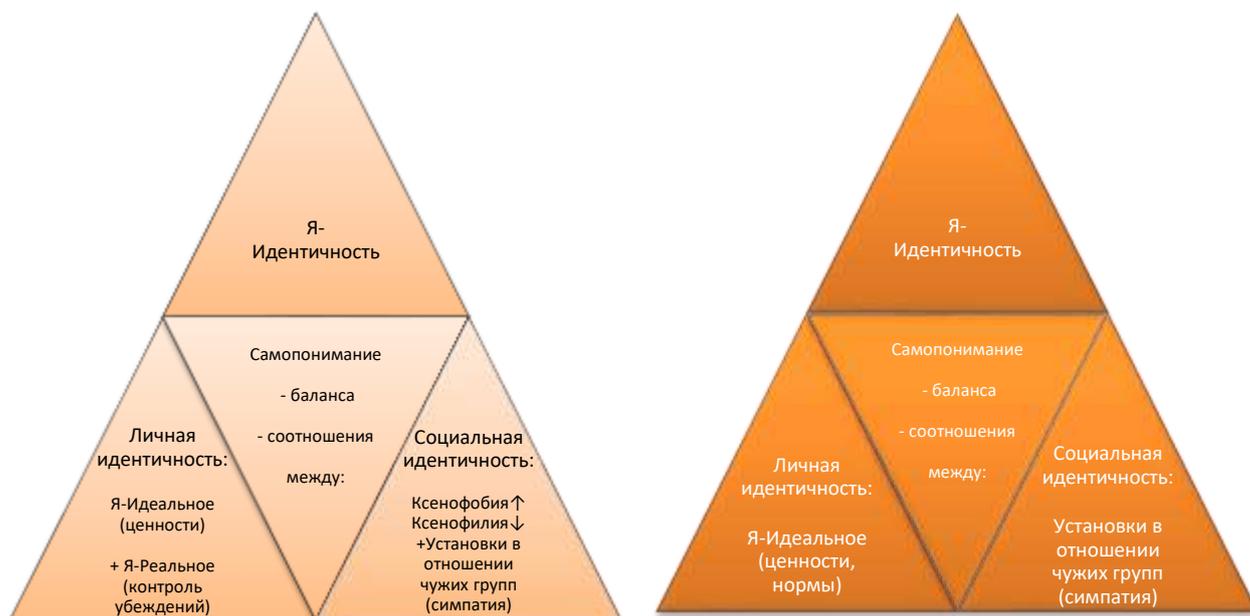
Таблица латентных факторов самопонимания личной и социальной идентичности представителей кыргызского этноса (вся выборка исследования титульного этноса)

	Компоненты															
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
самовнимание личное	0,1	-0,1	0,2	-0,1	0,8	0,2	0,0	0,0	0,1	0,2	0,0	0,0	0,1	0,1	0,0	-0,1
самовнимание общество	0,1	0,0	-0,1	-0,1	0,8	0,0	-0,1	0,1	-0,1	-0,1	0,1	0,0	-0,1	0,0	-0,1	0,1
самовнимание сумма	0,1	-0,1	0,0	-0,1	1,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
самокритика	0,0	-0,1	0,0	-0,4	0,2	0,2	0,0	0,0	0,1	-0,1	-0,1	0,0	-0,1	-0,4	0,1	0,2
диффузн стиль идентичность	-0,1	0,2	-0,2	-0,2	0,0	0,3	0,1	-0,1	0,1	0,2	0,0	0,5	-0,1	0,0	-0,1	0,1
информац стиль идентичность	0,1	-0,1	0,1	-0,2	0,2	0,6	0,0	0,0	0,0	0,2	-0,1	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1
ориент на нормы стиль идентичность	0,2	0,1	0,0	-0,2	0,0	0,7	-0,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	-0,1	-0,1	0,1
самооценка	0,1	0,1	-0,1	0,6	-0,1	0,3	-0,1	0,0	0,1	0,2	0,0	-0,2	0,1	0,2	0,1	0,1
проф амбиции	0,2	0,0	0,0	0,2	0,3	0,6	0,0	0,1	0,0	-0,1	0,0	0,1	0,1	0,2	0,0	-0,1
псих жалобы	-0,1	0,0	0,1	-0,2	0,1	0,1	0,2	-0,1	0,1	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,7
депрессия	-0,1	0,0	0,1	-0,8	0,2	0,0	0,0	-0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	-0,1	0,0	0,0	0,1
контроль эмоций	-0,1	0,1	0,0	0,6	-0,2	-0,2	0,0	-0,1	-0,1	0,0	0,0	0,2	0,2	0,0	0,0	-0,2
настоять на своем	0,1	0,0	0,0	0,6	0,1	-0,1	0,1	-0,1	-0,1	0,0	-0,1	0,1	-0,3	-0,1	0,0	0,1
социал способности	-0,1	0,1	0,1	0,5	0,0	-0,1	0,4	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	-0,1	-0,1	0,1	-0,3
полит инфо	0,1	0,2	0,0	0,2	0,0	0,4	0,2	0,0	0,1	0,3	0,1	-0,2	-0,1	0,0	0,0	-0,2
партия	0,0	0,1	0,0	0,0	0,1	0,1	0,0	0,1	-0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,8	0,0	0,0
религия важность	-0,1	0,1	0,0	0,0	-0,1	0,0	0,1	-0,8	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	-0,1	0,0	0,0
религия активность	0,0	0,0	0,1	0,1	-0,1	0,0	-0,1	-0,6	-0,2	-0,1	0,1	0,2	-0,3	0,0	0,1	0,2
внутр гармония	0,4	0,0	0,2	-0,1	0,1	0,0	0,2	0,1	0,2	0,2	-0,1	0,2	-0,4	0,0	0,3	-0,1
удовольствие	0,6	0,0	0,2	-0,1	0,1	0,0	0,2	0,0	0,2	0,1	-0,1	0,1	-0,2	0,0	-0,1	-0,2
свобода	0,7	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,1	-0,1	0,2	0,0	-0,2	0,0	-0,1	0,2	0,0	-0,1
соц порядок	0,7	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	-0,2	0,0	0,0	-0,2	-0,1	0,0	0,3	0,0	0,0
нац безопасность	0,8	0,1	0,0	0,0	0,0	0,1	-0,1	0,0	-0,1	0,0	0,0	-0,1	0,0	0,0	-0,1	-0,1
самоуважение	0,8	0,0	0,1	0,0	0,1	0,1	-0,1	0,0	0,0	-0,1	0,1	0,0	0,0	-0,1	0,0	0,0
мир во всем мире	0,8	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	-0,1	0,0	0,0	0,1	0,1	0,0	0,1	-0,2	0,0	0,1
уважение традиций	0,5	0,2	0,0	0,1	0,0	0,1	-0,1	0,3	0,0	0,2	0,2	0,1	-0,1	0,0	0,0	0,2
зрелая любовь	0,5	0,1	0,0	0,0	0,1	-0,2	0,2	0,1	0,0	0,0	0,0	0,3	0,3	0,0	0,2	0,1
соц признание	0,6	0,0	0,1	-0,1	0,0	0,0	0,1	0,1	-0,1	0,3	0,0	0,0	0,1	0,0	0,2	0,1
изменчивая жизнь	0,2	0,1	0,0	-0,1	0,0	-0,1	0,7	0,0	-0,1	0,2	0,2	0,0	0,1	0,0	0,0	0,2
авторитет	0,3	0,2	0,1	0,2	-0,1	0,1	0,6	0,0	0,1	-0,2	0,0	0,2	0,1	0,0	-0,1	0,1
истинная дружба	0,5	0,0	0,2	0,1	0,1	0,2	0,0	0,4	0,0	-0,2	0,1	-0,1	-0,3	-0,1	0,1	0,1
соц справедливость	0,7	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	0,1	0,0	0,1	0,1	0,0	0,0	-0,2
основание семьи	0,6	0,1	0,1	0,1	-0,1	0,2	0,0	0,2	-0,1	-0,1	0,2	0,0	0,2	-0,2	0,1	0,0
общие ценности	0,9	0,1	0,1	0,0	0,1	0,0	0,3	0,1	0,1	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	0,1	0,0
богатство	0,4	0,1	0,1	0,0	-0,1	0,0	0,1	-0,1	0,1	-0,2	0,1	0,6	0,0	0,0	0,2	-0,1
совместное развитие	0,5	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,0	0,1	-0,1	0,3	0,3	0,0	0,2	0,1	0,1
равенство	0,6	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0	0,4	0,1	-0,1	0,1	0,0	0,0

духовная_жизнь	0,4	0,0	0,1	0,0	0,0	0,1	0,2	0,0	-0,1	0,3	0,6	0,0	0,1	0,1	0,0	0,0
ценность_работы	-0,1	-0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	-0,1	0,0	-0,1	0,0	-0,8	0,0
идентификация_со_страной	0,2	0,2	0,0	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	0,1	0,7	0,1	0,0	0,1	0,0	-0,1	0,0
национ_гордость	0,2	0,2	0,0	0,3	0,1	0,0	-0,1	0,1	-0,1	0,3	0,0	0,5	0,0	-0,1	-0,2	0,0
отношение_к_нации	0,2	0,0	0,1	0,2	0,0	0,3	-0,1	0,2	-0,2	0,4	-0,2	0,1	0,3	-0,2	0,0	0,1
отношение_к_ЕАЭС	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,1	0,1	0,0	0,0	0,6	0,0	0,1	0,0
Англия	0,2	0,2	0,7	0,0	0,1	0,1	0,1	-0,2	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1
Белоруссия	0,0	0,7	0,2	0,1	0,0	0,1	0,2	0,0	-0,1	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,2	-0,1
Казахстан	0,0	0,6	0,1	0,1	0,0	0,1	0,1	0,0	-0,1	0,0	0,0	0,2	0,1	-0,1	0,1	-0,2
Кыргызстан	0,2	0,1	0,3	0,2	-0,1	0,2	0,0	0,1	-0,2	0,0	-0,6	0,0	0,1	0,0	-0,2	0,1
Китай	0,1	0,6	0,1	0,1	0,0	0,0	0,1	-0,2	0,1	0,0	0,2	0,1	-0,1	0,0	0,0	0,0
Россия	0,1	0,5	0,3	0,2	-0,2	0,2	-0,1	0,2	-0,1	0,1	-0,1	0,2	0,0	0,2	0,0	0,2
США	0,1	0,2	0,7	-0,1	0,0	-0,1	0,0	0,1	0,2	-0,1	0,0	0,0	-0,1	0,0	-0,2	0,1
Таджикистан	0,0	0,8	0,0	0,0	-0,1	-0,1	-0,1	0,1	0,1	0,2	0,0	0,0	-0,1	0,0	0,0	0,1
Турция	0,1	0,4	0,6	-0,1	0,0	0,0	-0,1	0,2	-0,1	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	0,1	-0,1
Узбекистан	0,0	0,8	0,0	0,0	-0,1	-0,1	-0,1	0,0	0,0	0,1	-0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0
Франция	0,1	0,2	0,8	0,0	0,1	0,0	0,1	-0,1	0,1	-0,1	0,0	-0,1	0,2	-0,1	0,0	-0,1
Южная_Корея	0,1	0,5	0,3	-0,2	0,0	0,0	0,0	-0,1	0,3	-0,2	-0,1	-0,2	0,1	0,0	0,0	0,0
симпатия_к_чужим_странам	0,1	0,8	0,6	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	-0,1	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0
толерантность	0,2	0,1	0,2	0,1	0,0	-0,1	-0,2	0,1	0,6	0,0	0,2	0,0	0,0	0,0	-0,1	-0,1
ксенофобия	0,1	-0,1	-0,1	0,1	0,0	0,2	-0,2	0,2	0,5	0,1	-0,2	0,1	0,0	-0,1	0,3	0,2
ксенофилия	0,0	0,0	0,1	-0,2	0,0	0,0	0,2	0,0	0,6	0,0	0,0	0,0	0,1	-0,1	0,0	0,1

Рис. 8 и 9. Сформированная и несформированная Я-Идентичность

Я-Идентичность контрольной группы
выборки исследования
(казахи, узбеки, русские)

Я-Идентичность экспериментальной
группы выборки исследования
(кыргызы)

Рис. 10. Я-идентичность экспериментальной (титульный этнос) и контрольной выборок исследования